

КАРИНА ДЕМЬИНА

**ПОЧТИ
ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ
ВОСТОК**

Annotation

Заговор раскрыт, злодей повержен и мир, что характерно, уцелел. Вот только девушки продолжают пропадать, запретные ритуалы проводятся, а за закрытыми дверями одного весьма известного клуба вовсе творится нечто престранное. А стало быть, есть работа. Пусть даже на цивилизованном Востоке работать не принято. Особенно леди. Леди должна вести хозяйство и радовать мужа? Милисента попытается. Честно. А если что-то пойдет не так, то она не виновата.

- [Почти цивилизованный Восток](#)
- [Глава 1 В которой леди находит приключение](#)
- [Глава 2 В которой приключение леди продолжается, а у самой леди появляются некоторые сомнения в правильности выбранного пути](#)
- [Глава 3 Где случаются новые знакомства и встречи](#)
- [Глава 4 О том, что силы духа порой недостаточно](#)
- [Глава 5 В которой обстоятельства смущают](#)
- [Глава 6 Где речь заходит о родовых тайнах и прошлом, пусть и не совсем отдаленном](#)
- [Глава 7 О разбитых надеждах и коварных обманщиках](#)
- [Глава 8 В которой случается более близкое знакомство со свекровью к обоюдному неудовольствию](#)
- [Глава 9 Где снова появляется работа по профилю](#)
- [Глава 10 О том, что рано или поздно, но утро случается](#)
- [Глава 11 О том, что порой весьма полезно подглядывать](#)
- [Глава 12 В которой речь идет о дорогих родственниках и глубокой к ним любви](#)
- [Глава 13 Где разговор идет о крепкой родственной любви](#)
- [Глава 14 В которой магия вырывается наружу.](#)
- [Глава 15 О высокой моде и прочих весьма важных вещах](#)
- [Глава 16 Где некий джентльмен получает приглашение, хотя уже и не надеялся](#)
- [Глава 17 В которой случается неожиданное знакомство](#)

- [Глава 18 О том, как некий джентльмен ищет приключений и находит](#)
- [Глава 19 Где речь идет о делах семейных](#)
- [Глава 20 О воронах и шаманах](#)
- [Глава 21 В которой обстоятельства складываются должным образом](#)
- [Глава 22 Где ведутся серьезные разговоры и некий джентльмен получает выгодное, но несколько сомнительное предложение](#)
- [Глава 23 О торгах и редкостях](#)
- [Глава 24 В которой леди совершает глупость](#)
- [Глава 25 Где аукцион начинается](#)
- [Глава 26 Где аукцион продолжается](#)
- [Глава 27 В которой джентльменам удается найти общий язык и совершить обмен](#)
- [Глава 28 Где все заканчивается хорошо или почти](#)
- [Глава 29 В которой джентльмену поступает еще одно предложение](#)
- [Глава 30 О драконах и мировом благе](#)
- [Глава 31 О возвращении домой и воссоединении](#)
- [Глава 32 Леди и еще раз леди](#)
- [Глава 33 О шаманах, магах и долговых обязательствах](#)
- [Глава 34 В которой речь идет о семье, силе и камушках](#)
- [Глава 35 О ранних завтраках и прелестных дамах](#)
- [Глава 36 В которой беседа продолжается](#)
- [Глава 37 О родственниках и родственницах](#)
- [Глава 38 Где происходит событие, радостное и не совсем](#)
- [Глава 39 О том, что улики – дело тонкое](#)
- [Глава 40 Еще не последняя, но весьма к тому близкая](#)
- [Глава 41 В которой царят мрак, ужас и высокая мода](#)
- [Глава 42 В которой леди напоминают о прошлом](#)
- [Глава 43 Где один джентльмен заглядывает в темный-темный подвал](#)
- [Глава 44 О том, что некоторые сказки оказываются правдой](#)
- [Глава 45 В которой леди получает неожиданный диагноз и предложение](#)
- [Глава 46 Где все собираются учиться, пусть и не совсем добровольно](#)

- [Глава 47 Вместо эпилога](#)
-

Почти цивилизованный Восток

Почти цивилизованный Восток Карина Демина

Данный текст был приобретен на портале Литнет (№ 41885360 09.05.2023). Литнет – новая эра литературы

Глава 1 В которой леди находит приключение

Глава 1 В которой леди находит приключение

Он был женат пять раз, а потому в ведьмах понимал куда больше иных храмовников.

Из жизни обывателя

- Дорогая, - его губы коснулись ладони, и прикосновение их обожгло даже сквозь перчатку. Кровь моментально прилила к щекам Эвы, а сердце заколотилось с такой силой, что стало страшно. – Все будет хорошо, дорогая... поверь мне.

Эва кивнула.

- Вот, выпей, - человек, лучше которого в мире не было, поднес флягу. – Три глотка.

Первый дался тяжелее всего. Содержимое фляги было густым и тягучим, а еще горьким и одновременно – приторно-сладким. Что-то было в нем знакомое, напоминающее запахом содержимое хрустального графина матушки.

Того самого, трогать который Эве было запрещено строго-настрого.

А еще из фляги пахло травами. Знакомо. И запахи эти, и вкусы тревожили. Или не они? Эва уродилась такой вот тревожной.

Или... нет.

Это Происшествие сделало её такой.

- Пей же, - показалось, что в голосе Стефано проскользнули раздраженные ноты.

Конечно, показалось.

Он... он просто волнуется. В любой момент Эвы могут хватиться. И даже... даже с учетом того, что Энни обещала, даже клялась своей красотой, это еще ничего не значит. И надо спешить. А Эва опять не способна сделать даже ту малость, которая от неё зависит.

Всего-то надо.

Второй глоток. И ощущение липкой сладости, которое хотелось смыть водой. Но воды нет, а есть крепкие руки Стефано.

- Умница, девочка... осталась немного. Сейчас ты уснешь. Очень крепко уснешь, - его голос теперь звучал мягко. Но флягу Стефано не убрал. – Давай еще. Пей, милая, пей...

Травы...

Чабрец, собранный на растущую луну. Безобидная травка, как полагают многие. И аптекари согласны. Сушая правда, между прочим. Полезная даже. И лихорадку лечит, и легочные хвори, а еще многое иное. Но это если обычный. Для Тори собирали иной чабрец, что появлялся на краю старого семейного погоста. Хрупкие лиловые веточки ломались в пальцах и норовили вовсе рассыпаться трухой.

Матушка тогда поджимала губы и в этом снова виделся упрек.

Будто... будто Эва виновата в том, что случилось.

Голова закружилась.

- Ляг, - Стефано не бросил её. – Закрой глаза. Не сопротивляйся. Поверь, все будет хорошо.

Кажется, на Эву швырнули плащ.

У чабреца вкуса почти нет, только аромат. Некоторые мешают его с чаем, но матушка полагает, что это признак дурного вкуса. Чай, если и можно с чем мешать, так это с молоком и лимоном. И то...

Мысли путались.

- Ну что она?

- Крепкая, - голос Стефано доносился издалека, и сделался таким... таким... незнакомым. Из-за зелья. Могильный чабрец приносит облегчение при болях. И способен снимать судороги. Особенно, если смешать его с аконитовым соком. Но и аконит нужен особый, болотный, черный. Он ядовит, а потому следует проявлять особую осторожность. И капли на коже хватит, чтобы сердце забилося быстрее.

И еще быстрее.

И...

- Других вон с глотка вело, а эта три сделала.

- Не многовато?

- В самый раз.

- Ну... не знаю... она вона, какая-то белая вся. Не окочурилась бы ненароком.

Шеи коснулись ледяные пальцы, потом они же перехватили руки.

- Много ты понимаешь. Это ведь леди, - в голосе Стефано прозвучала такая нежность, что Эва с трудом удержала улыбку.

Все будет хорошо.

Все обязательно будет хорошо.

Она ведь... она поступает дурно. Но матушка и тем паче отец никогда не дали бы согласия на брак. Пусть даже других желающих взять Эву в супруги и нет. Так что... как и родители Стефано будут против. Ему предназначили другую невесту, пусть даже о помолвке еще не объявили, но ведь слово было дано. Сама эта мысль заставляла душу гореть огнем. И Стефано тоже не был рад. Вот и предложил побег, а Эва все не соглашалась, не соглашалась, пока не представила, как она будет жить дальше.

Одна.

Старая дева. И вечная сиделка при Тори, а она ведь не виновата! Она ведь действительно не виновата и... Эва решилась. Она оставила письмо. Энни передаст. Потом. Позже. И матушка, конечно, рассердится. И отец. Но поймут.

Обязательно.

Поймут и простят.

А потом Эва вернется домой. Она обязательно вернется, пусть не сразу, но когда Стефано получит дядюшкин титул и она сама станет графиней... графиня Шербери, это ведь красиво... они и простят.

И обрадуются.

- Живая, - пальцы убрались. – Просто силы в ней прилично, хоть с виду и не скажешь, но камушек еще не ошибался. Видишь, как ярко горит? Стало быть, не просто одаренная, а с сильной искрой. Заказчик будет доволен.

Плащ накинули на лицо, и дышать стало неудобно.

А на плащ швырнули сено. И еще. И... так надо.

Для безопасности.

За Стефано тоже следят.

Странно, что мысли не исчезли. Обычно, когда Эва засыпала, она не видела снов, но просто проваливалась в густую тягучую черноту. А тут такое ощущение странное. Тело вот она тоже ощущает. Все. И мизинец на левой ноге, натертый новыми ботиночками. И даже прыщ на пояснице, к которому горничная прикладывала корпию с касторовым маслом, но то не помогло.

Горничную жаль.

Она хорошая. И всегда-то Эву утешала. И даже как-то притащила ей булочку с кухни, хотя матушка строго-настрого запрещала Эве булочки. От них прыщи и появлялись, и ладно бы только на спине.

Нет.

На лице тоже.

Правда, сейчас лицо было неподвижным. И тело тоже. Мысли плавали-плавали, и приходилось делать усилие, чтобы задержаться хоть на чем-то.

Брат уехал.

Вовремя. Он бы точно не допустил побега. И долго, нудно бы отчитывал Эву. А Стефано... нет, он хороший, а Бертрам просто не понимает, каково Эве.

Никто не понимает.

А Стефано понял и... и чудо, что он есть.

Эва потянулась к нему и поняла, что это происходит снова! Она не хотела, она... она боялась! Но теперь страх тоже был каким-то не таким.

Из-за трав.

Кладбищенская ромашка имеет особый вкус, правда, почему-то только Эва его ощущает. Может, права матушка, что дело не в ромашке, а в мнительности Эвы? И... и в том, что ромашку добавляли в вечерний отвар. Вместо чая.

Вот она и привыкла.

Под вкусом ромашки хорошо маскировать иные травы. Красную кровохлебку и ядовитый лютик, тот, который болотный.

Странная смесь, если разобраться.

Эва знает о свойствах... и поднимается. Выходит и... видит. Себя, укрытую плащом. Солому, которая не слишком чиста, а местами и вовсе смешана с каким-то мусором. Крышку, которую ставят на ящик. И сверху наваливают мешки. От мешков исходит дурной запах, который пробивается вниз, под крышку. И будь Эва в сознании, она бы точно лишилась чувств от этой непередаваемой вони.

Ящик зацепляют. И тянут.

Ставят на повозку к таким же ящикам. И Стефано деловито ходит вокруг.

Беспокоится.

Хоть кто-то беспокоится о ней, об Эве... и от радости становится легко-легко, настолько, что нить, соединяющая душу с телом истончается до крайности.

И Эва заставляет себя успокоиться.

Надо... после того Происшествия матушка строго-настрого запретила ей использовать дар. И правильно. Ведь могло бы повториться. И... и вообще, к чему это?

Девушке из хорошей семьи надо думать о вещах действительно важных.

Например, о замужестве.

А не о путешествиях души вне тела.

- Не жалко её? – поинтересовался кривой и поразительно некрасивый человек, забираясь на козлы. Он и двигался как-то боком, да и Эва видела темное облако, окружавшее этого человека.

Проклятье.

И давнее. Пусть даже несформированное, неоформленное и какое-то... какое-то не такое, будто сплетенное из разных... точно. Как интересно!

Эва впервые такое видит.

- Сама дура, - пожал плечами Стефано и ловко забрался в фургон. Тот был грязен и невзрачен, и ничем-то не отличался от прочих, заполонивших городок.

Вот возница цокнул языком, свистнул, и меланхоличная лошадь тронулась с места. Загрохотали колеса по мостовой, и ящики затрясло.

Будь она в сознании...

Стефано пополз куда-то вперед, где обнаружился закуток, отгороженный от основной части фургона доской. Места там было мало, но Стефано всегда отличался какой-то невероятной хрупкостью. И это его смущало. А Эве вот наоборот нравилось.

Виделось в этой хрупкости нечто донельзя изысканное. Благородное. Как в книге, где сила не важна, а главное – красота души.

Ехали.

И ехали.

Долго. Она уже и заскучала. Верно, поэтому и решилась... ну еще потому, что возвращаться в тело не хотелось категорически. Ладно, когда оно просто спит, но сейчас-то тело лежит запертое в тесном ящике, а его окружают вонючие мешки.

...но до чего ведь хорошо вышло!

Матушка с утра получило письмо, что брат возвращается. Правда, толком Эва не поняла, один ли, с невестой ли... и останется ли та невестой после возмутительного побега. Матушка, когда о нем узнала, чувств лишилась, а потом неделю вовсе в постели провела с мигренью и недомоганием. Правда, услышав, что Бертрам отправляется следом, как-то взяла и поправилась.

И даже потребовала оставить безумную идею, но...

Не важно.

Колеса перестали подпрыгивать, а вот лошадка прибавила шаг. Бедная. Ящики выглядели тяжелыми. А Эва всегда лошадей любила. Правда, те не отвечали взаимностью, но так что же ж...

Главное, что матушка после отъезда сделалась совсем невыносимой. А письмо получила и обрадовалась. И вовсе в городской дом отбыла, потому как его надлежало подготовить к возвращению брата. А еще с собой Камиллу прихватила, которая в ином разе точно заподозрила бы неладное. То ли дело Ниса. Ниса Эву любила и жалела.

И отпускала, что на вечера к Энн.

Что...

Все-таки чем так воняет-то?

А Стефано, изогнувшись совершенно невообразимым образом, разделся. И костюм сложил бережно. А потом облачился в какие-то обноски. Вытащив из груды соломы ящик, он извлек из него флакон и тряпицу. И смочив её, принялся тереть лицо.

Зачем?

Эва открыла рот. Белая кожа вдруг потемнела, будто... будто Стефано загорал. Вот он сунул пальцы в глаза и вытащил что-то, отчего сами глаза из ярко-голубых, заморозивших когда-то чистотой и цветом, сделались коричневыми.

И волосы у него... он потер их полотенцем, и белые кудри обрели черный цвет.

Это... это не Стефано!

Это кто-то совершенно незнакомый.

Вот он, повернувшись на бок, зевнул. И пробормотал что-то, а что, Эва не разобрала. Стефано лег и придремал. И... и запах ему не

мешает, и само это место. А в качестве подушки он использовал камзол из зеленого бархата.

Но... но разве так можно?

Эва растерялась.

И... и вспомнились вдруг разом истории.

Нет, это... это не может быть правдой.

Эти истории рассказывают всем барышням. О коварных соблазнителях, о... но Стефано не пытался соблазнять! Нет! Его поведение всегда отличалось похвальной сдержанностью. Энни даже, признаться, сомневалась, влюблен ли он. Она читала в одной книге, в той, которые нельзя читать благопристойным барышням, но горничная книгу принесла за три серебряных, так вот, там мужчина всегда жаждал от возлюбленной поцелуев.

А Стефано, он даже руку держал бережно, будто та... та хрупкая. Хотя уж Эва-то никогда хрупкостью не отличалась. Матушку это очень расстраивало. Она все пыталась повлиять и даже запретила есть что-то кроме овсянки, но тут уж, слава Богу, отец вмешался.

Не сразу.

Когда Эва в обморок упала и потом еще слегла с простудой, а целитель долго, муторно что-то такое говорил, а что именно, Эва не помнит. Главное, на столе кроме овсянки появились иные блюда.

Она сглотнула. Есть хотелось. С утра в рот ни крошки не лезло, а теперь вот захотелось.

А Стефано... просто... просто он тоже спрятался!

Конечно!

Его ведь станут искать. И... и когда мама узнает, и его родичи, само собой. Он ведь наследник... он... постарался сделать так, что никто-то теперь не признает в этом странном страшном даже оборванце утонченного Стефано.

Эве даже задышалось легче.

Выдумала.

Опять она...

Но мысли не отпускали. Почему тогда Стефано не рассказал о смене облика? Почему не предупредил? Она-то, проснувшись, могла бы испугаться.

Эва потрясла головой, и от этого движения её повело в сторону.

Потянуло.

И...

И она когда-то путешествовала. С матушкой. В матушкином же экипаже, который был куда комфортнее старого фургона. Правда, матушка не разрешала выглядывать в окно, и вообще нужно было молиться всю дорогу, может, поэтому Эва и не запомнила этой дороги.

А тут...

Поля.

Огромные. И деревья. Тоже огромные. Невысокие ограды, сложенные из валунов. Ощущение пространства, такой вот незнакомой безумной свободы, когда хочется взмахнуть призрачными руками-крыльями и взлететь.

Нельзя.

Слишком опасно.

Улететь легко. Вернуться сложнее. И Эва сумела удержаться. Она всегда отличалась благоразумием. Правда, матушка почему-то не верила... не важно.

Главное она удержалась.

И зацепилась, если это можно так сказать. Она сидела рядом с человеком, который держал в руках поводья. Поводья были старыми. Руки в грязных перчатках с обрезанными пальцами, некрасивыми. Сам человек тоже. Где только Стефано его отыскал?

Впрочем, не важно.

Главное, человек этот был готов помочь леди, что оказалась в затруднительном положении. И Стефано, конечно. Лишь бы денег хватило... нехорошо. Деньги пришлось взять из матушкиного секретера, те, что она оставляла на хозяйство. Но Эва потом вернет. Когда Стефано получит титул и матушка... матушка может, в конце концов, забрать долг из приданого Эвы.

Жаль, что само приданое – не золотые монеты, которые в шкатулке хранились. То есть, оно, конечно, деньги, но лежит в банке. И управляющий Эве его не выдаст.

И даже мужу его не выдаст, потому что дедушка так придумал.

Все они...

В какой-то момент просто сидеть и смотреть стало скучно. А ничего другого Эва не умела. После Происшествия ей строго-настрого запретили обращаться к дару.

И даже недели серебряный медальон.

Но Стефано его снял. Да... побег – это дорого. И им все-таки придется на что-то жить. Недолго. Ведь дядюшка Стефано стар и болен, и... но Эва вернет.

Все, до последнего цента.

И правильно она поступила. Правильно...

Глава 2 В которой приключение леди продолжается, а у самой леди появляются некоторые сомнения в правильности выбранного пути

Глава 2 В которой приключение леди продолжается, а у самой леди появляются некоторые сомнения в правильности выбранного пути

Повозка останавливалась дважды. В первый раз она свернула с дороги, чтобы задержаться на какой-то ферме. Эва с удивлением разглядывала грязные дома, меж которых бродили тощие свиньи и неряшливо одетые люди. Здесь Стефано встретили, как доброго знакомого.

Заросший черной бородой тип похлопал Стефано по спине, и они ушли в дом. А из повозки стали вытаскивать ящики. Обычные. Тот, в котором лежала Эва, не трогали. Только крышку подняли и человек, не Стефано и не кучер, другой, совершенно отвратительного виду, долго Эву разглядывал. И даже руки к ней потянул, что было невероятно омерзительно!

Эва едва не умерла от ужаса.

Но появился Стефано.

- Грабли убрал, - сказал он довольно грубо. – Не про тебя.

- Тю... больно-то хотелось, - тот, третий, был бледным и каким-то больным. Лицо его испещренная мелкими шрамами, которые остаются от оспы, вызывало отвращение, как и редкие сальные волосы. – Но может, того... я заплачу...

Стефано молча ударил.

И Эве даже задышалось легче. Хотя, конечно, благородный человек не станет пинать другого человека, выговаривая при этом совершенно неприличные слова.

Эва точно не знала значения, но была уверена: неприличные.

Так выражался папенькин конюх, когда пребывал в состоянии душевного расстройства. А Эва как-то подслушала. Не специально.

Просто... просто пряталась.

Вот и...

- Еще раз полезешь, - Стефано поднял этого человека за горло и потряхнул хорошенько. Тот висел в руках Стефано тряпкой. – Я тебе грабли так переломаяю, что до конца своей жалкой жизни шевелить не сможешь. Ясно?

- Ты... - человек булькнул что-то.

- Где, - снова появился чернобородый. – Ты, Эндрю, что-то больно суров.

- Я на эту идиотку несколько месяцев угробил, - Стефано уронил того, отвратительного типа, и плюнул на него.

Про кого он?

- Не хватало теперь, чтобы какой-то придурок товар попортил.

- Он не полезет. Клай, приглянь.

- Погодь, надо её переодеть, - Стефано запрыгнул и склонился над ящиком. Он прижал пальцы к шее, и в этом прикосновении не было и тени нежности.

Почему-то стало страшно.

Очень-очень страшно.

- Я Майку кликну. Подберет чего от девок. А она того... не того часом?

- Живая. Но сейчас...

Её приподняли, и к губам прижалась та самая, уже знакомая фляга.

- Сильная. Еще отойдет до срока, кричать станет, - пояснил Стефано. – А так... ты весточку отправил?

- Еще когда. Обижаешь.

И снова ушли. Зато появилась женщина. Узкая. Бледная. Уродливая, как все-то в этом месте. За нею шел огромный мужчина, правда, двигался он медленно и выражение лица имел такое, что Эва сразу поняла – убогий.

Но её на руки подхватил легко.

И понес за женщиной.

То, что происходило дальше, заставила Эву возмущенно открывать рот. И закрывать. И снова открывать, только вместо крика вышел сдавленный писк, который и был услышан лишь черным толстым котом. Да и тот лишь хвостом дернул, мол, чего разоралась?

Её раздели.

Женщины. Слава богам, женщины! Но полностью. И одна, выряженная совершенно непотребным образом, долго щупала нижние юбки и языком цокала.

- Положь, - сказала та, первая. – Не про тебя.

- А и чего? – женщина подняла юбку. – Ишь, тоненька кака! Мяконька...

И щекой потерлась, оставляя на ткани следы пудры и румян. Отвратительно! Как они...

- И сама она... - вздохнула женщина. – Хорошенькая... жалко её.

На Эву натянули жесткую рубашку и платье из грубой ткани того неопределенного цвета, который случается после долгого ношения и многих стирок. У них в доме и прачки-то опрятнее выглядели.

- Вот смотрю и думаю... что ж мы бабы-то за дуры такие? Что ж нам дома-то не сидится.

- Еще поплачь, - сказала некрасивая женщина, отвесив другой, размалеванной, затрещину.

- Да ну... вот ведь я тоже, может быть... жила у папеньки с маменькою, росла, горя не ведала, - затянула размалеванная, да со всхлипами и подвываниями. – И жениха мне нашли хорошего, да я ж дура-то, счастья своего не уразумела... нехорош показался. Старый. Кривой. А пошла бы и сейчас, небось, давно б схоронила... жила б себе пресчастливо честною вдовою. У него вона, своя пекарня имелася.

И замолчала.

- Дуры или нет, - сухо произнесла та, первая, - но то не нашего ума дело. Ясно?

Эве ясно ничего не было.

Но кто её спрашивал?

Тело снова вернули в ящик, а тот перекинули на другую телегу, еще более невзрачную, чем первая. На козлы сел сам Стефано, причем вид у него был совсем чужой. И лицо будто морщины прорезали. И щеку налево перекосило, а рот перекривился.

Из ниоткуда шрам возник.

Не было у Стефано шрамов! Не было!

И седины, что пробилась в черноте волос, тоже не было! Он... он решил, что той, первой, маскировки будет недостаточно? Боится, что

кто-то может... мог бы...

Хотелось верить.

И не получалось.

Почему-то.

Эва зацепилась за тело и заставила себя вернуться. Нельзя надолго уходить, но... травы... теперь она чувствовала яд, что сковал её. И удивлялась тому, как сразу не поняла.

Капля сока змеекровки.

Редкая трава. Невзрачная. И растет лишь на змеиных лугах, там, где гадюки греются. Она-то и вырастает от змеиного яду, оброненного на землю. Людям простым с той травы одна беда. Попадет стебелек махонький в сено, и вся отара потравится. А если уж человека попотчевать...

Откуда у Стефано змеекровка?

И знал ли он вообще о её свойствах?

Эва и сама знала мало. Только... только что можно составить зелье, которое замедлит сердце, и дыхание почти остановит. И вообще человек будет глядеться мертвым.

Нет, нет, нет...

Или...

Конечно, матушка ведь, когда узнает, к отцу бросится. А у того друзья. И искать Эву станут заклятьями. А заклятья покажут, что она... мертва?

Ужас какой!

Или... или все еще страшнее?

Её ведь будут искать не день и не два. И что? Все это время её будут держать сонной? Но нельзя! Змеекровка ядовита. И в теле она задерживается надолго. И... и так на самом деле недолго убить.

Зато понятно, почему это снова произошло.

Не понятно только, что Эве делать.

К городу прибыли на следующий день.

Ночь Эва провела в том же ящичке, а Стефано – в невзрачном, грязном домишке, что спрятался среди иных. То ли это было деревней, то ли уже пригородом, Эва не знала. У нее получилось удлинить нить, что привязывала её к телу.

Не сразу.

Но ей... ей нужно было услышать!

Очень.

И нить поддалась. Правда, истончилась опасно, но Эва ведь недолго.

- Вот, стало быть, как... - хмуро произнес Стефано. Он сидел в комнатухе, где едва-едва уместились кривоногий стол и пара стульев. На столе стояли кувшины, лежал разломанный хлеб и куски какого-то мяса. Прямо в лужах жира. – Твою ж... и давно?

- Вот только весточку получил, - человек с лицом отпетого негодяя – в книгах любви всегда мешали отпетые негодяи, уродливые с виду и в душе тоже – жевал хлеб. Задумчиво так. И чистил ногти острием длинного и тоже уродливого ножа. – Знающий человек настоятельно рекомендовал залечь на дно.

- Что он...

- Сядь, - жестко сказал тот, с ножом. – И послушай. Заказчик помер? Это не наша с тобой проблема. Другое дело, что помер он не тихо. Многие дерьмо всплыло. И как понимаешь, разные люди начнут задавать разные вопросы.

Это... это какие?

- И многие... в свете последних событий пересмотрят свое отношение к случившемуся.

А речь у него правильная. Даже Стефано иногда... оговаривался. Но ему простительно. Он ведь рос в бедной семье, это уже потом дядюшка понял, что ему наследник нужен.

Или тоже ложь?

Не было никакого дядюшки, который вот-вот должен был уйти, оставив наследство и титул бедному Стефано? И самого Стефано, того хрупкого, слегка застенчивого, так легко краснеющего, тоже не было?

А... кто был?

На самом деле?

- Твою... - то, что произнес Стефано, Эва вряд ли сумела бы повторить. – И что теперь?

- Теперь... я бы советовал убраться куда-нибудь да подальше. Скажем, вот в Старом свете, говорят, неплохо устроиться можно. Если с деньгами.

- С деньгами везде можно.

- Что, уже проигрался?

- Не везло.

- Дурак ты, - покачал головой человек. – Ладно... девка твоя что?

- Да спит. Что с ней делать-то?

- Ну... я бы посоветовал избавиться. Она тебя видела.

И не только его! Эва стиснула кулачки. Её разрывало от гнева. И обиды. Как так! Она ведь... она ведь его любила! По-настоящему!

Так, как только можно любить человека! Чтобы с первого взгляда и до последнего вдоха.

- Жалко...

- По-настоящему жалко станет, когда её родичи тебя отыщут.

- А если... она ведь спит. И верит, - человек, которому Эва и вправду верила, почти как себе и даже больше, задумался. – Можно ведь... до храма, а там обвенчают.

- И?

- И назад. Небось, поорут да успокоятся. Примут. Куда им деваться-то? Заживу...

- Хорошо, правда, недолго. Как думаешь, что её папенька-некромант с тобой сотворит, когда поймет, кто ты?

- Она... меня любит.

- Во-первых, бабская любовь, что цвет весенний. Сегодня есть, а завтра облетела вся. Во-вторых, любить она может хоть до изнеможения. Думаешь, поможет? Отправят куда на воды здоровье поправлять, а с тобой несчастный случай произойдет. И никто-то не удивится.

Стефано выругался.

А Эва едва не лопнула от злости. Вовсе отец не такой! Да, он бы рассердился. Безусловно. Но... но убивать не стал бы! Он глубоко порядочный человек, а не как эти люди! Честный и очень-очень добрый.

А что некромант, но... у всех бывают недостатки.

- Избавляйся, - жестко добавил человек, имени которого Эва так и не услышала. – Сейчас, пока её не хватились. Пока искать не начали. Избавляйся и беги.

Стало страшно.

По-настоящему.

И Эва заплакала. Оказывается, души тоже умеют плакать.

- И это... не тяни.

- В городе, - решился тот, кого она знала под именем Стефано. – Ты прав, но... в общем, деньги нужны.

- Смотри сам.

- А ты...

- Я с этим делом завязал. Так что ни тебя, ни этой вот твоей... невесты я видеть не видывал, знать не знал. Понятно? И завтра тут меня не будет. Вообще не будет... а ты все же поаккуратнее. Слышишь?

Стефано кивнул.

Нет. Надо забыть это имя. Надо... надо что-то делать! Что-то такое, чтобы... чтобы спастись! О боги, какой наивной она была! Какой глупой! А ведь предупреждали! И нянюшка, и мама, и матушкой нанятая гувернантка! Компаньонка, уж на что она стара и ничего в жизни не понимает, но и она множество историй знала о неосторожных девушках, которые сбегали из дому. И жизнь свою разрушали.

И морально падали.

Правда, тут Эва так не понимала, куда именно они падали и почему. Но теперь, кажется, ей предоставится случай узнать все самой.

Она не хочет!

Она... она должна бежать! Но как сбежать, когда её душа привязана к телу, а тело... тело спит. В ящике. Укрытое под двойным дном, засыпанное соломой.

Недоступное для поиска.

И... и искать-то не сразу начнут.

- Помогите! – её крик растворился в тишине. – Кто-нибудь... пожалуйста! Помогите!

Мир не услышал.

Глава 3 Где случаются новые знакомства и встречи

Глава 3 Где случаются новые знакомства и встречи

- Дорогой, о чем ты только думал! – нервный голос свекрови доносился из-за двери, благо, притворили её неплотно, а потому я получила чудесную возможность слышать каждое слово.

Нет, если бы я осталась в гостинной.

С чаем.

С... дорогой сестрицей Чарльза, что по-прежнему притворялась болезной, но эта болезнность не мешала ей сверлить меня ненавидящим взглядом.

Чай остался на столике, родственницу я перепоручила сунувшейся было служанке – мол, не видите, бедняге дурно, скорее её надо упокоить, в смысле окружить покоем и заботой. И когда «молодую хозяйку» уволокли, я вот в коридор выглянула. Ну а дальше просто.

Иди на крик и не ошибешься.

Хорошо, что матушка в гостиницу отправилась. Чарли предлагал ей тут погостить, но вот как чуяла, что это он зря. Гостям здесь не обрадовались.

Особенно одной.

И Эдди с матушкой ушел. Правильно. У меня-то муж имеется, который должен обо мне заботу проявлять, а матушка одна. Вот только сейчас мне отчаянно хотелось оказаться там, в этой вот, пока неизвестной, гостинице.

А лучше дома.

Пусть тот был и старым, в ремонте нуждался, скрипел и вздыхал, но там... там я была своя. А тут? Я пощупала рукав платья. Жесткий. И... и выглядит оно так, что даже служанки смотрят с жалостью.

И брезгливостью.

- У тебя были такие перспективы! – голос звенел, вызывая глухое раздражение.

Перспективы у него, стало быть.

А я ведь... я ведь говорила! И про перспективы тоже.

- Его императорское величество весьма благосклонно отнесся к моим предложениям...

- Мне жаль, - сухо ответил Чарльз.

- Жаль... Боже! Кто еще об этом знает? И знают ли... возможно, получится решить вопрос. Если вы не венчались в храме, то брак можно будет признать недействительным на основании...

Сердце болезненно сжалось.

- Нет.

- Чарли!

- Мама, пожалуйста, послушай меня. Я понимаю, что тебе кажется, будто ты лучше знаешь, как мне жить. И что делать. И на ком жениться. Но это не так. Я уже не маленький.

- Чарли... - теперь я едва расслышала.

- Я сделал свой выбор.

Сердце все-таки забилося. И радостно так.

- Милисента – удивительная женщина. Я таких не встречал.

Еще более радостно.

- Она умная. Открытая. Честная.

- Боги... ты все-таки влюбился!

- Это плохо?

- Нет, нет, но... любовь мешает мыслить здраво. Кроме того, дорогой, она проходит. Сегодня ты восхищен настолько, что в упор не видишь недостатков. А завтра? Что будет завтра?

- Мы уедем.

- Что?! – а теперь я поняла, что уехать будет не так и просто. – К-куда?

- В Город Мастеров.

- Куда?! – с куда большим выражением повторила матушка Чарли.
– Какой город?

Мне показалось, что она едва сдерживается, чтобы не добавить пару слов покрепче.

- Знаешь, почему-то мне кажется, что тебе бы понравилось там.

Вот в этом я весьма сомневаюсь.

- Интересное место. Очень. И с перспективами. Тебе ведь нужны были перспективы?

- Тебе тут перспектив мало?!

- Мама!

- Чарли! Просто выслушай... ты уехал, никому ничего не сказав!
А теперь вернулся.

- Извини.

- Нет, я не то хотела сказать. Я очень рада... я просто-напросто безумно рада, что ты вернулся. Я так боялась, так волновалась! Я едва не слегла...

И снова я не поверила. Пусть матушка Чарли выглядела хрупкой, как и подобает истинной леди с востока, но стальная струна тоже тонкою кажется. А поди-ка разорви.

- Сначала один ребенок, потом второй... - теперь голос сделался плаксив. А в коридоре показался мрачный человек в ливрее. Он выразительно нахмурился, явно намекая, что благовоспитанные леди не подслушивают.

Так то леди.

И я показала человеку кулак. А потом, для надежности, и револьвер, который взяла с собой. Тот и убрался. Понимающий.

- И когда я получила письмо... а потом меня пригласил Его императорское Величество... - это было сказано с придыханием. - И сообщил, что ты возвращаешься. И не просто... тебя представят к ордену. Или к медали? Я так и не поняла толком, но совершенно точно наградят! Ты можешь войти в Совет, особенно теперь, когда мой отец... скоропостижно скончался.

Ага. Скоропостижней некуда.

Помню.

- Там какие-то еще проблемы возникли... Император намекнул, что, если ты заявишь права на наследство, он поддержит.

- Нет.

- Чарльз! Ты стал таким... непримиримым.

И это не похвала. Ну, если тону верить.

- Мама, ничего хорошего там не будет. Если я впрягусь в дележку наследства, я в ней погрязну. Да и тебе мало, что ли?

- Я думаю о будущем!

- Я тоже. И поверь, будущее без этих дрызг видится мне куда более радужным.

- Но все-таки... твоя жена... она... как бы это сказать...

Прямо.

Не нравлюсь.

Категорически. И... и не понравлюсь.

- Несколько отличается... от прочих девушек. Я не сомневаюсь, что она... весьма достойная особа.

У меня челюсти свело от нехороших предчувствий. Гадости говорить будут. Такие от... гадостные, но щедро приправленные вроде бы как заботой.

- Но в обществе ей будет сложно.

- Понимаю. И надеюсь, что ты поможешь Милисенте.

- Несомненно.

Ага... обещала лиса за курятником приглядывать.

- И все же... возможно стоит... поискать варианты.

- Нет, мама, - я даже представила, как Чарли головой качает. Устало. И упрямо. – Никаких вариантов. Даже если бы мне в голову подобная мысль взбрела, то... не выйдет. Этот брак заключен не на словах.

Я вспомнила силу. И храм. И... и все сразу.

- Ты... ты решился на обряд?!

- Скорее уж так получилось.

- Чарли... ты понимаешь... Боже, как же я устала... это не отменить! Хотя, конечно... не обязательно ставить в известность общество. Просто не поймут. Да, совершенно не обязательно... у нас есть поместье за городом. И твоей сестре в её положении полезен будет свежий воздух. А твоя супруга получит время... привыкнуть. Я найму учителей.

- Неплохо бы. Я тут уже отписал Фарману.

- Фарману?!

- Он отличный маг.

- Да, знаю, но... зачем?

- Милисенте нужно работать над контролем. Да и в принципе не мешало бы внимание уделить. У нее очень яркий дар.

- Дар? Еще и дар... дар – это многое объясняет. Огонь?

- Именно.

- И если передастся детям, а после обряда иного быть не может... роду это пойдет на пользу.

Так просто? Она узнала про мой дар и резко подобрела? Что-то вот... сомневаюсь. Крепко. Скорее уж поняла, что спорить с Чарли – дело бесполезное. И тогда... тогда надо готовиться.

Знать бы еще, к чему.

- ...Фарман – это несколько чересчур. Боевик. И слухи пойдут... Боже, они и так пойдут, а если еще и Фарман... нет, нужен кто-то более... более нейтральный. В конце концов, есть же ограничители.

Вот сама их пускай и таскает.

- Ты знаешь, это не безопасно для здоровья.

- У этой девицы столько здоровья, что на нас всех хватит, - не сдержалась матушка. А я подумала, что спать буду с револьвером.

И подарочек одной темнокожей сиу далеко убирать не стану.

Не то, чтобы я и вправду собираюсь, но вот... перспективы, они ведь разными бывают.

- Нет.

- Ладно... но контроля хватит. Ты же не собираешься отправлять её на... куда там? Не знаю, главное, ей ни к чему боевые заклятья. Это в конце концов, не безопасно!

Вот... вот чую, придется мне самой учиться. Главное, Чарли молчит. И матушка его знает куда лучше, чем я. Плохо... все очень и очень плохо.

Не надо было вовсе сюда соваться.

Что мешало в городе остаться?

- И в поместье ей будет удобнее. Найдем кого-нибудь присматривать... скажем обществу, что у девушки адаптация. А там, глядишь, беременность наступит, и будет не до выездов.

- Мама, мне кажется, ты несколько спешишь.

- Наоборот, Чарли. Это ты поспешил. А я лишь пытаюсь как-то все это... успокоить. Нам ведь не нужны досужие разговоры. И о сестре подумай. Эти сплетни сильно ранят её. Ей тоже необходим покой.

Я отступила.

И... что делать? Бежать? От чего? Ничего ведь не случилось. Да и вовсе... запереть меня в поместье? Она и вправду думает, что я там засяду и сидеть буду, вся такая послушная?

А Чарли?

Станет наезжать да детишек делать, род укрепляя?

Хрена с два!

Я им не нежная восточная барышня и... и мне есть куда вернуться. Эдди, он ведь примет. И защитит. Только вот горько отчего-

то, что я только-только приехала и уже всерьез раздумываю, как буду защищаться. И от кого?

От человека, которого люблю?

А чай остыл.

Поганый у них тут чай. Слабенький. И травой воняет.

Сидела я не сказать, чтобы долго. В гостиной появился Чарли, изо всех сил пытавшийся казаться радостным. Но то ли я понимала, что радоваться ему не с чего, то ли у самой настрой был поганый, то ли изучить успела.

- Может, тоже в гостиницу? – предложила я, оставив чашку с нетронутым чаем.

А к нему даже куска хлеба не предложили.

Тожe мне, цивилизованные люди.

Чарли вздохнул и покачал головой:

- Слухи пойдут.

- И? – вот с чего все так слухов бояться. Ну пойдут. Ну и пускай себе идут. Мне-то с них что?

- Это репутация. Не только моя, но и рода, и наших детей. Возникнут вопросы. Сомнения.

А то так они не возникнут. Но ничего, молчу. Пялюсь в чай. А есть охота... тут вообще кормят? Небожь, при гостинице ресторация имеется. Или хотя бы выйти можно, поискать какую таверну, чтоб не совсем поганая.

- Матушка завтра уедет, - спокойно сказал Чарли.

- А я?

- Подслушивала?

Я пожалала плечами. С чего отрицать очевидное.

- Дурная привычка, - покачал головой Чарльз, но как-то так, без раздражения, скорее с усталой обреченностью.

- Зато полезная.

А то бы сейчас дальше сидела наивною дурой, ожидая, когда ж меня в семью примут. Теперь-то точно знаю, что не примут. Даже если наизнанку вывернусь и чешуей покроюсь. Стоило про чешую подумать... нет, нет, только драконьего обличья мне и не хватало.

- Матушка – женщина сложная. В свое время она... нашла в себе силы пойти против воли отца. И из семьи ушла.

Знаю.

- И так уж получилось, что весьма долгое время ей пришлось самой заниматься. Домом. Детьми. Делами.

- А твой отец?

- Он служил.

За тридевять земель? Хотя, чего это я... мой папаша вон тоже был таким, что лучше б вовсе не был. И мама, если подумать...

- Она хорошая, умная женщина. Но привыкла управлять. Семей, делами...

- Тобой.

- И мной. Ей нужно будет время, чтобы принять изменения.

Или изменить их под себя. Но опять же, пытаюсь быть мудрой, как мама велела, и помалкиваю. Слушаю вот.

- Она устроит Августу, и вернется, чтобы помочь тебе.

- Как-нибудь...

- Не спеши. Может, она и не слишком рада, но когда речь заходит о семье, она сделает все возможное, чтобы тебя приняли в свете. И подскажет.

Он и вправду такой наивный?

- Тебе ведь нужен будет гардероб, а я понятия не имею, что сейчас носят. И еще знакомства. Визиты. Ты не можешь ходить одна.

- А с тобой?

- Боюсь, мне еще предстоит держать отчет перед Императором. И не только. Все-таки дело это... - Чарльз покачал головой. – Слишком...

- Гнилое?

- Многих затронуло. Сколько отсюда было вывезено девушек? И каких? Возможно, кого-то ищут. Или нет... случались ведь скандалы, и будут обиженные родственники, особенно, когда узнают, что имело место воздействие.

И эти самые родственники захотят получить головы воздействовавших. А главное, на Змееныша все не свалишь.

Змееныш не успел бы везде.

И стало быть, есть кто-то, кто девушек искал.

Выбирал.

Перевозил.

Не так-то это и просто.

- Я маму могу попросить, - все равно мысль о том, что придется тесно общаться с дорогой свекровью совершенно не радовала. – Она с

гардеробом поможет.

- Вряд ли. Прости, не хочу никого обидеть, но твоя матушка слишком долго прожила на краю мира. И вряд ли в курсе последних... как это... тенденций.

Ну и хрен ли с них?

- Да и ей тоже надо бы собой заняться.

- Эдди...

- Милли, - Чарльз глянул с упреком. – Еще немного, и я решу, что ты боишься.

Я?!

Боюсь?!

Да несколько! У меня револьвер есть. И две дюжины ядов сложного состава. Мне ли бояться... нет, не боюсь. Так. Слегка опасаясь.

Свекровь все-таки.

- Вот и славно, - Чарли коснулся губами щеки. – Все будет хорошо.

Мужчина. Да что он в женщинах понимает!

Данный текст был приобретен на портале Литнет (№ 41885360 09.05.2023). Литнет – новая эра литературы

Глава 4 О том, что силы духа порой недостаточно

Глава 4 О том, что силы духа порой недостаточно

Эва думала.

Теперь она сумела подняться над фургоном, хотя все одно вынуждена была следовать за ним. Впрочем, это получалось совершенно без усилий. Наверное, даже если бы она пожелала остаться, у нее бы не вышло. Но она не желала.

Она думала.

Сперва старательно представляла, как возвращается в тело, но вернувшись все-таки – получилось далеко не сразу, что доставило немало неприятных минут – поняла, что в теле еще хуже. Она чувствовала яд внутри, и вкус трав, и то, что тело это, пусть и онемевшее, но все-таки болит. Оно живое. Оно устало быть в ящике. И загрязнилось. И еще, кажется, справило нужду, и теперь солома промокла. И одежда промокла. И... и даже если кто-то вдруг остановит фургон, найдет ящик, а в нем Эву, он примет её за бродяжку.

Или вовсе безумицу.

А фургон трясся. Здесь, в городе, дороги мостили крупными камнями, и колеса перескакивали с одного на другой, а еще порой попадали в ямы, и тогда фургон вздрагивал, скрипел и кренился то влево, то вправо.

Здесь дурно пахло.

И дым, поднимаясь из высоченных труб, сплетался с другим. Черный с желтым, а тот – с зеленым. И все эти рукотворные туманы стекали обратно на грязные улицы.

Вот исчезла мостовая.

А с нею и дома относительно приличного вида. Они сменились какими-то жуткими наскоро сколоченными хибарами. Местами их укрывали куски драных одеял. Кое-где горели костры, добавляя дыма. Когда же дорога свернула к реке, то Эва вновь едва не задохнулась от зловония.

Воду покрывала маслянистая пленка, а у берега, в грязных зарослях, стояли куски желтой пены. То тут, то там поднимались

пузыри.

Люди... люди были.

Ужасные! Эва и представить себе не могла, что люди могут быть настолько... отвратительными! Она, конечно, слышала про бедняков и даже с матушкой ходила в храм, а еще по домам, где оставляла отрезки ткани и пряники. Но те, знакомые ей, бедняки были все же какими-то... ухоженными, что ли? У них не было уродливых изрытых оспою лиц, на которых порой отсутствовал нос, а то и вовсе кожу пробивали язвы. Они не воняли. Не чесались.

Они...

Они существовали, как весь этот грязный убогий мир, который... что он сделает с Эвой? Кажется, именно тогда она и позвала на помощь снова. Громко-громко. Так, что лошадь, тащившая повозку, шарахнулась, а Стефано – все-таки Эва привыкла звать его именно так – едва не свалился с козел.

- Твою ж! – крикнул он и щелкнул кнутом над конским ухом.

А Эву не услышал.

Повозка остановилась возле дома, который выделялся среди прочих. Он был каменным и в два этажа. И верно, когда-то даже мог считаться красивым. Правда, своеобразно красивым. Пухлые колонны поддерживали остатки портика. Мраморные ступени заросли грязью, а от балюстрады сохранилась едва ли половина. Обвалился балкон. И кусты, посаженные у лестницы, разрослись так, что закрывали узкие окна. На тех же, что оставались незакрытыми, виднелись решетки.

Место Эве не понравилось.

Категорически.

Но Стефано свистнул и, сунув поводья грязному мальчишке, что вынырнул из кустов, велел:

- Жди. Вздумаешь стащить чего... - и кулак сунул под нос.

Сам же поднялся по остаткам ступеней и пнул дверь.

Открыли не сразу. Эва попробовала было сунуться следом, однако к ужасу своему обнаружила, что дом этот укрыт.

Стеной?

Куполом?

Полупрозрачным, но совершенно непроницаемым для нее.

Что это? Или... конечно... защита! От духов? Нет, к чему. Скорее всего просто. Обыкновенная. А Эва... Эва ослабела. И ей в тело надо,

но чтобы то очнулось.

А еще...

Из кустов выбрались еще дети, закутанные в тряпье, пропитавшиеся здешней вонью. Один нырнул в фургон, второй – под него. И тот, что в фургоне, поспешно обшарил, но ничего-то, кроме ящика, не нашел. Правда, он попытался крышку поднять.

- Заколочено!

- Тогда тикай, ща вернется! – донеслось снаружи, и мальчишка исчез. А Эва все-таки расплакалась. От обиды и жалости к себе.

Сколько дней прошло?

Её должны были хватиться... или нет? Матушка ведь отбыла встречать брата. А отец и подавно там, в столице, сидит, делами занимается. Он и когда случалось заглядывать в поместье, на Эву не больно обращал внимание. И теперь... или заметит?

Матушке доложат, что она не вернулась.

Вестника отправят?

Или письмом? Но пока гонец доберется до города... до матушки... и письмо это, в котором Эва просит её не искать. А если поверят? Если и вправду искать не станут? Что тогда?

Она... она умрет? Вот просто так возьмет и умрет?

Насовсем?!

Из дома показался Стефано с двумя мрачного вида типами. У одного и клеймо на щеке имелось. Эва, если бы могла, упала бы в обморок. Но поскольку духи в обморок не падают, она со всею возможной поспешностью спряталась в теле.

Ящик стащили.

И понесли.

Не слишком, к слову, бережно. Тело внутри перекатывалось и ударялось о стенки. Но вот... вот минули лестницу. И прозрачный купол, который Эва не видела, но все равно ощущала. Неприятный. Как будто ледяная стена, но ничего, главное, связь с телом не разорвалась.

А ящик поставили.

Где?

Эва решилась выглянуть.

Комната.

Гостиная, должно быть. И похоже, только странная какая-то... стены оклеены обоями в золотые розы. На полу – ковер, правда какой-то темный и в пятнах. Мебель... много и вся разная, будто собирали её со всего дома. Светильники.

И свечи.

Кто зажигает свечи в наше прогрессивное время? Есть ведь газовые лампы!

Какие-то... покрывала. Вещи. На грязной каминной полке теснился выводок фарфоровых пастушек. За ними виднелась шкатулка в восточном стиле. И часы. Старые.

И дело было не в вещах, дело было в том, что слишком разными были эти вещи и никак друг с другом не гармонировали.

- Показывай, - проскрипел кто-то.

И только теперь Эва увидела женщину. Та была... в черном. Вдова? Платье странное, мешком. И шаль на плечах. Тоже черная. Чепец прикрывает волосы. А вот лицо у женщины белое, мягкое. И черты приятные. Пожалуй, такую можно было бы представить эконолкою в приличном доме.

Двигалась она отчего-то боком, и припадая на одну ногу.

Стефано взял какую-то железную штуку, которая с хрустом вошла под крышку. Эва замерла. Вот сейчас... сейчас... а если её убьют?

Нет.

Надо успокоиться и мыслить здраво. Хотя бы попробовать.

Её можно было убить еще там, в лесу. Просто выкинуть. Закопать. Сделать все, что угодно. Зачем для этого в город тащить? В городе, если ты не потомственный некромант, куда сложнее от трупа избавиться.

- Она не издохла часом? – женский голос был до того неприятным, что Эва поморщилась. Будто... будто с присвистом, будто дыра у нее в горле... будто...

- Живая, что ей станется, - к шее прижались пальцы. – Вот проспится, будет краше прежнего.

- Бледновата. Тощевата. И сисек нет.

- Зато благородная.

- От этого одна лишь головная боль, - поморщилась женщина. –

Раздень.

- Чего?

- Мне прикажешь? Я товар видеть должна.

То, что произошло дальше, навсегда осталось в памяти Эвы, как... как ужас ужасный. Иначе и не назовешь. Её вытащили из ящика.

- Не на диван. Она ведь... вообще-то, дорогой, мог бы и позаботиться о товаре. В этом виде... - женщина покачала головой.

Содрали платье.

И нижнюю рубашку. И Эва опять закричала. Громко-громко. Так, что собственный крик, отразившись от стен, оглушил её.

Мигнули свечи.

Почти погас огонек в масляной лампе, которая коптила на столике. И женщина вдруг замерла.

- Она одаренная?

- Именно, Грета, именно. И сильная. Хорошая кровь. Причем невинна. На такую покупатель найдется быстро.

- И проблемы, - женщина подняла руку и, кажется, двигалась та с трудом. А потом и вовсе стянула перчатку. Под мягкой кожей оказались серебряные металлические пальцы, скрепленные шарнирами. Конструкцию обвивали тонкие патрубки. Пальцы шевелились.

Железные пальцы и шевелились.

- Идиот, - сказала она, пальцами пошевелив. - У девчонки наверняка родня имеется?

- Да. Но...

- Которая станет искать. Если уже не ищет.

- В этом состоянии не найдут, - проворчал Стефано. - Ты сама говорила, что «Мертвая вода»...

Пальцы сомкнулись на горле Стефано. И движение это было столь быстрым, что Эва только и смогла - моргнуть.

- Как давно ты поишь девку этой дрянью?

- Т-третьи... с-сутки... - просипел Эндрю.

Или Стефано?

Или... или ни одно из имен не является настоящим? Как понять? И надо ли понимать? Надо выбираться... надо звать на помощь? Как? И кого?

- Помнится, я тебе говорила, что это небезопасно, - женщина не спешила разжимать руку. И смотрела в глаза Стефано. - Для них. Что не более двенадцати часов.

- Она дышит!

- И толку-то? «Мертвая вода» действует не только на тело, но и на разум. И как знать, очнется ли она вовсе. А если очнется, то... кем?

Эва тихо охнула.

Неужели...

Она не хочет! Она не будет... не как...

- Сотня, - женщина разжала руку. – Золотых. И ты убираешься с глаз долой.

- Помилуй, Грета, - просипел Эндрю, потирая шею. – Это даже не смешно!

Сволочь. Просто сволочь. А сволочам имена не нужны. Лишнее они.

- Невинная девица из хорошей семьи, ко всему одаренная. Да не меньше двух тысяч!

Они что, торговаться будут?

- Во-первых, откуда мне знать, что и вправду невинная? Во-вторых, что с той невинности, когда у нее, может, мозгов не останется. Триста. И больше не проси.

- Она крепкая. Да и найдется у тебя клиент и на безмозглую. Ты ли не знаешь, что работать она будет вовсе не мозгами. Полторы и ни медяком меньше.

- Если будет. Одаренную так просто в дело непустишь. Пятьсот.

- Ограничители? Полторы. Я же сказал.

- На них еще потратиться надо, да и сам понимаешь, достать непросто. Кроме того девка тощая, невзрачная... на такую клиент не пойдет. Шесть сотен.

- Не смейся. У тебя и нет возможности ограничители достать? Да и на чистенькую-благородную... аукцион устроишь и все отобьется. А то и вовсе... тебе ли не знать, что магам надо. Пусти слушок, что есть девица, сами прибегут. Тысяча двести.

Сошлись на тысяче, которую принесли в старом потертом кошельке. И Эндрю-Стефано, гад этакий, чтоб ему все посмертие икалось, пересчитывал деньги долго, муторно, едва ли не каждую монету на зуб пробуя. А потом ушел.

Он ушел. А Эва осталась.

И...

И что ей делать?

Женщина, все так же странно двигаясь, подошла к ней и наклонилась. Металлические пальцы раздвинули веки. И заглянув в глаза, женщина вздохнула.

- Бедная девочка, - сказала она. А потом вытащила свисток. Тонкий звук причинил боль. – Отнесите её в подвал. Умойте. Оденьте. И да...

Из-под юбок появилась пара браслетов.

- Заодно за Вареном пошлите, пусть посмотрит...

Она... она женщина!

Эта женщина, которая купила Эву, она ведь... женщины лучше мужчин. Они понимают. Сочувствуют. Особенно другим женщинам, оказавшимся в затруднительной ситуации.

И... и когда Эва придет в себя, она сможет договориться. Сможет ведь? У нее семья. И... и Эву любят! Отец. Матушка... они вернут долг! Тысяча – это ведь немного. Это... это ерунда! Матушка на наряды больше тратит.

А то и... и можно предложить выкуп.

В романах иногда героинь крадут благородные разбойники, правда, не из-за выкупа, а по любви или там из мести, но ведь можно и выкупом обойтись.

Благодарностью.

Отец...

Когда Эву подхватили на руки, она почти успокоилась. С женщиной она договорится.

Обязательно.

Глава 5 В которой обстоятельства смущают

Глава 5 В которой обстоятельства смущают

Отель «Три короны», безусловно, не шел ни в какое сравнение с забегаловками, в которых Эдди случалось бывать. Оттого он несколько робел.

А от робости и злился.

- Улыбайся, дорогой, - вот матушка держалась так, будто полжизни провела не в разваливающемся поместье, а посреди этакой вот роскоши.

Ковры.

И главное, не какие-то там циновки, которых не жаль, а натуральнейшие. Мягкие. Один, небось, на сотню золотом потянет, если не больше.

Дерево.

Полированное. Блестящее. А главное даже не это. Когда подъехали, Эдди еще подумалось, что не ошибся ли кучер, но матушке выбраться из коляски помог, руку подал и на красную дорожку, что пролегла по мраморным ступеням, препроводил.

А сам же силой воли заставил себя не пялиться.

Дом?

Здоровенный? Этажей в пять? Может и во все шесть? С каменными колоннами, со львами у основания лестницы, с чашами, в которых цветы росли.

Балконами.

Балкончиками.

И прочими излишествами.

- Чем я могу помочь, - дорогу преградил человек в алом мундире с золотыми пуговицами. Был он высок, широкоплеч и, главное, глядел с чувством собственного превосходства. – Господа?

- Номер нужен, - сказал Эдди.

Когда там, на летном поле, Чарли предложил поселиться у него, Эдди отказался. Оно ведь как? Чего в молодую семью лезть. А ведь полезть потянет, он с ходу почуял, что нелегко сестренке придется. И у

нее характер. И у Эдди характер. С тех характеров мало ли чего натворить можно. А Чарли кивнул, мол, будто и не ожидал иного, и сказал, что их в приличный отель отвезут.

Вот и отвезли.

В эту вот... с коврами на лестнице. Какой человек в здравом уме будет выстилать лестницу коврами? Перед этим, в красном костюме, встал другой, в костюме темном, который и вез их. Кучер, стало быть. И произнес что-то столь тихо, что даже Эдди со своим преотменным слухом не разобрал.

Дверь перед ними распахнули, хотя вот честно, Эдди куда охотнее бы убрался в местечко попроще, без ковров, каменных львов и прочей мутотени. Но нет, матушка мило улыбнулась и пошла.

А Эдди что?

Эдди матушку в подобном месте одну не оставит. Пришлось делать рожу из тех, что для приличного общества, кирпичом стало быть, и за ней.

Ну и провожатый тоже.

А там уже внутри и вовсе стало понятно, что привезти-то Эдди привезли, да не туда. Ну... косятся. На него. На матушку. Большею частью, конечно, на него. И под взглядами неуютно. Вокруг-то публика приличная. Господа. Дамы, на фарфоровых куколок похожие. И главное, от этой окрестной красоты зубы ныть начинают.

Эдди сбежал бы.

Но...

Матушка кому-то кивнула, кому-то улыбнулась так, будто только вот недавно беседу беседовала или чай распивала, как сие водится. Потом поглядела на Эдди с легкою укоризной. Сразу стало стыдно. Тоже мне... герой.

Зеркал испугался.

Хотя... зеркала тоже имелись. И в них отражался Эдди, весь, какой был, с мрачною рожей, с выпирающей челюстью да бугристым черепом, в кожанке, пусть и чистой, но выглядела-то она так, будто Эдди в пыли вывалялся.

Только это не повод сбегать.

И котелок на затылок сполз.

- Не горбись, дорогой, - тихо сказала матушка, и Эдди послушно расправил плечи. Сразу как-то... не то, чтобы полегчало. Скорее уж,

если смотреть на благообразных джентльменов сверху, то они вовсе не такими уж благообразными и выглядят.

Вон тот волосья зачесывает гладенько, отчего становится донельзя похож на Скользкого Луи, который два года в розыске значился, пока не попался на передергивании картишек. Даже судить не стали, на месте вздернули. А вон у того лысина, клочками седых волос обрамленная. И красная.

Третий и вовсе чем-то на мэра смахивает. Прямо таки родным кажется.

- Стало быть... люкс... зарезервирован лордом... - очередной тип, на сей раз в темном костюме, что-то там еще говорил, то ли выяснял, то ли прояснял, не забывая косить левым глазом на Эдди. Матушка улыбалась и кивала, и вовсе держалась безмятежно.

А...

Хватит ли у них денег?

Нет, они-то были. Но... вот тут... матушка уж больно неправильно выглядит. Ей бы не нынешнее строгое платье, которое почти что вдовье, но все одно бедноватое, а вот чего-то бы этакого, вывернутого. Как у той дамы... или вон у той. Розовенькое. Веселый цвет. Радостный.

Или полосатое.

А лучше, чтоб и то, и другое. И... Эдди, может, и не случилось бывать в подобных отелях, но шкурой чуял, что удовольствие это не из дешевых. Да и гардероб менять женский – не коню подковы сладить. А стало быть, деньги, которых вроде как много, могут и закончиться.

И... что делать?

Что ему вообще здесь делать?

- Идем, - матушка слегка оперлась на его руку. – И расскажешь мне о тех ужасах, которые пришли в твою большую голову.

На кого другого Эдди бы обиделся. Может даже и в морду бы дал. Но это матушка. Как-то только и смог, что улыбнуться и спросить:

- А мебель у них крепкая?

- Понятия не имею, - матушка умела улыбаться столь лучезарно, что как-то сразу хотелось и верить. Причем не важно, во что. – Но их предупреждали. Так что, это не наша проблема... и не хмурься, дорогой. Люди не столь страшны, как тебе кажутся.

Эдди постарался.

Честно.

И только мрачно вперился в спину пареньку с тележкой. На тележке были чемоданы, но повезли её куда-то в сторону.

- Там черная лестница, - поспешил объяснить очередной человек в красной форме. И ведь из-под земли выскакивают, никаких нервов не хватит. – Ваш багаж будет ждать вас в ваших покоях... прошу.

И на лестницу указал.

С ковром.

Снова. Откуда у них столько-то?

Ну... лестница была каменной, ковер мягким, и отпечывались сапоги в нем отличнейшим образом. Благо, идти пришлось недалеко.

- Отличные, не побоюсь этого слова, великолепные номера... с видом на канал, но без всяких неудобств от подобного соседства, если вы понимаете.

- Нет, - честно ответил Эдди. Он и вправду не понимал, какое неудобство может быть от соседства с каналом.

- Воздух! – парень, а Эдди понял, что парень очень молод, закатил очи. – Мы озаботились приобретением самых современных фильтров. А потому, даже при открытых окнах, чего, конечно, лучше не делать, вы не подвергнетесь ужасающему испытанию воню.

Охренеть.

Но Эдди кивнул, надеясь, что не выглядит слишком уж провинциальным. Хотя, конечно, чего уж там. Выглядит.

Ну и плевать.

- Леди, - паренек распахнул дверь и поклонился, при этом руку протянув. А в нее монетка легла. Это... это за что матушка ему? За то, что до комнат провел? – Прошу. Люкс с отдельной спальней, двумя гостиными, ванной комнатой и, конечно же, гардеробной.

Он провел матушку по комнатах, которые заставили Эдди остро ощутить собственную несостоятельность.

Матушка заслуживала таких покоев.

Только таких и заслуживала, но... но дал их не Эдди. И... и как быть?

- Дорогой? – спросила матушка, когда провожатый-таки убрался, смерив Эдди напоследок недобрым взглядом. – Что-то не так?

- Все не так, - он осторожно опустился на креслице, составленное из каких-то гнутых веток. Не отпускало ощущение, что эти ветки

захрустят и само креслице рассыплется. – Мне здесь не нравится.

- А мне кажется, довольно мило.

Матушка сняла перчатки и поморщилась.

- Руками надо будет заняться... дорогой, мне нужно, чтобы ты доставил письмо.

- Хорошо.

- Даже не спросишь, кому?

- Ну... а толку-то? – Эдди поскреб макушку. – Я тут все одно никого не знаю. Да и...

Письмо можно отправить почтой. Или вот свистнуть мальчишку, правда, местные будут в форме и, небось, могут не захотеть возиться с чужими письмами.

- Мне давно стоило поговорить с тобой, - матушка опустилась в другое кресло. И провела пальцами по столу. – Или остаться... но ты бы не оставил меня там одну.

- Нет, - Эдди начало не понравилось.

Еще сильнее, чем не нравилось это вот место.

Сразу и шея зачесалась, предчувствуя грядущие неприятности.

- И Милли тоже бросать неправильно. Она очень порывистая девочка. Ей нелегко придется. И... я не уверена, что все выйдет.

- Матушка?

- Матушка, - она грустно улыбнулась. – Знаешь... когда я впервые тебя увидела, то пришла в ужас.

- Ну... - Эдди подумал и согласился, что было от чего. Хотя обидно. Немного. Детская такая обида, глупая.

- У меня была странная жизнь. Но ты и Милли – стоили всего, что случилось, - она моргнула и отвернулась. – Если бы мы остались, я бы... пожалуй, я бы молчала и дальше. Там это знание только лишнее. Но раз есть, как оно есть... меня увидят.

- Кто?

- Кто-нибудь. Времени прошло много, да и я сильно изменилась, но, боюсь, не настолько, чтобы можно было надеяться, что этого хватит. Так что... увидят. Узнают. А там... моя семья, - и столько тоски прозвучало в голосе матушки, что рука сама к револьверу потянулась.

Эва открыла глаза. И несколько раз моргнула, пытаясь как-то избавиться от мутной пелены, что окружила её. Пелена не исчезала, напротив, стало только хуже.

Глаза болели.

И лицо.

И зубы, отчего-то, особенно сильно. Она даже потрогала их пальцами. Пальцы, правда, тоже болели.

Что за...

Она в какой-то момент исчезла, та часть, которая смотрит со стороны. И видит. И... из-за зелья? Или комнаты этой?

Комната?

Небольшая. Тесная. В нее и влез-то лишь топчан, на который сверху бросили соломенный матрац. А уж на матрац – Эву. И одеялом прикрыли. Одеяло пованивало, как и все остальное.

Серые стены.

Какие-то неровные, ободранные. И оконце где-то под самым потолком. Узенькое. В него и кошка не протиснется, не говоря уже про человека. Да и высоко. Не добраться.

Эва помотала головой.

Взгляд прояснялся. И вот уже она заметила кувшин рядом с топчаном. И миску. Умыться? Надо, наверное. Её... мыли. Да. И одели. Она пощупала жесткую ткань рубахи.

На помощь позвать?

Или...

Додумать Эве не позволили. С тихим скрипом приотворилась дверь, пропуская женщину с изуродованным лицом. Левая его часть была прекрасна, а вот правая представляло месиво из рубцов и язв.

- Живая? – осипшим голосом осведомилась женщина. – Че пялишься?

- Ничего. Извините.

- То-то же... а то от! – Эве под нос сунули кулак. – Вздумаешь дурить, не погляжу, что матушка велела, так отколошматю, живенько поймешь, кто тут старший!

- Кто?! – покорно поинтересовалась Эва. Она старалась не смотреть на дверь, которая казалась обманчиво близкой.

- Я!

- Как тебя зовут?

- Кэти, - девушка прищурилась. – А ты чё расселась? Мойся давай. Туточки прислуги нету!

- Я... просто нехорошо себя чувствую еще. Голова очень болит, - Эва старалась говорить тем плаксивым тоном, который всегда раздражал маменьку, зато на нянюшку действовал безотказно. – Дурно...

- Блевать вздумашь, то не на себя. Вона, ведро стоит! – и указала на ведро, которое и вправду стояло в углу комнаты. Ведро было жутким с виду, каким-то кривым, мятым и то ли закопченным, то ли заросшим грязью до черноты. И глянув, как передернуло Эву, Кэти ухмыльнулась. – Привыкай, подруга.

Ну уж нет!

Когда дверь закрылась, Эва встала.

Попробовала. Получилось у нее далеко не сразу. Тело мучила слабость. И её действительно вырвало желтой желчью. Благо, ведро стояло неподалеку. Что-то подсказывало, что Кэти не побежит менять испачканную одежду, не говоря уже о матрасе.

Эва закрыла глаза.

Думать.

Надо думать. Только... о чем? О том, что она совершила ту самую Огромную Непоправимую Глупость, о которой её предупреждали едва ли не с рождения? А она решила, что это не глупость, а любовь?

Нет уж...

Надо...

Надо что-то сделать. Призвать силу? Эва поглядела на ограничители. Те не причиняли боли, да и вовсе не ощущались. Правильно, её ведь сила направлена не вовне, как у нормальных магов, а...

А дальше?

Снова отделиться от тела?

Во-первых, это опасно, тем более, когда она только вернулась. Во-вторых, ограничители все-таки имеются. Как знать, не повлияют ли они. Будет совсем грустно, если с ней случится то же, что и... нет, даже не думать.

В-третьих... в-третьих, а смысл?

Вот отделиться она от тела. И... и что дальше?

Эва вздохнула и кое-как отерла лицо водой, которая нашлась в кувшине. Пить хотелось неимоверно, но пахло от воды болотом, и Эва решила потерпеть.

Должны же ей объяснить, что происходит.

Ждать пришлось довольно долго. Она и замерзнуть успела, в комнатухе было сыро, а от стен тянуло холодом. Но вот снова скрипнула дверь, и на пороге появилась та самая женщина, которая торговалась со Стефано. Она вошла, вновь же двигаясь как-то боком, несуразно. Остановившись, женщина оглядела Эву и кивнула.

- Не плачешь. Хорошо.

Эва шмыгнула носом и поднялась. Неудобно говорить сидя, когда перед тобой стоят.

- Глядишь, и вправду толк будет.

А платье на ней не из дешевых. Тяжелый атлас того богатого насыщенного оттенка, который выдает хорошую красивую мануфактуру. И шито по фигуре. И рукава не светлее подола.[1]

- К-кто вы, - решила Эва. – И где Стефано?

Может, в домашних спектаклях ей доставались не самые лучшие роли, ибо никогда-то не отличалась Эва актерским талантом, но вот женщина, похоже, поверила.

- Он уехал.

- К-куда?

- Далеко, девонька. Идем. Лучше поговорим в другом месте. Кэти, дай ей халат.

Халат был чужим. От него пахло плесенью и еще самую малость – лавандой. И на некогда богатой ткани появились проплешины, а локоть и вовсе прикрывала латка. Но Эва слишком замерзла, чтобы отказаться. Да и... как знать, кого они встретят? Не хватало, чтобы её увидели в нижней рубаше.

- Не дури, - прошипела Кэти и почему-то ущипнула.

Больно.

- Кэти, - женщина покачала головой. – Иди, пускай нам чаю подадут. И бульона.

- Ей?!

- Кэти!

Кэти пробормотала что-то неразборчивое.

- Хорошая девочка. Жаль, не повезло... такая красавица была, - женщина указала на дверь. – Иди.

- Но...

- Дорогу покажут. Альфредо!

Альфредо оказался одним из тех мрачных типов, которые втащили ящик с Эвой. Огромный какой! И кулаки... у старого Джонни похожие. Он еще на спор тыквы бил. Кулаком как ударит, тыква и раскалывалась. Всем было весело.

И Эве тоже.

Пока матушка не узнала.

Приличная юная леди не будет участвовать в подобного рода сомнительных развлечениях. Даже зрителем.

- Покажи девоньке, куда идти. А ты ведь умненькая... умнее, чем иные. Вона, не требуешь отпустить...

Будто это поможет, если Эва чего-то там потребует.

- И бегать смысла нет. Догонят. Хуже будет.

Куда уж хуже.

Но Эва сдержалась.

Она шла, стараясь помнить и об осанке, и о том, что леди – это леди, невзирая на обстоятельства. И... и вообще не упасть бы. Слабость то и дело накатывала. Один раз ей вовсе пришлось остановиться. И Альфредо повернулся, уставился выпуклыми полупрозрачными глазами.

- Просто... п-плохо, - заикаясь, сказала Эва. – Сейчас п-пройдет.

Альфредо кивнул.

А потом просто подхватил Эву на руки. И она замерла от ужаса. Но нет. Альфредо также не произнес ни звука, продолжил путь.

Куда её...

Что с ней вообще будет? И неужели никто-никто не поможет? Не придет, не...

Её молча уронили в глубокое кресло. А во втором уже сидела та самая женщина с механической рукой. Правда, сейчас руку скрывала перчатка, но Эва ведь знала. И не могла заставить себя отвести взгляд.

- Пей, - велела женщина, когда перед Эвой поставили высокую чашу с бульоном. – Тебе нужны будут силы. Не спеши. Глоток. Потом ждешь. Если не чувствуешь спазмов, делаешь следующий. Ясно?

- Д-да.

- И не трясись. Будешь послушной девочкой, ничего с тобой не случится.

Как будто с ней уже не случилось. Но Эва вновь кивнула. Она будет. И постарается. И... и дрожащими руками она подняла чашу и

сделала глоток. Бульон был теплым, наваристым и жирным настолько, что Эва едва не удержалась, чтобы выплюнуть.

Нет уж.

Женщина, кем бы она ни была, права. Эве понадобятся силы. А значит, она должна выпить. В конце концов, те отвары, которые варила матушка, надеясь добавить Эве красоты, на вкус были еще хуже.

И пользы в отличие от бульона в них никакой.

Во всяком случае ни кожа белее не стала, ни Эва стройнее.

- Можешь называть меня Матушкой Гри, или просто Матушкой, - женщина смотрела, как Эва пьет. И по её лицу нельзя было понять, что она думает. – Теперь ты принадлежишь мне.

Как? Разве может человек принадлежать кому-то...

- Тот, кого ты знала... к слову, как он назвался?

- Стефано, - сказала Эва.

- Стефано... надо же, выдумщик какой. Так вот, он тебя продал.

- Но...

- Да, это незаконно, - согласилась женщина. – Однако здесь, девонька, свои законы. И теперь ты принадлежишь мне. До тех пор, пока не отработаешь долг.

- Сколько?

- Вот и умница, - Матушка Гри улыбнулась, отчего её некрасивое лицо сделалось вовсе страшным. – Ни слез, ни капризов... все-таки леди – это леди... три тысячи.

Сколько?

Эва ведь слышала... стоп. Нельзя показывать, что она слышала. И вообще свои способности. А потому она сделала очередной глоток. Бульон стоило допить, пока он окончательно не остыл.

- И еще пятьсот в месяц за услуги.

- К-какие?

- Одежда. Комната. Еда.

Вот за ту конуру и пятьсот? Да... да они за особняк на побережье столько не платили, который снимали все лето!

- Целитель, которого пришлось позвать, ибо ты была далеко не в самом лучшем состоянии. Он сумел сохранить твой разум...

Ложь.

Нет, целителя Эва не видела, но целитель бы понял, кто перед ним. И не рискнул бы связываться.

- Моя семья... заплатит.

- Уверена, детка?

- Да, - решительно ответила Эва. – Она заплатит и втрое больше.

И вчетверо.

Улыбка Матушки Гри стала еще шире.

- Видишь, как хорошо все складывается...

[1] Одежда, особенно платья из качественных тканей, были вещью очень дорогой. Их передавали по наследству, дарили. Но ткани вроде шелка и бархата нуждались в специальном уходе, их нельзя было просто постирать. Поэтому бедные девушки часто отпарывали и стирали лишь рукава, как наиболее загрязненные части одежды. Со временем рукава становились светлее основной ткани, что было признаком бедности.

Глава 6 Где речь заходит о родовых тайнах и прошлом, пусть и не совсем отдаленном

Глава 6 Где речь заходит о родовых тайнах и прошлом, пусть и не совсем отдаленном

Матушка не спешила говорить, а Эдди не торопил. Вот что он усвоил к своим годам немалым, так это, что спешка к добру не приводит.

А позолота-то местами поистерлась. Незаметненько, в уголках самых, но все же. Да и гардины цвет имеют неоднородный, но тоже не сказать, чтобы пятнами пошли. Нет, слегка выгорели.

Самую малость.

Отчего-то данное обстоятельство несколько примирило Эдди с действительностью.

- Видишь ли, дорогой... - матушка все же вздохнула.

- Если не хочешь...

- Не хочу. Но надо. В конце концов, я и без того слишком долго пряталась. И... пожалуй, если бы речь шла лишь обо мне, но Милисента. И ты... - она встала и подошла к окну.

Окна, надо сказать, были изрядными.

В пол.

И с белоснежными переплетами, укрепленными магией. Оттого и не тянуло сквозь них сквозняком. Да и сами стекла отличались той прозрачностью, которой обычным способом не достигнуть. А выходили они на улицу. Узкую. Серую.

Да и сам этот город был серым.

Серые дома тянулись ввысь. По серым мостовым гуляли серые люди, махонькие, что игрушки. Пара серых лошадей тащила уродливого вида повозку, та и шла-то по рельсам.

- Я уже забыла как здесь... красиво.

- Красиво?!

Вот уж чего Эдди не видел, так это красоты. Но матушка снисходительно улыбнулась.

- У каждого свой взгляд. А мне... мне этого не хватало.

Города?

Или роскоши, к которой она привыкла? Эдди не дурак. Эдди понимает, даже без слов. Возьми кого другого, ту же Милли, она вон дичится. И держится так, с видом прегордым, но взгляда хватит, чтобы понять, сколь неудобно ей в этом окружении.

А матушка?

- Что ж... все же... ты знаешь, что когда-то я сбежала из дому, чтобы быть рядом с твоим отцом.

Эдди знал.

Правда, до сих пор понять не мог, чем же эта скотина такое счастье заслужила. Ну да ему ли матушку судить?

- Я была молодой. И восторженной. И жила... скажем так, меня воспитывали очень строго, и временами мне казалось, что я и дышать-то без разрешения не могу. А тут он. И его рассказы. Запад, где все свободны, нет ни обязательств, ни правил, ни удушающего этикета. Где настоящая жизнь.

Она умела улыбаться грустно и задумчиво, так, что Эдди почти увидел ту, давно пропавшую девушку, которая поверила в сказку.

Не она первая.

Не она последняя.

- Моя семья... ничего не знала, - тонкие руки стиснули платок. – Если бы кто-то заподозрил... твой отец не был человеком моего круга. И близко не был. Мы... мы познакомились случайно. Благодаря моей подруге. Единственной, пожалуй, которая как-то меня понимала. Она тоже происходила из достойного рода, что, собственно говоря, и сделало возможной нашу дружбу. Родители её одобрили. Я просто приняла. Да и Элоиза оказалась удивительным человеком. Легкой, мечтательной и в то же время очень и очень умной.

Эдди хмыкнул.

- Мне так казалось. Полагаю, на деле мы обе были довольно глупыми и весьма восторженными девицами. Но благодаря Элоизе я получила относительную свободу. Мне разрешали посещать её. Более того, мне было дозволено даже провести месяц в её поместье.

- Там ты...

- И там. И тогда. Семнадцать лет... мне уже искали жениха и... и думаю, даже нашли, хотя я заранее его ненавидела, ведь замужество

означало лишь, что одна тюрьма сменилась бы другой. Изначально речи о любви не шло. Я была товаром, а брак – сделкой. Этого не скрывали. Мне постоянно говорили о долге, о чести и прочем...

- И...

- Я воспользовалась первой же возможностью, чтобы сбежать. Нет, не сразу... сперва встречи. Тайные. Элоиза включилась в эту игру с огромной охотой. Её тоже не радовала перспектива брака без любви. Потом... я его тоже обманула. Так уж вышло, что... я не назвала настоящего имени. Представилась одним из многих.

- Многих?

- У меня их двенадцать.

- А... теперь понятно.

- Что?

- Ну, откуда у Милисенты столько. Но не понятно, зачем.

- Родовой обычай. Но да, ты прав. Совершенно не понятно, зачем... мне кажется, он любил меня.

- Отец?

- Да. Иначе... понимаешь, я призналась ему. Незадолго до побега. И будь я просто богатой наследницей, мы бы сбежали, обвенчались и вернулись. Так делают иногда. Родители, конечно, злятся, но что они могут сделать? Особенно, если брак был осуществлен.

Почему-то Эдди покраснел. Хотя взрослый ведь.

- Но не в моем случае. Они... они не простили бы. И любой нормальный человек, если бы он желал лишь денег, понял бы, что денег не получит. Нет. У меня было кое-что. И деньги, и драгоценности... только это мизер. Он ведь был таким... чудесным. Понимаешь?

- Нет.

- И я. Тоже не понимала долго, как так получилось? Куда подевался тот мужчина, который обещал защитить меня? Тот, кто рассказывал такие удивительные истории? Тот, кто называл своей душой? Сердцем?

Эдди не знал, что ответить, а потому просто промолчал.

Молчание – оно вообще полезно донельзя.

- Он не отменил побег. Но... - она стиснула кулачки. – Потом. Позже. Я узнала, что... что он сделал так... она погибла.

- Кто?

- Элоиза. Мы с ней направлялись на прогулку. Должны были. Но мы... в тот день... она взяла мое платье. Мы были с ней очень и очень похожи, а уж если сделать одинаковые прически... если... она взяла мое платье. И села в мой экипаж. Служанку мы подкупили. Я думала, что... Элоиза съездит и вернется. И что... - матушка положила ладонь на горло. – Мне тяжело говорить об этом. Она должна была вернуться, переодеться и тогда уже занять мое, то есть, свое место. А вечером, когда бы я не явилась к ужину, тогда бы и стало ясно, что я сбежала. Мы бы выиграли время.

Её лицо сделалось белым.

- Она уехала. А я... у Элоизы имелась сестра. Молочная. Дочь её кормилицы. Она помогла мне собраться. И... и драгоценности Элоизы тоже взяли, как и мои. Это было подло. Но Элоиза сама предложила. Она же принесла мне деньги... не знаю, откуда они взялись, но...

Эдди осторожно коснулся плеча матушки.

- Потом... уже там, на Западе... газеты ведь доходят, пусть и не сразу. Так вот... год... год понадобился... мы тоже не спешили, но они еще позже... и я узнала, что она мертва.

- Элоиза.

- Да. Только все решили, что погибла я. На экипаж напали. В той газете была пара слов всего, но... сочли, что это дело рук одной группы... они называли себя «Освободителями». Они были из числа тех, кто полагал, будто магия – она для всех. И... и им удалось добыть артефакт. От экипажа, от сопровождения почти ничего не осталось. Кости и те обуглились.

- И твои родичи решили, что ты умерла?

- Да.

- А твоя подруга...

- Сбежала, обокрав родителей. Так решили. Позже... еще позже... я... первым делом я хотела написать. Домой. Рассказать правду, но... твой дед...

- Он знал?

- Он был мудрым человеком. И мне повезло встретить его. Я высказала все, а потом плакала... женщины часто плачут. Считается, что это помогает. Хотя чем могут помочь слезы? Но тогда-то... он не пытался убедить меня в чем-то, скорее задавал вопросы. А я отвечала. И постепенно приходила к пониманию. Возвращаться было нельзя.

- Элоизу не пытались искать?

- Нет. Её родители... скажем так, они придерживались традиций весьма ревностно. И дочь, которая поступила подобным образом... её вычеркнули бы из родовых книг, - матушка смахнула слезинку. – И ведь вычеркнули. Мне было так стыдно перед ней. Перед всеми. Но твой дед... он прав. Мое возвращение ничего бы не изменило для Элоизы. Она была мертва.

- А ты жива.

- Именно. Моя семья никогда бы не согласилась на подобный брак. Скорее уж твой отец... скончался бы. А в то время я его еще любила. Да и он меня. По-своему.

Эдди хмыкнул.

- Он ничего не получил от свадьбы со мной. Пара тысяч золотом? Они не дошли до поместья. Драгоценности? Он не сразу решился их продать.

А когда решился, едва ли выручил больше десятой части, особенно, если побрякушки были приметными. А они были. Должны были быть.

- Меня... меня бы, вероятнее всего, объявили душевно больной. После того, что случилось, семья не решилась бы устроить новый брак. Да и... в целом. И остаток жизни я бы провела в какой-нибудь тихой закрытой клинике, под чужим именем и с чужой судьбой. Я бы даже в нее поверила бы. Со временем. Так зачем возвращаться?

Наверняка она задавала этот вопрос не раз и не два.

И находила новые и новые аргументы.

Но... не верила. Иначе бы не мучилась.

- Твоей вины нет в том, что произошло. Да и... это могло быть случайностью. Нападение.

- Нет, - она покачала головой. – Наш брак держался, пока был жив его отец. Хоть как-то. Хоть на иллюзиях высоких чувств. Думаю, он тоже чувствовал себя обманутым. Я ведь не принесла ни денег, ни удачи, одно лишь... как он говорил? Великосветское занудство.

- Он был идиотом.

- Да и я не умнее, - матушка отвернулась от окна. – Твоего деда не стало, и он окончательно ушел... в свою жизнь.

Как вежливо. А главное, точно. В этой жизни папаше не было дела ни до чего. Ни до поместья, которое медленно умирало без

хозяйской руки. Ни до жены. Ни до детей. Особенно таких никчемных, как Эдди.

- В наивности своей я еще пыталась как-то вразумить. Мне ведь говорили, что правильная жена найдет способ наставить мужа на путь истинный. А на деле все это чушь... он приходил пьяный, часто пахнувший женщинами, теми, из борделя. Да и не скрывал. Он орал, что любая шлюха лучше меня... я была кроткой. Пыталась. Но хватало ненадолго. У Милли наша кровь, просто выражена ярче.

Ага. А потому уезжать из этой серости никак нельзя, пока все... не понятно.

Еще спалит нахрен усадьбу.

Или чего иного учудит.

- Однажды я тоже высказалась. Резко. И едко. Слово за слово и... это была настоящая ссора. И в ней он высказал, что половину драгоценностей ему пришлось отдать за это покушение, за артефакт, который стер бы все следы...

- Ты не виновата.

- Я себе тоже это говорю. Но помогает слабо. Тогда... тогда я чудом сдержалась, чтобы не убить его.

- И правильно.

- Нет. Я должна была, но... но он вдруг стал ласковым. Потом начал говорить, что все сделал из любви ко мне. Что он все еще любит. Что... что иначе нас очень скоро нашли бы. И его бы убили. А так... так никто и не искал. Что я сама виновата, всегда давала понять, что стою выше... что...

Она закрыла глаза.

- Все прошло, - Эдди положил ладони на плечи. - Все уже прошло.

- Если бы... некоторые ошибки не исправить. Только и остается думать, как сделать так, чтобы не стало хуже. Сейчас проще. Легче. Я уже перестала думать, что я сделала не так. Почему наша любовь оказалась такой... ненадежной?

Эдди мог бы сказать.

Напомнить.

Про эти вот исчезновения, когда папаша просто уходил, не давая себе труда предупредить. И плевать, что скоро зима, а дров нет. И крыша разобрана, он ведь обещал сделать. В погребах, если не пусто,

то почти. А деньги, отложенные на крышу и продукты, исчезли вместе с папашей.

Про возвращения.

Пьяные песни. Крики. Про... другое.

Этот угребок должен был умереть раньше. Определенно.

- Прощлое... мне нужно будет встретиться с ними.

- С кем?

- Для начала с родителями Элоизы. Объяснить. Попросить прощения... не знаю. Наверное, это глупо, но мне действительно нужно их прощение. И... чтобы её похоронили. Под своим именем.

А стало быть, возникнут вопросы.

- Скажи, что это не имеет значения? – попросила матушка.

- Не скажу.

Матушка покачала головой. И Эдди уточнил.

- Тебя будут искать? Ну... если станет понятно, что...

- Будут. Не потому, что так уж обрадуются. Скорее наоборот. Но... моя семья весьма строгих нравов.

- Поэтому ты с ними и не связывалась.

Ведь могла же. Письмо отправить несложно. Даже в их захолустье почтовые фургоны появляются. А то бы и Эдди отвез в какой город, чтоб побольше и поприличней.

- Пожалуй. Хотя... не только. Мне было невыносимо стыдно. И страшно. Это ведь страшно, признаться, что ты стала соучастницей убийства.

- Ты не виновата.

- Виновата. И я, и твой отец, и Элоиза. И те, кто убивал. Мы все виноваты. Но... да, страшно тоже. И не из-за того, что я сделала. Скорее из-за Милисенты. Пусть семья не одобрила брак, но заключен он был по закону. Это не стали бы оспаривать. Однако... мне бы не позволили остаться там. И... Милисента. Её бы забрали.

- Куда?

Матушка не спешила с ответом.

- О моем воскрешении вряд ли объявили бы. Или, возможно, сообщили бы, что я выжила чудом и долго болела, поэтому и скрывали от... друзей семьи. И болела бы я дальше. Весь остаток жизни. Где-нибудь, где... где никто не усомнился бы, что разум мой пострадал в результате того ужасного происшествия. А вот Милисенту...

Милисента родилась с даром. С очень ярким даром. А это редкость. И ценность.

Мимо которой семья, которую Эдди уже тихо ненавидел, не прошла бы.

Понятно.

А что могла бы противопоставить бедная вдова? Небось, семья не из простых. Лорды. И леди. И... и связи, конечно. В мире тяжело без связей.

- Я и понадеялась, что мы справимся как-нибудь сами. В конце концов, у нас ведь получалось жить. А... я научилась довольствоваться малым.

Не вышло.

Потому что появился Чарли. И его сестрица. И Змей. И... все остальное.

- А теперь? Что они сделают теперь?

Матушка повернулась к окну спиной.

- Теперь? В том и дело, что теперь они ничего не смогут сделать. А вот я вполне могу потребовать свою долю.

- В чем? – уточнил Эдди, чувствуя, что неприятности приближались.

- Моя семья весьма состоятельна.

Не было печали.

- И так уж повелось, что при рождении каждый... из нашей крови получал в свое распоряжение некоторую сумму. Как правило, она или отправлялась на счет, где и хранилась, или же вкладывалась в семейные предприятия. Или не семейные. Помимо имени и положения, своему мужу я должна была принести около полумиллиона золотом.

- Сколько?! – у Эдди этакая сумма в голове не укладывалась.

- Думаю, что сейчас больше. Моими деньгами распоряжался весьма... специфического склада человек. Именно с ним я и хочу встретиться. Сейчас он довольно стар, но, сколь знаю, от дел не отошел. Так что... эти деньги вам помогут.

- В чем?

- Это не Запад, Эдди, - произнесла матушка нежно. – Это цивилизованный мир. Здесь правят деньги. Без них тебя просто никто не воспримет всерьез.

Глава 7 О разбитых надеждах и коварных обманщиках

Глава 7 О разбитых надеждах и коварных обманщиках

Эва писала письмо.

Аккуратно. Старательно выводя каждую букву.

«Дорогая матушка...»

Матушка, несомненно, расстроится. Хотя, конечно, о том, что с Эвой случилось, уже известно, поэтому она и будет в расстройстве. И как понять, расстроится ли она сильнее или, наоборот, обрадуется?

Хотелось бы верить, но...

«...сим посланием спешу уверить вас, что пребываю в добром здравии».

Эва чихнула, хорошо, хоть перо успела отложить, а то бы брызги остались. У нее всегда с чистописанием не ладилось, и вот ныне поспешила, а потому последние буквы слились в одну, нечитаемую.

Ничего.

Матушка Гри заверила, что письмо доставят ныне же. А уже завтра, если родители Эвы возместят затраты, то и Эва воссоединится с ними.

Разве не чудесно?

Сердце билось быстрее. И Эва покусала губы.

«Мне несказанно жаль, что я своим своеволием доставила вам столько неприятностей. Я стала жертвой подлого предательства и спаслась от участи, которая хуже смерти, лишь чудом».

Эва, правда, не была уверена, что жизнь со Стефано и вправду хуже смерти, но в книгах упоминали о чем-то подобном.

Так пусть будет.

И матушка опять же... может, обеспокоится и потом не станет сильно ругать.

Нет, станет, конечно.

И сляжет с мигренью. А как встанет, так и запрет Эву в поместье на месяц. Или даже на два. С молитвенником и рукоделием. Пускай. Сейчас Эва была согласна и на такое.

- Ты не пыхай, - пробурчала Кэти.

Она устроилась в углу комнаты, забравшись на кресло с ногами и завернувшись в какой-то вовсе уж необъятный платок грязно-серого цвета. В полутьме поблескивали глаза, а лицо Кэти почти и не различить было.

- Пиши давай.

- Я подбираю слова, - сказала Эва со вздохом. – Не подбираются.

- Так ты так пиши. Чего подбирать. Как оно есть. Гоните, матушка, деньгу, пока вашей любимой доченьку не похужело, - это Кэти произнесла мерзким блеющим голосочком.

Эва не так разговаривает!

Совершенно даже непохоже!

Но Эва поджала губы и склонилась над листом.

«Меня спасли люди, которые, однако... - и опять задумалась. Вот как сказать, что им нужны деньги? Тогда это уже не спасение выходит. - ...однако понесли убытки. А потому для моего возвращения необходимо возместить их в полной мере».

Кажется, так.

Теперь поставить сумму... пять тысяч.

Это много.

Очень много. Но ведь у отца найдутся? Он не пожалеет... он матушке на день рождения поднес ожерелье с топазами, и матушка говорила, что то стоило больше двух тысяч. Две тысячи – это получается, что за Эву два ожерелья просят.

У матушки их много.

И у самой Эвы тоже драгоценности имеются.

- Написала? – Кэти выползла из кресла. – Тогда шуруй обратнова.

- Там холодно, - Эва протянула лист, на котором поставила свою размашистую подпись. – Я замерзла. А если заболею?

- Станешь должна больше, - Кэти на лист посмотрела, но как-то так, что стало ясно – читать она не умеет. – Целитель обходится дорого.

Эва поднялась.

Возражать?

Сопротивляться? Нельзя. Тогда её не просто запрут, могут и на цепь посадить. Конечно, они вроде бы договорились с матушкой Гри, но... мало ли.

И вниз Эва спускалась спокойно. Благо, бульон вернул силы, и пусть Эву еще слегка покачивало, но не настолько, чтобы потребовалась посторонняя помощь.

Дверь заперли.

Правда, ненадолго. Скоро Кэти вернулась с толстым одеялом, которое пестрело пятнами, но Эва согласна была и на такое, и еще платком.

- На от. Неженка.

- Спасибо, - искренне поблагодарила Эва, а Кэти только фыркнула. И снова ушла, правда, чтобы в очередной раз вернуться. И принесла она поднос с миской каши, высоким кувшином, от которого пахло травами и еще чем-то кислым.

- На от. Ешь. А то тощая совсем. И без сисек. Без сисек клиент плохо идет. А нет клиента, нет и денег.

Эва кивнула, опасаясь уточнить, какой именно клиент должен быть. Точнее... она догадывалась, но догадка эта была слишком ужасна, чтобы в нее поверить.

Дверь Кэти заперла.

А Эва... Эва села есть. Есть ведь хотелось, причем настолько, что темная, вареная на воде овсянка, показалась невероятно вкусной. А вот от компота закружилась голова и... и кажется, она снова скользнула в сон. Точнее скользнуло тело, дух же остался.

Рядом.

Он и видел, как отворилась дверь, пропуская Кэти. И та, обшарив Эву – что она надеялась найти? – затолкала её на лежанку. Сверху Кэти набросила платок, а уж потом накрыла одеялом.

Постояла.

Вздохнула.

И забрала поднос.

Эва двинулась следом. Что её еще делать? Кажется, что-то подлили в компот, но если и травы, то другие.

- Спит? – Матушка Гри ждала наверху. И эта комната разительно отличалась от прочих. Она была невелика. И светла. Горел камин, и кресло Матушки Гри стояло столь близко к нему, что это было просто-напросто небезопасно.

Сияли свечи.

И зеркало притаилось в углу.

Изящная мебель.

Обои в темно-зеленую, по последней моде, полоску.

- Да, Матушка.

- Все съела?

- Да, Матушка. И выпила.

- Вот и отлично. Утром дашь ей напиток. Выведи погулять. Вроде девица не совсем безголовая, пусть разомнется, а то сама знаешь, взаперти они хиреют.

- Хорошо.

- Садись, - Матушка указала на кресло. – Письмо... найди мальчишку, только толкового, пусть отнесет. Она сказала, куда?

- Да.

- Замечательно. За мальчишкой пусть Шнырь приглядит. И за домом тоже. Посмотрим, так ли она нужна...

- Думаете... - робко поинтересовалась Кэти.

- Спину выпрями. И следи за осанкой. Опять корсет не надела?

- Он давит!

- Он фигуру выправляет. Иногда нужно уметь терпеть неудобства, - странно, что говорила она точь-в-точь, как матушка. – Если и вправду надеешься открыть свое дело, научись преподносить себя. В тебе должны видеть не поднявшуюся шлюху, а леди.

- Леди? – Кэти издала хриплый смешок. – Да какая из меня, на хрен, леди?

- Пока и вправду никакая, - легко согласилась Матушка Гри. – Бери пример с девчонки. Уехать с любимым, чтобы очнуться непонятно где, узнать о предательстве... и бровью не повела. Ни слез, ни истерики... истинная леди. Сдержанность и достоинство.

Эва вздохнула.

Наверное, матушка могла бы порадоваться. Все-таки её воспитание дало свои плоды, но... что-то подсказывало, что не порадует.

- Дура она просто, - возразила Кэти. – И не сообразила пока, во что вляпалась. А вы... отпустите?

- Глупости не говори. Редкий товар. Этот идиот сам не понял, что ему попало в руки... нет, но деньги лишними не будут.

Услышанное заставило Эву окаменеть.

Как так?!

Они ведь договорились!

- Не вздумай сболтнуть лишнего, - спохватилась Матушка Гри. – Пусть девчонка думает, что семья её с выкупом затягивает. А пока – пусть ест, гуляет. В целом она здорова, но цвет лица надо подправить, больно бледная.

- И долго...

- Весточки я уже разослала. Думаю, недели хватит. Там устроим встречу с... действительно достойными людьми.

- А ей чего скажем?

- Скажем, что семья от нее отказалась. И что она должна мне денег.

Сволочи!

- А поверит?

- Куда ей деваться, - Матушке Гри, кажется, было все одно. – Главное, чтоб сейчас не дергалась, а потом уже пусть хозяин за ней и приглядывает.

Хозяин?

Какой хозяин... и что делать Эве?

А что она может сделать?! Закричать... только крик призрака разбилась о запертые стены.

Нет. Это... это не выход. Тогда в чем выход. Надо... надо снова... нет, нет, нет... Тори ведь тогда, когда попробовала... она не вернулась. И сама Эва... с ней ведь тоже может произойти... и... сейчас подходящее время.

Тело спит.

А если... если Эва все-таки не вернется? Если то, что случилось с Тори, повторится? То... то, возможно, это и к лучшему. Тело останется. И ему будет совершенно безразлично, что с ним сделает Матушка Гри. А так...

Спокойно. Надо успокоиться. И думать. Правда, думать у Эвы никогда не выходило, точнее, она если и думала, то не так, не правильно. Но сейчас она постарается. Надо... надо что-то сделать.

Как-то.

Что? И как?

Брат должен был бы уже вернуться.

Берти всегда относился к Эве... хорошо. Пожалуй. Он, конечно, как отец, всегда занят, но когда нет, он... надо все-таки успокоиться.

Это важно.

Прежде всего успокоиться. Но как, если внутри все кипит? Ничего. Вдох и выдох. Призраки тоже умеют дышать. Во всяком случае, Эва помнила, как это делается. И досчитать до десяти. Лучше до дюжины. Дюжина яиц стоит пенни, пара фунтов муки – еще один, сколько можно испечь пирогов? И по чем продавать их на благотворительной ярмарке, чтобы это не принесло убытка.

Глупая задача.

Для пирогов муки и яиц мало, надобны еще сахар, соль, молоко и дрожжи, не говоря уже об изюме с орехами, которые хорошо бы вымочить в крепком бренди. Так, кажется, получается. Задачи по хозяйству всегда приводили Эву в ужас, но оказалось, что настоящий ужас куда ужаснее. Теперь... теперь в тело.

Соединиться.

Но не позволить себе уснуть. Точнее надо уснуть, но сохранив во сне разум. Как... это было так давно. И она уже почти забыла, насколько ярок тот, иной мир.

Надо помнить, что он не настоящий.

И... и он больше, чем просто сон.

Во сне она сидела у окна и вышивала. Еще одно утомительное занятие, которое Эва терпеть не могла.

- Какая красота получается, - Тори взмахнула руками, и широкие рукава её платья взметнулись, словно крылья. Она была в бирюзовом. Ей очень к лицу этот цвет.

И... и неправда.

Тори давно забыла, как улыбаться. Взгляд её рассеян, на лице застыло одно и то же, слегка удивленное выражение.

- Тебя нет.

- Я есть, глупая, - Тори крутанулась, и пышные юбки взлетели. А платье на ней то самое, как... как в тот день. Первое взрослое, длиной в пол. И никаких панталончиков, которые бы выглядывали.

Муслин.

Кружевная отделка.

И крохотные серебряные пуговицы.

- Ты не вернулась.

- А ты сбежала, но я знала, что рано или поздно мы встретимся. Я так рада! Я так по тебе скучала, - Тори протянула руки. – Обними же.

- Нет, - Эва отступила и покачала головой. – Это не ты. Ты... заблудилась.

- Глупости. Я просто не захотела возвращаться и все. Зачем?

- Там жизнь.

- И здесь тоже! Оглянись! Смотри... - взмах рукой и комната, очертания которой и без того были смутными, как это случается во сне, исчезла.

Луг.

Тот самый, из детства.

Синяя нить реки. Цветы. Запах их тяжелый, и это заставляет отступать. Во снах запахи – редкость. А тут... и Тори кружится, превращаясь в себя, прежнюю.

- Здесь лучше, чем там! Знаешь, почему?

- Нет.

Надо... надо уйти. Куда? Как вырваться из сна, если он становится реальностью. Не верить. Просто не верить. И... и Эва сюда пришла не просто так. Ей помощь нужна.

- Потому что здесь все так, как я хочу! Смотри!

- Девочки... - матушка шла по лугу, и ветер тянул юбки её легкого платья. Дрожали ленточки на шляпке, которую матушка придерживала одной рукой. – Идемте. Мороженое тает...

Мороженое?

- Берти все съест.

- Не съест, - шепнула Тори. – Я ему не позволю! Это ведь мой сон.

- Нет, - Эва покачала головой. – Это мой сон.

- Он может стать общим. В конце концов, что тебя ждет? Да, может статься, за тебя все-таки заплатят, но не факт...

Не слушать.

Но не получается.

- Ты ведь сбежала из дому. Опозорила и себя, и семью. О побеге узнают. Даже если попытаться скрыть, все равно узнают. Есть ведь слуги, а они не будут молчать. Так что скоро о твоём поступке заговорят все. Все-все, Эва! – это она прошептала на самое ухо. – И что тогда? Замуж? Кому ты после всего нужна?!

Обида закипала внутри.

Эва не виновата, что... что все так.

- Ты стала здесь злой.

- Нет. Это ты всегда была слишком добренькой. А на самом деле им проще тебя похоронить. Раз и нету. Или запереть где-нибудь. Где они заперли меня? В поместье? Так и с тобой сделают. Чтобы приличий не нарушать. А в моем мире... они будут нас любить! Всегда! Что бы ни случилось!

- Но это ведь неправда!

- Пока ты в нее не согласишься. А когда согласишься, будет правдой. Так что, Эва, дорогая, выхода у тебя нет... тебя продадут. Возьмут и продадут. Как лошадь. А дальше что? Что с тобой сделают? Знаешь? Хочешь расскажу?

- Откуда ты...

- Во снах людей столько всего, - она села на качели и легко оттолкнулась ногой. - Жаль, что я не до всех могу дотянуться. До тебя могу.

- Вернись.

- Зачем? Чтобы матушка опять приставила ко мне гувернантку? Чтобы мучить себя чистописанием? Или составлением букетов? Чтобы слушать о долге? О том, как я должна себя вести? И выйти замуж за того, на кого укажут? А потом променять одну клетку на другую? Не от этого ли ты бежала, Эва.

- Я... я просто влюбилась.

- Нам нельзя влюбляться. Тебя ведь предупреждали.

Да. Предупреждали. Но... но никто не говорил, что невлюбляться так сложно!

- Себе хоть не ври. Любовь не при чем. Тебе просто надоела та жизнь. Я тебе предлагаю новую. Совершенно иную! Такую, в которой ты будешь счастлива! Всегда! Каждое мгновение!

Ложь.

- А врать ты так и не научилась, - и Эва сделала единственное, что могла, стерла этот сон.

И... дальше что?

Назад? В тело?

Тогда... тогда и вправду все зря. Нет. Она не отступит. И страшно. Безумно страшно. Тори сошла с ума? Или это не Тори? Это разум играет в игры? Тори не вернулась, но... но это не значит, что именно её Эва и встретила.

Думай.

Думай же. Не о любви. О спасении. Нужно дотянуться до... до брата. Он ведь приехал, так? И должен быть... в городе должен быть. Где? Дом.

Их городской дом.

Эва год уже там не была, но представила его себе таким, каким помнила. Серое мрачное строение в готическом стиле. Высокая ограда. Каменные чудовища на карнизах. Матушкины петунии, которыми она пыталась хоть как-то развеять поселившуюся в доме черноту.

Холл.

Пустой и гулкий.

- Бертрам! – Эва чувствовала себя ничтожно мелкой. И голос её тонул в пустоте, только где-то там, в темных глубинах дома, отозвалось эхо:

- Трам, трам...

Надо подняться. Лестница выглядит бесконечной, но это ложь. Это... это сон Эвы! И если повезет, то не только её. Шаг. И она на вершине. Что ж, получается. Теперь надо найти...

Матушка.

- Боги, за что мне это! – матушка в гостиной, она полулежит в кресле, прижимая ко лбу белое полотенце. Наверняка, то пропитано ароматными маслами. – Как она могла?! Как могла так с нами поступить.

- Хватит, мама, - а Бертрам изменился.

Загорел? Не сказать, чтобы сильно. Он все равно остался бледным и... и все равно изменился, хотя не понять, как именно.

- В том, что случилось, наша вина. Мы не смогли её защитить.

- Сложно защитить от дурости.

Бертрам покачал головой. Но говорить ничего не стал. Он задумался, уставившись в окно. Но за окном клубилось что-то серое.

- Бертрам!

- Я послал в банк. Деньги будут, но...

- Когда она вернется, я её выпорю!

- Если, - тихо произнес он.

- Что?

- Они не всегда возвращаются, мама... я видел. Ты... ты просто не понимаешь пока, как часто они не возвращаются.

- Твоя невеста, - эти слова матушка почти выплюнула. – Негодная девчонка...

- Которая просто поверила в любовь. Да и та любовь... её внушили. А теперь она мертва.

- Мне... жаль.

Маме не было жаль. Но разве это имеет значение.

- Сейчас главное, чтобы Эва вернулась.

Нет! Её не вернут! Обманут!

Их всех обманут!

Но на душе все равно тепло. Эву не бросают. Эва нужна своей семье. Пусть даже и опозоренная. А...

- Бертрам! – она вложила в этот крик все силы. Но брат даже не дрогнул. Да и... это сон? Или правда? Или... или изнанка мира, о которой предупреждала бабушка?

- Я поработаю с деньгами, - он повернулся к матушке. – Иди. Отдыхай. Объяви, что Эва заболела.

- Не поможет. Кто-то все равно проболтается.

- Тебе ли не знать, что болтовня без доказательств ничего не стоит. Да и сейчас найдется о чем поговорить. Император пока знает не все, но... того, что Диксон привез с собой хватит, чтобы всколыхнуть это болото. Про Эву и не вспомнят. Если она вернется.

Он стиснул кулак, и вокруг полыхнуло темное марево.

- Берт!

- Извини, мама. Я... мне нужно побыть наедине. Подумать. И когда придут из банка, отправь ко мне.

Матушка молча поднялась. Она никогда не возражала отцу, когда он пребывал в том беспокойном состоянии, которое позволяло дару раскрыться.

- И еще... я жду одного человека. Точнее не совсем человека, но он разбирается в делах подобного рода. Предупреди, чтобы Венцель его не завернул.

Когда матушка вышла, Бертрам закрыл лицо руками.

- Что же ты натворила, Эва...

Эва вздохнула.

Ей было жаль.

Очень.

Глава 8 В которой случается более близкое знакомство со свекровью к обоюдному неудовольствию

Глава 8 В которой случается более близкое знакомство со свекровью к обоюдному неудовольствию

Я смотрела на свекровь. Она смотрела на меня. Так мы и сидели. Буравили друг друга взглядом. И чем дальше, тем сильнее становилось желание сбежать.

- У вас весьма выразительное лицо, - моя свекровь подняла хрупкую чашечку. – Интересные черты. Есть в них что-то такое... нечеловеческое.

- Мой отец не был человеком.

Да я и сама дракон. Но это я говорить не стала. Я ей и так не нравлюсь, без чешуи и крыльев.

- Весьма интересно, - сказала она безразличным тоном. – Но будет лучше, если вы не станете говорить об этом вот так... откровенно.

- Почему?

Нет, папаша был гребаным придурком, тут сомнений нет, но кровь-то тут каким боком? Придурок – понятие интернациональное, от расы и происхождения не зависящее.

- В обществе не принято.

- А...

- И вообще лучше поменьше о себе рассказывать. Мы потом подумаем, какую историю сочинить, чтобы этот брак не казался таким вот...

- Каким?

Чувствую, вот-вот полыхну.

А все Чарли! Я отъеду, дорогая. Ненадолго, дорогая. В канцелярию вызывают, к Императору. А ты пока осмотрись.

Дорогая.

Чувствуй себя как дома, что говорится.

Чаю попей.

Опять.

Вот и сижу. Хлебаю прозрачный безвкусный чай.

- Нелепым, пожалуй, - матушка отставила чашку. – Вы совершенно не вписываетесь.

- Во что?

- Ни во что.

Ага, прежде всего в её планы.

- Что поделать. Уродилась я такой, неписуемой.

И снова сидим. Смотрим друг на друга. Ей явно хочется мне яду сыпануть, да и у меня мысли подобные в голове крутятся, чего уж тут. Но улыбаемся. Старательно так. Аж лицо сводит.

- К сожалению, - это моя дорогая свекровь произнесла с искреннейшим сожалением. – Нам придется искать выход.

И вздохнула.

Я тоже вздохнула. А чашечку отставила.

- А ужин будет? – поинтересовалась я, потому как завтрак давно переварился, обед я, как понимаю, пропустила, но хоть на ужин-то попасть должна.

- Леди пристало проявлять умеренность, - свекровь не упустила случая уколоть.

- Леди пусть проявляют, а я жрать хочу, - почему-то хотелось сделать гадость.

Определенно.

Я ведь знала, что леди так не говорят.

И не сидят, откинувшись в кресле, опершись на подлокотник. И вообще ведут себя иначе. Я... я бы тоже могла. Наверное. Да вот беда, желания не было.

Матушка Чарли прикрыла глаза.

- Что ж, - сказала она. – Думаю, нам стоит поговорить серьезно.

А то до этого мы мило шутили?

- Ужин, несомненно, будет, но я не уверена, что вам, дорогая моя, место за одним столом с воспитанными людьми.

- Могу пожрать и в комнате.

Матушка бы укоризненно взглянула, и у меня сразу проснулась бы совесть. Может, даже настолько, чтобы извиниться. И притвориться леди.

Чтоб их.

Но матушки тут не было... к слову, надо будет узнать у Чарли, где она.

- Да, это было бы замечательно... завтра я приглашу модистку. И кого-нибудь, кто займется вашей внешностью, хотя сомневаюсь, что её можно улучшить. Но цвет вашей кожи общество не поймет.

Охреть.

Еще и цвет кожи не угодил. Обществу. Чарли вот притерпелся как-то, а общество, значит, не поймет.

- К сожалению, мой сын весьма уперт. Да и брак этот... боюсь, что в свете последних событий Его императорское Величество могут пойти на встречу и дать свое согласие.

- На что? – осторожно поинтересовалась я.

- На то, что этот нелепый брак признают законным.

Нелепый?

Может, и нелепый мой брак... может даже совершенно случайный и в любом ином случае мы бы в жизни до женитьбы не дошли, но все равно ведь он настоящий.

Его боги благословили.

- Может быть иначе? – сухо поинтересовалась я. А внутри опять закипело. Что я ей сделала-то? Я ведь не стремилась. Чарли сам вызвался. А потом... потом взял и свалил из дому, оставив меня наедине с этой вот, будто не понимая, чем все закончится может.

Или рассчитывал, что мы возьмем и проникнемся друг к другу внезапной любовью?

- Вполне... видишь ли, дитя...

Дитя я стерпела.

Я вообще бываю на диво терпеливой, особенно, когда револьвер далеко, а убивать человека вроде пока и не за что, пусть даже очень хочется.

- То, что вы называете браком, несомненно, является связью... и вполне вероятно, это имеет какое-то значение там, на диких землях. Но здесь, в цивилизованном мире, важен брак, заключенный в храме.

- Храм был.

- И священник? Рукоположенный? Такой, чье имя значится в списках Храма?

Вот тут я задумалась. Сомневаюсь.

Крепко.

- Ты вообще в церкви бывала?

- Бывала, - честно сказала я. – Раза два. Или три.

- Боже...

- По делу. Там один мошенник прятался. Тоже выдавал себя за священника. А на деле – скотина и многоженец. Еще и конокрад.

Она закатила глаза.

- Многоженство ему простили бы. С кем не бывает. У нас и вправду все проще с этим делом, да. А вот кони – это другое. Особенно, когда уводишь их у людей серьезных... нам за него двадцатку заплатили.

Леди прикрыла лицо рукой.

- Но в церкви я бывала. Даже на службе. Как раз он и вел. Кстати, говорил предушевнейшей. Так чего не так?

На деле не совсем, чтобы правда. Хаживала я туда. С матушкой. И одно время даже пыталась слушать, чего говорят, но говорили обычно много и нудно, отчего зверски клонило в сон.

Сомневаюсь, что тут иначе.

- Все не так, девочка... все не так... во-первых, Чарльз состоит на службе Императора, а потому не может вступать в брак без высочайшего на то дозволения.

Да. Неудобненько вышло.

- Закон старый. Император им не злоупотребляет, как правило, он с легкостью дает согласие, но не тогда, когда воля его была нарушена.

- Мы не специально, - вздохнула я. – Так уж вышло.

- Верю, - она убрала руку и поглядела на меня с сочувствием. Почти. – Но тем не менее, Чарли сделал ошибку, и за нее спросят. Во-вторых, у Его Величества имелись собственные планы.

Что-то там такое я слышала.

- И выходка Чарльза определенно вызовет неудовольствие.

Ну... мне жаль. Или нет? Пока не решила. А потому молчу.

- Добавим то, что Церковь уже лет сто как добилась права признавать лишь те браки, которые заключаются под сенью её и её же служителями. Делалось это именно для того, чтобы защитить глупых девочек, которые сбегали из дома, чтобы сочетаться каким-нибудь «старым обрядом». Как правило, после этого они оказывались на улице, без денег, с испорченной репутацией и хорошо, если не в

положении. А их так называемый «муж» снова и снова сочетался браком...

- То есть...

- С одной стороны вы связаны, это будет видно каждому, кто хоть что-то понимает в магии. С другой, эта связь, существующая в тонком мире, не затрагивает такую вещь, как закон и право. С точки зрения и того, и другого, Чарльз совершенно свободен.

Задница.

И не просто задница, а глубокая, адски глубокая задница.

- Вижу, ты способна думать, - матушка Чарли улыбнулась куда как сочувствующе. – Да, разорвать эту связь невозможно, но и не нужно. Ничто не мешает моему сыну, допустим, отправить тебя... куда-нибудь. Наш род богат, найдется поместье.

Где-нибудь в их цивилизованной глухомани.

- Ты будешь жить там. Чарльз – мальчик благородный, он не бросит свою так называемую супругу... но и он поймет, что для рода будет лучше, если об этой... свадьбе никто и ничего не узнает. Для тебя в том числе.

- Хрена с два.

- Деточка, ведь жить можно и не в поместье. Есть иные, куда менее комфортные места...

- Знаете, - я поднялась. – О том, где мне жить, я у мужа спрошу. И да, если уж так нужно постоять в этой вашей церкви, думаю, Чарли не откажется.

Женщина поджала губы.

Кажется, от меня ждали чего-то другого. Чего? Да... плевать.

- Эй, - я окликнула лакея, что крался мимо. – Где тут мои комнаты? Отведешь?

Он икнул.

И кивнул.

Его императорское Величество слушал.

Внимательно.

Не перебивая. А Чарльз не мог отделаться от мысли, что привозить сюда Милисенту было ошибкой. Что... он запнулся. И продолжил. А Его императорское Величество едва заметно кивнул, то ли подбадривая, то ли отвечая на собственные мысли.

И оставлять наедине с матушкой.

Матушке она не понравилась, оно и понятно, у матушки имелись планы, а она терпеть не может, когда эти планы ломаются. Пусть даже Чарльз их ломает.

Еще и Августа.

Она, может, на Чарльза планов не имела, но почему-то решила, что во всех бедах её именно Милисента и виновата. А значит, с матушкой общий язык найдут.

Завтра же.

Завтра Августа отправится в деревню. Там воздух свежий, покой. И матушка с нею, хотя будет возражать, но Чарльз справится.

И с Императором в том числе.

- Что ж... - он заговорил, и низкий рокочущий голос как всегда вызвал желание согнуть спину. – Не могу сказать, что новости хороши, но да, могло быть и хуже... мой дорогой родственник изложил примерно то же самое.

Император тяжело поднялся.

Он не был молод, но и не был стар. Невысокий. Хрупкий даже. Но от него тянуло такой мощью, что находиться рядом могли немногие.

Чарльз мог.

- Силы у тебя прибыло. Хорошо. А вот нерасторжимый брак не слишком хорошо. У моих имелись на тебя виды, но как-нибудь переживут... девочку надо представить. Если и вправду так сильна, то и дети будут хорошие. Дети...

Он опять замолчал, как случалось порой. И взгляд Императора блуждал по комнате, не задерживаясь ни на золотой лепнине, ни на портрете, где Его императорское Величество были изображены с семьей.

- По обряду. Ты читал?

- Да.

- Что думаешь?

- Там и вправду ничего сложного.

- Именно. В этом и проблема, - Император оперся на столешницу. – А замолчать не удастся. Слишком многие знают... знали... в Старом Свете и вовсе... поселение то опять же.

Он задумался.

- Убрать не получится. Заткнуть тоже. Надо ограничить.

- Но...

- Зачем? – Чарльз выдержал и прямой взгляд. – Магов становится меньше... это да. И продолжить род им сложнее. Это тоже верно. Старик отыскал способ... надо бы порадоваться, но не выходит.

Почему?

Технология ведь снимает почти все ограничения. Или... в этом дело? Маги нужны, несомненно. Императору в том числе, но когда магов слишком много...

- Вижу, начал думать. И понимать. Если просто выпустить это в мир, то каждый, в ком есть хоть капля силы, станет плодить себе подобных. А ведь мага мало родить, его еще надо выучить. И проконтролировать, чтобы он со своей силой какой пакости не учинил.

К примеру, заговора.

Или восстания.

- Вот, - Император поднял палец. – Поэтому... если уж знают все, то пускай себе знают. Надо лишь несколько подкорректировать это знание. Скажем... создать Ритуал. Особый. Провести который сможет лишь особа императорской крови.

- А... как же Змей? То есть лорд Сассекс?

- А в нем есть эта кровь. Сассексы происходят как раз из боковой ветви Тюдоров. Более того... - тяжелые пальцы легли на спину золотой лошади. – Его ублюдок проводил обряды, но девочки умирали. Пусть об этом станет известно. Причем чем больше людей узнают, тем лучше. Впрочем... не тебе, найду, кто займется.

Чарльз не сомневался.

Завтра, или, возможно, послезавтра в газетах выйдут статьи. Страшные. Про Город Мастеров. Про свихнувшегося потомка древней династии... мало ли, про что еще. С подробностями и гравюрами. Пусть гравюры будут посредственного качества, а подробности далеки от правды, но кому нужна правда? Людям бы сказок, да чтобы жуткие, но со счастливым концом.

- Пусть до всех дойдет, что ритуалы у него не выходили, поскольку сила крови была не та... и вовсе отца не слушал.

Император повернулся к Чарльзу.

- Ты...

- Буду молчать.

- Именно. Умный мальчик, - Его Величество благосклонно кивнули. – А лучше намекни, что у меня кровь нужной силы.

И стало быть, обряд может быть проведен.

Но снизойдет Император не ко всем. И это тоже было ясно.

- Вот и замечательно... - он повернулся к креслу. И все-таки Император немолод. Но и старым назвать его язык не поворачивается. Сколько ему? Не то, чтобы это было тайной, но... Чарльз как-то не задумывался над подобным. – Награду... сам думай, что тебе надо.

- Брак. Вы признаете его законным.

- Это вопрос?

- Это просьба. И награда.

А еще он умеет улыбаться, только улыбка какая-то... тоскливая.

- Уверен? Можно ведь иначе.

- Нельзя, - Чарльз и этот взгляд выдержал. И плечи расправил, хотя, конечно, кто он рядом с потомком воистину древнего рода. – Никак нельзя.

- Говорю же... умный мальчик.

Глава 9 Где снова появляется работа по профилю

Глава 9 Где снова появляется работа по профилю
Номер заказа 41885360, куплено на сайте Литнет

В дверь робко постучали.

- Господина Эдуарда Годдарда спрашивают, - возвестил мальчишка из-за двери. – От господина Орвуда!

Чего?

Эдди не сразу понял, что спрашивают именно его... Эдуарда. Придумали, однако же.

Господин.

Тоже выдумали.

- Иди, дорогой. А я пока напишу письмо.

Слуга в ливрее, которая с виду стоила куда больше всего гардероба Эдди, смерил его недоверчивым взглядом, а потом поклонился-таки.

И записку протянул, добавив от себя только:

- Экипаж ждет.

Эдди записку развернул, едва удержавшись, чтобы не понюхать плотную бумагу. И с гербом. Ишь ты... а вот черкнул некромант пару слов.

«Приезжай. Срочно. Пожалуйста».

- Сейчас, - Эдди вернулся за шляпой и револьверами. Цивилизация тут или как, но револьвер в деле точно лишним не будет.

Экипаж сиял лаком и гербами, лошади лоснились, а кучер солидностью мог спорить с тем, другим, который доставил их с матушкой к отелю.

Эдди хмыкнул и, забравшись в обитое бархатом нутро, откинулся на диване. И глаза прикрыл. Что-то наклевывалось... определенно.

Особняк некроманта стоял словно бы наособицу, на перекрестье двух широких улиц. Он возвышался темною громадиной, и глубокая тень ложилась, что на эти улицы, что на экипажи, что на людей.

Пахло...

Да городом и пахло. Железом. Дымом. Сточными канавами, которых вроде и не было, но Эдди их чуял. Прячь или нет, от вони так просто не избавишься.

Он оценил и кружевное плетение ограды.

И ворота, что распахнулись перед экипажем будто сами собой. Серый камень. Серые фигуры диковинных зверей. Узкие стрельчатые окна, которые тоже глядятся серыми.

Редкие цветы.

Правда им тут тяжело, оттого и цветут мало, да и вовсе выглядят так, словно вот-вот прахом станут.

Дверь открыли.

Поклонились.

- Господин ждет, - сухие слова, но и тон, и взгляд выражают легкое недоумение.

Плевать.

А некромант за полдня успел перемениться. Куда только подевались, что дорожная помятость, что щетина.

- Доброго вечера, - Эдди приподнял шляпу, решив, что и этого довольно. – Или не очень.

- У меня сестра пропала, - Бертрам указал на кресло. – Садись.

Тут Эдди и подумал, что это он где-то уже слышал.

- Вот... прислали. Письмо.

Он протянул пару мятых листов, исписанных бисерным почерком. И рука-таки дрогнула.

- Давно? – листы Эдди взял.

Скользнул взглядом, отмечая, что почерк был, конечно, красивым, но за этой красотой хрен поймешь, чего все-таки написано. То ли «а», то ли «о», то ли просто кружавчики.

Нет, он прочел.

Читывал каракули и похуже.

Бертрам не торопил.

- Матушка утверждает, что понятия не имела об этом... Серджио. Я отправил людей к её подруге, но... сам понимаешь, пока туда, потом обратно... полиция... они немногим больше могут. Да и ненадежно это. Слухи пойдут. Хотя... плевать на слухи.

Он стиснул кулаки и в кабинете стало неуютно.

Настолько неуютно, что и Эдди ощутил всю свою каменной шкурой.

- Верни её.

- Послушай, - Эдди осторожно положил листы. Ничего-то нового. Большая любовь.

С девицами случается. Со всеми, даже самыми разумными. И незамутненная вера, что все-то будет хорошо, что с нею вообще случиться может? Что она выйдет замуж, обустроится и всенепрерывно напишет.

- погоди, - Бертрам вскинул руку. – Вот. Сегодня принес какой-то оборванец.

Тот же почерк. Бисерные букочки, утопающие в завитушках. Таким хорошо писать приглашение куда-нибудь, а не это вот... нет, ничего-то такого в письме не было, кроме острого ощущения неправильности.

- Ты можешь хотя бы объяснить, что с ней? - тихо спросил Бертрам. Он оперся на стол, и показалось, что, несмотря на кажущуюся худобу человека, дубовая столешница все же не выдержит его веса.

- Ну...

- Правду.

Правду. Эдди поскреб щеку. Щетина уже пробивалась, что вообще неприлично даже по тамошним, Западным меркам. А тут, надо думать, двухдневная небритость и вообще сродни преступлению.

- Ты понимаешь, что это лишь... догадки? – осторожно осведомился Эдди. Еще подумалось, что Чарли в родственниках – не самый худший вариант.

Маг, конечно, но... не некромант же ж. А тут прямо жутью веет. Жуткой.

- Меня устроит.

- Что ж... думаю, что твою сестрицу выбрали, как... остальных.

- Мою невесту?

- Она ведь девица из хорошей семьи, да и с даром ко всему.

- Не сказать, чтобы сильным.

- И слабый сойдет, - отмахнулся Эдди. – Ты ж сам знаешь, одной капли достаточно.

- Он же мертв. И не только он.

- Так ведь... понимаешь, даже нормальная змея, если ей голову отчекрыжить, не сразу преставится, чего уж про такую говорить. Это ведь... смотри, Змеенышу нужны были бабы. Девицы, - поправился Эдди. – Сперва немного, но чем дальше, тем больше. Для него. Для союзничков. Для... да мало ли, для чего. Думаю, что и тут многие бы не отказались от милой покорной супруги, которая всенепременно родит одаренное дитяtko. Верно?

- Дерьмо, - сказал Бертрам.

- Вот-вот. Там-то мы поработали, но тут ведь... не сами же благородные господа на девок охотились. Для этого специальные люди есть. Такие, которые горазды голову задурить. А потом перевезти девицу в тихое местечко, ну и оттуда в Город Мастеров, где ей окончательно мозги свернут большой любовью. И эти люди далеко не сразу сообразят, что товар сбывать некуда.

- Товар?

- А для них это и есть товар. Специфический. Неудобный. Но дорогой, - Эдди все-таки присел на кресло, которое даже не заскрежетало. Крепкое, стало быть. – И работа.

- Я...

- погоди. Не перебивай. Так вот, с твоей сестрицей работали, судя по этому вот письмецу. Целенаправленно. Внушая, что у нее любовь и бежать надобно. Она и сбежала. Но вот это, - Эдди поднял второе послание, писаное на мятой какой-то пропахшей плесенью бумаги. – Говорит, что все пошло не так.

Он сделал вдох.

- Скорее всего её большая любовь узнала, что сбывать некому. Или перекупщик сказал, или... повезло, что от нее сразу не избавились.

Некромант прищурился. И как-то вот вспомнилось, что от этой братии и на том свете не скроешься.

Найдет.

Всех.

- Девчонку скинули, думаю, какой-то знакомой мамашке. И та выложила неплохие деньги. Меньше, чем заплатил бы Змееныш, но все же...

- Убью.

- Это ты потом. Сперва список составить надо.

- К-какой? – Бертрам почти шипел.

- Кого убивать станешь. Но не спеши. Мамашка, небось, привела девчонку в чувство и порасспросила. Они умеют... разговаривать.

Пальцы хрустнули.

- Погоди. Я не о том, - Эдди поглядел с укоризной. – Никто не станет девчонку мучить или пытаться. Это ж товар. Его испортить недолго. Будет скандалить, отвесят затрещину-другую и все. Но и то навряд ли. Есть же ж травы... тот же морфий. Или опиумная вода. Любая спокойною станет. Мамашке что надо? Чтоб затраты отбились. А от истерящей, рыдающей девицы какой прибыток? Так что, будь уверен, писала она сама. И без принуждения.

- Они её вернут.

- А вот на это я бы не рассчитывал, - покачал головой Эдди и замер, упершись пальцами в подбородок. Бертрам не торопил. – Понимаешь... мамашки – твари скользкие, а еще с немалым чутьем на неприятности. Вот вернут тебе сестрицу. Ты же не забудешь, что она пропадала? Начнешь копать, выяснять, что да где, да как... этак, глядишь, и до правды дойдешь.

- А так не дойду?

- Ну... я-то тебя знаю. Доберешься. Но они-то к другому, может, привыкли... скажем, дадут тебе адресок, ты туда кинешься и найдешь горящий домишко. В нем же кости. Или вот одежонку знакомую на берегу реки.

- Это вернее. По костям я многое сказать могу.

- Ну вот. Или еще что... возвращать и опасно, и невыгодно. Куда приятнее дважды получить плату за один товар. Ты это... не сорвись, - попросил Эдди.

- Я слушаю.

И так сказал, просто аж до самого хребта холодом и жутью протянуло. Эдди почесал шею.

- Так слушать нечего более... разве что тварь это старая и опытная, а оттого самоуверенная.

- Думаешь?

- Думаю. Письмецо сюда принесли?

Бертрам кивнул.

- Они не могли не знать, чей это дом. И семейка твоя наверняка на слуху. А это плохо... девку продадут, но... понимаешь... такие дела...

такой товар, он не для простого человека. Стало быть, съедутся благородные господа.

- Ты преувеличиваешь.

- Ну или богатые. Очень богатые... такие, которые могут потратить пару тысяч на молоденькую невинную девицу. Не суть. Главное, что... понимаешь, они лишь бы с кем дела иметь не станут.

Бертрам перевел взгляд на стену.

- Да и она... наша мамашка крепко шерифа привечала, да и мэру не забывала поклониться, хотя, конечно, о том никто вроде как не знал.

Эдди замолчал.

- В полицию идти бесполезно? – уточнил Орвуд.

- Ну... скажем так, ты, конечно, сунулся бы, после того, как сестрицу не вернули бы. И тебя бы выслушали. Покивали бы. Учинили бы расследование, которое ничем бы не закончилось.

Выразился Бертрам вполне определенно.

- Но есть и хорошие моменты.

- Хорошие? – Бертрам стиснул кулак так, что костяшки побелели.

- Время. Оно еще есть. Конечно, существует возможность, что она предложит твою сестру конкретному человеку, но... обычно мамыши предпочитают аукцион. А собрать его не так и просто. Никто не бросит дела ради прихоти старой сводни.

- Сколько?

- Дней пять точно, а там... как повезет.

- Найдешь её?

Эдди вздохнул.

- Я заплачу!

- Не в деньгах дело, - Эдди указал на кресло. – Да сядь ты уже. Думать мешаешь. Тут не деньгт. Другое. Я города не знаю. Людей в нем. Я могу сказать чего-то по верхам, но... там у меня были знакомые. И приятели. Я знал, куда пойти и кому задавать вопросы. Здесь же... я попробую, только как бы хуже не вышло.

- Думаешь, есть куда хуже?

- Всегда есть куда хуже.

- И что мне делать?

- Деньги. Когда их надо отдать?

- Сегодня. Из банка уже должны были доставить.

- Отлично... у тебя найдется это... ну... ливрея побольше.

- Зачем?

- Как я понял, здешние господа сами и до ветру не ходят. Так что приоденусь.

Бертрам закрыл лицо рукой.

- Ты... серьезно?

- Чего?

- Боюсь... ты и вправду... да, там, на Западе, может, кто и нанял бы в слуги подобного... уж извини.

- Головореза?

- Точно. А здесь, боюсь, сразу будет видно, что ты вовсе не слуга. Только спугнешь. Но... - некромант хищно оскалился. – У меня есть свои способы. Так что не волнуйся. Деньги – тоже инструмент. Если они не вернут Эву, то...

Пальцы хрустнули.

- Слушай, - в голову Эдди пришла мысль. Не сказать, чтоб такая уж гениальная. – А может, ты своих порасспрошаешь... из этих... великосветских. Намекнешь, мол, тяжкою поездка была, невеста обидела, а потом и вовсе преставилась, и теперь тебе срочно нужна баба на утешение. Только такая, чтоб чистая и невинная... чего?!

- Боюсь... - Бертрам слегка покраснел. – У меня нет того количества приятелей... у меня вовсе нет приятелей.

- Это ты зря.

- Извини. Не думал, что понадобятся. Некромантов не любят, а вот...

Он замолчал.

- Чарли? – догадаться, о чем думает Бертрам, было несложно. Следом пришла мысль, что Милли это не понравится. Милли это совершенно точно не понравится.

- Думаешь... согласится?

Эдди вздохнул.

- Он – да...

А вот сестрица вряд ли.

- Я сам ей расскажу, - тихо произнес Бертрам. – Она умная достойная женщина...

Это оно конечно да, но только когда не собирается отстрелить кому-нибудь башку.

Глава 10 О том, что рано или поздно, но утро случается

Глава 10 О том, что рано или поздно, но утро случается

Утро.

Ненавижу утро.

Особенно, когда вэот так, неожиданно. Вчера я засиделась, пыусть даже из чистого упряинства. Спать хотелось неимоверно, но я сидела и ждала Чарли.

Сидела.

Ждала.

Ждала и сидела, но потом все-таки заснула, кажется, случилось это далеко за полночь. И вот теперь слышу, как со скрипом раздвигаются шторы, распаивается окно, впуская довольно прохладный воздух, а какая-то сволочь и вовсе сдергивает с меня одеяло.

- Чего надо? – поинтересовалась я, успев зацепиться за край.

- Скоро завтрак, - сказала хмурого вида женщина в темном платье.

– Госпожа не любит, когда кто-то опаздывает к завтраку.

В животе заурчало, напомнив, что ужин тут был тоже так себе.

И я зевнула.

Отпустила одеяло и сказала:

- Тогда ладно.

В конце концов, может сегодня, на свежую голову, я проникнусь, что этим местом, что новоявленной родней.

А Чарльз так и не появился.

Или все-таки... спросить? У кого? У этой, что смотрит на меня, как на врага. И не скрывает недовольства.

Ну ничего, я тоже посмотрю.

Вот... в последнее время у меня очень хорошо получалось на людей смотреть. И женщина не выдержала, отвела взгляд, а потом и вовсе словно вспомнила про неотложные дела.

- Мэри вам поможет, - сказала она, удаляясь с какой-то вовсе уж непонятной поспешностью.

Да я и сама справлюсь, но...

Дверь закрылась.

Дверь открылась, пропуская девицу того сумрачного вида, который бывает у людей, категорически жизнью недовольных. Причем в большинстве случаев их недовольство не имеет какой-то определенной причины, точнее их тысячи и со временем они имеют обыкновение лишь умножаться.

И вот теперь девица поджала губы, отчего унылое её лицо стало еще более унылым.

- Можешь идти, - я все же зевнула, как была, во всю ширь. Запоздало вспомнились матушкины наставления, про зевание в обществе и прикрывание рта рукой. – Покажи, куда одежду дели...

Я оглянулась.

Вчера я, конечно, осмотрелась. В спальней. И в гостиной, но так, осторожно, потому как заставлена эта гостиная была множеством всяких бесполезных и еще хрупких с виду вещей.

К спальней примыкала ванная комната, что было хорошо.

И еще одна, почти пустая, если не считать полок и деревянных болванов, которые в портных лавках встречаются. Правда, эти были исполнены с куда большим мастерством. Но...

Так, Милли, ты, кажется, совсем голову потеряла.

- Госпожа велела выкинуть, - скрипучим голосом сказала Мэри, причем, как мне почудилось, с огромным удовольствием.

- Что?

- Госпожа велела выкинуть, - повторила Мэри, глядя мне в глаза. Правда, недолго.

- Так... - я почувствовала, что закипаю. – Выкинуть? Мои вещи?

- Старье.

Может, и не слишком новые, но... но это мои вещи! Какое право имеет эта женщина ими распоряжаться?

Спокойно, Милли.

Дышим глубже. И сдерживаемся. Не хватало еще сжечь тут все на нервах... но вот ведь... слов не хватает! Цензурных.

- Госпожа сказала, что это не годится даже для того, чтобы бедным отдать, - Мэри решительно подошла ко мне. – Госпожа передала вам пару платьев своей дочери. Леди Августа всегда отличалась отменным вкусом, правда, вы для них... крупноваты, но хороший корсет способен все исправить.

- На хрен, - сказала я.

- Что? – Мэри моргнула.

- На хрен, - повторила я. Мало ли, вдруг да глуховата девица, не расслышала. – И корсет в том числе.

- Но...

- Завтрак где будет? – я вдруг успокоилась. А и вправду вещи старые, хотя, конечно... - Нет, погоди, куда выкинули?

- Но...

- Куда? – я постаралась говорить ласково, а еще снова поймала взгляд. – Знаешь?

- Д-да, - девица вдруг побледнела, точнее приобрела тот серый выразительный оттенок, что свидетельствует о сильнейшем душевном потрясении.

- Чудесно. Тогда иди и принеси.

Старые или нет, но это мои вещи. И если кто их может выкинуть, то только я... а стало быть.

- Но... г-госпожа...

- Тогда отведи меня, - разрешила я, чувствуя, как кипит внутри сила. И главное, она просто есть, не рвется наружу диким пламенем. – Это ты можешь?

Могла.

Мы шли. Поникшая, вздрагивающая от любого шороха девица, и я. Я не вздрагивала, но крутила головой, пытаюсь понять, насколько мне здесь нравится.

То есть... понять я уже поняла. Ни насколько.

Но сам дом неплох.

Большой. Теплый.

Живой.

И ничего не разваливается, не скрипит, не вздыхает. Обои ярко-зеленые, небось, по последней моде, да еще и в золотую полосочку. Сияют позолотой тяжелые рамы. Поблескивает влажно паркет, натертый до того, что еще немного и отражение увидишь.

Статуи стоят в нишах.

Или вон вазы с цветами.

Мэри свернула куда-то вбок, ну а я за ней, чтобы оказаться на узкой темной лесенке, явно предназначенной для слуг. И еще ниже. Запахло свежим хлебом, мясом и еще чем-то, непонятным, но

определенно вкусным. Мой рот наполнился слюной, я даже повернулась туда, откуда доносились запахи, но Мэри опять свернула и остановилась перед дверью.

- Там, - дрогнувшим голосом сказала она. – Все... там.

И правда, там.

Моя дорожная сумка, прошедшая пустыню и пропахшая ею. Потертая, исцарапанная, но такая родная, что обнять захотелось. Её я вытащила первой.

А вот платье... может, не самое роскошное, но его шила матушка.

Вчера я... да, перенервничала, что уж тут. Слишком все... не такое. И понимаю, как чувствовал себя Чарли на западе. Хреново. Вот прям как я на Востоке.

Я вытянула сумку и прижала к себе.

- Что стоишь? Собирай. Назад понесем.

- Но...

- Собирай, - рявкнула я и почему-то Мэри присела, а потом с небывалой поспешностью принялась запихивать выпавшие вещи в сумку. Другую. Ту, что матушка собирала.

А ведь она говорила что-то такое... про моду.

Гардероб.

Плевать. Хотя...

Я прищурилась. Кажется, я совершенно точно знаю, что надеть к завтраку. Где там мои родные брюки?

Голова болела. Вот... адски болела. Как только может болеть голова после бессонной ночи и выпитого. Пил, правда, Чарльз аккуратно, немного, да и амулет... значит, было еще что-то.

Он застонал.

И взялся за голову руками. Мысли были... дерьмовыми. Нельзя было соглашаться.

В конце концов... есть полиция.

Ни хрена она, эта полиция, не сделает, а то и вправду... если верить Эдди. Эдди надо верить, но... как-то оно неожиданно вышло.

Его перехватили у дворца.

Слуга. Короткая записка. Поездка. Разговор. Такой вот разговор, из которого выходило, что он, Чарльз, просто-напросто не может не помочь. Другу.

Да.

И Эдди. Эдди вот точно знал, что ничего хорошего из нынешней затеи не выйдет, но качал и глядел с укоризной. Мол, твою сестру нашли, так чего уж тут?

Вот и...

Записка, отправленная Милисенте.

Клуб, в котором Чарльз показывался редко, но числился, ибо человеку его положения никак невозможно было не состоять в клубе. Хоть в каком-нибудь. А этот... старый, достойный, с репутацией.

Дерьмо.

Он повернул голову, убеждаясь, что за окном светло. Выходит, вчера все-таки перебрал... виски? Нет, Чарльз точно помнил, что пил он мало. Привычка. Сила... сила колыхнулась внутри тяжелым мутным болотом.

Не в выпивке дело.

А...

Мага не стали бы спаивать. Основа основ. Но... Милисента... проклятье! Она ведь ждет. Ждала. Наверняка ждала, несмотря на записку. Не дождалась и... что подумала?

Хрень.

Все хрень... Чарльз со стоном перевернулся на живот. Благо, рядом с кроватью поставили серебряный таз, в который Чарльза и вывернуло. Судя по тому, что большей частью желудочным соком, он не просто пил мало, он почти ничего и не ел.

Он дотянулся до колокольчика.

И слуга возник тотчас.

- С пробуждением, господин, - сказали Чарльзу вежливым равнодушным тоном. – Ванна? Завтрак?

- И одежда, - на собственной виднелись преподозрительные пятна. – Что вчера было?

- Вы изволили рассказать о своих приключениях. Члены клуба решили, что это стоит отпраздновать.

Подробности? Это не у обслуги узнавать надо. Здешняя отличается похвальной молчаливостью и полным отсутствием любопытства.

- П-понятно, - Чарльз с трудом, но поднялся. До ванной комнаты он доковылял.

Все-таки чем он вчера... память похожа на лоскуты. Вот он поднимается по лестнице, и молчаливый швейцар, поклонившись, открывает тяжелую дверь.

Внутри пахнет дымом.

Виски.

Еще чем-то... запах сладковатый, смутно знакомый. Опиум? Нет, быть того не может. Все-таки среди членов клуба огромное количество магов, а они не стали бы травить себя.

Или стали бы?

Если то, что рассказал Эдди, правда... а оно не может быть правдой. Или может? Чарльз уже ни в чем не был уверен. В ванну он залез и закрыл глаза. Лежал несколько минут, пытаюсь сообразить, что сказать жене... матушке...

Надо возвращаться.

И выбраться из ванны. Из клуба тоже... только сперва привести себя в порядок, благо, здесь это было несложно. Боль постепенно отступила, а с нею и слабость, сменившись каким-то диким, неестественным чувством голода.

Завтракать Чарльз решил внизу, в малой гостиной.

- О, доброго утра, Чарли! Вижу, ты уже пришел в себя... - Эдвин поднялся навстречу.

Виконт.

Наследник. Отец... кто-то там важный, почему-то даже с легкой головой не получалось сосредоточиться. Главное, что Эдвин всегда был душой компании, что в университете, что на службе.

Или в клубе.

Он, к слову, и выглядел, в отличие от Чарльза, прилично. Даже слишком.

- Что... это было? - Чарльз слегка поморщился, будто от боли. - Я ведь не пил много.

- А много и не надо, - Эдвин улыбнулся шире. Еще немного и щеки треснут. - «Слезы сиу» - редкая штука...

Что за...

Чарльз глянул вопросительно.

- Да уж, ты весьма долго отсутствовал... хотя и прежде к нам не слишком. Садись. Голоден? Помнится, я в первый раз после пробуждения ел и ел, ел и ел. Думал, никогда не наемся.

От него пахло свежестью и хорошей туалетной водой.

Утренний костюм светлых оттенков был безупречен, как и сам Эдвин.

- И все-таки, - Чарльз присел и махнул рукой. – Что за дрянь?

- Ну отчего же сразу дрянь... сам знаешь нашу проблему, - Эдвин чуть тронул рукав, и алмазные запонки блеснули. – Сила. Постоянный контроль. Многие от этого с ума сходят. Поневоле начинаешь собственным конюхам завидовать, которые могут просто взять и нажраться.

Подали завтрак.

Яичница. Бекон. Много яичницы и целая гора бекона.

- «Слезы сиу» временно блокируют магию, а заодно уж и повышают восприимчивость организма.

- К чему?

- В основном, к алкоголю... мы как-то проводили эксперимент. Обычному человеку хватит рюмки, чтобы напиться в хлам. Нам же требуется немного больше, но тоже все зависит от концентрации. В результате получается хорошо.

- Хорошо? – Чарльз сглотнул слюну, которая, казалось, еще немного и потечет на тарелку.

- Конечно. И отдохнуть можно, и не навредишь никому. Многим нравится.

- Не мне.

- Это мы уже поняли.

- Что было вчера?

- Вчера... скажем так, ты был весьма откровенен.

Не хватало. Чарльз мрачно уставился на Эдвина. Издевается. Вежливо. В рамках добрых отношений. И улыбка такая, глубоко сочувствующая, отчего сразу захотелось в морду дать.

Потом.

Сейчас нельзя. Из клуба исключат. А если где дерьмо и имеется... точно имеется. Стало быть, «Слезы сиу». Надо будет поинтересоваться, знают ли о ней при дворе. Должны бы... или нет?

Голова все еще гудит, что колокол.

- Мы выразили сочувствие.

- В связи с чем? – поинтересовался Чарльз. И получил еще одну усмешку, чуть более наглую.

- В связи со скоропостижной женитьбой, само собой... многие, признаться, были удивлены. Ты и женился... и на ком, спрашивается?

А вот это уже настоящий интерес. И по спине бегут мурашки. Что он сказал? Вчера? Проклятье... надо менталиста искать, только где... и такого, чтобы лишнего не разболтал.

Кажется, подозрительность Эдди заразна.

- Женщина...

- Понятно, что не мужчина. Но откуда она взялась?

- Познакомились, - Чарльз все-таки начал есть, стараясь сдерживаться. Проклятье, да он никогда такого голода не ощущал, и это тоже было совершенно ненормально. - Я нанял её брата... сам знаешь мою ситуацию. Искал.

- Нашел?

- Да.

- И не только её. Отец мне кое-что рассказывал.

Отец. Точно. Герцог Дархард, младшая ветвь императорского дома. Близкое родство. Высокое положение. Достаточно высокое, чтобы...

- И выходит, что именно тебя мы должны благодарить за... все, - прозвучало это на редкость двусмысленно.

- Я и без благодарности обойдусь.

Что им известно? И как можно было вообще забыть... обо всем. И о том, кто отец Эдвина? А ведь Чарльз действительно... так, что он знает о Дархардах? Немного. И это тоже до крайности странно, будто... будто память отказывается удерживать информацию.

Такое возможно?

Вполне, если...

- Менталист, - Чарльз воткнул вилку в полоску прожаренного бекона. Готовили в клубе отменно, настолько, что, поговаривали, будто многие и числятся-то исключительно, чтобы доступ к местной кухне не утратить. - Ты?

Эдвин молча поднял руки.

- Сдаюсь... а ты поумнел. Правда, не настолько, чтобы не тянуть в рот всякую пакость.

Он щелкнул пальцами, создавая зыбкий полог.

Позер.

Можно было и так, без жестов.

- Память вернуть?

И взгляд холодный, просто вымораживающий взгляд. Но получается выдержать. И Эдвин кривится.

- Сильнее стал. Поездка определенно пошла тебе на пользу. Так что с памятью? Я тебе возвращаю, а ты мне рассказываешь, чего ради затеял это представление.

- К-какое? – кусок становится поперек горла.

- Еще утром ты отказываешься от награды... а ведь многое мог попросить. Даже ставки делали. Но нет, тебе не нужны ни деньги, ни концессии, ни земли. Ты лишь просишь признать твой брак с некой девицей сомнительного происхождения. А уже спустя пару часов ты плачешься, что женили тебя едва ли не силой. Как-то... не складывается одно с другим.

- Вот такая я легкомысленная тварь.

- Ты? – Эдвин усмехнулся. – Будь на твоём месте Болдуин или Коллин, я бы еще поверил. Но ты... помешанный на чести даже больше, чем мой папенька... нет, тут что-то другое.

- И тебе интересно, что?

- Именно. А теперь...

Прикосновение было холодным.

- Извини, вмешаться я не мог. Это выглядело бы подозрительно. Но кое-что все же сделал.

Холод проникал в голову.

- Что?

- Постарайся расслабиться.

- Это сложно, когда тебе лезут в голову.

- Залезть кому-то в голову не так и просто, особенно, если она настолько пуста, - не удержался Эдвин. – Я лишь слегка подтолкнул тебя... ко сну.

И паузы он ставит так, играя.

- Просто, чтобы не наговорил лишнего.

Прояснялось. Вот... да, вечер. Не сказать, чтобы людей много, но и пустым клуб остается редко.

Болдуин курит сигары и что-то там рассказывает, оживленно размахивая рукой. Коллин в картах. А вот человек, с которым он играет, Чарльзу не знаком.

Томми, Седьмой виконт Дарремский приветливо машет рукой.

- Только гляньте, кто вернулся! Чарльз, ты загорел, как... не знаю кто!

Свист.

И топот.

- По-моему, это повод! – кричит кто-то, смутно знакомый, его Чарльз точно встречал, но не запомнил, стало быть, человек не такой уж важный.

Рассказ.

Его слушали, время от времени перебивая вопросами. А он говорил. О пустыне. И заброшенном городе, в существование которого, кажется, не слишком поверили. О дороге. Мертвецах.

И городе другом, вполне живом.

О... всем и понемногу, так, весело, язвительно порой, как принято рассказывать в клубах, чтобы не приведи Господи, не решились, будто путешествие было тяжелым. Кто хочет слушать о тяготах? Не здесь. Не сейчас.

Выпивка.

И чей-то вопрос о женитьбе. Укол совести. Но надо... надо играть. Вздох. Разговор. Чем дальше, тем... поднесли выпить. Байни.

Вечно беспокойный бестолковый Байни.

- Попробуй, тебя давненько не было. Особый рецепт, - и подмигнул. А Чарльз, идиот этакий, выпил. Он снова ощутил горечь на языке. Неумеющие губы. Легкую растерянность, сменившуюся странной неестественной радостью.

И желанием поделиться.

- Проклятье! – не удержался Чарльз.

А Эдвин кивнул.

- Та еще дрянь. К сожалению, пока не понятно, откуда она берется.

- Байни?

- Просто идиот, которого используют втемную, - Эдвин вернулся на место.

- Много я...

Дальше воспоминания туманятся. Все смешано, странно, бессмысленно. Он, кажется, о чем-то говорил, спешно так, и язык заплетался, потому речь выходила путаной. Но пил не только Чарльз. Остальные не лучше. Его перебивали. И смеялись.

И он смеялся.

А потом отключился.

К счастью. Потому что по воспоминаниям его просто-напросто распирало от желания поделиться. Чем? Да всем.

- Спасибо, - выдавил Чарльз, сдерживая тошноту.

Есть перехотелось.

Или нет.

- Не за что. И так, все-таки, что на самом деле привело тебя сюда?

Глава 11 О том, что порой весьма полезно подглядывать

Глава 11 О том, что порой весьма полезно подглядывать

Время.

Не то, чтобы его раньше у Эвы не было. Наверное, было, но... не так. Не то.

Раннее пробуждение.

Умывание.

И подготовка к завтраку. Теперь все казалось таким... нелепым. Платье для завтрака? Прическа? Сама столовая, в которую следовало спуститься до того, как истаёт последний удар огромного колокола. Матушка его тихо ненавидела, но отец отказывался убрать.

Колокол не был реликвией. Просто памятью. О чем?

Здесь завтрак приносили. Открывалась дверь и появлялась Кэти с очередным подносом. Она же забирала ведро, а потом, позже, возвращалась за посудой.

Ножа не давали.

Как и вилки. И даже ложка была старой, вырезанной из дерева. Эва таких никогда-то и не видела. Но пользоваться научилась быстро. Была, конечно, мысль гордо отказаться, потребовать, чтобы перевели её в лучшие условия, чтобы... но Эва её отбросила.

Уж очень нехорошо смотрела Кэти. Так, будто ждала подвоха.

Дома за столом полагалось беседовать. О чем? О погоде. О книгах еще, но тоже не всяких. О соседях, если осторожно. О том, как украсить дом к... к чему-нибудь.

Этот же, в котором оказалась Эва, если когда-то и украшали, то очень и очень давно.

Время тянулось.

И тянулось.

Дома, после завтрака, следовала прогулка. Потом – занятия музыкой. Или живописью. Или сначала музыкой, а потом живописью, хотя ни с тем, ни с другим у Эвы особо не ладилось.

Визиты.

Или гости.

Обед.

Снова прогулка, возможно, что и верховая, но это если не сразу после обеда и найдется, с кем. Рукоделие. И те же разговоры. Когда-то они сводили с ума, а теперь Эва все отдала бы, только чтобы услышать хоть кого-то, кроме Кэти.

- Здесь есть книги, - как-то осмелилась спросить она.

- Чего? – Кэти сама больше не заговаривала, да и держалась стороной, с недоверием.

- Книги, - повторила Эва. – Какая-нибудь.

- На кой?

- Читать. Или рукоделие.

- Шить, что ли?

- Шить. Вышивать. Вязать еще могу. И расписывать. Шкатулки.

Кэти хмыкнула и ушла, заперев дверь. Холодно... нет, ей принесли нормальный матрас, во всяком случае такой, от которого не пахло плесенью. И одеяло.

Деревянный гребень.

Воду для умывания. И для питья тоже. Пожалуй, можно было сказать, что о ней заботились. И не случись Эве... увидеть, она, может, даже поверила бы в эту заботу.

Она забралась под одеяло и закрыла глаза.

Её ищут?

Или все-таки... нет, она видела. Берти не бросит. Просто... просто она совсем потерялась. Здесь. И во времени тоже. А еще, кажется, в еду что-то подсыпали, потому что Эва проваливалась в сон.

Она и сейчас покорно закрыла глаза.

И привычно отмахнулась от видения, которое манило. Сад. Качели. Тори. Нельзя с ней заговаривать. Если не заговаривать, она не найдет.

И... из лабиринта зеленого Эва сегодня легко выбралась. В первый раз она, помнится, долго бродила, прячась от сестры.

А сейчас...

Усилием воли Эва сдвинула зеленую стену и вышла в коридор. Все верно, она его видела. Дом. И лестница. Человек, придремавший у подножия её. Пьян? Похоже на то.

Пускай.

Наверх. За Кэти, которая поднималась с тяжелым подносом и ворчала под нос что-то явно недоброе. Доброты здесь определенно не хватало.

А вот и знакомая дверь. Эва просочилась сквозь неё, радуясь, что за последние дни она неплохо научилась управлять своим даром.

Комната.

Темная. Очень темная. Плотные шторы сомкнуты, и на столике под стеклянной крышкой тлеет фитилек. Свет из коридора ложится прямоугольным ковром, а Кэти словно сама превращается в тень.

- Матушка? – робко спрашивает она. – Матушка, тут совсем темно. Я ничегошеньки не вижу. Сейчас, сейчас...

Поднос отправляется на столик, а сама Кэти подходит к окну. Вооружившись длинной палкой с крюком, она раздвигает шторы. А за окном сумрак, значит, уже вечер или даже ночь. Но там, со стороны города, её разбавляет желтушный свет фонарей.

Его достаточно, чтобы разглядеть обстановку.

Огромную кровать с балдахином.

Трюмо.

Туалетный столик. И сундуки вдоль стен. Кровать выделяется белым пятном, но среди простыней женщина, на ней лежащая, почти теряется. Надо же... неужели такие болеют?

- Как вы, матушка? – с притворной заботой осведомляется Кэти. И женщина приоткрывает глаза. Как же она... страшна?

Её словно туман окутал.

И Эва знает, откуда он взялся. Она закрывает рот. Брат... значит, он не поверил им?

- Этот... урод... что сказал?

- Что вас прокляли, матушка, - Кэти приподняла подушки. – Темное проклятье. Так просто не снять. Это все из-за девки...

- Верни её.

- Что?

- Верни. Напиши... тому... надо было сразу узнать... понять... самоуверенность, Кэти. Самоуверенность... решила, что я... - она закашлялась и прикрыла рот механической рукой, которая выглядела одновременно и отвратительной, и притягательной. Шевелились потемневшие пальцы, подергивались, и в тончайших патрубках

переливалась жемчужная жидкость. – Что я... самая умная. Не совершай... таких... напиши. Пусть приходит. Забирает. Девчонка цела. Я... заплачу. Сколько скажет, столько заплачу.

Сердце замерло.

Неужели все-таки...

- Покушайте, матушка, - Кэти взяла миску. – Вы поправитесь.

Она зачерпнула вязкой каши и попыталась сунуть её в рот, но женщина махнула, и железная рука её ударила по миске, вышибла. Та полетела с грохотом, размазывая по простыням, по одеялу кашу. Попало и на юбки Кэти.

- Глупая девка! – голос мамы сорвался на визг. – Я умру! Умру! Это некромант!

Жалко её не было. Вот нисколько.

Разве что самую малость. А рука меж тем вцепилась в юбки Кэти.

- Пошли... кого... позови... Грая. Я сама скажу.

- Нет, матушка, - Кэти высвободила юбки. Поднялась.

Взяла подушку, одну из тех, что валялись подле кровати, и, вздохнув, накрыла этой подушкой лицо женщины. Та дернулась было, но Кэти навалилась сверху.

Эва закричала.

От ужаса.

И... и беспомощности. Громко. Так громко, как только можно. И выходило с каждым разом все... и показалось, что еще немного и крик её разобьет стену между мирами, но снова ничего не произошло.

- От так-то, - Кэти убрала подушку и аккуратно сунула её под голову Матушки. Пощупала зачем-то шею. Хмыкнула. – Тоже мне... придумала.

Она подняла миску.

- Послать... так-то оно так... девку приберут, а нас? Или думаешь, пожалеют? Некроманты, оне да... жалостливые. Может, ты-то и откупишься, а я? Выкинешь на каторгу, потому как виновный надобен будет. Нет, нет... не для того я столько лет корячилась, чтобы теперь от.

Её бормотание было едва различимо.

- Сама сказывала, что, мол, час придет, тогда-то и сменю... вот и пришел. Чего уж тут, - она отерла руки о платье, подошла к двери и крикнула. – Грай! Грай, ходь сюда!

Минуты не прошло, как в комнате появился высокий ужасающего вида человек.

- От. Померла, - сказала Кэти, пальцем ткнув в кровать. – Я ничегошеньки не поспела сделать...

Грай поглядел на нее. И Эва ужаснулась, до того пустыми, серыми были его глаза. Она бы закричала снова, но сил на крик не осталось совершенно.

Грай медленно поднял руку.

- Ты чего?! – Кэти попятилась.

- Ты?

- Я? Да ты что... видишь, больная она. Целитель был?

Грай кивнул, не сводя с Кэти взгляда.

- Слышал, небось, чего сказывал? Прокляли её. Некроманты.

На уродливом лице мелькнула тень сомнения.

- С денег это все, - уверенно произнесла Кэти. – С тех, что принесли. Ты-то их не трогал?

Грай покачал головой.

- Вот. И я. А она считать взялась. Небось, с того и проклятье и перескокнуло.

- Плохо.

- А то... займешься? Надобно её как-то... только не прикасайся сам, добре? Ты мне еще нужен.

- Я?

- А то, - Кэти уперла руки в бока. – Или, думаешь, кого другого искать? Ты ведь дело знаешь.

- Дело...

- Перестань. Ты не такой тупой, каким прикидываешься, - отмахнулась Кэти. – Небось, тупых она при себе не держала. А ты уж который год? Ну, не хмурься.

Она осторожно, нежно даже погладила это чудовище по плечу.

- Я знаю... она же мне все сказывала. И про балаган, в котором тебя держали. И про циркачку ту... и про иное. Но я не стану, Грай. Не стану, как она, понимаешь? – встав на цыпочки – а даже так Кэти не доставала человеку до плеча – она заглянула в серые мертвые глаза. – Я знаю, где лежат твои перчатки. И остальное.

Тяжелая лапа сдавила шею.

- Прекрати! Я же могла и не говорить! Отдам! Вот сейчас отдам... только останься. Со мной.

Грай чуть склонил голову.

- Матушка... она ведь серьезные дела вела. И те, кто с ней... для кого она... им все одно понадобятся... понимаешь? Девки понадобятся. И не только девки. Ты-то, знаю, по рыжью да прочему больше, но девки... их тоже держать надо. Легкие деньги.

Грай не спешил отпускать Кэти. Но и руку не сжимал.

Просто глядел.

- Заживем... она-то нам сущие медяки давала, а требовала... но теперь-то... попробуй. Приглашения разостланы. Я знаю, как все устроить. Товар тоже на месте. Проведем торги... спорим, что из этих, благородных, никто и не заметит разницы?

- Да?

- Конечно. Им-то что? Им плевать, кто дела ведет. Главное, чтоб тихо... за тишину и платят. А я... я знаю, кому Мамашка сама платила. И продолжу. И всех это устроит. Только я ведь женщина, Грай. Слабая. Найдутся те, кто захотят потеснить. Но тебя не рискнут тронуть. Никто.

Она потянулась вперед.

- Останься со мной. Не служить. А по-честноку... будем вместе. Станешь получать. И... и человеком сделаешься. Солидным. У Мамаши дом имелся. Теперь он мой. Все мое. Я видела бумаги... потом, как устанем, поедем туда. На побережье. И заживем. Хорошо заживем. Как честные люди.

Её горячий шепот заполнял комнату. И Эва... Эве было стыдно.

- Хорошо, - Грай руку убрал и поглядел на покойницу. – Сегодня. Отдашь. Перчатки. Убери тут.

- Нет, - Кэти покачала головой. – Надо кого позвать... их тех, кто опиумом... кто там в долгах? Вот они пусть и приберут тело. Завернут в простыни эти. И деньги... я покажу, где лежат. Отдашь. Не знаю, сохранится на них проклятие или нет...

Сохранится.

Подобные проклятия так просто не снять. Но... разве Эву услышат? Нет. И хорошо, что нет.

- Пусть забирают. А то и вовсе... утопить.

Грай нахмурился.

- Много.

- Знаю. Самой тошно. Но ничего. За девку больше выручим.

- Красивая.

Сомнительного свойства комплимент.

- Она? – Кэти фыркнула. – Я лучше была... но погляди, что сделали?

И провела пальцем по изуродованной щеке.

- Ничего... тощая она. Слабая. Долго не протянет. Особенно... приедет один тут, который... в общем, два дня. И готовиться надо. Хорошо. Да, пришли заодно девок кого, пусть наверху попорядкуют. И залу помыть надо, которая для торгов. А то ж благородные господа порядку любят.

Это она произнесла, презрительно скривившись.

- А порядок поддерживать надо... надо... мы ведь приличное заведение. Да, да...

Грай хмыкнул и отступил. А Кэти подошла к кровати, на которой еще лежала покойная. И наклонилась к ней. Близко. Но не настолько близко, чтобы коснуться.

- Видишь? Я и без тебя справляюсь! И справлюсь! Будь уверена. А ты сдохла! Сдохла-сдохла...

Кэти хихикнула.

- Как я ждала... как я... думаешь, я забыла? Все-все? Благодетельница... забыла, как ты меня украла? Из дома, да-да... моего дома... у меня был хороший дом. И своя кровать. А ты украла. Тварь! И продала! Тому уроду... ничего, я их найду... а ты врала, что меня родители отдали. Что я стала им не нужна. Я верила. Я же была ребенком и верила! Капризная. И обхожуся дорого. Платья мне нужны. Ленты. Вот и отдали. Скольким ты еще это говорила? Тварь!

Крик её разбился о стены.

- А ты... ты продала... сказала служить. Стараться. Чтобы не попасть в приют. Лучше бы я... но я верила! Тварь, тварь... какая же... знаешь, что он со мной делал? Хотя... конечно, знаешь. Ты все знаешь. А потом я ему надоела, и меня продали дальше... и дальше... пока я снова не оказалась у тебя. «Белая ласточка»

- Белая ласточка, - тихо повторила Эва, и Кэти, странное дело, вздрогнула.

Обернулась.

- Нет. Никого нет. Пусто. Пусто-пусто... ты тварь! Какая же ты тварь... пожалела бедную шлюху... как же... надолго хватило бы твоей жалости, если бы... ты старела. Сама ничего не могла, вот и понадобился кто с руками и без совести. Спасла. Ты мне так и говорила... спасла. Сперва вона, убила, потом спасла... добрая, как же... тебя все ненавидели! Все! Слышишь, ты?!

Покойная лежала. Пятна на коже её разрастались, и очень скоро эта кожа начнет отваливаться слоями. Странно, что прочие не испугались.

- А я буду жить. В твоём доме буду! Понимаешь? И спать на твоей кровати... хотя... - Кэти обошла эту кровать стороной. – Нет, пускай её спалют. Я не такая глупая. Да.

Она опять захихикала.

И Эве подумалось, что эта женщина определенно сошла с ума. Сейчас ли это случилось, раньше ли, но случилось.

Однако, что делать Эве?

Два дня... у неё осталось всего два дня.

Но что она может?

Со скрипом приотворилась дверь и в комнате показались люди. Они были грязны и страшны до того, что Эва отшатнулась, когда один из вошедших оказался рядом.

- Явились? – Кэти мигом перестала хихикать. – Заверните её в простыню. И в одеяло.

- Так... может... того, - человек согнулся. – Матушка... может, мы одеяло-то...

- Делайте, что хотите, но здесь не должно остаться ни простыней, ни одеяла.

Эва закрыла глаза.

Здесь делать было нечего, но... но если вдруг... она представила себе дом. И шагнула на серые ступени, знакомые до каждой выбоины. А потом прошла сквозь дверь.

Теперь двигаться было легче.

Мама...

- Это невыносимо... а если кто узнает?

- Какая разница? – Берти выглядел еще более бледным и худым, чем прежде. А вот отец был молчалив. Он просто стоял, вперившись

взглядом в стену. – Главное, чтобы она вернулась, но... мы пытаемся.

- Знаю, сын, - отец заговорил. – Плохо, что сразу не сказали.

- Надеялся...

- Что проклятье подействует и они испугаются? – отец кивнул. –

Шанс был, но проблема в том, что они могли испугаться слишком сильно.

- Что?! – матушка схватила за сердце.

- Она жива. Пока еще. Её дух молчит.

Дух кричал и топал, но...

- Его нет среди мертвых.

Чудесно! Для того, чтобы собственные родители тебя услышали, нужно умереть! Эва раздраженно фыркнула. И вот может... нет, умереть она всегда успеет. И тогда уж расскажет все, а отец... он это место с землей сравнивает. Но ведь Эва от этого не оживет!

- Тот твой друг...

- Он пытается выйти на кого-то, но пока не получается. Он здесь чужак. Чарльз вот пытается получить приглашение. Узнал, что точно есть закрытый клуб, для узкого круга, но ничего конкретного. Он намекнул, что готов хорошо заплатить за рекомендации. И почти уверен, что получит их. И приглашение...

- Но тоже нет гарантий, что именно в тот клуб, который нужен.

- Думаешь...

Отец поглядел с печалью.

- Знаю. И в мое время ходили подобные слухи. Да и... не все скрывали свои пристрастия. Правда, после одного весьма печального происшествия Император обратил свой взор на клубы. И те... вынуждены были объявить о закрытии. Хотя полагаю, что это все внешнее, да...

- Отец...

- Я встречаюсь с одним человеком. Он кое-чем обязан. Попытаюсь донести до него, что не стоит ссориться с некромантами.

Это было сказано так, что и у Эвы холодок по спине пошел.

- Господи, - матушка, впрочем, словно и не заметила. – А если уже поздно?! Если моя девочка...

- Она жива. Стало быть, не поздно.

В библиотеку осторожно заглянул лакей.

- Вас... спрашивают, - вот он силу отца чувствовал, но сдерживался, стараясь не выказывать страха. Получалось, правда, не слишком хорошо.

- Это опять твой ужасный знакомый... я слышала, он теперь родня Диксонам? – матушка несколько оживилась. – Ужасно... добрая Пенелопа, должно быть, просто в шоке... у нее были такие планы!

Она осеклась под мрачным взглядом отца.

И встала.

- Извините, мне, кажется, снова дурно... и если вдруг...

- Конечно, матушка. Вызвать целителя?

- Нет, я просто... просто отдохну.

Она ушла. А отец с Бертом переглянулись.

- Твоя матушка – чудесная женщина, - сказал отец мягко. – И любит, что тебя, что сестер. Просто не всегда умеет сказать об этом.

Берт чуть склонил голову.

Любит?

Она... она ведь всегда недовольна! Тем, как Эва ходит. И стоит. И сидит. Тем, что она рисует. Или как играет... у нее всегда не хватало гибкости в пальцах, акварели же отличались излишней мрачностью. Эва громко разговаривает.

И не умеет находить правильные темы.

Она смеется. И улыбается слишком уж простонародно. Правда, как это, матушка не объясняет. Она... она всегда находит что-то... и любит?

Разве, когда любишь, оно вот так?

- Твой друг, - отец тоже поднялся. – Возможно, я могу дать ему рекомендации...

- Ты?

- Некромантия – такая вещь, дорогой, что поневоле обзаводишься самыми разными знакомствам.

- А...

- Я задал вопрос своим знакомым. И они приняли мою беду очень близко к сердцу. Но тот мир весьма сложен, разнообразен и... будь у нас время, мы бы справились.

Но времени нет!

Почти не осталось времени! У нее!

- Ты не пробовал отследить проклятье?

- Пробовал, конечно, - Берт поморщился. – И не только его ставил, но... след оборвался, стоило пересечь реку.

- Что ж... следовало ожидать.

- Следовало?

- Говорю же, тот мир весьма... разнообразен. И в нем хватает своих специалистов. Ну да представь меня своему другу. Он и вправду столь ужасен?

Глава 12 В которой речь идет о дорогих родственниках и глубокой к ним любви

Глава 12 В которой речь идет о дорогих родственниках и глубокой к ним любви

Ужасен!

Настолько ужасен, что Эва застыла от этого вот ужаса. Разве... разве люди могут быть такими вот?! Огромными?! Невообразимо огромными! Жуткими!

С сероватой, будто припыленной, кожей!

С грубыми чертами лица, причем явно нечеловеческого лица! Встреться Эва с ним где-нибудь в гостиной, хотя, конечно, кто пустит подобное в гостиную приличного дома? Но если бы вдруг, она бы обязательно упала в обморок.

Быть может, даже по-настоящему.

А теперь вот...

Она моргнула. И еще раз... да, огромный. И широкий. И... и при том двигается мягко, текуче, будто в теле его чудовищном нет ни костей, ни весу.

И взгляд его...

Взгляд скользнул по кабинету, чтобы... прищурится?

Дрогнули ноздри огромного, слегка приплюснутого носа. А когда Берт открыл было рот, чтобы сказать что-то, наверняка вежливое, человек просто поднял свою лапищу и прогудел:

- Тихо!

И Берт подчинился!

Он никогда... даже отцу. Чтобы вот так и без слов. А тут замер. И... и еще Эва вдруг поняла, что её... видят? Слышат?

- Я здесь! – от радости она подпрыгнула. – Здесь! Здесь!

- Скажи, - голос у чудовища оказался неожиданно приятным. Или это от того, что он и вправду видел Эву? Вот как-то даже симпатичнее стал. Немного. – Твоя сестра, она такая от... мелкая? И лохматая?

Сам он мелкий!

То есть, рост у Эвы – единственное, что можно назвать достоинством, если матушке верить. Он самый удачный. Небольшой.

Еще бы изящества... а вот относительно лохматости Эва не виновата, что у нее только один гребень, да и тот с обломанными зубами. И занозистый! Волосы так и цепляет?

- Волос беленький. Светленький, - поправилось чудовище, чуть склонив голову.

- Она...

- Я не чувствую изменений некротического фона, - подал голос отец.

- Само собой, она же ж живая.

- Погоди...

- Так, - чудовище вдруг нахмурилось и уставилось на Эву. Под взглядом его стало неуютно-неуютно. – Вы... идите. Сила ваша мешает.

Оно поморщилось.

- Эдди?

Стало быть, у него и имя есть. Правда, не сказать, чтобы оно подходило. Эдди – это Эдвард? Эдуард? Эдвин?

- Иди. Потом, - он указал на дверь. – Свечи? Есть? Восковые? Пусть принесут. Воды. Молока. Свежего.

Эве даже интересно стало.

Он... ладно, допустим, он её увидел, но... дальше-то что? Видеть одно. А слышать? Если он только видит, то... то ей писать придется? Представить перо и тетрадь? Или лучше мел и доску? А он читать умеет? Вдруг не умеет? Тогда надо будет... знаками?

Как ему знаками рассказать все?

- Связь слабая больно, - пояснил Эдди и опять поморщился. – Я все-таки не совсем, чтобы шаман.

Еще и шаман?

Эва читала книгу. Про шамана. Он был диким, но очень и очень благородным. В душе. И потому, когда его племя захватило в плен прекрасную графиню, чтобы принести в жертву жутким орочьим богам, он воспротивился.

И спас.

И еще помог воссоединиться прекрасной графине с её возлюбленным, к которому та, собственно, и направлялась. Да... Эва тогда даже плакала над финалом, в которой шаман уходил в горы, чтобы не мешать возлюбленным.

Ей было очень жаль.

Хотя, конечно, правильно. Что общего могло быть у графини с дикарем, пусть и благородным?

А отец ушел.

И брат.

Лоуренс тем временем принес две дюжины тонких восковых свечей, глубокую фарфоровую супницу из маменькиного любимого сервиза, молоко, воду и еще что-то.

Эве стало до ужаса любопытно.

В книге шаман колдовал вознося руки к небесам и еще потом в припадке бился. Ну или кости раскидывал. Человеческие. Но это тоже не со зла, да и кости принадлежали врагам племени... в общем, это все выдумка.

Эдди же снял котелок. Поставил на пол.

Провел ладонями по голове.

По лицу.

Коснулся пальцами воды.

Может, он спиритический сеанс устроить собирается? Если так? Но тогда свечи ладно, они нужна, а где блюдце? И еще, самое главное, спиритический столик? Или у шаманов это иначе происходит?

Эва всегда отличалась нездоровым любопытством.

И...

- Слышишь меня? – поинтересовался шаман, расставляя свечи. Прямо на столе. Он же полировку попортит!

Но Эва кивнула.

- Хорошо. Ты знаешь, где находишься?

Какой нелепый вопрос! Конечно. Но она снова кивнула. Все-таки человек... ладно, не совсем человек, может, он только-только в цивилизацию приехал. Тогда простительно.

- Отлично, - он касался свечи, и та загоралась, только огонь был как будто... ненастоящим? Или настоящим? Эва потянулась к нему, но руку одернула, ощутив жар.

- Не спеши, девонька, - с мягким упреком произнес шаман. – Тут уж больно все... намешано. Тяжко. И дом мертвой силой пропитался. И город этот ваш...

Эва вздохнула сочувственно.

Она тоже город не слишком любила. В нем сразу начинала болеть голова, а матушкины нравоучения делались вовсе невыносимыми.

- Маги кругом. Техника. Голова гудит. Но ничего. Сейчас вот.

Вода в фарфоровой супнице загустела, и Эва увидела свое в ней отражение.

- Ты не заблудилась?

Отражение было... было... в общем, хорошо, что маменька не видит. Пришла бы в ужас. Конечно, зеркала Эве не дали, но вот так чтобы... она на самом деле? Кожа побледнела, что, конечно, хорошо, но при этом сделалась будто бы серовата?

Ноздревата?

И в глазах нездоровая желтизна.

- Слышишь?

- Слышу, слышу, - не удержалась она и тотчас укорила себя. Все же характер у нее совершенно невозможный. – Прошу простить меня...

Ей бы поздороваться.

Извиниться за неподобающий внешний вид. И... и её, между прочим, похитили! А еще того и гляди продадут. А она тут о внешнем виде беспокоиться.

Вода почему-то пошла рябью.

- Хорошо, - шаман простер над водой руку, и та успокоилась.

- А молоко зачем? – не удержалась Эва.

- Пить. Люблю молоко.

- Вы?!

- Почему нет.

- Так, - она вдруг поняла. – Вы... вы меня тоже слышите?! Можете?!

- Могу. И слышу. А теперь успокойся, пожалуйста, - он глядел с бесконечным терпением. – Иначе или вернешься, или, что хуже, не вернешься. Ты давно научилась покидать тело?

- Давно, - Эва огляделась, раздумывая, как быть.

Стоять было неудобно.

Сидеть...

- Только я раньше покидала, а потом уже нет... после одного случая... моя сестра... - она замялась. Все же не стоит вот так посвящать посторонних и в семейные тайны.

- Потом, - кивнул Эдди. – А сейчас рассказывай.

- Что?

- Все. Ты знаешь, где находишься?

- Адрес – нет.

Она пыталась. Искала. Заглядывала в доме. В доме она могла ходить. И вне дома тоже, но только почему-то сюда.

- Ничего страшного, - поспешил заверить Эдди. – А описать можешь? Как этот дом выглядит? Или, может, людей, которые в нем живут? Там есть люди?

- Есть, - Эва все-таки опустилась на пол. В конце концов, она и так выглядит ужасно, так чего ж теперь. Стоять перед ним было неловко. – Только... ту, старую, хозяйку, её убили. Сначала её Берт проклял. Я узнала проклятье. А потом другая, которая Кэти, она её задушила. А хозяйка хотела меня вернуть!

- Тише, девочка, не трать силы.

Эва почувствовала, что дрожит. А шаман сгреб дым, от свечей исходящий, и дунул им в Эву. Потом и вовсе вытащил откуда-то совершенно жуткий с виду нож, которым и полоснул по запястью.

Да, не будь она призраком, точно упала бы в обморок.

Или нет?

Любопытно. А кровь у него красной оказалась.

Дым же окутал Эву и... и стало легче. Правда, дым теперь пах вовсе не свечами, а чем-то совершенно незнакомым.

- А теперь постарайся вспомнить. Все, что сможешь. Про дом. Про этих женщин... первую как звали?

- Не знаю. Она... она говорила, чтобы я называла её Матушка Гри.

- Умница.

Никто никогда не хвалил Эву. Отец был занят, а матушка пыталась создать совершенство, но из-за полной несовершенности Эвы этого не получалось. Вот она и... растерялась.

- У нее еще рука была такая, ненастоящая... из железа! Я такие один раз видела! На выставке. Меня Берти водил...

- Отлично. А дом?

Дом?

Он ведь тоже... такой вот, странный и ни на что не похожий. Но как это описать? Будь у нее краски... или, конечно, Тори ведь говорила, что в этом мире Эва может все. А...

- Ты увидишь? – поинтересовалась она. – Если я вот...

Она провела пальцем по воздуху, представив себе, что это холст. А палец – кисть. И... получилось. Линия. А потом другая.

Ей всегда нравилось рисовать. Только получалось... в общем, не совсем так, как должно у девушки.

Мрачно.

Тоскливо.

Но дом, в который её привезли, и вправду был мрачным и тоскливым.

- Он не говорил, что ты настолько сильна.

Кто? Эва?

Она слабая.

Она... она даже не пыталась сбежать. Вот в одном романе юная наследница, пытаясь спастись от нежеланного замужества, спустилась из окна по связанным простыням. Правда... у Эвы окно было под самым потолком, и такое, что кошка не пролезет. Да и простыней ей столько не выдали, чтобы из них веревку связать.

- А с людьми можешь?

Может.

Портреты у нее тоже получалось мрачными.

- Умная девочка, - он перехватил порез платком, который был большим, мятым и вполне соответствовал чудовищному облику шамана. – Ты очень помогла.

- Она... она все равно устроит! Продажу... меня... - это было говорить невероятно сложно. – Она сказала, что... что через два дня!

- Это целых два дня.

Эва помотала головой.

- Что мне делать?

- То же, что ты делала до сих пор. Сидеть очень и очень тихо. И отдыхать. Иди. Ты все же много сил потратила.

Он провел рукой над свечами и те погасли.

- Иди уже, - повторил шаман, а потом дунул, и Эву будто ветром унесло.

Так не честно!

Эдди вытер пот со лба.

Город.

В городе ему не нравилось. Категорически. Тесно. Шумно. Люди опять же. Много людей. Слишком много, чтобы это не нервировало.

Он поднялся, собрал огарки свечей, отправив их в глубокую посудину. А вот молоко оказалось неплохим. Не самым свежим, но и понятно, откуда тут по-настоящему свежему молоку взяться? Вон, и это-то с привкусом дыма и пыли.

Странное дело. Там, в Городе Мастеров тоже хватало. И дыма. И пыли.

И грязи.

А не раздражало. Матушка говорит, что это от предвзятости, может, оно и так, но... Эдди пошевелил рукой, глядя на темную полоску свежего шрама. Одно хорошо, заживало на нем по-прежнему, что на собаке.

Надо бы...

Надо бы позвать кого. Он огляделся и, увидав колокольчик, стоящий на махоньком столике – что за привычка наполнять комнаты такими пустыми и излишне хрупкими вещами? – потянулся к нему. Брал аккуратно, двумя пальцами, заодно уж раздумывая, что стоит сказать.

И стоит ли?

Или...

Девушка цела. Это хорошо. Напуганной чрезмерно она тоже не кажется, стало быть, ничего такого, что могло бы произойти, не случилось. Это тоже хорошо.

А остальное...

Колокольчик звякнул, а заодно задрожала струна силы, уходящая куда-то вглубь дома. И дверь приоткрылась.

- Берти позови, - сказал Эдди, вернув опустевший кувшин на стол. – И пожрать чего-нибудь. Будь любезен.

Матушка бы не одобрила.

Матушка... оставалась в номере. Роскошном. Огромном. Но все одно. Она сидела, читала газеты, которые ей доставила местная служба.

Не бесплатно.

Проклятье.

Деньги есть, но... надолго ли их хватит? А до портнихи так и не дошли. Потому что матушка читала. Газеты. Огромные стопки их

теперь заполнили гостиницу. Кажется, она собрала все, что были изданы за годы её отсутствия. А когда Эдди постарался осторожно спросить, чего она в них ищет, только отмахнулась.

- Мне просто надо понять, что здесь происходит, - сказала она, почувствовав его обиду. – А у тебя, кажется, дело.

Дело.

Чтоб его... дело, которое он, если боги снизойдут до Эдди, все-таки сделает, пусть даже и криво. Повезло... девчонке. И ему тоже. Шаман недоученный... дед бы, верно, сразу понял бы.

Или нет?

А Эдди...

Дверь тихонько приоткрылась, потянуло темною душной силой, от которой кулаки зачесались. Да и сам некромант ныне вызывал одно лишь желание – дать в морду.

...или это потому, что Милисента тоже заперлась, как и матушка? Правда, не в номерах, но в особняке. Отдыхает она. И встретиться никак не может. Когда будет готова, всенепременно почтит визитом. Ага. И лысый хрен, который это говорил, смотрел на Эдди с насмешечкой. А Чарли вовсе исчез.

И вышло, что никому-то он, Эдди, особо не нужен?

А некромант так, под руку подвернулся.

- Ты выглядишь бледным, - заметил Бертрам. – Могу я чем-то помочь?

Эдди покачал головой.

- Пройдет. Сейчас пожрать принесут... извини.

- Ничего, - некромант протянул руку. И Эдди принял. Оперся. Закряхтел, как старик. – Что...

- Повезло, - он разгибался медленно, пытаясь справиться и со слабостью, и с головокружением. А всего-то пару минут поговорил. – Она определенно жива. Вполне здорова.

- погоди. Ты не будешь против, если я позову отца? Следовало бы сразу к нему обратиться, но... мы подумали, что сами справимся.

Эдди махнул рукой.

Да пусть хоть всех зовет. Какая разница?

Только бы...

- И пусть накрывают на стол, - голос Бертрама звучал словно издали. А в голове шумело... сильна девочка... если Эдди едва ли не

пластом лежит, то ей вовсе должно быть... или нет?

Он свою силу знает плохо.

А она?

- Твоя сестра, - Эдди так и стоял, опираясь обеими руками на столешницу. – У нее сильный дар.

- У Эвы? Да... был... и у нее, и у Виктории, но... понимаешь, - кажется, некромант несколько смутился. – Не то, чтобы это вовсе какая-то запретная тема. Скорее уж не принято... тем более, что дар такой... своеобразный.

- Неприличный?

- Матушка полагает, что да. На самом деле будь она мужчиной, многого добилась бы.

Эдди хмыкнул. И промолчал.

Пока.

Потом уже, он очнулся за столом, осознав, что сидит и ест. И сидит давно. Ест... кажется, тоже давно. И что рядом сидит Берти.

Его отец.

Женщина в темном платье, чем-то весьма напоминающая матушку, должно быть взглядом, полным печали и мягкого упрека.

- Извините, - сказал Эдди, проглотив кусок чего-то сочного и кислого. – Сил пришлось потратить, и... вот.

Слабое оправдание.

Женщина мяла в руках кружевной платок. И синие глаза её были полны слез.

- Бертрам сказал, что вы... вы её видели?

- Видел, - плачущие женщины ввергали Эдди в состояние, близкое к ужасу. – Не совсем её... дух. Её дух покинул тело...

- Опять... - выдохнула женщина.

- Матушка, - с упреком произнес Бертрам.

- Да, да... прошу прощения... я... она... моя дочь...

- Она жива, - поспешил заверить Эдди. – Напугана, но жива.

Бертрам с отцом переглянулись.

- Пока она находится в относительной безопасности.

- Что с ней...

- Её держат взаперти, но не бьют, не обижают. Кормят вон.

Эдди не знал, что еще сказать, чтобы успокоить женщину. Та прижала кружевной платок к глазу и вздохнула.

- Благодарю, - произнесла она мягко. – Вы... вы меня порадовали. И если моя дочь... вернется... я этого не забуду.

- Думаю, теперь найти её будет многим легче, - Эдди покосился на тарелку, на которой еще лежал кусок мяса. Рядом высилась горка вареного гороха. – Да и...

Он запнулся, не зная, стоит ли говорить.

Но укоризненный взгляд заставил вздохнуть. Снова.

- Я смогу до нее дотянуться. Не физически. Скорее уж речь идет о тонком мире... хотя... я в нем не особо... случалось бывать, но вот так, чтобы практика, её не было.

- Я в вас верю, - сказала женщина тоном, не терпящим возражений. – Пойду. Нужно приготовить комнату. И врач... уверена, что Эве просто необходим будет целитель...

Она ушла.

И дышать сразу стало как-то легче.

- Ешь, - сказал Бертрам. – И рассказывай.

Эдди так и сделал.

Глава 13 Где разговор идет о крепкой родственной любви

Глава 13 Где разговор идет о крепкой родственной любви

Завтрак.

Завтрак – это... это утро. Очередное. Столовая, которая слишком велика, чтобы чувствовать себя в ней хоть сколько бы уютно. Мрачно-торжественная матушка Чарльза. И хмурая, не скрывающая раздражения сестра его. Она, в отличие от матушки, делала вид, что вовсе меня не замечает.

Это злило.

Несказанно.

Как и отсутствие нормальной еды. Ну вот разве человек, который голоден, насытится двумя ложками овсянки и сухой корочкой хлеба, по которой слегка мазнули маслом?

Чай бледный.

Молоко пахнет гарью. А паче того давит на нервы тишина.

- Вижу, - её матушка Чарльза решила нарушить первой. – Сегодня вы решили одеться прилично.

И губы поджала.

Долго она мне еще будет вспоминать тот выход.

Сестрица отвернулась и тоже губы поджала. А ведь похожи они. И от этой схожести прямо дрожь берет.

- Доброго утра, - я плюхнулась на стул и вздохнула.

Прилично...

Скорее уж... в общем, в тот раз и вправду переборщила слегка, если подумать. Даже в наших диких краях я к обеду переодевалась в платье. А тогда в брюках пришла. Позлить думала.

Позлила.

Вышел скандал. С обмороком. И приказом удалиться, которому я с превеликой охотой последовала. Так она еще потом Чарльзу пожаловалась. Уж не знаю, чего наговорила, но он был недоволен.

И я.

И... поругались. А потом помирились. И снова поругались, правда, на следующий день, когда он вновь изволил явиться, а я

спросила, где это его демоны носили всю-то ночь.

Он ответил.

Я тоже не сдержалась. И вместо того, чтобы помириться, поругались того сильнее. Честно, сама не понимаю, как оно получилось, что мы разошлись по разным комнатам. И замолчали.

Дураки, что с нас взять-то.

Так и повелось. Он пропадает. Я злюсь. Он появляется, я злюсь еще больше. И ничего хорошего с этой злости не выходит, понимаю же, а успокоиться не могу.

Завтрак-таки подали.

Овсянку. С маслом, что растекалось по горке желтоватой жижицей. И тот же подсушенный хлеб. И чай, который больше на помой похож, потому как бледный, безвкусный. Оттого в него и льют молоко, чтоб хоть чего-то было.

- Мой сын снова изволил ночевать в другом месте? – вежливо осведомилась свекровь. И главное, не пытается же скрыть, что рада.

Ага.

Чему?

Тому, что Чарли в очередную авантюру вляпался? Королевская служба... в записке, которую муженек соизволил прислать, о ней говорилось. А я вот взяла и поверила, что именно она, королевская служба, и виноватая, такая, которая ночью. Ну-ну, это он пусть кому из местных девиц на уши вешает. Я ведь чую, чем от него пахнет.

Сигарами.

И виски. Еще, слабо-слабо, но все-таки – духами, такими ядреными, вроде тех, что шлюхи Бетти любили, чтоб, значит, перебивало напрочь запах немытого тела.

Главное, чтоб духи какие другие или только виски, я бы подумала... ну, про то, что он ничем-то от папашки моего не отличается.

Честно, даже подумала сперва. А потом... потом просто поняла, что в жизни такой чистоплюй с немытою девкой не свяжется. Чарльз, если и найдет шлюху, то из тех, что почти приличными притворяются. Поняла и... не успокоилась. Потому как выходило, что вляпался муженек в очередную историю, если вовсе не вознамерился подвиг совершить.

И ведь не скажет, какой. Не из недоверия, а чтобы я не полезла.

Обидно. Вдвойне.

- Вы ж вроде уезжать собирались, - овсянку я в себя засунула. Если подумать, не такая уж и мерзость, случилось есть и чего похуже.

Да и дорогу к местной кухне я еще в самый первый день нашла.

И с поварихой познакомилась. Не скажу, что знакомство так сразу заладилось, сперва-то фыркала и носом крутила, дескать, я ей не хозяйка. Но потом ничего.

Сговорились.

Так что после первого завтрака будет и второй. Нормальный.

- Или передумали?

Дорогая свекровь поджала губы, Августа же подумала было изобразить обморок, откинувшись на кресло, но потом дошло до болезни, что вряд ли кто на него внимание обратит. И надулась.

- Как я могу бросить тебя в ситуации столь неоднозначной?

- Легко! – ответила я с надеждой. И пальцем в Августу указала. – Ей вон свежий воздух нужен. А то вся сбледнула.

- Что? – на щеках Августы проступили пятна.

- И похуднула.

Свекровь закатила очи. Я тоже поглядела на потолок. Потолки в доме были высокими и со всякими там завитушками. Иногда на них вовсе малевали, пухлых младенчиков, цветы, птичек. Красиво, конечно, но не понятно, на кой оно.

- Сама ты... похуднула, - огрызнулась Августа, не выдержав-таки.

- И это тоже, - я похлопала по животу. – С такими завтраками и вовсе сгинуть недолго. Или это вы нарочно решили меня голодом уморить?

- Леди пристала умеренность в еде, - заметила свекровь, разглядывая овсянку как-то так... без особой, скажем, любви.

- Так то ж леди, - возразила я.

- Действительно...

И опять стало тихо. Настолько, что слышно было, как гудит где-то там, под расписным потолком, муха. Как ни странно, но это гудение несколько примиряло меня с действительностью. Вот вроде ж оно и цивилизация, и дом роскошный, а нате вам, мухи никуда не девались.

- Я взяла на себя смелость пригласить модистку, - свекровь все же ткнула в кашу ложкой. – И куафера. И еще кое-кого... все-таки тебя надо приводить в порядок, прежде чем показывать людям.

- Я в порядке.

- Несомненно, - она чуть склонила голову. – Но... видишь ли, милая, у нас разные представления о том, что есть порядок.

Ну да, слыхала.

- Мама! – выдохнула Августа.

- Да, дорогая? Тебе тоже не мешает несколько... освежить облик.

- Я в трауре!

- Несомненно. Но это еще не повод вовсе отказываться от маленьких радостей жизни.

Августа молча поднялась.

А я... впервые, пожалуй, мне стало её жаль. Пусть Змееныш был редкой скотиной, пусть она знала, что он вытворяет. Но ведь она любила. И продолжала любить. А теперь вот...

- Вернись, - жестко сказала свекровь.

Но Августа будто не услышала.

А я... я почему-то чувствовала себя виноватой, хотя, конечно, я-то как раз ни в чем не виновата.

- Что ж... - свекровь тоже стала. – Не буду утомлять тебя своим присутствием...

- Погодите, - спрашивать её вот совершенно не хотелось, но ведь больше некого. Чарли... хрен его знает, когда он вернется. Но ведь и братец мой сгинул куда-то. И матушка. А это было совсем не нормально. – Мне никто не писал?

- А есть кому? – свекровь подняла бровь.

А я... я почувствовала ложь.

Вот ведь... свекровище!

- И вправду, - я тоже встала. Овсянку не то, чтобы не люблю, скорее уж не люблю именно эту, безвкусную, полужидкую и отравленную добрым ко мне отношением. – Кому... ничего. Думаю, я вполне сама справлюсь.

- С чем?

- Со всем, - рявкнула я, чувствуя, что еще немного и полыхну. А ведь Чарли учителя обещал. И... и что все будет хорошо.

Вот и верь после этого.

На кухне я оказалась спустя четверть часа, и Марта молча поставила передо мной огромную тарелку. Бекон. Яйца. И слегка

обжаренный, посыпанный крупной солью козий сыр.

- Спасибо, - сказала я вполне искренне.

И за чай.

Нормальный. Который темный до черноты и горький. Леди такой не пьют? А вот Марта вполне, пусть даже, подозреваю, не ставя хозяйку в известность. И это тоже грело душу.

Нет, я не злая, просто...

- Письма, - поинтересовалась я, вытирая растекшийся желток куском хлеба. – Ко мне должны были приходиться письма.

- Я в дом не поднимаюсь, - буркнула Марта, но глянула с сочувствием.

Стало быть...

- Кто? – я спросила мягко.

Она же вздохнула и, отерев полотенцем крупные мягкие руки, опустила на скамью.

- Ешь, девонька... ты, я вижу, из простых...

Я промычала что-то невнятное.

- Так что тут надолго не удержишься. Хозяйка крепко недовольная, - Марта покачала головой и губы поджала. Чем-то неуловимо походила она на Мамашу Мо, то ли этою вот неторопливостью, то ли запахами кухни, что напрочь пропитали и одежду её, и волосы, и саму кожу. То ли еще чем. – Господин-то в прежние времена с матушкой не спорил. Да и чего ему? У него свои дела, мужские. А у нее, стало быть, свои, но женские.

Я кивнула.

- Она-то, сказывают, уже и сговорила с кем-то про женитьбу.

Слушать было неприятно.

- Думала, небось, что слезу уронит, хозяин матушку пожалеет и женится. Особенно, когда младшенькая этакое-то выкинула, да... а он взял да сбег. Кто бы мог подумать...

Она снова замолчала и губой задвигала, будто жует чего.

Мамаша Мо и жевала. Табак.

Принести, может?

- А возвернулся уже и вот... наши сказывают, что она-то о том объявления давать не велела.

- Какое объявление?

- А как водится-то. В прежние времена люди что? Шли к жрецу, а тот уж в храме, стало быть, на службе имена и объявлял. Мол, такой-то и этакая собираются пожениться. И, стало быть, коль кто ведает, отчего невозможно им жениться, то пускай скажет. И так месяц.

Я кивнула.

Знаю. У нас не то, чтобы также, но случалось.

- У людей простых и ныне так. Оно же ж правильно. Пред людьми сказано, и никто не может попрекнуть, что не слышамши. А вот у благородных иначе. Они в газету, стало быть, объявление шлют. Вон, про дочку свою она послала, что, мол, замуж та вышла, хотя ж никто-то не верил, что и вправду вышла. Но вид сделали. Как же ж. Род древний. Славный. И старого хозяина помнят еще, да... теперь-то, может, и правильно. Вернись она безмужняя и с животом, что было бы?

- Что? – спросила я.

А ведь и вправду интересно же!

- А ничего хорошего, - отрезала Марта. – Только о другом я... господин, стало быть, велел известие послать. В газету. Чтоб напечатали про свадьбу. Про то, что женился он на девице... уж запомнювала, как там тебя.

Ничего.

Это нормально. Я просто кивнула.

- И когда б оно так было, тогда б велено было б дом готовить. Понимаешь?

- Нет, - честно ответила я.

Ничего не понимаю. Куда готовить? И для чего?

- Невесту и жену положено обществу представлять. Сперва у себя дома, а после уж, коль обществу благородному глянется, то и по гостям. И тянуть с приемом не принято. Оно ж тогда подумать могут, что семья, стало быть, не радая этой свадьбе.

А она и есть не радая.

Полностью.

- Дом же ж к приему приготовить непросто. Это надобно не только тебя приодеть, но и тучки... вона, садовников позвать, заказать цветы там, ленты и всякое иное. После продукты, ибо всяк гость пожрать любит. А велено, как на обыкновенную неделю брать.

Вот теперь я начала понимать.

- То есть... она показывает, что не рада?

Я и сама это вижу. Но одно дело, что вижу я, а другое...

- Госпожа наша лицо держать будет, даже помираячи, - доверительно сказала Марта. – И когда б объявление вышло, она б скоренько прием устроила. И тебя бы нарядила, драгоценностями окрутила б с ног до головы, чтоб никто не усомнился... вот...

А если прием не планируется, то...

- Письмо не ушло.

- Почтою Лидворм занимается. Но к нему не суйся. Он госпоже преданный... и то не доволен, что ты туточки. Запретить-то не может, ты, чай, тоже из господ. И мне он тоже не указ... если чего велишь, то исполнить буду обязана.

Марта хитро усмехнулась.

- И мои письма...

- Все письма, какие есть, отправляет. И получает. Разбирает. И гостей. Ежели кому не рады, то в жизни дальше порога не пустят.

Вот... скотство. Я прикрыла глаза.

- Ишь... золотые какие, - восхитилась Марта. – А ты, девонька, не спеши... силой силу не переломишь. Не эту. Умом надобно.

Понимаю. Но где бы еще взять его, ума этого.

Но Чарли, если явится, я... все выскажу.

В отеле пахло цветами. В этом, мать его, гребаном отеле все также пахло цветами. Стабильно. Раздражающе. Швейцар отвесил поклон.

И дверь открыл, будто сам Эдди безрукий.

Лакей проводил взглядом, в котором читалось все то же, плохо скрытое недоумение. Ну да, такому, как Эдди, не место в... подобном месте.

Кто-то вздохнул.

Кто-то возмутился тонким нервным голосом, но Эдди предпочел не слышать. Странно, что его до сих пор не попросили. Или матушку. Но жильё надобно искать. Похоже, в городе они надолго, а если так... вот на Западе все понятно.

Идешь в салун.

Или в таверну. Или к шерифу, который точно подскажет адресок приличной вдовы, которая находится в достаточно затруднительном положении, чтобы не слишком обращать внимание на такие мелочи, как внешность постояльцев.

А тут что?

Газеты читать? Он в раздражении поднялся наверх.

А у матушки были гости.

Гость.

Один. А те двое, что встали за его спиной, похоже, просто сопровождение. Вон, левый к револьверу потянулся, правый и вовсе пальцами щелкнул, активируя артефакт.

- Эдди, дорогой, - матушка поднялась навстречу. – Позволь представить тебе господина Роджерса.

Седой старик поклонился. Чинно. Вежливо. Без тени насмешки, которую Эдди уже научился улавливать, что в поклонах, что во взглядах.

- Он пришел помочь мне... в моем, вернее в нашем деле. А это мой сын.

В светлых, словно тоже поседевших глазах, не мелькнуло и тени удивления. Будто... так и надо. Старик привстал, сунул фарфоровую чашку одному из тех, что держались рядом. И поклонился снова.

- Рад, - сказал он коротко.

- И я, - Эдди ответил поклоном на поклон. – Может, я не буду мешать тогда.

- Нет, Эдди, - матушка указала на кресло. – Чай сейчас принесут. Хорошо, что ты вернулся... вовремя.

- Госпожа...

- Не стоит, Рейни. Ты же не думаешь, что я буду заниматься делами сама?

Кажется, старик именно так и думал.

Матушка покачала головой.

- Домом... домом я бы могла заняться, но все это вот все... нет, это не для меня, - матушка покачала головой и коснулась подбородка. – Да и... вы ведь осознаете, что... мне не обрадуются.

Старик чуть склонил голову. Соглашается?

- Вы уже беседовали... с ним?

- Еще нет.

Ни хрена не понятно, и это нервирует.

- Почему? Нет, Эдди. Остайся. Пожалуйста. Или ты спешишь?

- Нет, матушка. Конечно, я останусь.

Спешит.

Наверное.

Он помнит дом, который ему показала девчонка. И пусть город большой, но дом стоял на берегу, а стало быть, всего-то и надо, что лодку нанять. Прокатиться по реке, полюбоваться окрестностями. И пусть некроманты сами до того дойдут, пусть даже они знают город лучше Эдди, но... что-то мешало просто отступить.

Сейчас.

А вот пару минут матушке Эдди уделит.

Или не пару.

- К слову, я хочу, чтобы вы проверили документы. Усыновление состоялось по всем правилам, но вы понимаете, сколь легко придрататься к какой-нибудь мелочи... и знаете, что эти мелочи будут искать.

Старик вновь склонил голову.

- Вам я верю. Несмотря ни на что, вы всегда оставались верны моей тетушке... и не только. А потому не смею просить, но лишь надеюсь на вашу помощь...

Молчание. И треклятый чай в крохотных чашках. Старик не спешит заговаривать, но смотрит в эту самую чашку, будто надеясь на дне её отыскать ответы.

- Что ж... буду откровенен, - он все-таки заговорил. - Нынешнее положение весьма неоднозначно... с одной стороны недавний заговор, который имел место быть.

- Он не удался.

- Во многом благодаря упрямству некоторых личностей... и да, пожалуй, сие пойдет на пользу. Брак вашей дочери был заключен. И оспаривать его не рискнут. Тем паче, сколь знаю, молодому Диксону слово было дано, а при всей сложности характера Его императорское Величество держит слово. Всегда.

- Он будет зол.

- Несомненно, но... мне кажется, вы недооцениваете его. Весьма недооцениваете.

Эдди слушал. И не понимал. Наверное, матушка объяснит все позже, а пока ему надо сидеть и улыбаться, правда не так, чтобы старика напугать. Все же в возрасте человек, да...

- В таком случае...

- Я оставлю документы. И распоряжения отданы. Дом... вы уверены, что вам нужен именно тот?

- Вполне.

- Он довольно стар. И пусть его поддерживали в должном состоянии, но все-таки... расположение. Не самое удобное, да...

- Сад? Сохранился?

- Вполне.

- Тогда хорошо.

- И сад, и беседка... помнится, вы любили там читать. А ваша тетушка все повторяла, что книги до добра не доведут.

- И оказалась права.

- Как сказать, как сказать, - старик поднялся. – У каждого своя судьба. И не нам решать. Вы хотя бы попытались стать счастливой.

- Не вышло.

- А могло бы и получиться... шанс был. У всех был шанс. Кто-то использовал, а кто-то... счел, что долг превыше. И в итоге снова же не был счастлив. Но это все философия, не более того... а сейчас, простите. Документы я оставлю. Поверенного пришлю. Хороший мальчик.

- Ваш...

- Внук, да... внук... появился уже после того, как вы... отчасти он и девочки примиряют меня с моей жизнью. Так что... выбросите из головы всякие глупости. Мы все чем-то жертвуем. И не всегда это имеет смысл. А сын у вас хороший, да... думаю, общество оценит.

Эдди фыркнул, не сдержался.

- Главное, учтите, молодой человек, - старик прищурился. А глаза у него и вправду седые, такие случаются у людей, многое переживших. – Рады вам не будут, но вот использовать... использовать постараются. Да. А потому, если уж не сочтете за труд принять совет старого, но еще не впавшего в детство человека...

- Сочту за честь.

- ...избегайте общества юных прелестниц.

- Почему?

- Опасные существа. Самые опасные из известных мне.

И ушел.

Неспешно. Опираясь на тонкую тросточку, что выглядела несерьезной, но вот сила, её окутывавшая, намекала, что тросточка

сия имеет свои секреты.

Как и молчаливое сопровождение.

- Стало быть, дом... - осторожно заметил Эдди.

На столе осталась кожаная папка с серебряными уголками. Выглядела она весьма солидно, но внутрь заглядывать не хотелось.

Категорически.

- Все-таки отель – это не то. Согласись, дорогой.

- Матушка...

- Этот дом оставила мне моя тетушка. Именно мне.

- Та, что не любила книги?

- Отчего же, любила. Только иные. Жизнеописания святых. Мне они казались такими мрачными... сплошное преодоление и духовный подвиг. Моя тетушка рано вышла замуж. И брак её был не слишком удачен. Во всяком случае, она как-то обмолвилась, что супруг её умер раньше, чем она дозрела до мысли об избавлении от супружеской связи иным способом.

Эдди приподнял бровь.

- Нет, нет, дорогой... тебе пора научиться думать о людях хорошо.

- А этому можно научиться?

- Научиться можно всему. Было бы желание. Она подумывала уйти в монастырь. Отчасти поэтому я и... я в монастырь не хотела. Я часто бывала у тетушки. Её считали в достаточной мере благоразумной и набожной, чтобы одобрять эти визиты. А я... там я была счастлива. Тетушка не привечала гостей. У нее был тихий дом. И довольно свободные порядки. Во всяком случае, никто не требовал переодеваться три раза в день.

- Зачем?

- К завтраку. Обеду. И ужину. А есть еще визиты. И прогулки. Посещения... ты не представляешь, насколько это утомительно.

- Мне глянуть? – Эдди все-таки подвинул папку к себе. – Дом?

- Да. Было бы неплохо. Мне здесь не нравится, - это признание далось матушке не сразу. – Мне казалось, что... все будет иначе. Что стоит вернуться, и я снова стану прежней. Хотя, конечно, в моем возрасте пора бы уже избавиться от иллюзий. Прежней я не стану. Но может, это и к лучшему... Иди. Нет, погоди... там должна быть чековая книжка. Пока сумма не так, чтобы велика, но на первое время хватит. А потом... ты не получал писем от Милисенты?

- Нет.

Эдди папку открыл.

Бумаги. Как же он, мать его, ненавидел бумаги. Не все, но такие вот, с гербами, завитушками, заполненные мелким аккуратным почерком. И наверняка выписано все туманно, так, чтоб с первого раза не понять. И со второго тоже.

- Я сегодня наведуась.

- Не спеши, - матушка разом успокоилась, а ведь визит этого старика заставил её нервничать. И вовсе не потому, что не рада она была его видеть.

Рада.

Безусловно.

- Думаешь, мне не обрадуются?

- Смотря кто, - матушка поглядела в недопитый чай. – Чарльз – хороший мальчик. Но мужчины порой бывают весьма слепы, особенно в отношении тех, кого любят.

- Что-то я не понимаю.

- Он любит Милли. Но он любит и сестру. И мать.

- А они как раз... - Эдди кивнул. – Были не в восторге.

Особенно матушка. У неё там, на лице, все написано было. И восторг, и прочие чувства.

- Именно.

- Но тогда...

- Тогда надо быть рядом, Эдди. Просто быть рядом. И дать возможность ей самой... ты хороший сын. И хороший брат. Пожалуй, чересчур хороший...

- Это плохо?

- Иногда. Сейчас... сложный момент. Милисента ведь почти никогда не оставалась одна. Проблемы? Ты их решал. Всегда. И опекал. И приглядывал. Но так не может продолжаться вечно.

- Почему?

- Хотя бы потому, что у тебя своя жизнь.

- Мама...

- Своя, Эдди. Ты рано или поздно, но тоже заведешь семью. Или, если не захочешь, то займешься чем-нибудь... ты, кажется, хотел открыть мастерскую? Вот и откроешь. Или нет. Агентство? Да и просто... не уверена, что ты сможешь выжить здесь. Тебе ведь плохо.

- Не настолько, чтобы сбежать, - проворчал Эдди. – Город. Слишком большой. Шумный. Людей много. Силы много.

Да и глядят на него... вон, вчера полисмен пристал, шел за Эдди до самого отеля, а потом еще со швейцаром разговаривал, явно выясняя, кто он таков и что в приличном месте делает.

- Именно. Но ты не уедешь, пока не убедишься, что с Милисентой все в порядке. А с ней не будет все в порядке, пока она не научится жить сама.

- Как-то это...

- Жестоко? – матушка провела пальцем по краю чашки. – Возможно. И... все-таки. Сейчас ей надо решить, чего она хочет. От семьи. От жизни. От мужа... ей надо научиться отстаивать свои интересы, причем без револьвера и членовредительства!

- Это сложно.

- А никто и не говорил, что будет просто. Насколько я успела понять, характер у леди Диксон непростой. Но все же говорят о ней с уважением, а значит, человек она по сути хороший. И сыну желает исключительно добра. Только... представления о добре у них могут различаться.

- А если... - Эдди замялся. – Если у неё не получится?

Матушка вздохнула.

- Дом моей тетушки, может, и не так, чтобы велик, но места в нем хватит всем. Да и в мастерской Милисента пригодится. Если ты решишь её открыть. Но я все-таки надеюсь, что им удастся найти общий язык.

Глава 14 В которой магия вырывается наружу

Глава 14 В которой магия вырывается наружу

Как ни странно, но ждать стало сложнее.

Теперь, когда Эва почти уверилась, что её спасут. А ведь должны! Она все рассказала! И про всех! И... и теперь надо только подождать.

Тот жуткий человек передаст все брату.

И отцу.

И отец вызовет полицию. Дом оцепят. А её спасут. Непременно. И она, очнувшись, взялась за гребень, потому что некрасиво получается. Её тут спасут, а она вся лохматая.

Волосы Эва расчесывала престарательно, стараясь не морщиться, когда пряди цеплялись за обманные зубья. И жаль, что помыть не выйдет... только подумала, как дверь открылась.

Кэти.

Эва замерла. И сердце заколотилось быстро-быстро. Так, что... гребень сам выпал из онемевших пальцев.

- Сидишь? – мрачно поинтересовалась Кэти. – Хорошо тебе. Сиди и все.

Она повела носом.

А ведь... платье другое. Красивое. Из ярко-алой переливчатой тафты. Кружевом украшено. Шитьем. И махонькими перламутровыми пуговичками в два ряда.

Только сидит оно так, что ясно – шилось вовсе не для Кэти.

- Чего выпялилась? – огрызнулась она, подобравшись.

- Ничего, - Эва потупилась. – Платье красивое.

Врать она не умела, но Кэти поверила. И подобрела.

- А то... у меня таких много. Померла Матушка, - она даже всхлипнула и слезу смахнула. Если бы Эва сама не видела, как умерла Матушка Гри, поверила бы в это показное горе. – Осиротели мы...

- Сочувствую, - выдавила Эва, отводя взгляд.

Сердце колотилось все сильнее.

- Ничего, - печаль Кэти ушла столь же быстро, как и появилась. – Я о тебе позабочусь. Не бойсь. Тебе же ж лучше. Или думаешь,

Матушка доброю была? Это она умела, глядеться доброю. А на самом деле та еще сволочь. Вставай.

- Я стою.

- Идем, стало быть. Будешь много говорить, без языка останешься. Ясно?! – и тощие пальцы впелись в щеки. – Мордочку твою... думаешь, хорошенькая? Я тоже хорошенькою была. И вот чего!

- Как... это произошло? – спросила Эва, когда её отпустили.

- Да... обыкновенно. Клиент один. Идиёт, - Кэти успокаивалась столь же быстро, как и впадала в ярость. – Идем, кому сказала... и гляди у меня!

Кулачок ткнулся в самый нос Эвы.

- Я боюсь, - призналась та и вздрогнула. – Я... боюсь.

Правда.

Чистая.

И Кэти кивнула.

- И пральна. Бойся. Целее будешь. Я-то вон когда еще страх потеряла... и что вышло? А ведь думалось, что наконец-то... ко мне люди ходили. Знаешь, какие люди?! Не знаешь! Тебе и не надо... главное, что не просто так. А с уваженьем. Один так и говорил. Что, мол, найму тебе, Кэти, учителей. Будешь стараться и ледью станешь. Дом куплю. Поселю...

Она вздохнула и мечтательно прикрыла глаза.

- Соврал? – осторожно поинтересовалась Эва.

- Ай... мужики... что с них взять-то. Одним местом думают... а которые нет, так тех надобно держаться подальше. Когда мне рожу-то попортили, мигом все сгинули. И сдохла бы я, если б не Мамаша... только она за свою помощь все-то, мною накопленное, забрала. Милосердница...

Идти оказалось недалеко.

Знакомый коридор.

Лестница.

И еще одна. Лестницы в доме были узкими, и по ним весьма вольно гуляли ветра. Сквозило. И пахло плесенью, а еще цветами, уродливые букеты которых грудились в коридоре.

- Нравятся? – поинтересовалась Кэти, пощупав плотные лепестки белой лилии. – Дорогушие! Но завтрава красота будет!

Она даже глаза прикрыла.

- Завтрева все переменится... а ты иди, иди, чего столпом встала-то?

Завтра?

Эва ведь сказала, что два дня еще... есть два дня! А уже, получается, завтра? И что ей делать? Как быть? Как... сказать... предупредить...

Проклятье!

- Мамашка лилии не любила, все-то ей покойницкими мнились. А смерти она боялась, - Кэти хихикнула. А Эве подумалось, что эта женщина куда более безумна, чем Виктория.

Тори хотя бы только в снах дотянуться пытается.

А тут...

- Давай, - Кэти распахнула дверь. – Заходи. Надобно тебя в порядок привести, а то ж много не дадут.

- Д-дадут?

Эти комнаты, верно, когда-то были роскошны. И от былой роскоши остались вишневые панели на стенах и выцветший до грязного серого цвета бархат штор. Паркет, правда, давно не знавший воска, и потому посеревший, покрывшийся царапинами. Старый ковер походил на тряпку. Гобеленовая ткань козетки пошла рваными ранами, из которых выглядывали клочья спутанного конского волоса.

- А то... - Кэти толкнула в спину. – Не стой! Я тебе честно скажу... Мамаша, она бы врала, а я от как есть, так и скажу. На хрен ты своей родне не сдалась. Ни медяка за тебя не вернули.

Ложь.

Но... надо изобразить удивление. И ужас. Ужас, к слову, изображать несложно, потому что Эва как раз и пребывает в полнейшем ужасе.

- Ты же ж чего? Сбегла? Семью опозорила. Оскандалилась. А ежели вернешься, то кто поверит, что не порченная. И стало быть, отправят тебя в Бедлам. Бывала там?

- Нет.

- Жуть, - искренне сказала Кэти. – Жуткая. Лучше помереть, чем туда... но я ж чего, я ж тебе шанс дам.

- К-какой?

- Мужа найти. Чего? Вот поженишься взаправду, тогда и домой. К папеньке с маменькой. И с мужем. Небось, когда муж будет, то кто станет сплетни жевать?

Все.

Но Эва промолчала.

- Туточки у нас есть... у Мамаши... она, случилось, бралась девкам помогать. Не за так, само собой. Задарма и кошка не срет. А я не кошка, да... так от, есть люди, которые жену найти хотят. Чтоб и мордой хорошая была. И не только мордой. А еще невинная, да при этой... с предками...

- Родословной?

- Во-во. При ней самой. Ну и так, чтоб не больно гонорливая, а еще при даре. Сила-то магам надобна. От бессильной жены и дети такие же ж будут. Вот Матушка и помогала, искала девок, чтоб и с рожей, и с силой, и непорченные. А после ссылала приглашения, на погляд, стало быть. Ну и там торговали. Все по-честному. Этот, как его... кцион.

- Аукцион?

- Во! Кто больше даст, тому и бабу. И ныне тебя готовилась запродать. Только сказать не успела. Померла вдруг. Внезапно.

Интересно, что они с телом сделали. Или... или, пожалуй, Эва не желала знать.

- Так что завтра вечером будет у тебя шанс, девка. Цена твоя – долг, который Мамаша посчитала. Ежели найдутся те, кто заплатят, то и пойдешь ты... в замуж.

И снова ложь. Надо же, оказывается, не так сложно ложь видеть.

- А... если нет?

- Ну... иначе отработаешь. Что я, злыдня какая? – Кэти пожала плечами. – Но лучше тут шанс свой не проспи. Покажись. Улыбнись там. Повернись... чтоб у них у всех в штанах потеснело.

Эва поняла, что краснеет.

- Вона, пока тут оставлю. Помойся. Причешись. А то на благородную ты не больно-то похожая.

Это было обидно. Но обиду Эва придержала.

- Воду принесут. И еще, - Кэти прищурилась, и в глазах её мелькнула тень безумия. – Сегодня вечером придет один... человек. Побеседовать. Пожелал. Постарайся уж с ним... побеседовать.

Она выделила это слово.

- Я...

- Хороший человек. При деньжатах. Понравишься – выкупит. А нет, тогда гляди... дело-то твое, но не вернешь долг так, вернешь иначе. Я ж говорила.

И улыбнулась. Широко. Так, что стало видно, что зубов у Кэти не хватает.

- Я... постараюсь.

- Вот и славненько.

- Только, - Эва провела по платью. – Оно... не совсем подходит для беседы. Понимаете? И ленту бы, чтобы волосы собрать.

- Платье пришлю какое. А вот ленту тебе не надобно. Мужики страсть до чего волосья любят. Так что нехай так будут. Только... - пальцы снова стиснули горло. Кэти дернула, заставляя сделать шаг к ней. – Вздумаешь дурить, я тебя... я тебе глаза выколю. Шлюхе они не особо нужны. Ясно?

Эва с трудом сдержала слезы.

А еще... еще впервые подумала, что это несправедливо! Из всего-то дара ей досталась лишь способность заглядывать на ту сторону мира. Была бы она, как Берти, настоящим некромантом, уж тогда бы сумела...

- Но ты умненькая, - Кэти ущипнула Эву за щеку. – Я по глазам вижу.

И отпустила.

Вышла. Дверь затворила. На засов. В этом доме засовы были с той стороны. И Эва уняла дрожь. Осторожно подошла к этой двери. Может... нет, на руках у нее браслеты, пусть и старые, но те крохи силы, что есть у нее, они заперли надежно.

Хорошо, что та её способность, она не закрыта.

Это...

Эта...

- Я справлюсь, - сказала Эва тихо. Только голос прозвучал отчего-то надтреснуто. – Я... обязательно справлюсь.

Чарльз приобнял изрядно пьяного Байни, который, если и держался на ногах, то чудом, не иначе.

- А я т-тбе с-скжу! – Байни попытался вывернуться и даже ткнул Чарльза в грудь кривоватым пальцем. И сам от толчка покачнулся,

начал заваливаться на бок. – Ох... тж...

- Скажи, - Чарльз поморщился.

И бросил взгляд в зеркало.

Пустота.

Очередной вечер, точнее ночь, начавшись в клубе, закончилась в тихом доме на окраине Сэмфолда. Дом этот от соседних ничем-то не отличался и с виду был настолько обыкновенным, что глазу зацепиться не за что. Ни старый. Ни новый. Слегка неопрятный, с запущенным садом, отделенный от иных домов высокою оградой. И пусть Сэмфолд – район вполне себе приличный, особенно в дневное время, но чувствуется близость к иным, куда более опасным местам.

- И скжу! Так скжу... выпить есть? – неожиданно четко поинтересовался Байни. И икнул. – Пожрать бы...

Он мотнул головой и поморщился.

А ведь на сей раз быстрее отошел. И стало быть, прав Эдвин, организм приспособливается к этой дряни, чем бы она ни была.

- Голова... моя голова... - Байни сжал упомянутую голову руками. А потом его все-таки вывернуло, прямо на алую обивку софы.

Изнутри дом был, пожалуй, иным, отличным от тех, в которых привык бывать Чарльз.

Позолота, пусть местами и облезшая. Мебель крепкая, но давно уж вышедшая из моды, а порой и вовсе довольно разная, будто попавшая сюда случайно. И узорчатые хрупкого вида козетки вполне себе соседствовали с массивными креслами прошлого века.

Обивка вот была одинаковой, алой.

С золотом.

И шторы тоже красные. Зеркал множество. В одном как раз Чарльз и отражается. Кривая, недовольная физия. Со щетиной, с помятостью и заломами.

Главное, отступить он успел.

И Байни придержал за шкурку. Появилось искушение потряхнуть от души, заодно отвесить пару оплеух и, когда протрезвеет, поинтересоваться, что же случилось со старым приятелем такого, чтобы он так издевался над собой.

Но...

Не отвесит. Не скажет.

- Ох ты ж... полегчало. Нэнси! – Байни отер рот ладонью. – Нэн, девочка моя!

- Чего? – Нэн поднялась с софы, на которой и спала, свесив руки да похрапывая. После сна голос её был по-мужски низким, да и она, избавленная от пудры и краски, казалась страшною.

Байни тоже шарахнулся.

- Скажи, чтоб пожрать несли... и ты сделала, чего я просил?

- Чего? – Нэнси зевнула, показывая желтоватые кривоватые зубы.

- Письмо. Рекомендательное.

- А... еще вчера. Он тоже жрать будет? – она потянулась, и корсаж сполз, обнажив небольшую грудь.

Чарльз отвернулся.

- Будет, - сказал Байни. – А ты иди, приведи себя в порядок... а то как шлюха.

Хлопнули ресницы, но спорить Нэнси не стала. Исчезла.

- Поменяю, - Байни подавил зевок. – Идем... пожрем, что ли. И домой надо, а то матушка опять затянет... и отцу донесут. Матушка ладно, а отец-то... будто сам молодым не был. Пилить начнет. Долг. Обязательства... будто я отказываюсь. Невесту нашли. Я говорил?

- Не помню, - пробурчал Чарльз, пытаясь скрыть свое раздражение. Если и сейчас пусто, то...

...после первой вечеринки состоялась вторая, на которой Чарльз сумел остаться трезвым. И то, что он увидел, привело в ужас.

А еще подвигло принять предложение Эдвина.

В конце концов, герцогиня де Коллен всегда умела создать у высшего общества правильное мнение. И если она возьмет Милисенту под свою опеку, все станет много проще.

Наверное.

Правда сейчас не отпускало ощущение, что становилось только сложнее. Он приходил... собираясь сказать, но как-то... как-то не получалось.

Неотложные дела. Он слишком давно не был дома.

Письма, на которые обязательно нужно ответить. И вопросы, требующие немедленного решения. Августа, чье настроение менялось весьма стремительно, и нельзя было понять, с улыбкой его встретят или слезами.

Целитель, запретивший отъезд, ибо слишком много боли и потерь перенесла Августа. И потому состояние её нестабильно, и нужен постоянный уход.

Разговоры. Пустые. Ни о чем.

Обеды.

Матушка. Ощущение, что он, Чарльз, участвует в престранном представлении, устроенном в его честь, где все-то участники что-то знают, что-то важное, а он понятия не имеет, что же происходит.

- О... хорошо, - Байни поднял чашу с бульоном обеими руками. – Так о чем это... а... невесту... нашли... матушка говорит, что ты всех удивил. Ну, это она вежливо... она и вправду такая?

- Кто?

- Твоя жена, - Байни икнул и прикрыл рот рукой. Потом и вовсе вытер. Глянул на грязные манжеты рубахи... и его снова вырвало, выпитым бульоном и желчью. – Твою ж...

Чарльз отвернулся.

Встречи.

Друзья. Точнее люди, полагавшие себя его друзьями, связанные с Чарльзом учебой ли, общими ли делами или просто случайными встречами. Где они были, когда ему понадобилась помощь? Впрочем, о помощи просить было не принято.

Или жаловаться.

А вот пить...

- И-извини, друг. Кажется, я и вправду перебрал... ох ты ж...

Байни побледнел.

- Целителя?

- Н-нет... п-пройдет... эти же... донесут еще... они же все тут... - Байни потер грудь. – Мне просто... п-полежать... Нэн позови.

- Давай помогу, - Чарльз помог приятелю встать.

Вечера всегда начинались одинаково. Разговор... без разницы, о чем. Неторопливая игра. Малые ставки, такой же интерес.

Ощущение лени и неги.

Выпивка.

И зелье, которое появлялось словно из ниоткуда, а с ним и предложение:

- А не повеселиться ли нам, господа...

Полупрозрачный фиал. Капли, которые резко и терпко пахли анисом. Бокалы. И смех. Безумный смех. Подобный Чарльз слышал в опиумных курильнях.

Неужели они не понимали?

Или не хотели понимать? Врали себе, что это лишь маленькая слабость. Все люди имеют право на маленькие слабости, особенно такие, которые не вредят другим. А зелье отрезало дар. И разум туманило. И все-то становилось иным, таким болезненно-ярким, волшебным.

- Иди, вот так... может, все-таки целителя? – Чарльз помог Байни лечь.

Тот вытянулся со стоном и глаза закрыл. А с лестницы свесилась Нэнси.

- Чего? – крикнула она. – Нажрался опять?

- Нет, - Чарльз взял приятеля за руку. Сердце билось как-то... неровно. Нервно. И вид его был далек от здорового. Кожа приобрела сероватый оттенок. – Целителя зови.

- Чего?

- Целителя! – рявкнул Чарльз. – Или лучше... погоди. Пошли кого по этому адресу.

Он зубами стянул перстень.

- Передай, чтобы поспешили. Я прошу. Все оплачу.

Байни приоткрыл рот и изо рта вытянулась ниточка слюны.

Твою ж...

Они ведь говорили. Обо всем. Об актрисах, которые были, конечно, премиленькими, но уж больно дорого обходились. И это при том, что никто не гарантировал верности или хотя бы порядочности. И балеринки не лучше. Потому любовниц стоит искать не там.

Нет, нет.

Те, что с Нижнего города, они получше всяких актрисок будут. Обходятся почитай за даром, место свое знают, а если заглянуть в правильное место, то и вовсе приобрести можно прехорошенькую.

И девицу.

Да, да...

Правда, куда идти не говорили. Смотрели. Отшучивались. А когда зелье совсем уж туманило разум, просто замирали с открытыми ртами.

Блок. Ментальный.

Эдвин подтвердил.

Кто-то определенно позаботился о том, чтобы нужное Чарльзу место так и осталось тайным. А те адреса, которые назывались все-таки, на проверку оказались борделями разной степени поганости.

Пустое.

И вот Байни предложил составить протекцию.

Рекомендовать дорогого друга в маленький закрытый клуб... проклятье! Если он загнется, то, стало быть, все зря!

- Не спать, - Чарльз хлопнул лежащего по щеке. И тот лишь моргнул. Взгляд плывущий, а уголок рта дергается. И глаз левый налился кровью. Смотрит куда-то вбок.

Твою ж...

- Ой, а он чего...

- Целителя! – рев Чарльза сотряс дом до самой крыши. – Если на улицу вернуться не хочешь.

Нэнси на улицу возвращаться не хотела. И исчезла столь стремительно, что само по себе было почти чудом. Твою ж...

- Не смей! – Чарльз перехватил руки. Потом отступил. Разорвал рубашку. Грязную, испачканную выпивкой, рвотой, соками. Грудь Байни вздымалась и опускалась. Из рта доносился клекот.

Так, что Чарльз помнит о целительстве?

Никогда не давалось. Силы много, а там точность нужна. И... и что-то с Байни не так. С энергией. С... найти точки выхода энергетических линий. Где-то на запястьях... и на горле. Но на горле руслу большие, этак со своим потоком Чарльз и убить может.

А вот запястья – дело другое.

И теперь по капле, надеясь, что организм сам справится. Маги ведь живучие. Куда более живучие, чем обыкновенные люди.

Потихоньку.

Вот так. Байни захрипел и дернулся было, но потом затих, только уголок рта и глаза продолжали дергаться в безумном ритме. Но живой. Это же хорошо.

Продержится.

Точнее они оба продержатся, пока не явится целитель.

Сколько пришлось ждать, Чарльз не знал. Просто сидел, вливая по капле силу в ослабевшее и такое вдруг хрупкое человеческое тело. А потом его потеснили.

- Теперь моя очередь, - важно сказал господин Шверинсон. – Вы и без того неплохо потрудились, Чарльз... не будь вы столь безголовым, я бы пригласил вас в ученики. Возможно.

Дышать стало легче.

Левас Шверинсон недаром считался лучшим из целителей. И Байни он спасет. И... пусть тот редкостный придурок, но почему-то совсем не хотелось, чтобы он умер.

- Надо же... какая интересная картина. Чарльз, вы не будете столь любезны помочь?

- Все, что в моих силах.

- Саквояж. Пусть та милая особа, что принесла ваш перстень... вы умеете удивлять, Чарльз. Так вот, мой саквояж. В нем инструмент. Соберите шприц. Мне нужна кровь этого бестолкового молодого человека. Его отец будет весьма огорчен. Да, да... предвижу.

У Леваса Шверинсона было очень живое лицо с длинным носом и узким, выступающим вперед подбородком.

Тонкие пальцы.

Сеть морщин на смуглой коже.

- А вы... - он глянул на Чарльза с укором. – Ходят слухи, что вы, молодой человек, имели неосторожность жениться... весьма вас с этим поздравляю.

Шприц нашелся.

Собрать, правда, получилось не сразу, пальцы дрожали, и потому, когда Нэнси просто забрала стеклянную колбу из рук, Чарльз не стал сопротивляться. Она ловко присоединила иглу и вставила поршень.

- Чудесно, милое дитя... вижу немалый опыт. Опиум?

- Я... иногда помогала.

- И этому бестолковому самоубийце? Чарльз, не притворяйтесь, что вас здесь нет. Подайте жгут и затяните... вот так.

Со жгутом он управился.

- Нет. Байни... он не колосся. До него... раньше... он хороший. Он не умрет? – в глазах Нэнси появились слезы, но стоило понять, что никто-то не обращает на них внимания, и слезы исчезли. – Он мне еще за этот месяц должен.

- Не знаю, не знаю... - Левас покачал головой. И нахмурился. – Чарльз... вы будете добры поделиться со стариком...

Чарльз молча протянул руку.

- Вот тут держите... вливайте осторожно. Чую, силы у вас прибыло. Оно-то, конечно, лучше бы мозгов. В следующий раз просите Бога мозгами дать... но пока давайте, вот, по капле... вы, вижу, воздержались... что за гадость?

- Н-не знаю, - Нэнси моргнула и шприц подала.

- Сами, голубушка. Сами... вот так, ручку ему согните, чтобы вены проступили, а дальше, думаю, справитесь.

Вены и вправду проступили на белой, какой-то влажной коже. Черные, они походили на червей, и Чарльз с трудом сдерживался, чтобы не отстраниться.

Силу.

Сила текла. По капле. Медленно. И Байни дышал. Грудь его вздымалась. Опадала. Сердце колотилось где-то там, внутри. А Левас замолчал. И это было плохим признаком.

Очень, очень плохим.

Ну же... Байни не может умереть! Не имеет права! Он обещал... и без него Чарльз не найдет этот треклятый аукцион. А ведь дело даже не в сестре Орвуда.

Дело...

Дело в том, что Чарльз должен. Что-то должен сделать, чтобы остановить все это безумие.

- Вот так... - Левас смахнул дрожащею рукой пот. – От меня так просто не избавиться, молодой человек... да, да... милая дама... вы не будете столь любезны... сделать чаю. И сахару, сахару побольше. А еще еды бы какой. Совершеннейшим образом не отказался бы.

- А... - Нэнси показала шприц, наполненный темной кровью. Слишком уж темной.

- Будьте добры... там, в саквояже, есть футляр. Туда и отправьте. А еще поближе подвиньте. И таз какой-нибудь. Я, признаться, не сторонник кровопускания, но сейчас, боюсь, это просто-таки необходимо. И чай, несомненно... без чая никак. Чарли, подайте-ка скарификатор.

Кровь стекала по запястью, все еще бледному и какому-то, словно лаком покрытому. Желтым грязным лаком. Она набиралась в ладонь, потому как пальцы Байни застыли в полусогнутом виде, словно он и бессознательный пытался собрать эту вот кровь, а потом падала меж них в блюдо.

- Что с ним? – тихо спросил Чарльз, прикусывая губы.

Байни дышал. Много ровнее, чем прежде. И все же лоб его покрывала испарина. И веки слегка подрагивали.

- Мозговой удар, - Левас устроился на полу, сунув под зад одну из подушек, что на этом полу валялись. И узкие брючины задрались, выставив на всеобщее обозрение и носки, и подтяжки, отчего-то зеленые. Зеленый Левасу не шел.

Хотя, конечно, странно думать о чужих подтяжках для носков.

- Он же молодой.

- Молодой. Бестолковый. Как все вы. Полагает себя бессмертным. Но... Чарльз, не буду кривить душой. Вы знаете, что он принимал?

А вот взгляд у Леваса холодный.

Расчетливый взгляд.

Чарльз чуть склонил голову и взглядом указал на Нэнси, которая самолично чай принесла.

- Благодарю, милое дитя... а теперь, будь добра, приведи себя в порядок. Его батюшка, который, полагаю, скоро прибудет, весьма старомоден в некоторых вопросах.

Нэнси нахмурилась.

- Он мне за месяц не заплатил!

- И щепетилен. Успокойтесь. Он по достоинству оценит вашу помощь... но вид, к чему злить человека, который и без того будет зол? Вы, несомненно, юны и прекрасны, и ваша фигура – отрада для глаз старого больного человека, но это лишь я... да, да...

Нэнси вздернула нос и удалилась.

- Он в самом деле придет?

- Я отправил помощника. Все же лорд Эвенвуд – фигура весьма значимая. И раз уж дело такое... полагаю, что да. Сына он любит. Как по мне, даже слишком. Так что он принимал-то? Это не опиум. Не морфий. Даже не этот... новая придумка. Героин. Слышали?

- Нет.

- Недавно в городе появился. Весьма хвалят, да... но как по мне, та еще отравка. Хотя вроде бы как лечат пристрастие к опиуму и с успехом. От кашля опять же помогает. Хотя мой вам совет, лучше обходитесь обыкновенною солодкой.

Чарльз поглядел на Байни.

- Он...

- Жить будет. Да и вы оказались рядом, что, несомненно, хорошо... однако что до остального, то сейчас сказать сложно. Героин вызывает некоторое возбуждение, опиум разрушает тело, а вот то, что принял он... взгляните, - тонкий палец коснулся лба Байни. – Его энергетические линии искорежены. Некоторые словно источены изнутри, другие расширены чрезмерно. И такое ощущение, что они спутались. Вы ведь не целитель, верно?

- К сожалению. Или к счастью.

Левас указал на поднос.

- Не откажетесь чай старику подать? Целитель бы из вас не вышел. Силы многовато. А вот мозгов...

Обижаться на Шверинсона не выходило. И чай Чарльз подал. И вежливо не заметил, как подрагивают смуглые руки.

- Физическое и энергетическое тела связаны. Более того, маг от обычного человека и отличается-то лишь степенью развития энергетического тела и возможностью поглощать энергию вовне. Поглощать и отдавать! – Левас поднял палец. – Даже обычный человек делает это, на примитивном, так сказать, уровне. То, что выпил ваш друг, изменило структуру его тонкого тела. Что привело к накоплению энергии внутри. А что будет, если чайнику заткнуть носик?

- Выброс...

- Именно. Случился тот самый произвольный выброс энергии, но направленный не вовне, а внутрь. Внутри физического тела.

Твою ж... о таком Эдвин не предупреждал. Или не случилось прежде? Если так, то Байни первый. Первый, но не последний.

- И имеем, что имеем...

Чарльз посмотрел на приятеля, который так же лежал. Тихо. Спокойно. И темная кровь капала в подставленный таз. Таз был не слишком чистым. Кровь вовсе казалась черной.

- А... кровь?

- Тела ведь связаны, - терпеливо пояснил Левас, выпив чай одним глотком. – Изменения одного повлияли на второе. Или наоборот? Пока сложно сказать. Главное, что все его тело отравлено.

Желтоватые пальцы прижались к шее.

- Оно старается избавиться от яда. И я помогаю. Я собираю его в кровь. А кровь покидает тело. Но... не уверен, что полное восстановление возможно.

- А как скоро он придет в себя?

- Не скоро, - покачал головой Левас. – Весьма и весьма нескоро.
Чарльз с трудом удержался, чтобы не выругаться.

Глава 15 О высокой моде и прочих весьма важных вещах

Глава 15 О высокой моде и прочих весьма важных вещах

Когда первая шпилька кольнула меня в бок, я честно сдержалась. Когда вторая уколола чуть пониже спины, я сцепила зубы. Так и стояла, считая уколы. И если сперва девицы, крутившиеся рядом с пухлою дамой, лепетали что-то там извиняющееся, то хватило их ненадолго.

- Чудесный шелк... - пела рядом та самая модистка, накидывая на меня кусок какой-то ткани того болотно-зеленого оттенка, который весьма идет жабам. – Вам будет весьма к лицу... и кружева. Кружев надо много. Особенно здесь.

Она ткнула пальцем мне в грудь.

- С чего бы? – не то, чтобы я кружева не люблю, скорее уж к ним я совершенно равнодушна, как и к шелкам, тафте, бархату и прочим изыскам, заполонившим гостиную.

- Оттого, милочка, что вы недостаточно... выразительны в некоторых местах, - на круглом личике мелькнула гримаска. Недовольства? Разочарования? – А недостатки принято скрывать.

Надо же.

- Но в вашем случае это почти невозможно.

Она отерла руки и отступила.

- Слишком темная кожа... и я, право слово, не уверена, что дело лишь в загаре. Можно, конечно, попробовать отбеливающую маску... у меня есть весьма хорошая, с жемчужною пудрой. Или просто пудру? Если погуще... белила, конечно, держатся лучше. Однако в приличном обществе их использовать не принято.

Она слегка сморщила носик.

Белоснежный.

Как и щеки. Лоб. И вся-то сама дама. Она мне-то казалась пудрой посыпанной. И свекровище мое тоже скривилось, явно разделяя мнение.

- Девушка слишком высока. Такой рост просто-таки неприличен!

- Почему?

Интересно, что предложит. Голову укоротить или ноги?

- Потому что вы можете оказаться выше мужчины! Это... заставит его чувствовать неловкость. Каблук исключен. И высокие прически тоже. Волос...

Она пощупала мои волосы.

- Жесткий. Такой не смягчить простым ополаскиванием. Цвет опять же... какой-то чрезмерно насыщенный. Он подчеркивает смуглость кожи.

Я подавила вздох и желание послать всю эту моду лесом.

- Но кружев мы добавим. Побольше... и блеска... мне кажется, в ней есть что-то донельзя варварское. А варвары любят блеск.

Я прикусила язык.

Спокойно.

Просто вытащить булавки, шлепнуть по рукам одну особо вредную девицу, что так и норовила уколоть меня в спину. И дышать. Глубоко и спокойно. Так, чтобы пламя не вырвалось.

Так, чтобы...

- Что вы делаете!

- Распутываюсь, - искренне сказала я, скидывая те куски ткани, которыми меня успели обернуть. Не знаю, из лучших соображений или как, но ощущение было, что еще немного и полосы эти стянут, спеленав меня намертво.

- Но мы только начали!

- Мерки есть. Фасоны сами выберете, - я вытащила очередную булавку. – Все равно на мое мнение вам наплевать, так что я здесь не особо и нужна.

- Но... - модистка поглядела на свекровь.

Та горестно вздохнула.

- И это, - я переступила через гору то ли шелка, то ли тафты. – Мне бы экипаж.

- Зачем?

- В гости поеду.

- Боюсь, это невозможно. Экипаж занят...

- Ничего страшного, - я улыбнулась широко и дружелюбно. – Я и пешком могу прогуляться...

- Это неприлично!

- Зато удобно.

И вышла.

Спорить?

Не собираюсь я ни с кем спорить. И скандалов устраивать не умею. Кому бы другому в зубы дала б, а тут вроде как леди... леди в зубы давать – полное некомильфо. Но и дальше делать вид, что ничего-то эдакого не происходит, я не собираюсь.

Мне нужно с кем-то посоветоваться.

С кем-то, кого не хочется убить. С кем-то, кому я доверяю. И... и просто обратиться. Из этого дома, который давит на нервы. В котором я чувствую себя, словно в клетке, пусть даже донельзя роскошной.

Я поднялась в комнаты.

Пусто.

И Чарли опять нет. И... и это тоже дерьмо.

- Дерьмо, - повторила я вслух, но легче не стало. – Дерьмо, дерьмо, дерьмо...

Горничная, заглянувшая было, застыла с премрачным выражением лица. Ну да, скажи еще, что леди не ругаются. Хотя... не скажет. Она меня, если не боится, то всяко опасается.

И ненавидит.

Хотя последнего я уж точно понять не могу. Да и... надо оно мне? То-то и оно, что не надо.

- Я ухожу, - сказала я зачем-то, может, оттого, что хмурая физия нервировала. – Вернусь... к ужину, наверное, вернусь. А нет, то ничего страшного.

- Ваш муж будет недоволен.

- Его проблемы, - я пожала плечами и... и вправду, его ведь привез. Бросил. Делся куда-то. А я тут. Одна. И... и даже письма крадут, сволочи. Если только их, потому что сомневаюсь, что Эдди не пытался в гости прийти. Но раз не пришел, то выходит, что... не пустили?

Рожей не вышел для местных изысканных гостиных?

Ярость в груди закипала, грозя выплеснуться живым огнем. И я закрыла глаза. Вдох. И выдох. Вдох... выдох. А ведь и вправду-то можно не возвращаться.

В конце-то концов.

Я ведь... я ведь не обязана жить именно здесь. Можно снять номер в какой гостинице, на неделю-другую, пока Чарли дела не

порешает. А потом и отбыть.

Я вздохнула.

И открыла глаза. Бросила взгляд в зеркало. Ну-ну, Милисента, и долго ты врать себе собираешься? Неделя-другая? Хорошо, если эти дела затянутся на месяц или два, а то ведь могут и вовсе не отпустит. Что тогда? Гордо жить в гостинице?

А на что?

На сокровища мертвецов? Те, что при нас, не бесконечны. А потом... Эдди отправить за новыми? Глупость. И что это вообще за жизнь такая будет-то?

Дерьмо.

Я отвернулась от зеркала, в котором отражалась я, некрасивая, растрепанная, с неправильными волосами, слишком смуглой кожей и без выдающихся достоинств, отсутствие которых придется маскировать кружевом.

Зато у меня револьвер имеется.

И... и если что, то...

Я ведь действительно могу уехать. Не в гостиницу, нет. В город Мастеров. Если окажется, что здесь я не особо нужна, если...

Горничная посторонилась.

- Экипаж ждет, - сказала она сухо.

- Надо же, все-таки нашелся, - не удержалась я.

Осталось понять, куда ехать-то.

Ванна... кто бы знал, до чего Эва соскучилась по обыкновенной ванне! Чтобы чугунная, полная до краев горячей воды. Полочка с маслами и экстрактами.

Горничная, готовая помочь.

Ощущение неги, когда тело будто парит в этой вот, пронизанной цветочными ароматами, воде...

Ванна осталась дома. В комнату же притащили огромную бадью, которую наполнили водой. И Кэти, явно не собиравшаяся уходить, велела:

- Лезь. И рубашку сними. Что у вас, ледей, за мода такая, в одежде в воду соваться?

Эва поняла, что краснеет.

- Чего? – Кэти кривовато усмехнулась. Может, конечно, она хотела просто улыбнуться, но... та часть её лица, исполосованная шрамами,

оставалась неподвижна, а потому улыбка получалась жуткой. – Пройдет... не бойсь. Мужики, они-то только поначалу стеснительных любят, а потом надо, чтоб погорячей.

- Я... не понимаю.

- Поймешь. И лезь давай. Или сама не можешь? Помочь?

При мысли о том, что Кэти прикоснется к ней, Эва пришла в ужас. И... и рубашку сняла, тем паче что та успела измазаться, да и потом пропиталась. Но... но собственная нагота пугала.

- А ничего так. Сиськи покаж.

- Я...

- Ладно, - Кэти отступила. – Вижу, что есть... мойся давай! Или думаешь, что спинку кто-то потрет?

И вышла.

Слава всем богам, вышла... Эва забралась в бадью и поморщилась. Вода была едва-едва теплой. Долго в такой не посидишь.

Зато мыло было отличного качества. Матушка себе такое же покупает, в аптекарской лавке на углу Шерридан и Кессон-стрит. Правда, кусочек совсем маленький и весь обмыленный, и... и наверное, эти мылом кто-то пользовался.

До Эвы.

Она заставила себя перебороть отвращение.

Вымыться все же надо. И волосы в порядок привести, хотя бы относительный. А то ведь спасать придут, а от нее воняет. От леди, даже попавшей в затруднительное положение, не должно вонять.

Никак.

Волосы тоже пришлось мыть мылом. И оно стекало, норовило попасть в глаза. И попадало. И жгло. А уж как Эва намучилась, пытаюсь смыть пену! Не говоря уже о том, что ни ополаскивания с уксусом, ни восстанавливающего волос зелья ей не оставили.

Хотя...

Вот вернется она домой, на неделю запрется в ванной комнате.

На две!

А то и на месяц... лишь бы вернуться.

Кэти появилась, когда Эва уже почти решила надеть старую рубашку.

- Холодно? Ничего, потерпишь. На от, - в Эву полетела мятая одежда. – И поспешай.

- Это... это что?

- Это то, что ты напялишь. Или сама, или с моею помощью.

- Но...

Эва, сдерживая дрожь, - а она успела уже замерзнуть, - подняла платье именно того странного вида, которое... о котором... неужели и вправду кто-то носит подобное?

Здесь же вырез огромный!

И... и юбки... юбки даже с виду коротки.

- Выбери, - повторила Кэти жестче. И шагнув, вцепилась в лицо. Пальцы её сдавили щеки, заставили губы вытянуться вперед. – По хорошему я уже говорила. Но могу иначе.

Уродливая сторона лица её покраснелась и налилась кровью.

- Я могу побить тебя. Так побить, что следов не останется. Могу поломать пальцы, скажем, на ногах. Без мизинцев тоже ходить можно. Могу запереть в леднике, и поглядеть, надолго ли тебя хватит. Или в яме с крысами... но нет, крысы шкуру попортят. Могу выпороть. Могу... я могу сделать с тобой все, что в голову придет. Пока ты принадлежишь мне. Ясно?

- Д-да.

Ужас. Никогда еще Эва не испытывала подобного ужаса.

- Но я не хочу. Я хочу дружить. У тебя есть подруги?

- Н-нет.

- И у меня нет, - вздохнула Кэти, руку разжимая. – И не будет. Потому как они только и норовят, что на шею присесть. А мне оно надо?

- Н-не знаю.

- Мне надо, чтоб ты оделась, расчесала свои космы и спустилась вниз. А потом улыбалась. Говорила. И была веселой да радостной, чтобы человек, который заплатил за этот разговор, остался доволен. Ясненько?

Нет.

- Д-да, - выдавила Эва.

- Потому как он вернется завтра. И ежели ты ему глянешься сегодня, он заплатит. Много заплатит. Столько, что я забуду про твой долг и отдам тебя ему.

Разве можно вот так... наверное, можно.

- И он заберет тебя, маленькая бледненькая девочка, из этого места. Тебе ведь здесь страшно, да? Мне было страшно. Я была глупой и не знала, что есть места и пострашнее. И если тебя заберут, то ты того так и не узнаешь. А потому... не заставляй меня делать тебе плохо.

Кэти опустилась на кресло.

- Одевайся.

Спорить с ней Эва не решилась.

Нижняя рубашка... тоже чья-то, но хотя бы стираная. И полупрозрачная, такая, что... светится вся. Чулки.

Пояс для чулок.

- А... остальное?

- Чего? Платье натягивай и не кривись. Хорошее.

Из мягкой ткани, правда, местами слегка потертое и явно перелицовывалось не раз. Но... но ложится прямо поверх рубашки.

- Сисек, конечно, маловато... - сделала вывод Кэти. – Но ничего, сейчас подтянем...

Она сама управилась со шнуровкой, а после и за гребень взялась. Чесала она жестко, с какой-то непонятной злостью. И Эва закусил губу, чтобы не закричать от боли.

И от страха.

Платье... кто носит платье, из-под которых выглядывает отделанный кружевом край рубашки? И сверху, и... и снизу. Подол едва прикрывал колени, отчего Эва ощущала свою наготу.

Беззащитность.

И...

- Вот так, - Кэти отложила гребень. – Рожа, конечно, бледновата, но краситься не след... да, да... они любят свеженьких. Все любят свеженьких. Сволочи.

Она тяжело поднялась.

Оглядела.

- Вздумает лапоть – кричи. Ибо за разговоры плачено и только.

Стыдно.

И... и страшно. Просто до немоты в пальцах. До желания закричать и так, чтобы стекла, те самые, темные, грязные, закрытые решетками, разлетелись на осколки.

Чтобы... чтобы Кэти замолчала.

А кто-нибудь там, снаружи, услышал и... спас. В книгах героинь, оказавшихся в затруднительном положении, всегда спасали. Эва чем хуже?

Надо...

Надо сделать хоть что-то. Но она молча встала. И сделала шаг к двери. И еще один – за дверь. И потом тоже просто шла, не способная ни на что.

Разве только...

Если она спрячется, там, на изнанке, как сделала Тори, то... то будет не важно, что происходит здесь, в мире яви. Но это ведь не жизнь там. Что бы Тори ни говорила.

Не жизнь.

Не настоящая, а значит...

Лестница.

Запах... какой-то запах. Резкий. Насыщенный до того, что Эва чихнула. Так могло бы пахнуть в гостиной, в которой разлили ароматное масло, скажем, лавандовое.

Или еще какое.

Темно.

И темнота эта в первое мгновение кажется плотной, непроницаемой.

- Погодь. Сейчас, - Кэти входит первой и весьма ловко один за другим зажигает газовые рожки. Блеклый свет их кажется таким ненадежным.

Таким...

И Эва жмурится.

Не плакать. Нельзя. Это разозлит Кэти и, как знать, что она придумает. Надо просто... просто успокоиться. Взять себя в руки. Её спасут.

Её уже спасают.

Ищут.

И найдут всенепременно. Именно. По-другому и быть не может. И...

- Иди. Сядь, - Кэти поманила. В полумраке, когда тень скрывала изуродованную часть её лица, Кэти казалась почти красивой. – Вон

там сядь и сиди. Жди. Сейчас придет. Будет спрашивать – отвечай, да только сама думай, чего говорить.

- А... - страх толкнул, не иначе. – Ты не боишься, что я... попрошу помощи?

- Чего? – она рассмеялась весело и заливисто. – О помощи...

- Что смешного?

- Да... - Кэти смахнула слезу. – Ничего. Верно. Только, деточка, думаешь, он ничего-то не знает? Этакий весь из себя благородный?

Последнее слово она выдохнула с откровенной ненавистью.

- Да все-то они знают! Каждый из них! Просто одни закрывают глаза, притворяются, что ничего-то не видят, не слышат, не разумеют. А другим изначально насрать. У него есть деньги. И есть... - она щелкнула пальцами. – Хотелки. И ты станешь очередной. Или нет. А помощи... ну, попроси, что ли.

И ушла.

Вот так просто... наверное, будь Эва посмелее, она бы рискнула выглянуть в коридор. Или даже дальше. Пройти на цыпочках до входной двери, а там на улицу... и на помощь позвать! Громко так!

Только...

Она не была смелой. И осталась на месте.

Тихо.

И... темнота отступает. Видны уже не только белесые пятна газовых рожков, но и сама комната. Плотные портьеры, сомкнутые так, что и маленькой щелочки меж складками бархата не видать. Запах... цветочный, лавандовый и резкий до невозможности. Но если дышать ртом, то терпимо.

В дальнем углу комнаты камин, но огня в нем нет, и зев его за решеткою видится темной дырой.

Страшно.

Ковер.

Стол с вазой, в которой тихо увядают лилии. Матушка лилии не любила, все повторяла, что, мол, пахнут слишком уж сильно.

У нее от этого запаха мигрень начиналась. А Эва... Эве они нравились. Крупные яркие цветы, такие вызывающе-белые, с лепестками, будто из фарфора отлитыми.

Но сейчас её замутило.

Она сидела.

И... долго ли? Эва не знала. Просто сидела. Разглядывая резной столик. Кресла, стоящие друг напротив друга. Вазу... ваза была древней, возможно, даже ценной. И лилии.

Дверь открылась беззвучно.

И Эва оглянулась.

Глава 16 Где некий джентльмен получает приглашение, хотя уже и не надеялся

Глава 16 Где некий джентльмен получает приглашение, хотя уже и не надеялся

Чарльза нагнали у самого дома. Мальчишка-оборванец, один из многих, что заполонили улицы, свистнул.

- Эй, миста! Вам тут! – он поднял конверт. – Велели передать!

- Мне? – Чарльз остановился.

Пахло дымом.

И грязью.

Соломой. Конским навозом. Желтым едким смогом, что рождался где-то в недрах фабрик на окраине, а потом, поднимаясь к самым небесам, опускался на город, накрывая весь, не делая разницы между приличными и неприличными районами.

Голова слегка болела.

Да и вообще... настроение было таким, что хотелось кого-нибудь убить. А кого?

- От кого? – хмуро поинтересовался Чарльз.

Возвращался он пешком.

Можно было бы нанять экипаж. Даже стоило бы нанять экипаж, но хотелось пройти. Успокоиться. Подумать. И к разговору подготовиться.

Слишком долго его Чарльз откладывал.

- Так... велено, - мальчишка подпрыгнул. – Надеть?

Чарльз молча протянул монету.

И та быстро исчезла в грязных лохмотьях. А мальчишка приподнял дырявый котелок, явно кому-то подражая.

- Благодарствую! – сказал он важно.

И отдал конверт.

От конверта, что характерно, тоже пахло дымом. Сам конверт был обыкновенным, белым, правда, из хорошей бумаги. Внутри обнаружилась карточка.

Сердце дрогнуло. Неужели...

Черная гладкая поверхность. И аккуратные буквы, выведенные алой краской.

«Закрытое общество... имеем честь... по поручительству доброго брата...»

Байни?

Кого же еще, если разобраться.

Но Байни так и не очнулся. Ни когда целитель завершил свою работу, почти наполовину опустошив резерв Чарльза. Ни позже, когда появился все-таки Эвенвуд, донельзя злой. Правда, весьма скоро злость сменилась страхом.

И...

- Загляните ко мне, - это прозвучало почти приказом. – Нам будет о чем побеседовать.

Байни забрали.

И Нэнси, тихо всхлипнув, все же приняла чек. А презрительного взгляда Эвенвуда будто и не заметила. И потом уже, когда тот убрался, сказала:

- Я теперь свободная женщина... обхожусь недорого.

А Чарльз предпочел не услышать.

И сейчас стало тошно. До того тошно, что он с трудом удержался, чтобы не выбросить карточку.

«...на собрание добрых друзей, с тем, чтобы...»

Провести время в изысканных удовольствиях.

Дерьмо.

Какое же...

«...наличие спутницы приветствуется. Сопровождение по желанию».

Карточку Чарльз убрал в конверт. Поглядел на дом. Вздохнул. Надо сказать Орвудам и... лучше лично. Времени осталось не так и много, и стоит решить, что делать.

Хотя что тут решать-то.

Или...

Чарльз оглянулся.

Улица. Обыкновенная. До дома – сотня шагов, он и виден уже. А еще – огромная телега, запряженная ломовой лошадыо. И огромный

же мужик, что-то этой лошади на ухо нашептывающий. На телеге высились бочки, одна другой больше.

Полная женщина в темном платье и белом чепце несла корзину. Из корзины выглядывали рыбки хвосты, а над ними кружилась мошкара.

Нянюшка вывела на прогулку пару детишек, обряженных в одинаковые бархатные костюмчики. За ними в отдалении следовал мрачного вида тип. Кучер? Охранник? Или все да сразу?

Стайка мальчишек крутилась возле лавки. И на Чарльза они не смотрели. Никто не смотрел, но... почему не отпускало чувство, что за ним все же наблюдают. Кто? Для чего?

Нет, к Орвудам нельзя.

Он и прежде-то не заглядывал, предпочитая беседовать с Эдди, а с ним встречался в гостинице. И... и нет ничего подозрительного в том, что джентльмен проводит время с родственником.

Да...

Чарльз еще раз обвел взглядом улицу.

Мальчишки стащили-таки что-то с лотка и лавочник разразился руганью. Нянюшка нахмурилась, а за нею и сопровождающий... лошадь, поддавшись на уговоры, двинулась, заскрипела телега, закачалась гора из бочек на ней.

Все... обыкновенно.

И в доме тоже.

Это должно было бы успокоить, но вместо спокойствия Чарльз испытал непонятное раздражение. Будто... будто он взял и вернулся в прошлое. В то прошлое, в котором еще не случилось побега Августы. И его путешествия на Запад. И всего остального тоже.

Тот, прежний, Чарльз поразился бы. Он ведь, если разобраться, перемен не жаловал. А вот нынешнему это все казалось лицемерием.

- Дорогой, - матушка спускалась по лестнице, придерживая широкие юбки. - Я несказанно рада, что ты-таки вспомнил о нас... ты голоден?

- Нет.

- И все же... прости, но я должна сказать тебе это. Я понимаю, дорогой, что дела в твое отсутствие несколько... разладились и требуют внимания, что несколько тебя оправдывает. Но в целом твое поведение совершенно неприемлемо!

- Мама...

- До меня дошли слухи... впрочем, - она слегка нахмурилась. – Кажется, тебе стоит привести себя в порядок.

От него, наверное, пахло. И вовсе не дымом и городом.

- Прошу прощения, - Чарльз поклонился.

- Иди. Я велю, чтобы на стол накрыли. Чем бы ты ни занимался, не стоит делать это на голодный желудок.

Матушка развернулась.

И удалилась.

И...

И наверху было пусто. В его комнатах. В их с Милисентой комнатах. А где... матушку позвать? Спросить? Она ответит.

Только почему-то стыдно. И страшно. Ответов тоже можно бояться.

Чарльз принял ванну и переоделся. Расчесал влажные волосы и руку собственную понюхал. Казалось, что она все еще пахнет потом и блевотиной Байни.

Да и сам он...

Матушка была в столовой.

Она все еще красива. Странно, что Чарльз прежде не замечал этого. А ведь ей... сколько? Сорок шесть? Она родила его совсем юной. Августу – позже. Но... сорок шесть – не так и много, если в крови есть хотя бы капля силы. А у дочери древнего славного рода её не могло не быть.

Вот и...

Белая кожа. Правильные черты лица. Легкие морщины в уголках глаз ей идут, как и тонкие нити седины в волосах. Та едва-едва заметна. Но все-таки...

- Присаживайся, дорогой...

- Где Милли?

Губы матушки дрогнули.

- Уехала.

- Куда?

- Понятия не имею. Потребовала экипаж и уехала.

Обиделась? И если так, то заслуженно. Чарльз виноват. Очень виноват. Он должен был рассказать все... когда? Давно. Да сразу же и должен. А он промолчал.

Сперва обиделся. Потом... потом что-то как-то просто все не ко времени было. Не к моменту.

- Суп ныне получился на диво хорош...

- Матушка.

- Что, дорогой? – она слегка наклонила голову. – Я, конечно, читала рекомендации мэтра Изониуса о пользе голодания, но, признаться, до сих пор не совсем им верю.

- Куда она уехала.

- Она и вправду не сказала. Кажется, она несколько обиделась.

- Было на что?

Матушка промолчала.

Стало быть... Чарльз снова виноват. И как быть? Искать? Просить прощения?

- Дорогой... - матушкины пальцы коснулись скатерти. – До меня дошли слухи, что Его императорское Величество дал разрешение на этот брак.

- Да.

- И что ты просил об этом разрешении.

- Да.

- Что ж... - матушка прикрыла глаза. – Возможно... пусть так... но тогда мне не понятно.

- Что именно?

- Твое поведение, дорогой. Ты вернулся. И я безусловно рада. Нет, я просто счастлива, ибо твой отъезд был не только неожиданностью... я многое пережила, а потому понимаю, что иногда мужчина должен поступать, как мужчина.

К чему это все?

А суп и вправду удался, хотя прежде Чарльз супы недолюбливал. Ныне же его тело, утомленное, изможденное, с радостью приняла сытное это варево.

- Я говорила себе, что мой сын вырос. И что я могу гордиться им. Правда, от страхов это помогало слабо, но что уж тут... женщинам вовсе свойственно бояться. Потом от тебя не было известий. И вот письмо, что ты нашел Августу, что возвращаешься. Я едва не обезумела от радости!

Только говорит она это как-то не слишком радостно.

- А я приехал не один. Так?

- Именно. Не один... и договоренности, достигнуть которых было непросто, оказались нарушены. Разрушены... ты привез девушку, которую назвал женой.

- Она и есть моя жена.

- Не заметно, - жестко произнесла матушка. – Ты представил её мне. Наговорил... многое наговорил. Я даже почти поверила в твою безумную любовь. Это случается, как с мужчинами, так и с женщинами. И... пусть она мне не нравится, буду честна... но что делать? Если ты любишь.

- Я люблю.

- И из-за этой любви ты её бросил? Вот просто взял и бросил?

- Я не бросал!

- Ешь, - рявкнула матушка. – И не возражай старшим! Ладно, в первый день тебя вызвали во дворец. Здесь ничего не сделаешь... во второй ты был занят неотложными делами. А дальше что? Мне доложили, что ночь ты провел в Клубе. Весьма... необычный поступок для влюбленного мужчины. Следующая прошла там же. Ты появляешься дома ненадолго, перебрасываешься со своей дорогой супругой парой слов и снова исчезаешь. Куда? Не известно. Благо, у нас не те отношения, чтобы она задавала вопросы. Это хотя бы избавляет меня от необходимости врать. А ты знаешь, что я не люблю врать!

Проклятье.

И этот полный укоризны взгляд, от которого душа переворачивается...

- Я решила, что все-таки твоя любовь... не столь уж и велика. Но тут ты отправляешь записку в «Вестник» с сообщением о свадьбе. О свадьбе, Чарльз!

- И?

- Следом ты должен представить жену обществу.

- Не понимаю.

- Мужчины, - матушка закатила очи. – Девочка понятия не имеет, как себя в этом обществе вести. Я не говорю уже о том, что у нее нет одежды. Не то, что для представления, но даже обычной повседневной одежды. Не говоря уже о прочем. Но когда тебя волновали подобные мелочи?

Смешно.

Там... девушка или мертва, или скоро будет продана. И погибнет, как погибли другие, те, из огромной пещеры. Чарльз ведь помнит. И пещеру. И полуистлевшие саваны, в которых скрывались кости. И... и мрачный взгляд Орвуда.

Чувство неправильности, несправедливости происходящего.

Желание убить Змееныша снова.

А матушка про одежду. Неужели, Чарльз нужен для того, чтобы портниху вызвать? Или от него ожидают разрешения.

- Купите, - произнес он раздраженно.

- Действительно, какой замечательный по простоте своей выход...

- Издеваешься?

- Скорее пытаюсь понять тебя, дорогой. Ты говоришь одно, но действуешь так, что я начинаю сомневаться в твоих словах...

Матушка всегда умела донести до Чарльза, какой он идиот.

- Я могу отправить твоё объявление. И даже вечер организую. Прием. Многие его ждут, а потому затягивать не стоит, да... и представлю твою жену обществу. А оно... оно порадует, Чарльз.

И вовсе не за него.

И уж точно не за Милисенту.

- Скандалы с побегами всем уже надоели. Это... скучно постоянно обсуждать одно и то же. А вот твоё возвращение. Твоя женитьба. Твоя жена. Она может стать отличным поводом.

- Мама...

- Кушай, дорогой. Мне кажется, что голод как-то очень уж сказывается на умственных способностях отдельных мужчин. Ничем иным я твоё поведение объяснить не могу. Так вот... ты ведь знаешь, на что способны оскорбленные леди. А многих твоя женитьба именно оскорбила. Они милы. Вежливы. И ядовиты. Что же касается твоей жены, то справится ли она? Сумеет ли ответить? Или вспыхнет, раз и навсегда расписавшись в собственной беспомощности.

- Я понял.

- Нет, дорогой. Ты только начал понимать. И то сомневаюсь. Это ты привез её сюда. А потом бросил. Решил, что какие-то там другие дела важнее... возможно, это и вправду очень важные дела, но они могут стоить тебе семьи.

Чарльз ел.

Молча.

И почти не ощущая вкуса, хотя голод вдруг проснулся, и он понял, что давно не ел вот так, спокойно и нормально.

- Я отправила с ней горничную, но куда она ушла, не знаю. Ей приходили какие-то письма, я... признаюсь, мне казалось, что так будет лучше.

- Что?

Матушка явно смутилась.

- Девочка... кто её родители? Тут появлялся один... весьма своеобразного вида молодой человек.

- И ты его непустила.

- Нас не было дома.

Дерьмо.

Какое же... и ведь Чарльз действительно виноват.

- Она и без того чересчур уж выбивается, а с такой родней... побеседуй с этим человеком, Чарльз. Объясни, что если он и вправду желает твоей сестре добра, то пусть держится от нее подальше. Высшее общество умеет... причинять боль.

Матушка знает.

И в глазах мелькает тень этой боли. И... и наверное, это действительно важно. Наряды. Представления. Знакомства.

Правильное представление и нужные знакомства, но почему теперь это кажется Чарльзу таким... безнадежно пустым? Мнение всех этих благородных леди, которые будут разглядывать Милисенту с подчеркнутым недоумением. Их вежливость, холодная, как лед. Их взгляды.

Их...

Пестрая бестолковая толпа.

- Найди учителей.

- Я...

- Я взяла на себя труд отписать мэтру Иденсу, что девочка пока занята. Ей нужно не магию постигать, Чарльз, а учиться вести себя за столом. Разговаривать. Ходить. Стоять правильно.

- А можно стоять неправильно?

- Еще как. Мы постараемся сделать ей лицо и прическу. С модисткой я уже говорила. Это будет сложно. Слишком нестандартная внешность, но... Чарльз, если ты хочешь, чтобы твоя жена не стала посмешищем, причем раз и навсегда. Тебе придется постараться.

- Да, мама. Я услышал. И... - Чарльз поднялся. – Пожалуйста, больше не делай так.

- Как?

- Ты знаешь, мама. Письма. И Эдди всегда рады в этом доме. Ясно? Как будут рады и леди Элизабет. Я должен был вас познакомить.

- Не думаю...

- Должен, матушка. Поверь, тебе она понравится.

Матушка фыркнула, но как-то так, не слишком уверенно.

- И не пытайся запереть Милисенту, - он откинулся на спинку стула. Все же и вправду, стоило поесть, и жизнь обрела какие-никакие краски. – Все равно сбежит. А искать еще и жену у меня нет желания. Что до остального, то мэтру я отпишу сам. С Кларенсом тоже побеседую, как и со слугами. Просто, чтобы в будущем не было всяких там недоразумений с потерянными письмами или пропавшими приглашениями.

Матушка молчала.

Долго.

- Ты изменился, Чарльз.

- Это плохо?

- Нет. Просто... я рада, что вы вернулись. Но мне нужно время привыкнуть к тому, насколько вы изменились.

- Августа?

К Орвудам Чарльз отправит записку. Да и... надо ли? То есть, отправить нужно, но попросить, чтобы не вмешивались. Самое простое, если и вправду речь пойдет об аукционе, а что-то подобное проскальзывало в клубных беседах, выкупить девушку.

На это состояния Чарльза хватит.

Если же обращаться в полицию, то... не то, чтобы Чарльз испытывал какие-то сомнения. Отнюдь. Эдди прав. Если не высшие чины, то низшие всяко в курсе.

Предупредят.

И... что потом? Хорошо, если аукцион просто отменят и девицу перепрячут? А если решат, что связываться с ней слишком опасно?

Нет, так рисковать нельзя.

- Да, дорогой. Ты и сам знаешь.

- Все еще ненавидит меня?

Матушка грустно улыбнулась.

- Она... она поймет со временем. Если то, что ты рассказал, было на самом деле...

- Сомневаешься?

- Августа уверяет, что её супруг вовсе не чудовище... не был чудовищем. Что просто ему не повезло. И ты сам говорил, что там был мой отец. А он... - матушкины пальцы дрогнули. – Я скорее поверю, что это его рук дело.

- Кстати, тебе... не писали?

- Брат. Извещал, что отец скончался. Сердечный приступ.

Что ж, правда... кому она нужна-то на самом деле, эта правда?

- Он вступает в права наследства. И хотел бы встретиться.

- С тобой?

- Со мной. И с тобой. С Августой. Прислал ей соболезнования.

- Не самая лучшая идея. Мама... он и вправду был ублюдком. Змееныш.

- Не выражайся.

- Иногда не остается ничего, кроме как выразиться. Он... по его заказу девушек похищали. Таких, как Августа. Увозили. Дурманили разум. Продавали. Убивали.

- Она говорит, что было несколько смертей, но случайных. Что не все девушки отличались здоровьем. А простуды... после каждого зимнего сезона кто-то да заболевает[1]. Нормальных же целителей в той глуши было не найти. Вот и...

- Мама, - Чарльз поднялся. – Августа его любила. И любит. И... не потакай ей. Разговорами. Остальным тоже. Лучше бы ей и вправду уехать.

Не только ей.

Ему.

Потом, когда найдется девушка... сегодня найдется. И Чарльз поговорит с Милисентой. Постарается объяснить ей все. Прощения попросит. Может... может, купит что-нибудь?

Что?

Драгоценности? Цветы?

Ерунда какая... Милисенте и драгоценности. Нет, что-то другое надо, такое... такое, что обычным благовоспитанным леди не дарят.

И Чарльз точно знал, что именно.

А еще он понял, где её искать. И это тоже было хорошо.

[1] И вполне себе исторический факт. Зимние балы – огромное скопление людей в помещениях с плохой вентиляцией, но натопленных жарко. В итоге духота. Пот. И любой выход на балкон или даже возвращение домой могли обернуться соплями, если не чем похуже. Многие молодые женщины уходили после зимних балов на кладбища.

Глава 17 В которой случается неожиданное знакомство

Глава 17 В которой случается неожиданное знакомство

В книгах негодяи порой были очаровательны.

Как Стефано.

Иногда они даже добивались благосклонности героини, но в последний момент их что-то да выдавало. Книгам Эва решила больше не верить.

И...

И тот, кто вошел в комнату, определенно был негодяем. Как иначе оказался бы он в подобном месте? И... и для чего?

- Доброго вечера, - голос мужчины звучал мягко. – Не стоит меня бояться, юная леди.

Леди?

О да... леди... в этом платье, которое... в котором Эва почти голая, потому что тонкое! И вырез! И никаких нижних юбок! И... и вообще выглядит оно на диво неприличным. Она бы обняла себя, но... но воспитание заставило выпрямить спину и ответить легким кивком.

Не стоит злить Кэти, которая наверняка подслушивает.

Или подсматривает.

Или сразу и то, и другое. Да и его... странно, не получается разглядеть. Костюм вот получается. Отличный костюм. И шит явно у хорошего портного, потому и сидит на фигуре идеально. Правда, стоит подумать о фигуре, и не понятно, какая она?

Нет, мужчина не толст.

И не слишком худ.

Не высок. Не низок. Обыкновенен настолько, насколько вообще возможно. Лицо его сокрыто маской, вокруг которой мерцает знакомый полог.

Искажение?

Иллюзия?

Ну да, кем бы он ни был, вряд ли обрадуется, узнай кто... негодяи часто скрывали свои лица. И выходит, что-то в книгах бывает правдивое?

- Как вас зовут?

- А... вас? – Эва выдержала взгляд. Недолго. Потом потупилась, ибо юная леди должна проявлять скромность и стыдливость. А еще показалось, что в темных глазах гостя мелькнуло раздражение.

Нет, лучше смотреть не на него, но чуть в сторону.

И... иллюзии хороши, да.

Но не против тех, кто способен видеть душу. Правда, Эва не так, чтобы умеет. Честно говоря, она совсем не умеет, но читала, что... что можно.

Узнать бы.

У кого?

У Кэти точно не спросишь, а вот у того жуткого, который к брату приходил... если он видел Эву, то, стало быть, что-то умеет. Что-то такое, что и ей полезно было бы. Хотя леди... зачем леди настолько бесполезное умение?

- Это не имеет значения, - мужчина опустился в кресло напротив.
– И все же?

Хотелось ответить, что и её имя значения не имеет, но Эва сдержалась.

- Эва, - сказала она. – Эванора Орвуд.

- Из тех самых? – он чуть подался вперед.

- Да.

- Это... любопытно. Весьма любопытно. И не дрожите. Место, конечно, не самое подходящее для встречи, но у меня нет обыкновения есть юных девиц на ужин.

- Н-на завтрак п-предпочитаете?

- Увы, юные девицы на завтрак способны вызвать несварение. Слишком много в них... - мужчина поднял руку. – Мечтательности. Старым людоедам она вредна.

Эва все же улыбнулась.

Почему-то страх отступил. И... мелькнула тень надежды.

- Мой отец... он не знает, где я.

- Несомненно. Если бы знал, думаю, мы бы не беседовали. Да и в целом городу пришлось бы сложно... - мужчина постучал пальцами по столу. – Ты кажешься мне умной девочкой. Во всяком случае, не рыдаешь.

- А поможет?

- Нет.

- Тогда зачем?

- Понятия не имею. Это тайна. Мироздания. Почему женщины плачут, когда для слез нет причин. И почему они так спокойны, когда причин для слез множество?

- Просто... так получается, - Эва слегка пожала плечами. И оглянулась. Кэти... Кэти точно смотрит. И слушает. Или прямо, или...

- Не волнуйся, девочка, - мужчина скрестил пальцы, и Эву коснулась волна ласковой силы. – Она нам не помешает. Времени у нас немного. Признаться... не ожидал.

Эва не стала уточнять, чего именно он ожидал, получив подобное... низкое предложение. И приняв его.

- Я не могу забрать тебя сейчас.

Эва кивнула.

Она и сама бы не пошла. Её... её найдут! Может статься, даже уже нашли. И... и надо подождать. А уходить куда-то с человеком, скрывающим лицо за маской, это... это неблагоприятно.

Она уже достаточно совершила неблагоприятных поступков.

- Вернее я могу, но это приведет к конфликту с людьми, с которыми мне бы не хотелось ссориться. Поступим проще. Завтра состоится аукцион.

О да, Эва знает.

- Ни о чем не беспокойся. Я тебя выкуплю.

- А... потом?

- Потом верну домой. Полагаю, твой отец возместит убытки?

- К-конечно.

- Вот и чудесно.

- Но... вот так... просто?

- А как? – он откинулся в кресле. – Деточка, мир немного сложнее, чем тебе представляется. В нем много людей. У этих людей свои интересы. И с ними приходится считаться. Но тебе повезло.

Повезло?!

Что именно он считает везением?

- Я мог бы и не приехать. В конце концов, подобные игры мне мало интересны... а ты могла бы не дожить до встречи. Это тоже случается. Да и сама эта встреча... я не спасаю всех, подвернувшихся на пути девиц. Но наследница Орвудов – дело иное.

- Это... это неблагородно, - выдавила Эва.

А мужчина лишь развел руками.

Да, в книгах подлецы всегда отличались циничностью.

- Возможно. Но, леди, поверьте, благородство – вещь очень дорогая. Не всякий человек может её себе позволить.

Наверное, не стоит упрекать того, кто готов помочь. Эва... Эва и не упрекает.

Она промолчит.

- Сейчас я позову Кэти и скажу, что вполне удовлетворен нашей беседой. И что ты мне глянулась, а потому я готов заплатить любую сумму. Если Кэти её назовет, я заплачу. И мы уйдем.

Слишком хорошо звучит, чтобы быть правдой. Нет, Эва... Эва поверила бы.

Раньше.

Но сейчас почему-то не получалось.

- Однако подозреваю, что так просто не получится. Если она предложила тебя мне, то и остальным тоже...

- К-каким ос-стальным?

- Не так уж важно. Главное, что в Клубе состоят люди весьма... небедные, - он постучал пальцем по подлокотнику. – И Кэти это знает. Она довольно сообразительна, местами даже умна, да... как бы то ни было, вряд ли она согласится продать тебя сейчас. И из боязни продешевить, и потому, что аукцион уже объявлен.

- Но... тогда зачем? Эта встреча?

- Затем, что это логично. Подогреть интерес. Показать, что ты и вправду стоишь внимания. И денег, - человек чуть склонил голову. – Не волнуйся, девочка. Просто возвращайся к себе и отдохни.

- Вы... вы скажите моему отцу! Вы ведь знаете, где я и...

- Скажем так, - он откинулся на спинку кресла. – Я знаю. Но видишь ли... само это место обладает некими весьма любопытными способностями.

- К-какими?

- Его не существует.

- Как?!

- Обыкновенно. Этого дома нет.

- Но он есть! Я ведь... - Эва осеклась. – Я же... вижу. Я же здесь. В нем. И вы.

Как это возможно.

И на нее поглядели снисходительно. И с насмешкой.

- Естественно, дом есть. И вполне себе существует, - он поднял руку, и та окуталась облаком силы. – Видите?

- Д-да.

- Некогда дом этот принадлежал человеку весьма своеобразному. Магу. Из числа тех, которых принято называть великими. Характером он обладал вздорным. Людей не любил. То ли досаждали они ему, то ли в принципе, но главное, что он выстроил этот дом. А после укрыв его ото всех.

Похоже на сказку.

Только в случае Эвы очень и очень страшную. Кажется, в последнее время другие ей и не попадались.

- После этот дом сменил многие руки, пока не стал частью... скажем так, клуба. Для избранных.

- Как вы?

- Как я, - согласился гость. – Главное, что попасть сюда без приглашения невозможно.

Вот ведь...

- И... и что мне делать?

- Ничего, милое дитя. Вернуться к себе и ждать. Просто ждать, - он протянул руку и Эва вложила свою, дрожащую. – Все будет хорошо. И уже завтра ты вернешься домой.

Почему-то...

Почему-то все равно не получилось поверить.

Матушка пила чай.

Не то, чтобы это занятие было каким-то слишком уж необычным, просто... я вот собиралась... выбиралась. Добиралась. И добралась.

И...

И по ощущениям снова пустыню пересекла. А она тут чай пьет.

- Доброго дня, дорогая, - матушка ласково улыбнулась и указала на кресло. – Присаживайся. А вы будьте добры, оставьте нас.

Это она горничной, которую ко мне приставили то ли сопровождать, то ли на нервы действовать. Иначе зачем она всю дорогу сопела.

Пыхтела.

И сверлила меня взглядом. Во взгляде этом читалось плохо скрытое возмущение и желание сказать, что, мол, леди так себя не ведут.

И матушке она бы сказала. Даже готовилась. Вон и рот открыла. Закрыла. А потом взяла и присела, чтобы спустя мгновение просто исчезнуть. За дверью.

- Как это у тебя получается?

- Просто воспитание, - матушка поглядела на меня с упреком. – А ты о нем, похоже, забыла.

- Ну... я не нарочно. А Эдди где?

Присесть я присела.

Гостиница, конечно... в Последнем пути такой не было. Да что там наше захолустье, небось, во всех окрестных городках ничего похожего не сыскалось бы. Этакую роскошь не в каждом борделе увидишь.

Ну... я не то сказать хотела.

Наверное.

Главное, все блестит, сияет и прямо таки бьет по нервам излишнею благообразностью.

- Уехал по делам.

Выходит, и у него дела. И у Чарли. И... даже матушка и та чаем вон занялась, разливает по крохотным чашечкам, голубенькими цветочками расписанным.

- Возможно, что весьма скоро мы переедем.

- К-куда? – сердце ёкнуло.

Переедут?

Или уедут?

Домой? Может, не совсем, землю-то сдали, но... но отсюда? А я тогда как? Одна останусь? Я не хочу, чтобы одна!

- Мне от тетушки дом остался, - невозмутимо произнесла матушка. – В наследство. Эдди должен его осмотреть, и если дом в приличном состоянии, а я весьма на то надеюсь, в него и переедем. Это недалеко.

Фух.

Аж дышать легче стало!

- Вот, дорогая, - мне протянули чашечку с блюдцем. – Выпей. Ты выглядишь взбудораженной.

- Я...

Я взяла чашечку. И блюдце тоже. И снова ощутила голод, который в последнее время, кажется, испытывала почти постоянно. Сейчас вот тоже в животе заурчало.

Но дело не в нем.

А в том, что сказать?

Что мне там не рады? Что не любят? Не ценят? Что хотят запереть где-нибудь подальше от их драгоценного Высшего света? Что матушка Чарльза хотела бы иную невестку?

А сестрица вовсе открыто ненавидит?

Что сам Чарльз исчезает, а если и появляется, то ненадолго и какой-то... другой.

Чужой.

Незнакомый.

И этот незнакомец бесит несказанно. Но я держусь.

Я не сказала ничего, только чай пригубила. Надо же, какая гадость...

- Почему его здесь так заваривают? – уточнила я у матушки. – Как будто... жалеючи?

Матушка поглядела на меня поверх чашки. Но ответила.

- Отчасти именно поэтому. Некогда чай был весьма дорог. И сейчас хороший чай весьма дорог, хотя и не настолько. А еще крепкий горек, и это нравится далеко не всем.

Даже чай нравится далеко не всем. Что уж о людях говорить?

- Вот и разбавляли молоком, сахар добавляли для сладости. А потом как-то и привыкли.

Чай... был чаем.

Зря я придираюсь. Все не трава, которую мы дома пили последние пару лет. Я уж и вкус-то чая позабыла. А ворчу. Или это от нервов все?

Матушка...

Хоть бы спросила. Если бы спросила, я бы сказала, что... что мне плохо. И я понятия не имею, что мне делать. Или не делать? И как сделать так, чтобы все не разрушить. И как понять, не поздно ли это делать? Может, все уже и рухнуло? А я не заметила.

И...

И мы пили чай.

Молча.

- Возможно, ты не откажешься разделить со мной обед? – поинтересовалась матушка и улыбнулась хитро. – В животе урчит.

- Громко?

- Очень.

- И неприлично.

- Именно, - её улыбка была светлой. И... и она сама изменилась. Нет, платье осталось прежним, старым, с выцветшими рукавами, дважды, если не трижды, перелицованное. И я помню, как она его шила.

И...

И прическа. Матушка зачесывала волосы гладко, и в косе её светлой блестели нити седины.

Но все-таки... почему она не кажется такой... такой правильной в этом вот кресле? Среди позолоты, блеска и пафоса? Почему выглядит так, что поневоле забываешь и про платье, и про прическу, и про то, что драгоценностей у нее нет, обручальное кольцо и то было заложено.

И...

- Не откажусь, - вздохнула я. – Это нормально, постоянно хотеть есть? А еще она меня овсянкой уморить пытается!

- Травит?

- Нет. Но ты бы попробовала ту овсянку!

- Милли, - матушка глянула с укоризной. – Овсянка весьма полезна для цвета кожи. И волос.

- У меня и без нее нормально и с цветом кожи, и с волосами. И... и на обед вареная рыба! Два листика салата! Кусочек хлеба. Вот такусенький! – я показала пальцами размер этого хлеба. – Леди пристала сдержанность... не знаю, как леди, но я скоро подохну на таких харчах!

- Милли...

- Извини, мама. Это просто...

- Тяжело?

- Да.

- И хочется сбежать?

Хочется. Еще как. Почему все сказки заканчиваются на «жили долго и счастливо»? Но ни в одной не говорится, как именно? Или просто потому, что сказке лучше сказкой оставаться?

- А ты...

- Мне тоже хотелось, - матушка вздохнула. – Наверное, если бы не некоторые... обстоятельства, я бы и сбежала. Но бежать было некуда... знаешь, я ведь привыкла, что вести дом – это отдавать приказы слугам. Проследить за экономкой. Забрать домовые книги. И с кухаркой обсудить меню на неделю. Леди нет нужды брать в руки тряпку и самой вытирать пыль. Или ощипывать кур. Или... нет, сперва-то в доме слуги были. Конюхи. И еще женщина, которая следила за порядком. Я ей не понравилась.

Странно было слушать такое.

- И она постоянно пакостила. Подавала холодный завтрак. Или готовила вовсе не то, что сказано. А когда готовила по моим рецептам, то получалось что-то совершенно несъедобное. И она всегда подчеркивала, что я настояла. Никто ничего не говорил, но мне было до ужаса стыдно. Твой отец... ему никогда не нравилось сидеть дома. И в какой-то момент я поняла, что осталась одна. На краю мира. В доме со стариком, который слишком занят тем, чтобы сохранить хоть что-то от былых богатств, и слугами. Это было тяжело.

Матушка поднялась к отделанному серебром рогу.

- Обед... обильный?

- Да. Если... леди это позволено.

Она чуть кивнула. И подняла рог. Странно это, говорить в коровий рог, пусть и отполированный до блеска, и украшенный серебряными узорами. Даже камушки вделали. Но все равно...

- Прогресс, - матушка вернулась на место. Она присела и разгладила юбки.

- У меня не тот цвет лица, - пожаловалась я. – И волос.

- И еще ты слишком высокая.

- Про это не говорили.

- Не волнуйся, еще скажут, - утешила матушка. – И про рост, и про вес, и про форму ушей.

- А с ней-то что не так? – уши я потрогала, убеждаясь, что, вроде, больше не стали.

Они даже не оттопыренные. Нормальные у меня уши.

- Ничего. Как и со всем остальным. Просто повод.

Повод... стало быть, просто повод...

- Ты слишком другая Милли, - матушка поглядела на меня с сочувствием. – И я в свое время была такой же. Чересчур нежная. С

кожей, которая моментально обгорала на солнце. С руками, что, стоило взяться за тряпку или веревку, покрывались мозолями. А те не заживали. Я простывала от дуновения ветерка и маялась жарой. Мерзла по ночам. Днем же яркое солнце вызывало головные боли. Меня ужасали люди, среди которых я оказалась. Особенно женщины. Резкие. Наглые... они смеялись над моими манерами. Оказалось, что мне ввали и манеры вовсе не так уж важны. Порой важнее умение стрелять.

- Ты... хорошо стреляешь.

- Научилась, Милли. Просто в какой-то момент я... я решила доказать, что я не хуже. И я научилась. Стрелять. Потрошить и чистить рыбу. Свежевать кроликов. Раскладывать костер.

Она вздохнула.

- Только... ничего не изменилось. Как бы я ни пыталась казаться своей, я оставалась чужой. Пусть даже кожа моя стала жесткой и темной от солнца, руки загрибели, голос осип... это ничего не изменило.

И я... я поняла, что мне пытались сказать.

- То есть, притворяться леди не имеет смысла?

Матушка кивнула.

- Притворяться – нет. Но ты и есть леди. Просто другая. И чем раньше они это усвоят, тем проще будет всем.

- А усвоят?

Матушка слегка пожала плечами.

- Шансы есть, но... просто не будет.

Можно подумать, когда-то было просто. И я решилась задать вопрос, который задавать было неприлично. И невежливо.

И...

- А оно того стоило?

- Когда-то мне казалось, что нет, - матушка ответила не сразу. Заговорила она тихо, словно стесняясь своего ответа. – И наверное, будь у меня возможность сбежать, я бы не удержалась. Но... я потом расскажу, хорошо, Милли?

Хорошо. Я ж не против.

- Было время, когда я возненавидела все это. Ранчо. Пыльный городишко, где каждый смотрел на меня свысока. Мужа... ему, впрочем, было плевать. Уже было плевать. И на меня, и на мои усилия.

Это и сводило с ума. И я бы сошла, но... ненависть – тоже сила. В какой-то момент, я поняла, что у меня не осталось ничего, кроме меня самой. Такой, какой я была.

Сильной?

Это только кажется, что матушка хрупка. Ну и Эдди так думает. Он и меня-то нежною считает, да... на самом деле она сильная. Помоему, сильнее нас, вместе взятых.

- И я начала делать все назло. Слугам. Ему...

Моему отцу?

- Остальным. Я сшила себе наряды. Делала прическу. Надевала перчатки, выбираясь в город. Я починила свой зонт. Я ходила с высоко поднятой головой. Была вежлива. Предупредительна. Как подобает леди. И... не скажу, что все изменилось сразу. Но изменилось. Постепенно. Еще и вы... когда вы появились, я поняла, что уже не уйду. Не вернусь. А потом... потом я научилась быть счастливой.

Как-то оно ни хрена не вдохновляет.

- Я не уверена, - я всегда старалась быть честной с матушкой. Хотя бы с нею. – Не уверена, что у меня получится.

Глава 18 О том, как некий джентльмен ищет приключений и находит

Глава 18 О том, как некий джентльмен ищет приключений и находит

Эва вернулась в свою комнату.

Как вернулась... вернули.

Кэти.

Сперва удалился человек, имени которого Эва так и не узнала. Потом появилась Кэти, глянула и хмыкнула этак, с насмешечкою.

- Вижу, голова у тебя не пустая, - и постучала Эве по лбу. Было до крайности неприятно. – И как он тебе?

- Кто это?

- А хрен его знает, - от Кэти слегка пахло, и нельзя было сказать, что запах был неприятен. Скорее уж чем-то похожим пахло от отца по вечерам, но слабо. А от Кэти – сильно.

Она икнула.

И рот прикрыла рукой. Скривилась.

- Понравилась ты ему крепко. Пять тысяч предлагал, если сразу отдам.

Пять? Это... это много.

- Но нет, оно-то... может, оно и хорошо бы, да только уже ж все объявлено. Знаешь, какие люди приедут?

Эва покачала головой.

- От и я не знаю, - Кэти снова икнула. – Да что ж это такое-то деется... от как выпью чутка, так оно и икается... икается, спасу нету никакого. Но ты ладно, пойдем. Молодец, девка. И завтрава не зевай. Иные-то как? К людям выведешь, а они морды кривят, рыдают со страшною силой. И что?

- Что? – послушно спросила Эва.

Она бы тоже порыдала, будь её воля. Да только не помогут рыдания. А вот если Эва чего-нибудь узнает. Нового. Важного. И сумеет рассказать... тот лысый и страшный, он ведь Эву слышал. И может, если повезет, опять услышит?

- А ничего хорошего! Вот выходит такая. Морда опухшая. Глазищи краснющие. Из носу течет. Кому охота такую приголубить? И покупают их задешево. Вот!

Эва покачала головой.

- Говоришь им, говоришь... можно подумать, тамочки их чего хорошего ждать. А туточки... с умом если, можно глянуться хорошему человеку. Он и купит. И вывезет. В доме хорошем поселит. Будешь жить, беды не ведаючи. На шелках спать да с серебра есть. А всей работы – ноги раздвинуть.

- Зачем?

- Чего? – Кэти опомнилась.

- Зачем ноги раздвигать?

На Эву глядели. Долго глядели. С прищуром. А потом рассмеялись так.

- Да уж... потом узнаешь.

Почему-то стало стыдно, будто Эва спросила о чем-то до крайности неприличном. И...

- Главное, себя покажи. Он-то, конечно, хорош... пять тысяч сразу. Но Мамаша и больше подымала. Эти-то, чай, как раззадорятся, так вовсе забывают... так что не подведи, девонька. Всем тогда хорошо будет.

- А...

- А если подведешь, то и плохо. Тоже всем. Но тебе – особенно.

Кэти сказала это и дверь заперла.

- Поесть бы! – Эва вытянулась на цыпочки. – А то в обморок упаду еще!

- От! – донеслось из-за двери. – Молодец... баба, она есть должна, чтоб в теле быть. Тогда и мужик пойдет. А вы-то... небось мамка морила? Ничего, сейчас принесут. Ешь. И отдыхай.

Эва подавила тяжкий вздох.

Мужик... да что эта женщина в истинной красоте понимает-то? Хотя, конечно... Эва никогда красавицей не была. Странное дело, с Тори они в один день на свет появились. И та же нянюшка говорила, что были они похожи, как две капли воды. Даже матушка первое время лишь по ленточкам на руках различала.

А потом...

Тори всегда была тихой. Спокойной. И вести себя умела правильно. Наверное, если бы не Происшествие, она бы уже и... или дебютировала, или даже замуж бы вышла. А Эва... никогда-то ей на месте не сиделось. И главное, она же старалась.

Честно.

Сама не понимала, как выходило, что она только-только в сад выглянуло, а платье уже в пятнах от травы, кружево на рукаве оторвалось, шляпка и вовсе где-то там, в зеленом лабиринте, исчезла. И хорошо, если найдут...

Дома не лучше.

Она и разговаривала слишком громко. И смеялась. И... и никогда у нее не получалось соответствовать образу истинной леди. Может, поэтому матушка дебют откладывала?

Теперь и вовсе...

Получится Эву спасти или нет... нет, хотелось бы верить, что все-таки получится, но... если и так, то слухи-то уже пошли. А значит, в обществе Эву... не поймут.

Не примут.

И... и горько. Наверное. От всего и сразу. Правда, когда принесли огромную миску пшенной каши, сверху которой медленно истаявал хороший кусок масла, Эва слегка утешилась.

Еще и молоко свежее.

А хлеб пусть не совсем свежий, но тоже хорошо.

Конечно, для фигуры не очень. Только фигура Эвы с самого начала была неправильной. Не хватало ей изысканной тонкости. А вот лишних изгибов и чрезмерной полноты было... чрезмерно.

Она вздохнула.

С другой стороны, ей ли о том волноваться?

Замужество? Кто рискнет взять в жены несознательную особу, которая сбежала из родительского дома? И оказалась в подобном... подобном месте. И это не считая даже сомнительного дара Эвы. И... семьи.

Так что ждет её участь старой девы.

С другой стороны, старой деве нет нужды беспокоиться о правильности фигуры и цвете лица. А это, как ни крути, огромное преимущество. Эва вытерла пальцы.

Нет, не о том думать надо.

Допив молоко, она вытянулась на низенькой козетке, которая совсем не для лежания была предназначена, но кровати в комнате не было. А козетка была. Эва сложила руки на груди.

Груди было холодно.

И ногам тоже.

Кто ж в таком-то платье да без шерстяных чулок ходит? Нет, снова не о том. И не о зудящей пятке. Не о волосах, которые снова собьются. Они у Эвы сложные, непослушные. И это всегда доставляло горничным массу неудобств. Любая прическа начинала рассыпаться сразу после создания.

А где это видано-то?

Эва поерзала.

Надо... надо сосредоточиться. И не уснуть. Просто сосредоточиться и... выйти из тела. Конечно, странно, что браслеты тому не мешают. И защита дома. Особенно такая, которая прячет дом ото всех. Ведь в первый раз Эва её почувствовала.

А потом?

Потом защита словно бы пропала? Или это только кажется? Или, может, она решила, что Эве позволено входить и выходить?

Что она вообще знает про...

Так, сосредоточиться. У нее ведь получалось. И теперь вышло. Собственное тело, лежащее на низкой и не слишком чистой козетке показалось донельзя жалким. И платье это... мало того, что короткое, так еще подол задрался, из-под него выглядывал край мятой рубахи и ноги Эвы. Ноги даже не выглядывали, а вполне так торчали?

Высовывались?

Она не знала, как это назвать правильно.

В общем, ноги были.

Нет, и не о ногах тоже надо думать.

А... как она попала в дом? Представила себе. Так, нет, в дом ей не надо, а надо... не к брату, все равно не услышит. К тому надо, который другой. Который огромный, страшный и не совсем человек.

Орк.

Благородный.

Ну, если брату помогает, то совершенно точно благородный.

Эва нахмурилась, пытаюсь представить себе орка. Но в голову почему-то лез шаман из любовного романа. На Эдди он походил.

Слегка. Разве что взгляд был слишком томным и обещающим.

Нет.

Не надо ей шамана! И Тори смеется... её шуточки?

- Можно и не шамана, - Тори появилась рядом. – Какой бред ты читаешь, сестричка!

- Какой получается, такой и читаю. Сгинь.

- И не подумаю, - Тори стояла рядом. – Может, я соскучилась.

- Тогда возвращайся.

- Еще чего... я не настолько соскучилась. А вот посмотреть, как ты дергаешься, интересно.

- Ты всегда была злой.

- А ты беспомощной. И никчемной. И вечно боялась сделать что-то не так. Но все равно делала. Ты и вправду хочешь вернуться?

- Да.

- Зачем? До конца своих дней слушать упреки матушки? Сперва-то она обрадуется, но потом... потом каждый божий день будет вспоминать тебе твою глупость?

И... правда ведь.

Матушка до сих пор порой вспоминала, как Эва, будучи двенадцатилетней, опрокинула на себя чернильницу. И про тот случай с забытой в саду книгой. И многие другие случаи тоже. Но про них-то она забудет, тогда как...

- Видишь. Замуж тебе не выйти. Кто порченую возьмет.

- Я не...

- А кто в это поверит? – возразила Тори. – Нет, дорогая, поверь, лучше тебе остаться со мной.

Эва повернулась к сестре спиной и подумала, что зря она, наверное, так ждала возвращения Тори. Ничего-то хорошего из этого бы не вышло.

И не выйдет.

- Думаешь, так легко от меня избавиться?

- Думаю, что если бы тебе было так хорошо, как ты это пытаешься изобразить, ты бы ко мне не цеплялась!

Странно, но после этих слов Тори исчезла.

А... а этот ужасный невозможный человек появился. Точнее Эва появилась рядом с ним. В лодке? Seriously? Он... он должен спасти её, а не совершать речные прогулки!

Тем более в такое время!

По реке гуляют поздней осенью. Или ранней весной. Тогда она не так воняет.

А он собрался... возмутительно! Главное, еще оделся так, что... в общем, приличные люди так не одеваются. Сидит. Сгорбился.

Веслом шевелит.

И на берег, стало быть, любитесь. Эва тоже посмотрела. Вдруг и вправду что интересного, на что стоит обратить внимание. Но нет. Обыкновенный берег. Еще и дождь идет. Такой вот, мелкий, муторный, который обычно осенью приключается. Из-за дождя все кажется серым и размытым.

- Эй, - Эва топнула ножкой, привлекая внимание. – Ты меня слышишь?

Этот... человек, все-таки, пожалуй, человек, пошевелился.

- Эй! – Эва подпрыгнула на месте.

А лодка тоже дрянная.

Мог бы у брата попросить, тот бы не отказался нанять приличную. Эта же... скорлупка настоящая, как Эдди только влез в нее.

- Я здесь!

- Слышу, - проворчал он. – Неугомонная девочка.

- Какая есть, - наверное, в любом другом случае Эва обиделась. А тут просто присела на скамеечку. Странное все-таки ощущение. Она точно знает, что нематериальна, а лодка, наоборот, очень даже материальна. Но при этом у Эвы получается сидеть.

И даже чувствовать, что древесина влажная.

Но в то же время дождь её вот несколько не беспокоит. Как и холод.

- Сильная, - Эдди распрямился, и лодка опасно закачалась.

- Не опрокинется? – не то, чтобы Эва сильно беспокоилась, но, во-первых, это был единственный человек, который её слышал. И, что куда важнее, мог спасти. А во-вторых, сама она плавать не умела.

Зачем леди уметь плавать?

Но вдруг да вода окажется слишком материальной.

- Не должна бы. Поганые у вас лодки. И протекают, - Эдди вылил черпак воды. – Но хорошо, что ты пришла, девонька.

И вовсе она ему не «девонька».

- Леди Орвуд, - представилась Эва.

А этот... только хмыкнул.

- Но я разрешаю обращаться ко мне по имени, - она протянула руку, но потом вспомнила, что вряд ли получится её поцеловать. Да и... не походил он на человека, который будет целовать чужие руки. – Эванора.

- Эванора?

- Мама... скажем так, не могла выбрать, какое из имен ей нравится больше.

Эва вздохнула.

Может, поэтому она такая и нелепая, что ни Эвелина, и не Нора?

- Эдди.

- Я помню. А... что ты делаешь? То есть, прошу прощения, что вы делаете?

- Тебя ищу.

Мог бы и повежливей.

- Вас, - поправился Эдди. – Пытаюсь найти.

- Я не в реке, - вот ведь глупый человек.

- Дом возле реки, - возразили ей. – Сама же говорила. Сами... один хрен, - он махнул рукой. – Ты говорила, что повозка ехала вдоль реки. И дом находился рядом. Так?

Эва задумалась, но кивнула. Похоже она снова проявила неподобающую поспешность в суждениях.

- Стало быть, с реки его найти проще.

- А...

- Город большой, девонька. Очень большой. И связей у меня здесь нет. Твой отец, конечно, обещался поспрашивать своих и, думаю, подскажут, где эту самую Мамашу искать, пусть даже покойную. Но вот мало ли... я и решил глянуть.

- Спасибо, - тихо сказала Эва. И подумала, что вот он, совершенно незнакомый ей человек, вовсе даже не обязан искать Эву. Что... как раз он мог бы и дома сидеть.

В тепле.

А он по реке этой, которая летом воняет так, что люди понимающие вовсе город покидают. И даже Его императорское Высочество со всею семьей перебирается в летнюю резиденцию. Правда, папенька что-то такое упоминал, что собираются ставить

очистные сооружения, но матушка поглядела на него с укоризной – кто за столом говорит о подобном – и он не стал рассказывать дальше.

Жаль. Эва не отказалась бы послушать.

- Но с домом не получится. Он... его не видно. Так мне сказали. Я... сегодня встречалась с одним человеком. Кэти сказала, что если я ему понравлюсь, он меня купит. А он узнал, что я из Орвудов, и тоже сказал, что обязательно купит, а папенька ему долг вернет.

Сумбурно вышло.

И дождь усилился. В дождь говорить сложно. И... и такое чувство, что Эва сейчас потеряется, как есть, в этом вот дожде. Он падает, падает...

- Сосредоточься, - Эва услышала голос. – Так... дай руку.

Руку?

Рука расплывается, дрожит... это дождь. Еще немного и вовсе истает. Только страшно почему-то.

- Дождь – не лучшее время. Вода размывает силу. Но погоди...

Он снова руку порезал.

Вот... вот красная кровь. Очень красная.

- Давай. Бери. Потихоньку только.

Горячая.

И это тепло согрело.

- Сейчас ты быстро расскажешь, что узнала, а потом вернешься.

Ладно?

- Я... боюсь.

- Ничего, это нормально. Нормальные люди боятся.

- И ты?

- И я.

Верилось в это слабо. Но Эва кивнула. Не стоит спорить с человеком, который... стало лучше, во всяком случае больше не казалось, что она вот-вот раствориться.

И говорила она... сразу и обо всем.

О Кэти.

Аукционе, который состоится. О доме, что принадлежал магу, а теперь попал в плохие руки. О... о куполе над домом. И что ей не хочется возвращаться.

Страшно.

А остаться здесь страшнее.

Её же слушали. Не перебивая. Не вздыхая печально, мол, какие ты глупости говоришь... просто слушали. А когда она замолчала, Эдди закрыл глаза и сказал.

- Интересно.

- И... все?

- То есть?

- Просто интересно?

Она... она тут спешила! С новостями! Едва на изнанку не вывернулась, а он... он вот так...

- Не просто... девонька, в общем так... если с той стороны увидеть дом не получится, то попробуем с этой, - Эдди поскреб щеку. – Сейчас ты вернешься к себе. А я тоже... вернусь к себе. И там уж сам попробую до тебя дотянуться.

Эва нахмурилась.

Возвращаться? Ей... не хотелось. То есть, она, конечно, понимает, что нужно, но ей совершенно не хотелось.

- Иди, - Эдди чуть нахмурился, а потом поднял руку и толкнул Эву.

Снова.

Что за...

Невоспитанность! Разве можно толкать леди? Пусть даже призрачных!

Глава 19 Где речь идет о делах семейных

Глава 19 Где речь идет о делах семейных

Леди Элизабет встретила Чарльза легким поклоном и молчаливым укором, от которого стало невыносимо стыдно.

- Милисента здесь, - сказала она. – Обедает. И, полагаю, вы с радостью присоединитесь к трапезе.

Отказа предложение не подразумевало.

- Несомненно, - Чарльз тоже поклонился и протянул букет цветов в достаточной степени изысканный, чтобы было не стыдно дарить.

Букет приняли.

А потом... потом леди Элизабет просто исчезла. Вот как у женщин получается? Вот она есть, и вот её будто нет.

Но... но и к лучшему.

Поговорить надо.

- Явился, - мрачно сказала Милисента, пытаясь отрезать от стейка кусок. – Почему здесь ножи такие тупые?

- Они не тупые, они столовые.

- Столовые и все равно тупые... и ты не лучше. Извини. Я... кажется, злюсь.

- Еще как. У тебя глаза совсем золотые...

- И неправильные.

- Кто сказал?

- Все сказали. Или скажут. Про глаза. Волосы. Про... ты где шлялся-то? – она покосилась с раздражением и, нацепив на вилку стейк, просто откусила кусок. И зажмурилась. – Боже... какая я голодная.

- Тебя не кормили?

- Овсянкой. Кажется, я ненавижу овсянку.

- К ней и вправду надо привыкнуть.

- Надо ли...

- Милли...

- Что? – она поглядела мрачно. – Явился бы ты час назад, я бы тебе просто башку прострелила бы... осталась бы честной вдовой,

уехала бы...

Милисента зажмурилась. Мечтательно. Отчего стало слегка не по себе.

- Но теперь я поела. И матушка не одобрит... не здесь... трупы в гостиной как-то... в интерьер не вписываются! Вот!

Чарльз улыбнулся.

- Прости.

- За что?

- За все... у Орвуда сестра пропала.

Стейк она все-таки разрежала. Аккуратно. Спокойно. Именно так, как положено леди.

- Когда?

- Незадолго до того, как мы прибыли. Оставила письмо.

- Дай угадаю. Неземная любовь, которую родители не одобряют, поэтому она сбегает, чтобы... как это... воссоединиться?

- Примерно так.

- И?

- Потом пришло другое письмо. Девочка влипла и серьезно, - Чарльз осторожно сел рядом. И отодвигаться жена не стала. Только поглядела мрачно:

- Стейком не поделюсь. Свой заказывай.

- Да я в общем-то сыт.

- И хорошо. Рассказывай. Стало быть, вы её ищете? Ты и Эдди?

- Ищем. Она... попала в сложное положение. Тот человек, который клялся её в любви, девушку продал.

- Бывает, - Милисента несколько не удивилась. - А вы выкупить хотите?

- Выкуп и потребовали. Орвуд заплатил.

- Ну и дурак.

- Почему?

- Потому что знали, с кого требуют... хотя они не умнее, к некромантам лезть. Небось, проклял деньжата? Я бы точно прокляла. Для надежности. Чтоб сами приползли... но девку возвращать не собирались. А если не приползли, стало быть, проклятье сработало, но нашелся кто-то, кого оно не больно напугало.

Милисента доела стейк и поглядела на стол.

- Раньше такого аппетита не было. Это... нервы. Наверное.

- Наверное. Но ты ешь, - Чарльз подвинул блюдо с тонкими ломтиками лосося, политыми ароматным маслом. – И вот лимона возьми. Да... еще с сыром хорошо. Кусочек и лосось.

- Вкусно...

- Так...

- Все просто. Если девчонка вернется, Орвуды ведь не забудут. Спрашивать станут. А там мало ли, чего она видела и слышала. Ляпнет не то, они и выйдут... и вовсе, у магов же свои есть... способы.

- Поиск не работает.

- Значит, спрятали хорошо. Надежно. На любую хитрую задницу... не важно. Главное, и от магов наловчились прятать. Но как знать, вдруг да, если девчонка вернется, то поиск и сработает. Это первое. Второе. Кто откажется заработать? Тут... видишь, девчонку можно или прибить, что сделали бы люди умные, причем сразу, не связываясь с Орвудами, или продать, что сделали бы люди жадные. Жадных больше чем умных.

Она икнула.

- Ой... извини. Я... знаешь, ты мог бы и сразу сказать.

- Да, наверное... будет аукцион. И девочку должны выставить.

- Собираешься прикупить? – глаза Милисенты нехорошо блеснули.

- Орвуд...

- Да понимаю я. И Эдди тоже контракт взял. А Эдди, если взял, то исполнит. Но для ваших, которые высокие, он рожей не вышел. Орвудам и подавно соваться без толку. Близо не подпустят. Так что... если с вашей стороны выходы искать, то тебе. Получилось хоть?

Чарльз молча вытащил карточку.

Милисента наклонилась и... понюхала?

- Что? Трогать не стану, а то мало ли... Эдди сказал, что как-то за одним умельцем ходил, тот то ли документы спер, то ли подделал. В общем, нехорошо поступил человеке, вот Эдди за ним и услали. Там даже не этот нужен был, ну, с документами, сколько сами бумаги. Эдди их и нашел. А тронул, так прахом рассыпались. Зачарованные, стало быть.

Милисента вновь потянулась к карточке.

- Держи ровней... нехорошим воняет.

Чарльз тоже понюхал. Ничем особым карточка на пахла. Табаком. Виски? Не понять. Алкоголем каким-то, но аромат его едва улавливался. Еще туалетной водой. И тоже ощущение, что донельзя знакомой.

- Не в том смысле... не знаю.

Чар на карточке не было. Ни явных, ни скрытых.

- Я с тобой, - Милисента облизала пальцы. – Кажется... наелась. Еще бы сладкого чего...

- Заказать?

- Не-а... пожалуй... а то ведь и вправду... перебор.

- Я не думаю...

- Чарли. Я и Эдди, если его еще пустят. Он... выглядит опасно.

- А ты...

- Увидишь, половина со шлюхами явится. Это же ж нормально.

Ничего нормального в том, чтобы тащить на сомнительного свойства аукцион женщину, Чарльз не видел.

Милли вздохнула.

- Ты хороший, Чарли. Но доверчивый больно. И... золотишко сними. Лучше если не только его... слушай, надо Эдди дернуть. У него там еще оставалось кое-чего из побрякушек...

- Есть чековая книжка.

Милисента поглядела на него с умилением.

- А думаешь, и вправду там дураки, которые чеками возьмут? А потом с ними в банк сунутся?

И вправду глупость сказал.

Самому неудобно стало. А ведь и вправду собирался с чековой книжкой ехать. И если так, надо срочно отправить кого-то в банк. И... сколько снять? Двадцать тысяч? Тридцать?

- Знаешь... я-то сама не бывала. Эдди сказывал, хотя... его как-то брали сопровождением. Он-то не особо языком треплется, но тогда мрачный был. Заплатили хорошо, конечно, а нам деньги были нужны.

Она замолчала, вздохнула.

- Заказывай.

- Что?

- Что-нибудь. Сладкое. Знаешь... такое вот, вроде поела, еще недавно была сытая, прямо шевелиться не могу, а сейчас вот... это не нормально.

- Ты просто переживаешь.

- Я и раньше переживала, - произнесла Милисента задумчиво. – Но столько не ела. И... извини, кажется, я твою маму обидела. Но я не специально. Сперва. Потом уже специально, и мне даже жаль. Разве что самую малость. Но не настолько, чтобы пообещать больше такого не делать. Все равно смысла в этом нет. Не сдержусь.

Она выдохнула и уставилась на Чарльза.

Золотые глаза.

У людей не бывает золотых глаз. А у нее вот есть.

- Матушка – человек сложный. И... она не так уж плохо к тебе относится. Хотя... конечно...

- Предпочла бы кого другого?

- Да. Император дал согласие признать наш брак законным.

- А если бы не дал? – Милисента склонила голову на бок. – Что тогда?

- Ничего. Боги выше Императора. А там, в смысле на Западе, - Чарльз мотнул головой. – Как-то особо разрешений не нужно. Так что уехали бы на край мира и жили бы в свое удовольствие.

- Начинаю сожалеть, что он все-таки согласился, - проворчала Милисента и потянулась к недоеденной рыбе. Надо будет и вправду целителя позвать.

Кого-нибудь...

Да, кого тут позовешь, кроме любезнейшего Шверинсона, который сейчас с Байни занят.

- И что дальше? – Милисента вздохнула прежде, чем сунуть кусок лосося в рот. – Если вот...

- Дальше... мы справим тебе приличный гардероб. Дадим сообщение в газете. Устроим вечер, чтобы те, кто пожелает, могли познакомиться с тобой.

- Мне это уже не нравится.

- Далее последует представление ко двору. Все-таки ты леди Диксон.

- Совсем не нравится.

- Вот, в принципе, и все... дальше по желанию. Обычно леди участвуют в светской жизни. Вечера, ассамблеи, балы. Но если не хочешь, то никто тебя не заставит.

Поглядела Милисента недоверчиво.

- А что с аукционом? – Чарльзу почему-то было неловко. Будто его на вранье поймали. Но... но ведь и вправду не обязательно посещать балы. И... и может, ей даже понравится. Августе ведь нравилось. И матушке. И... - С тем, на котором побывал твой брат.

- Да... - она почесала ухо. – Знаю я не так, чтобы много. Эдди не болтливый, когда оно работы касается. Просто накипело. Сказал, что собрались богатые придурки редкости торговать. Что выставляли там... картину какую-то, за которую сорок тысяч золотом отвалили. И еще артефакты. Если бы только их, он бы и молчал. Но еще людей торговали. Да... так вот. Там с чеками возиться никто не станет. Золота с собою тоже много не повезешь. И порой торговали на камни. Или на вещицы какие, из числа особых. Оценщик имелся, который сумму говорил. А еще можно было устроить свой аукцион. Развлечение, стало быть.

- Спасибо, - сказал Чарльз вполне искренне.

- Да не за что... там все хреново закончилось. Дракой вроде. И клиента пришлось вытаскивать. Эдди потом сказал, что было искушеньице под шумок ему шею свернуть. Ну да он, если слово дал, сдержит... так вот, девчонка из хорошего рода. Чистая. С даром. Торговаться будут крепко.

И золота действительно много не утащишь.

- Орвудам сказал? – уточнила Милисента.

- Нет пока.

- Скажи. Авось чего-нибудь этакого сыщется, чтоб предложить. Ну и Эдди... все-таки втроем пойдем.

- Нет!

- Чарли, - поглядели на него с укоризной. – Вот ты... погляди, привез меня, бросил одну. Где шлялся? Одним богам ведомо, где шлялся. А теперь заявился и говоришь, что собираешься в злачное место. Запомни. Женатые люди в одиночку по злачным местам не ходят!

Милисента вздохнула и добавила:

- А мне давно уже кого-нибудь убить охота.

Стало и вправду неловко. Будто он, Чарльз, отказывает жене в маленьких радостях.

Эдди вернулся к себе.

Вымок.

Мерзкий город. И дождь мерзкий. Такие осенью идут, чтобы не дождь даже, а взвесь водяная, зыбкая. И этой зыбью дышишь, глотаешь, отчего во рту поселяется мерзкий привкус.

Серое все.

Каменное.

И камень этот давит, давит, того и гляди, обрушится, погребет под собою. Главное же, если подумать, то город Мастеров мало от нынешнего по виду отличался. Но там оно как-то полегче было, что ли? А тут...

Он выругался, когда нога, ступив на землю, в эту самую землю провалилась. Желто-зеленая река, больная, как и все тут, подмыла берега. Дно старой лодки, которую удалось сторговать за пару монет, пропускало воду. И Эдди вычерпывал её, да только без толку.

Сапоги промокли.

Не сразу, конечно, но промокли. А теперь вот и грязь их облепила. Вода пропитала и куртку, стекая с неё тонкими струйками. И вид у Эдди стал вовсе неблагонадежным, а потому на перекрестке за ним увязался очередной полисмен. И шел до самого отеля.

Дерьмо.

Все дерьмо... и новости не лучше.

По ступеням Эдди поднимался бегом, оставляя на мокрой красной дорожке куски грязи. И преисполненный праведного возмущения взгляд швейцара долго жег спину.

Ничего.

Не прожог.

Очередной даме, которая изобразила ужас, Эдди подарил широкую улыбку, и ужас стал непритворным... злость – плохой советчик. Но сейчас справиться с собой не выходило.

Подняться.

Раздеться.

Выставить сапоги за дверь. Стянуть мокрую рубашку... одежды было немного, и матушка намекала, что Эдди стоит заняться гардеробом.

Потом.

Вытереться.

Он с тоской подумал о ванной, от которой не отказался бы. Но... тоже потом.

Эдди натянул рубашку, слабо пахнущую пустыней. Скомканную мокрую одежду отправил в угол. Огляделся. Сел.

Место... не самое лучшее. Что-то было не так с этим городом. Неправильно. Пальцы коснулись костяной дудки... и отложили в сторону.

Слишком... опасно?

Пожалуй.

А еще страшно. Тогда-то у него получилось, но это случайность, не более. Стечение обстоятельств. Шаман из него по-прежнему никакой, кто бы что себе ни думал. А стало быть, опасно.

Да и есть способ проще.

Свечи.

Их Эдди лично выбирал в лавке. Еще пытались подсунуть мешаные, со свиным жиром, а то и вовсе слепленные из старых огарков. Нет, ему восковые надобны. Самые лучшие.

Травы.

С травами и того хуже. В аптеке на него глядели снисходительно и все твердили, что это он, Эдди, в травах не разбирается, а сами труху какую-то совали. Мол, это и есть ромашка.

Клевер.

Шлемоголовник.

Но ничего. Нашел.

Травы он растирал пальцами, ссыпая труху в белую фарфоровую ступку. Туда же добавил крупной соли, пожалуй, единственное, что получилось купить легко, хотя и дорого.

Круг Эдди насыпал ровный. Свечи расставил. Руку... потом, как все закончится, он с Орвудов требует за кровь по полной. Но почему-то эта мысль не согрела.

Деньги...

Денег вечно не хватало, пусть матушка и Милли никогда не жаловались, но он и без жалоб видел, что дом разваливается, что он стар и холоден, что дров мало, а угля и вовсе нет, потому как дорог безбожно. Что... все видел.

Понимал.

А не умел заработать достаточно. Теперь вот вроде и... а все равно не хватит. Нет, тот человек, с которым Эдди встречался утром,

принес и деньги. Несколько тугих свертков с золотыми монетами. Но это ведь матушкины...

Эдди мотнул головой.

Потом. Девчонка ждет и... и надо пробовать. Если у этой малышки вышло, то и у него должно бы получиться.

Свечи загорались одна за другой, и травы, повинувшись жесту, поднялись, подхватывая огонь. Запахло пустыней. Пеплом.

Болью.

Кто-то рядом вздохнул горестно-горестно... заблудшая душа? Она потянулась к Эдди, но остановилась на краю соляного круга, а рядом с ней возникла другая. Эдди пока не видел их целиком, лишь размытые тени, но присутствие ощущал.

Как и эмоции.

Отрешиться.

Хороший шаман справится. А Эдди... Эдди не шаман и близко.

Так, все-таки сосредоточиться. Отрешиться от душ. От мыслей. Найти ту единственную, с которой он связался. Эва... Эванора.

Забавное имя.

И девчонка тоже.

- Эва, - позвал Эдди. И души взвыли, закружившись. Сколько их здесь? Надо бы помочь, а то ведь... мигнул огонек газового рожка, и погас, выпитый иною стороной. – Эва...

...эва, эва, эва...

Шепот душ разнесся по дому.

И тут же кто-то вскрикнул. Зазвенело стекло, рассыпаясь на части. Холодный ветер пробрался в комнату.

Плохо, как бы круг не стер.

- Эва! – Эдди вложил в этот призыв больше силы. И рука сама потянулась к дудочке.

Призраки выли.

И плакали.

И кто-то с ними, кто-то, в ком тоже горела искра, но не настолько яркая, чтобы увидеть. Но и остальные чувствовали... определенно, чувствовали.

Ругань.

И вой собак. Собаки в отеле тоже имелись.

- Эва!

- Эва, Эва, Эва... - души подлетали близко. Сколько же их... недаром место Эдди не глянулось. Это ж надо, собрать столько неупокоенных. – Говори, говори, говори...

- Тихо, - Эдди открыл глаза. – Кто-нибудь один.

Перед границей появился благообразный господин панталонах и белой рубашке, испачканной пятнами крови.

- Вы... нас видите, уважаемый? – поинтересовался он.

- Да.

- Чудесно... просто чудесно... возможно ли, что вы способны не только видеть?

- Возможно.

Дудочка лежала в руке. Гладкая кость. Теплая. Хранящая не только силу, но и память, если хватит смелости рискнуть и прикоснуться к ней.

- Отпусти, - рядом возникла девица в одной рубашке, сквозь которую проглядывало пышное тело. Лицо девицы было покрыто толстым слоем белой краски, и алым пятном на ней выделялись губы. – Нас!

Духи загомонили.

- Я вот не хочу уходить! – рядом с первой появилась вторая дева, бледная и худая. – Я хочу, чтобы он понес наказание...

- Он давно уже помер, дура!

- Сама дура!

Эдди поднес дудку к губам и легонько дунул.

- Эванора Орвуд! – имя прозвучало, и души смолкли.

Звук же поднялся вихрем, закружил, полетел.

Глава 20 О воронах и шаманах

Глава 20 О воронах и шаманах

Сквозь осыпавшееся стекло пробрался влажный ветер, подхватил зов, потащил. По-над улицей, по-над городом, сверху похожим на каменное чудовище. Зов закружил, рассыпаясь вороньей стаей.

Выше.

Громче.

И вот хриплые голоса их повторяют имя.

- Эва... Эва... Эванора... Ор-р-рвуд.

Рык перекачивается на языке.

И вороны разлетаются. Их много, главное, чтобы у самого Эдварда силы хватило удержать. Хватит. Он снова выдыхает в дудку, делится ею. И вороны бьют крылами. Небо дрожит. И мир дрожит.

А потом раскрывается.

Он видит... нет, не нить.

Огонек.

Крохотный огонек там, внизу, в сплетениях улиц. И сам оборачивается вороном. Это не так уж и сложно. Главное, что крыла быстры и воздух держит.

И Эдди спешит.

Летит.

Падает.

Остается. Там, в круге.

- Эванора! – крик его заставляет огонек дрогнуть. Услышала? И потянулась навстречу. А ведь дом и вправду есть. Прочие кажутся тенями, более плотными, менее, а этот выглядит настоящим, только обьятым белым пламенем.

Защита?

Пламя вскидывается навстречу ворону, грозя опалить черные перья. И успокаивается, когда сквозь него проходит тонкий луч.

- Ты... здесь? – она крутит головой. А потом удивляется и протягивает руку. – Ты... ворон?

- Я не слишком опытный шаман, - ворону сложно говорить на языке людей, но это там, вовне, а на той стороне мира свои законы.

Рука у девушки тонкая.

И сама она очень бледна, будто краски выпили. Плохо, плохо... нельзя надолго задерживаться на краю. Сил у нее немного, опыта меньше, чем у самого Эдди. А потому говорить придется быстро.

- Можно погладить? – спросила она. И не дожидаясь разрешения, провела ладонью по черным перьям. – В детстве мне нянюшка рассказывала сказку про принца-ворона. Его ведьма зачаровала, чтобы летал, покоя не зная... он и летал, пока не угодил в силки. И погиб бы. Но одна хорошая девочка его нашла и поцеловала. Ворон обратился в принца. А еще они поженились.

- Не надо меня целовать, - попросил Эдди, переступая лапами. Держаться на девичьей руке, не поранив её, было сложно.

- И не собираюсь! – она определенно обиделась. – Ты не принц.

- И близко.

- А я... кто на мне теперь женится? В здоровом-то уме.

Эдди промолчал.

Он совершенно ничего не понимал в делах столь серьезных.

- С другой стороны, останусь старой девой. Кота, наконец, заведу. Всегда хотела. Но матушка не разрешала. Говорила, что кошек заводят только старые девы. Вот, выходит, можно будет.

Все-таки у женщин голова работает совершенно не так, как у мужчин.

- Р-расскажи, - голос у ворона был раскатистым. – Спешу.

И крыльями махнул.

- Только чур не клеваться!

Эдди поглядел с упреком. За кого его принимают? Он приличный человек, даже если ворон.

- Рассказывать... я все почти и рассказала. Мне страшно, - она опустила на кровать. – Страшно, что... не получится. У тебя. Или у него. Он... не похож на порядочного человека.

Можно подумать, Эдди похож.

- Порядочные люди не станут связываться с такими, как Кэти... и я поняла еще, что он раньше участвовал. То есть покупал кого-то. Какую-то девушку, которая, как я... поверила. И... оказалась здесь. Он не говорил об этом прямо, просто... просто вел себя так, что понятно, все ему тут знакомо. А если так, то... скажи, что я ошибаюсь?

- Соврать.

- Нет. Пожалуйста. Только не лги.

- Тогда ты права. Скор-р-рее всего.

- Вот. И как ему можно верить? Он сказал, что вернет меня отцу, но ведь может и не вернуть! Один раз меня уже обманули. Так как ему верить?

- Никак.

- А брат? Отец? Если они не найдут, если... если получится так, что... я сижу и жду, а...

Девочка. Всего-навсего девочка, которая жила в тихом уютном мире, а потом оказалось, что вовсе не тих он, да и с уютом не все ладно. Её бы утешить, пообещав, что ждать уже недолго, что спасение идет и придет. Что не будет никакого аукциона, а если вдруг и состоится, то её выкупят.

Только... просили не лгать.

- Случится может всякое, - сказал Эдди и покосился. Не заплачет ли? Нет. Носом шмыгнула и опять ворона погладила. Наверное, можно свое обличье принять, но ворона она не боится. – Это надо понимать.

- Я понимаю.

- Хорошо.

- Что хорошего?

- Теперь я могу найти этот дом.

- Да?

- Защита тут и вправду есть, да не от таких, как мы.

- То есть?

- Этот дом поставлен на грани. Уж не знаю, кто его делал, но он был мастером. Ты же видела, на изнанке все немного иное. Мир тварный преобразается. Те же вещи существуют не сами по себе, а в приложении к разумным или неразумным тварям. Кошки вот могут видеть оба мира, собаки – чуют. Лошади... тоже. Да и иное зверье. С людьми сложнее.

Слушает.

И огонь её спокоен. И сама-то, кажется, успокоилась.

- Люди существуют в тварном мире, а на изнанку заглядывают порой случайно. Или вот как ты.

- И ты?

- И я. Это дар. Мне твой брат еще объяснял, там... дед у меня был шаманом.

- А ты?

- Говорят, что и я. Но учить меня было некому. Так что, считай, шаман-самоучка.

- Я тебя больше не боюсь.

- Это ты просто меня там не видела.

- Увижу, - произнесла она уверенней. – А Берт и вправду говорил, особенно после того, как... с Тори случилось. Это моя сестра. Она ушла и не захотела возвращаться. Теперь я её иногда вижу. Она пугает.

- Не подходи близко. Заблудшие души опасны.

Эва кивнула.

- Значит... ты найдешь дом?

- Теперь да. И найду, и увижу. Дом впустил тебя, а удержать не сумел. Или не захотел.

- Это как?

- Обыкновенно. У вещей тоже могут быть желания. Особенно у таких.

Переспрашивать она не стала.

- Что мне... делать?

- Ждать. Это сложно, Эванора.

- Не называй меня так, пожалуйста. Просто... мама называет Эванорой, когда хочет поругать. А она почти постоянно хочет. Я вечно все не так делаю. Но она да, права... а ты просто не называй.

- Не буду.

Смешная. И кто гладит воронов? Вороны страшные, если подумать. Огромные птицы с когтями и мощными клювами. С перьями жесткими. Способные кожу пробить, а то и глаз выбить. Их боятся. И считают вестниками зла.

А эта гладит.

- И-извини. Я задумалась... они такие скользкие. Перья. Это не плохо, нет. На шелк похожи. Никогда бы не подумала, что перья ворона похожи на шелк. Ждать... я жду. Что еще остается?

Она тихонечко вздохнула.

- Даже если бы я захотела, я... что могу? Кричать? А кто услышит? И...

- Не вздумай, - сказал Эдди. – Не услышат. Делай вид, что смирилась.

- Потому что побьют?

- Побьют? Вряд ли. Это вид испортит. Кто купит порченный товар?
Эва вспыхнула.

- Не в том смысле. Но за девицу без синяков денег дадут больше.
Как и за ту, которая сама стоит спокойно, без дурманного зелья.

Она вздрогнула.

- Это... это запрещено. Зелье! Я знаю! Хотя, конечно, глупости говорю. Кто здесь будет закон соблюдать. И значит... они могли бы...

- Могли бы. Часто делают, если девушка кричит, плачет и не успокаивается. Или все рвется на свободу. Тогда используют зелья. Ты умница.

Эва вздохнула тихо-тихо.

- Ты уйдешь.

- Уйду. Но... - Эдди изогнулся. Кто бы знал, до чего непросто быть вороном. Он вытащил перо и протянул. – Возьми.

И говорить с занятым клювом тоже так себе выходит. Но она поняла.

- Оно ведь...

- Там его не будет. Но оно будет здесь. Спрячь в волосах или еще где, хоть проглоти. Главное, что пока оно с тобой, я тебя найду. Не важно, как сложится аукцион, кто выиграет или проиграет, я все равно тебя найду. Только постарайся вести себя разумно.

Глупый совет, если разобраться.

Но других у Эдди нет.

- Я...

- И ко мне не приходи. Ты слабеешь. Изнанка тянет силы, и на ней легко заблудится. Поэтому просто постарайся отдохнуть.

- Она приходит во снах. Тори.

- Это потому что твоя защита истончилась. Но теперь не придет.
Только если ты сама захочешь.

- Перо?

- Перо.

- Что это? На самом деле?

- На самом деле – часть моей силы.

- А так разве можно делать? Брат может заключить силу в артефакт, но вот чтобы просто взять и... кому-то отдать?

- Я шаман, - сказал Эдди, отряхиваясь. – Пусть и неопытный.

Он подпрыгнул, и Эва, не дожидаясь просьбы, подбросила ворона к потолку, который раскрылся, выпуская Эдди. Белое пламя, окружавшее дом, потянулось было и осело.

Хорошо.

Очень хорошо.

Стало быть, догадка верна. Защиту ставили, но потом её сломали, правда, случайно или намеренно, Эдди не знал. Главное, что тот, кто побывал в доме, обретал возможность видеть. И входить.

Причем не важно, в каком из миров.

Что ж...

Воронья стая кружила. И пришла в движение, стоило появиться Эдди. Он взмахнул крыльями, поднимаясь выше и выше над городом. А когда почти достиг небесного купола, рухнул вниз.

Туда, где окруженное соляным кругом, оставалось его тело.

- Вернулся, вернулся... - зашелестели голоса. И рядом с кругом появилась женщина весьма пожилых лет. Шелк платья переливался перламутром, и сияли огненные рубины.

- Мы рады приветствовать Видящего, - произнесла дама низким голосом и присела, приподняв широкие юбки. – Смеем ли мы надеяться на помощь?

- Д-да, - просипел Эдди.

Горло драло. И голова кружилась от слабости.

Люди. Много. Правда, разглядеть не очень выходит, уж больно слабы они. Или это Эдди силы потратил? Главное, что большей частью призраки казались полупрозрачными тенями. Лишь дама была плотной. И еще девушка рядом с ней.

Девочка. Хрупкая с огромными глазами и плюшевой игрушкой, которую она прижимала к груди. Девочка была одета бедно, а во взгляде её плескалось безумие.

- Тише, Тильда, - дама погрозила девочке пальцем. – Он поможет... но позже.

- Поз-ше, поз-ше, - зашипели голоса. – Позше?

- Позже, - подтвердил Эдди. И поднял руку. – Слово.

- Слово, слово, слово...

- Я выслушаю. И помогу, если в моих силах. И дам покой... если выйдет.

- Слово, - согласилась пожилая леди, положив руки на плечи девочки.

Вот ведь... дети редко остаются. Очень редко. Души их легко уходят за грань, и чтобы осталась... сколько ей? Не понять.

Дочь кого-то из прислуги?

Спросить...

- Тильда очень устала, - сказала женщина ласково. - И сдерживаться ей все сложнее... мы помогаем.

- Тварь!

- Сама тварь!

- Тебя не спросили...

- Чего она хочет? - Эдди еще держал в руке дудку. И силы оставались. Пара капель, но этого много.

- Покоя. И чтобы ты нашел одного человека, - сказала женщина. - Тильда почти забыла человеческую речь.

А это совсем уж дерьмово.

- И о нем знает мало. Я расскажу. Я слышала от неё, когда она еще могла говорить. Её мать работала здесь. И брала Тильду с собой. Вдова. Не с кем было оставить. Девочка была тихой. Да и помогала матери тоже. Но она не помнит, как очутилась в том подвале. И не помнит, как умерла.

- Что она помнит?

- Человека. Смутно. Она говорила, что он был большим.

Слабое описание. Ребенку все взрослые большими кажутся.

- На его руке был шрам.

Тильда вытянула руку. Правую. И на коже проступил узор из шрамов. Те были красными и вспухшими. Свежими? Похоже на то.

- Шрам она хорошо запомнила. И еще сказала, что человек этот говорил, как я.

- То есть?

- Сама Тильда говорила плохо. Неправильно. Полагаю, нужно искать кого-то образованного.

Образованного ублюдка со шрамом, который он вполне мог свести.

И искать его Эдди может долго.

Найдет. Такое нельзя оставлять безнаказанным. Но сперва...

- Подойди ко мне, - он протянул руку, позволив ей оказаться за пределами круга. И дитя зашипело. Глаза его налились чернотой, а духи, которые еще недавно кружили в комнате, исчезли. С тихим звоном раскололась ваза в углу. И с потолка посыпалась мелкая стеклянная крошка. Стало быть, и люстра тоже.

Эдди отогнал мысли о том, сколько с него за ущерб стребуют.

Не сейчас.

А ведь душа уже почти...

- Тише, маленькая. Я тебя не обижу. Иди... не бойся.

Она стала ниже. И шире. И вокруг неё черной короной клубилась тьма. Еще немного и дух превратится в проклятье, а то впитается в стены отеля.

Прорастет.

День за днем. Год за годом. Подбирая крохи чужого горя, питаюсь слезами и отчаянием. В таком месте всегда есть, кому горевать. Оно проберется и на чердак, и в подвалы, подчиняя все-то своей воле. И вечно голодное, станет тянуть силы. А с ними – расти быстрее.

Вот ведь...

- Иди, - Эдди терпеливо сидел.

Все ушли, кроме дамы, что держала девочку за руку.

Пока еще девочку.

А ведь проклятье души не снять так просто... вообще не снять. И проклятые места обходят стороной, а дома разрушают, но и этого мало. Нет уж...

- Пойдем. Он не причинит тебе вреда, - мягко сказала женщина. – Он отпустит тебя.

- Нет! – девочка топнула ногой. – Нет! Найти!

И голос её сорвался на вой, который пронзил стены.

- Найти, найти, найти...

- Найду, - Эдди мягко поднялся. Если выйти из круга... опасно. И не потому, что почти переродившееся существо нападет. Хуже, что он может не удержать его вовне. А тогда... тогда все осложнится. – Я обещаю тебе, что найду. И накажу. Этот человек умрет.

Она замерла.

Худенькая. С темными волосами, что свисали по обе стороны лица. И этого лица было не видно, только острый треугольник подбородка и черная нить рта.

- Но тебе надо уйти, - он все-таки шагнул за черту.

А в дверь постучали.

Вежливо так. Этот стук заставил девочку обернуться и зашипеть.

- Не обращай внимания на них...

- Кхл-рс...

- Кларенс, - перевела дама. – Это коридорный. На диво скользкий тип.

- Пусть стучит. Он не важен. Слышишь? Тильда? Как тебя называла мама?

Дитя обернулось. И губа её задрожала.

- М-ма...

- Она умерла, - дама беззвучно выдохнула. – Она... я не уверена, что эта смерть была случайной. Она вызвала полицию, а здесь полицию не любят. И её уволили. Она возвращалась. Дважды. И на второй раз её нашли мертвой.

Эдди кивнул.

Слишком настойчивых не любят едва ли не больше, чем полицию.

Стук стал громче.

- Мистер! Откройте, пожалуйста!

- А её...

- Она была доброй женщиной, но слабой. Остаться не так просто, - пояснила дама. И сделала шаг. – Возьми его за руку, Тильда. Он... он откроет путь к маме.

- М-ма... м-ме?

- Когда я был маленьким, - Эдди опустил на пол. – Мой дед рассказывал мне о дороге, которой уходят духи. В мир, где нет боли. И нет зла.

Она покачнулась, почуяв кровь.

- Хочешь, - Эдди протянул распоротую руку. Стук в дверь прекратился, но это ненадолго. Явно коридорный отправился за помощью. Вернется и будут ломать. Или, может, откроют? Должен же быть запасной ключ. – Возьми.

- Т-ты...

- Сила. И кровь.

Она коснулась руки. И холод пронизал её до самого локтя.

- А теперь ляг.

Тильда забралась на колени. И холод... если доберется до сердца, то Эдди умрет. А она прижалась, обхватив его руками.

- Вот так. Закрой глаза. Я сыграю тебе колыбельную.

Костяная флейта ощущалась не просто теплой – горячей.

- Только тебе... закрой глаза и засыпай. А потом, когда проснешься, ты увидишь...

- Маму...

- Пожалуй что. Или великое древо, в корнях которого свернулся огромный змей. Его не надо бояться. Он хранит корни этого древа.

Эдди поднес флейту к губам и дунул... звук вышел мягкий, что шепот ветра. А потом она сама запела, его, Эдди, силой, но собственным голосом.

Она пела о небе, которое провожает солнце, укрывая его алыми полотнами. О темноте, что приходит с Запада. Звездном ветре, о людях, что спят там, внизу. И о пути... она пела, манила, звала. И первая звезда освободившейся души полыхнула где-то сзади.

Вторая.

Третья... и девочка подняла голову, отбросила волосы с лица.

- Спасибо, - сказала она мягким голосом. – Спасибо...

Внутри её дрожал огонек живого света.

- Иди, - шепнул Эдди, улыбаясь. А флейта продолжала играть. И... может, из него не самый дрянной шаман вышел?

- У него еще кольцо, - девочка коснулась мизинца. – Тут. С драконом.

- Я найду. А ты... тебе нужно спешить.

Она кивнула.

И очередная звезда родилась на ладони Эдди. Она была совсем крошечной, эта звезда Но и она обжигала силой. Этой силы было столько, что прошли и боль, и усталость.

И Эдди поднял звезду повыше.

- Доброго пути...

А она рассыпалась на искры живого серебра.

В этот момент дверь как раз и открылась.

- Ох... - коридорный, кажется, все же был не совсем пропащим человеком, если высказаться сумел.

Глава 21 В которой обстоятельства складываются должным образом

Глава 21 В которой обстоятельства складываются должным образом

Я сыто икнула. И подумала, что, наверное, не все так уж и плохо... то есть, не сказать, чтобы хорошо, но могло бы быть и хуже.

Сволочи.

У меня семейная жизнь едва не рухнула из-за интриг каких-то.

- Все равно я пойду с тобой, - сказала я мужу, который явно собирался с мыслями. Речь готовил. Вдохновенную. Такую, чтоб, прослушавши, я осознала, что ходить по всякого рода сомнительным мероприятиям мне не надо.

Может, и не надо, но...

Он, конечно, маг.

И тут нам не там.

Но мне от того не спокойнее. Аукцион такой – штука опасная, и все может пойти не по плану. Категорически. А потом и Эдди прихватим...

- Милли...

Чарли поднимался. И явно набирал воздуха, чтобы речь начать. Но не успел. Гостиница слегка вздрогнула. Потом что-то зазвенело. Задрожало. И ближайшее окно осыпалось мелкой крошкой.

- Что за...

А потом я услышала звук. Низкий. Вибрирующий. Пробирающий до самых костей. И не только я. Чарльз отряхнулся и повторил чуть тише.

- Что за...

Звук поднялся, сделавшись почти невыносимым. И струна оборвалась. Зато потянуло чем-то таким вот... таким... до боли знакомым. Отчего сила моя рванулась и я зашипела, пытаюсь удержать её. Не хватало еще матушкин номер спалить.

Не поймут.

- Это... это...

- Эдди, - я вдруг совершенно точно поняла, что происходит. – На дудочке играет.

- Что? – Чарли моргнул как-то растеряно. – Что он... делает?

- Играет, - я пошевелила пальцами. – На дудочке. Помнишь? У него костяная дудочка есть.

- П-помню...

Он выдохнул.

- В прошлый раз было иначе.

Звук не исчез. Он был. Где-то на самом краю слышимости. Драл душу, то почти исчезая, то появляясь, заставляя дрожать от непонятного страха. И холодом потянуло, не тем, что из окна, а самым что ни на есть могильным. Тем, который навевает мысли о бренности бытия.

- Тогда он играл для живых, - страх сковывал. Страх заставлял силу стучаться в виски. Надо успокоиться. Взять себя в руки. Страх – это просто страх. – Но шаман обычно играет душам. И если так... то надо...

- Боюсь, - Чарльз вытер нос, показав руку, испачканную алым. Красная, красная кровь... - Боюсь, что тут могут не понять.

- Нельзя мешать, - я потянула его к выходу. – Если прервать, духи вырвутся. Будет плохо всем.

Чарльз сделал шаг.

И еще один.

А потом мешком осел на пол. Я и подхватить-то не успела.

- Чарли? – я бросилась к мужу. И сердце оборвалось уже от настоящего ужаса. Куда там потустороннему! Чарльз дышал.

Слава всем богам и Эдди... если с моим мужем что-то случится, я эту дудку ему... что-нибудь сделаю. С ним и с дудкой.

Но Чарли дышал.

Сипло. Сквозь стиснутые зубы. И все-таки дышал. Звук завибрировал. Ощущеньице, будто шкуру живьем снимают. И Чарльз выгнулся, пальцы его заскребли по полу. А потом он сел и... его вырвало.

Твою мать!

Что происходит?!

- Чарли? – я взяла его за голову. – Чарли, ты меня видишь? Ты... тебе плохо?

Что я несу? Понятно, что плохо. Даже хреново. Но...

- Чарли...

Взгляд его метался по комнате. И... и меня он не видел. Совершенно точно. Он взмахнул рукой, дернулся, пытаюсь освободиться.

- Сиди! – рявкнула я. И Чарльз, как ни странно, послушал.

А где-то там раздался топот. И голоса.

Грохот.

Кто-то пытался достучаться до Эдди. Надо сказать, чтобы подождали. Надо... Чарльз вдруг схватил меня за руки и потянулся.

- Милли...

- Я.

- Смерть. Я видел смерть.

- Чудесно. Это у тебя от несварения, - я выдала первое, что пришло в голову.

- Все умрут, Милли... все умрут... - он хихикнул, будто сказал что-то смешное, а потом стал заваливаться на бок. Твою же... нет, это я уже говорила, но повторюсь. – Он разобьет шар... и все умрут.

Чтоб вас всех!

И Эдди.

Я отпустила Чарльза. Прижала пальцы к шее, убеждаясь, что сердце бьется. И дышать он дышит. А что бледноват слегка, так бывает. Только... странно. Да, песня Эдди отзывалась в моей душе. И не скажу, что приятными ощущениям, но в обморок падать я не собиралась.

И...

Матушка вошла, как всегда, вовремя.

- Что с ним? – спросила она. – Эдди играет.

- Услышала. А... ему плохо вдруг стало. Еще стал нести, что все умрут.

Матушка подошла и опустилась рядом.

- Он дышит.

- И дышит. И сердце бьется вполне ровно. Я бы сказала, что он в глубоком обмороке, но это... это интересно, - матушка задумалась. – Знаешь, дорогая, мне нужно вызвать одного человека.

- А Чарли...

Матушка встала и поглядела этак, скептически.

- Мне кажется, что сейчас твой муж точно никуда не денется.

- Эдди...

- И он в том числе, - матушка сцепила пальцы и, оглядевшись, вздохнула. – А вот переехать нам, боюсь, придется немного раньше, чем я планировала.

Чарли открыл глаза и выдохнул.

- Что... происходит? – поинтересовался он почти нормальным голосом.

- Ничего особенного, - я шмыгнула носом. – Ты в обморок упал. А еще вот с Эдди не понятно что...

На ноги мой муж поднялся сам.

Интересно, он и вправду ничего не помнит?

Человек, ввалившийся в номер, застыл. Он приоткрыл рот, и казалось, что лицо его, весьма благообразное с виду, перекошилось. Красная шапка съехала, а красная же ливрея встопорчилась.

- Ох ты ж... - за его спиной виднелись еще двое.

Трое.

И один в форме полисмена. Он-то и смотрел на дождь замороженно. Искры же таяли в воздухе. И музыка смолкла.

Эдди слышал её эхо, но и то почти истаяло.

- В... - первым опомнился коридорный. – В номерах строго запрещено использовать чары!

- Я не использовал, - Эдди выдохнул. Тело пело от переполнявшей его силы.

Спасибо, девочка.

И... и хорошо, что у него получилось.

- Но... - коридорный указал на остатки соляного круга и свечи, давно уже прогоревшие. – Это же очевидно!

Его голос стал тонким.

И сам он вытянулся. А потом, словно спохватившись, расправил плечи.

- Отель будет требовать компенсации.

- Все-таки он идиот, - меланхолично произнесла леди, которая, в отличие от других призраков, и не подумала исчезать. Напротив, она словно налилась цветом.

- И при всем уважении к графу... мы настоятельно рекомендуем вам покинуть...

- Что происходит? – упомянутый граф протиснулся в двери.

А за ним и Милисента.

Вместе?

Это хорошо.

И выглядел Чарли вполне целым, что было того лучше. Стало быть... договорились.

- Ваш гость... - голос коридорного сорвался. – Он вел себя... он...

- Управляющего, - произнес Чарльз, вперившись в коридорного взглядом. И тот разом поник, стусевался и исчез. Как и те двое, что пришли с ним. А вот полисмен остался, пусть даже по лицу его было ясно, что и он не прочь бы исчезнуть.

Но долг...

- Интересно, - леди прищурилась.

- Это нормально, что я вас вижу? – поинтересовался Эдди тихо. Правда, его все же слышали. И Милисента огляделась.

Потом снова.

Её взгляд зацепился за круг на полу, правда, уже почти на круг не похожий. Потом за остатки свечей. Разбитое стекло. Окно, сквозь которое проникал дождь. Тот снова пошел, и даже набрал силу, потому-то косые струи пробивались в дыру. И бархатные занавеси потемнели, а на полу расплзлась лужа дождевой воды.

За окном же смеркалось. И в сизых сумраках мутными пятнами горели огни газовых фонарей.

- Эдди, - Милисента подошла и заглянула в глаза. – Что происходит?

- Духи, - Эдди повертел в пальцах дудочку. – Ты бы знала, сколько их здесь...

- Боюсь, вы ошибаетесь, - господин, что появился в дверях, был весьма представителен. Высокий, на полголовы выше Чарльза. Светловолосый. И волосы уложены тщательно. Аккуратные усы. Хороший костюм. Трость с костяным набалдашником.

- А ведь был когда-то приличным юношей, - вздохнула леди.

Милисента вздрогнула и оглянулась.

- Здесь...

- У нас весьма приличный отель. И в нем не может быть... аномалий, - сказал он, слегка наклонив голову. Поклон адресовался Чарльзу, а вот Эдди господин словно и не видел.

- Мистер...

- Саттервуд, - подсказал управляющий. – В настоящее время я представляю интересы владельцев сего чудесного места.

- И врет, как дышит...

- Леди, - Эдди произнес это одними губами. – Вы не могли бы помолчать?

- А вот это крайне невежливо, молодой человек, - впрочем она не обиделась и даже не исчезла, хотя самое время бы. – Поверьте, я вам еще пригожусь.

Да, да... что-то такое Эдди слышал. В сказках.

- Вы свободны, - сказал мистер Саттервуд полисмену, который выдохнул с немалым облегчением. Но уточнил:

- А... это... того... - полисмен указал на круг. – Запретная волшба?

- Просто... досадное недоразумение, - улыбка мистера Саттервуда была до того лучезарна, что возникло желание дать ему в морду. Желание было привычным, а потому Эдди легко с ним управился. – Думаю, мы решим проблему в частном порядке.

- Тогда... тогда хорошего вам вечера, - и полисмен исчез.

Мистер Саттервуд вошел в номер и осмотрелся.

- Знаете... этот отель видел многое.

- Очень многое, - подтвердила призрачная леди.

- И нельзя сказать, что не претерпевал ущерба большего...

Попросит.

Оно и понятно, потому как кому нужен беспокойный постоялец. Хорошо, если только Эдди... а если и матушку.

- Ущерб будет возмещен.

- Не сомневаюсь, нисколько не сомневаюсь... ваша семья всегда держала слово, - легкий кивок и тщательно скрываемое любопытство во взгляде, который задержался на Милисенте чуть дольше, чем следует. – Мы всегда... заботились о своих постояльцах...

Острый нос лаковой туфли коснулся соляного круга.

- А потому я вынужден буду просить господина...

Он слегка поморщился, то ли и вправду имя забыл, то ли вид делает. Кто их, цивилизованных, поймет-то?

- ...найти другое пристанище.

- Мы заплатим...

- О нет, не в деньгах дело. Не все деньгами измеряется.

- Сказал ублюдок, который за медяшку удавится, - не осталась в стороне леди.

- Дело не столько в них, сколько в безупречной репутации...

Безупречной?

Да тут ребенка насмерть замучили! Какая, к бездне первородной, безупречная репутация.

- Тише, мальчик, не спеши, - леди оскалилась, и вид у нее сделался весьма хищным. – Нужно выбрать момент.

Она потеряла призрачные руки и слегка встряхнула ими.

- В семи номерах осыпались окна. Чудо, что никто не пострадал! Собаки леди Унфред просто взбесились... не в прямом смысле, но они по сей час воют и не находят себе места. У кого-то прихватило сердце. Кто-то к вечеру сляжет с мигренью. Мы уже получили более двух десятков жалоб. Это... недопустимо.

- Мне жаль, - сухо произнес Чарльз. – Приношу свои извинения.

- Я уверен, что все произошедшее – не более чем досадная случайность, - произнес мистер Саттервуд тоном, который явно говорил об обратном. – Однако мы не можем допустить, чтобы одни гости причиняли беспокойство другим. Не говоря уже о том, что леди Уинфред жаловалась на сердце. Поэтому...

- А теперь слушай сюда, мальчик, - произнесла призрачная дама, задирая голову. – Подними руку... правую. И скажи, что ты – личный гость леди Анны Элеоноры Марии Христины Вестон-Маш.

Эдди поглядел на нее с упреком.

Он и так, похоже, Чарли кучу проблем доставил. Теперь еще...

- Ну же, - леди нахмурилась. – Не заставляй меня самой доносить до этого идиота, сколь он не прав. И ты слово дал!

Слово.

Дал.

- Если ты уйдешь, обратно тебя не пустят, - повторила леди. – Давай. Поднимай руку... и говори.

- Просто...

- Просто произнеси это!

- Я, - Эдди давно уже не чувствовал себя настолько придурком. – Я являюсь личным гостем леди Анны Элеоноры Марии Христины Вестон-Маш.

Стало вдруг тихо.

Очень-очень тихо. Мистер Саттервуд замер и выражение лица его сделалось... испуганным? Нет, вправду...

- Подтверждаю, - произнесла леди. И над ладонью Эдди вспыхнуло пламя. На сей раз не призрачное.

- Ошизеть! – Милисента прикусила губу.

А мистер Саттервуд поклонился.

- Это, безусловно, в корне меняет дело.

И вышел.

- Эдди? – Милисента дернула за рукав. – Ты ничего не хочешь объяснить.

Эдди вздохнул.

- Самому бы понять, - честно признался он. И оглянулся.

Леди... леди исчезла.

Вот ведь... духи, чтоб их.

Глава 22 Где ведутся серьезные разговоры и некий джентльмен получает выгодное, но несколько сомнительное предложение

Глава 22 Где ведутся серьезные разговоры и некий джентльмен получает выгодное, но несколько сомнительное предложение

В кабинете мистера Саттервуда, куда их пригласил все тот же коридорный, правда, теперь поглядывавший на Эдди с откровенным ужасом, пахло булочками. Гора их возвышалась на блюде. На другом устроились махонькие пирожные.

Поблескивала лаком коробка с конфетами. И Милли не могла отвести от нее глаз.

- Ешь уже, - буркнул Эдди.

Ему здесь не нравилось. Запахи да, мирные. Запахи еды вовсе на людей успокаивающе действуют, но вот сам кабинет... просторный, солидный, как и подобает кабинету человека столь важного, как мистер Саттервуд. Огромный стол. Гора-чернильница. Три мраморных шара на подставках, один другого меньше.

Или это не мрамор?

Шкапы.

Кресла, обтянутые зеленой кожей. И золотые шляпки гвоздей.

Или позолоченные. В самом-то деле, какой дурак для обивки кресла будет золото использовать? Эдди с трудом сдерживался, чтобы не выковырять один, махонький, на проверку.

- Я прошу простить меня, - мистер Саттервуд поклонился, прижав руки к груди. – За то, что знакомство наше началось, быть может, не так, как хотелось бы.

А умеют на Востоке говорить. И главное так, что верить хочется, да не можется. Пусть бы и на физии этого Саттервуда застыла гримаса прелюбезнейшая. Но в глазах, в глазах другое видится.

Ожидание.

Чего?

- Бывает, - Чарльз подвел Милли к креслу, тому, что поближе к конфетам стояла. – Недоразумения случаются. Но я рад, что его уладили.

- Несомненно, несомненно... - Саттервуд – мистером называть его вот никак не хотелось – потер ручонки. – Безусловно рад, да... но хотелось бы кое-что уточнить.

- Если надо, мы съедем, - пожал плечами Чарли.

- Не надо, - сказал Эдди.

- Нет, нет, что вы... личный гость миссис Вестон-Маш... это будет оскорблением памяти покойной госпожи.

И рожу скорбную изобразил.

- Вот стервец, - восхитилась леди. – Не дергайся, мальчик. Представь, что меня здесь нет.

Эдди тоже сел.

Кресло было глубоким, мягким, но самое важное – крепким.

А молчание затягивалось. Саттервуд уставился на Эдди. А Эдди что? Небось, глазами дырку не протрешь, так что пускай себе пялится, ежели охота. Эдди тоже вон поглядит.

- Мистер...

- Годдард, - сказал Эдди. – Элайя Годдард.

Приподнятая бровь. Удивление. Ждут пояснений? Пусть себе ждут. Эдди ничего пояснить не собирался. Ну не говорить же, что папаша – гребаный придурок, который имени родного сына не помнит. Или что документы на Эдди он выправлял в дупель пьяным. Только не понятно, изначально он ужратым был или в процессе достиг того блаженного состояния, когда все по хрену.

Эдвард.

Элайя...

Хорошо, хоть на букву ту. А потом уже из принципа править отказывался.

- Можете звать Эдом, - разрешил Эдди.

- Чудесно... тогда зовите меня Найджелом, - представился Саттервуд. И сам сел. Его кресло отличалось от прочих чуть более темным цветом кожи.

Высокой спинкой.

Подлокотниками, покрытыми позолотой. Не кресло – трон. И стояло оно так, что выходило, будто сидящий в нем человек смотрит

на посетителей сверху. Ага... выходило бы. Будь Эдди ростом пониже. Он покосился на Чарли, но тот, кажется, эдаких мелочей вовсе не замечал. Милли же, потянувшись, добралась до коробки с конфетами и, стащив две, сунула в рот. Потом подумала и взяла коробку, поставила себе на колени.

- Так удобнее, - сказала она Саттервуду, который, кажется, к подобному не привык.

- Чудесная девочка, - леди хихикнула. – Чую одну кровь.

- Сестра.

- Что?

- Это не вам, - отмахнулся Эдди.

- Леди... здесь? – с придыханием поинтересовался Найджел. – Она действительно здесь?

- Здесь, - сказала Миллисента. – Что? Или хотите сказать, что я на леди не похожа?

Вот когда она говорит подобным тоном, лучше не спорить.

Саттервуд и не стал. Замахал руками.

- Что вы, что вы... в вас сразу чувствуется врожденное благородство! А эти тонкие черты лица говорят сами за себя и... и я волнуюсь. Лишь это может послужить оправданием. Но сейчас я имел в виду благородную леди Вестон-Маш.

- Скажи этому придурку, что я здесь.

- Она здесь, - послушно повторил Эдди.

- Несказанно рад, леди... несказанно...

А вот радости в голосе не хватило.

- Могу ли я...

- Не может, - отрезала леди. – Мне он никогда не нравился. Скользкий, наглый тип. Втерся в доверие к бедной старушке...

- ...просить вас выступить посредником в переговорах.

- С кем? – уточнил Эдди. – Точнее между кем.

- Между многоуважаемой леди Вестон-Маш и её почтенной внучкой... видите ли... - Найджел оглянулся, будто опасаясь, что кто-то подслушает. – Проблема в том... что леди ушла... скоропостижно.

- Скоропостижней некуда, - упомянутая леди явно не собиралась покидать кабинет.

- Она с ней приключился приступ кишечных колик.

- Из-за мышьяка, который мне подсыпали в бокал. Собственный сын, к слову! Этого не говори. Все равно поганец мертв.

Эдди промолчал.

Все-таки семейные отношения – штука сложная.

- И так вышло, что... леди оставила завещание. Весьма... весьма специфического толка.

- А ты что думал, говнюк?

Эдди поглядел на даму с укором. Ему казалось, что леди не выражаются подобным образом.

- Знаешь, - та слегка смутилась. – Когда я была жива, тоже стеснялась. Все казалось, леди то, леди это... а иногда надо говнюка назвать говнюком. Особенно, когда он им и является.

- ...это вызвало определенного рода затруднения, - Найджел замолчал.

- Какие? – уточнил Чарльз.

- Это... дело семейное.

- Вы хотите помощи. А стало быть, мы должны знать, в чем дело.

В конце концов, Элайя...

Эдди ненавидел, когда его так называли.

- ...может поинтересоваться у покойной леди...

Найджел вздохнул.

И снова вздохнул.

И поднялся.

- Мы можем прогуляться?

Милисента облизала пальцы и поглядела в окно. Дождь шел. Дождь шел давно. И само окно было сизым, затянутым дрожащею пленкой воды.

- Сейчас?

- Боится, что я подслушаю... больно хотелось, - леди фыркнула. – Сиди уже... потом переговорим. Скажи ему, что у меня дела. А в третьем номере опять плесень. И трубы протекают!

Эдди послушно передал.

- Она... и вправду ушла? – осторожно уточнил Найджел и, вытащив из рукава клетчатый платок, который совершенно не вязался с общим изысканным обликом, вытер лоб. – И-извините... одно дело, когда ты знаешь, что где-то здесь может витать неупокоенная душа... и другое, когда вот так, узнаешь, что она и вправду... неупокоенная.

- Упокоить пробовали?

- Само собой... трижды некромантов приглашали. Но... они отказывались. Почему-то. Хотя покойный мистер Вестон предлагал немалые деньги. Да, да... весьма немалые... и все-таки она ушла?

- Да, - сухо сказал Эдди.

- А от других магов толку мало. Пробовали прорицательницу и трех спиритуалистов. И... не важно. Но плесень, снова плесень... здание довольно старое. Вы не подумайте, ваши номера пребывают в отличном состоянии. Мы строго следим...

- Ближе. У нас еще дела, - Чарльз извлек часы и, откинув крышку, постучал по циферблату.

- Конечно, конечно... просто дело... весьма сложное. Неоднозначное. После смерти леди её сын, которого я удостоился чести знать, должен был унаследовать отель. Да... однако... отношения у него с леди были непростыми.

Он отер лицо.

И платок скомкал.

- Оказалось, что унаследовать отель может любой человек, который отыщет некую вещь, оставленную леди.

- Какую?

Найджел развел руками.

- Об этом знает лишь леди. Единственная подсказка, упомянутая ею в завещании, так это то, что с этой вещи начался отель, но история, господа, история показывает, что леди, овдовев, просто-напросто переделала особняк супруга под отель. Весьма скандальный поступок. Многие не поняли.

Но леди было плевать.

- Господин Вестон пробовал... он перебрал, пожалуй, все вещи матери. И все, что было в этом отеле. Однако... - Найджел развел руками. – Увы. Тот самый предмет до сих пор не найден. В свое время господин пытался связаться с матушкой. Я уже говорил, что прибежал к услугам известных спиритуалистов? Да? Вот тогда-то и стало ясно, что душа леди все еще обитает здесь...

- И выдавать секрет она отказалась.

- Именно.

Эдди бы тоже отказался.

- И что сейчас?

- В настоящий момент формально отель находится под управлением одной солидной компании, которая и выступает в роли душеприказчика. Доходы от него делятся, как и было завещано леди. Часть их идет на поддержание и преобразование отеля в соответствии с новыми веяниями. Четверть переходит к наследникам... здесь леди проявила милосердие. А остальное поступает на счет. Право распоряжаться им перейдет к тому человеку, который станет владельцем отеля.

Понятно.

То есть, ни хрена не понятно.

- И вы надеетесь, что мой родственник уговорит леди?

- Именно, - Найджел склонил голову. – Леди Элеонора была весьма... непростым человеком. Мне ли не знать. Характер у нее был отнюдь не женский. И за всю историю существования отеля, лишь двое были удостоены чести считаться личными гостями леди. Вы – третий.

Охренеть, какая высокая честь. А вот Чарльз поглядел задумчиво.

- Я не специально, - сказал Эдди. – Да и... заставить её я не смогу.

- Но вы её видите?

- Да.

- Вот просто... видите?

- Просто вижу. Когда она того желает.

- И вам для... общения не нужен хрустальный шар? Столик из слоновой кости? Нефритовая доска? Буквы?

- Нет.

- Удивительно... и вы, простите, не маг?

- Шаман.

- Это... это неожиданно... и... вы не откажетесь встретиться с леди?

- С еще одной? – Эдди подумалось, что в этом городе как-то слишком уж много леди. Этак и нервы могут не выдержать.

- Леди... Вестон. Внучка леди Вестон-Маш и единственная законная наследница на сегодняшний день. Очень милая дама, которая... с которой стоит побеседовать. Дело в том, что отель, конечно, приносит доход, но и расходы велики. Да и в целом... подобное положение не может сохраняться вечно. А потому я хотел бы вас нанять.

- Найти тайный предмет?

- Скорее уж поспособствовать знакомству. Уверен, что когда леди узнает леди поближе... - Найджел слегка запнулся. – Они сумеют договориться ко взаимному удовольствию.

Эдди почему-то сомневался.

Весьма.

- Мы готовы заплатить...

- Вы? – Чарльз приподнял бровь.

- Я и леди Вестон. Она нуждается в помощи. В поддержке. В... присутствии опытного человека, который возьмет на себя часть проблем. Так что назовите цену и...

Он развел руками.

Цена.

Чтоб Эдди знал... да и влезать в это дело не хотелось. Вот совершенно. Но и промолчать не получится.

- Здесь убили ребенка, - сказал он.

- Что?! Простите?!

- Не так давно... где-то с год тому. Может, чуть больше. Или меньше. Но если и так, то не сильно. Девочка. Лет шесть-семь с виду. Дочь вашей сотрудницы. Была убита.

- Да-да, что-то такое припоминаю, - Найджел скривился. – Какое это имеет значение...

- Вы спрашивали о цене, - Эдди сцепил руки. – Хотите, чтобы я помог? Помогите и вы мне.

- Но, помилуйте, какое отношение... это и убийством-то не было!

- Да ну?!

- Несчастный случай. Горничная притащила сюда ребенка, что строжайше запрещено! У нас приличное заведение...

...в котором убивают детей.

- ...и ребенок вышел погулять. Заблудился. Под отелем старые подвалы, а они весьма... запутаны. Многие коридоры закрыты во избежание, так сказать, происшествий. Но дети... дети умудряются находить пути. Вот и эта несчастная пробралась в катакомбы, заблудилась, провалилась в древний колодец, там и погибла. Искать её стали не сразу, мать сперва побоялась говорить. А потом уже искали, конечно. И нашли. Спустя неделю.

Найджел поджал губы. И весь вид его выражал крайнюю степень возмущения.

- Эта бестолковая женщина, конечно, обвинила нас. Дескать, мы виноваты, что дверь была не заперта. А потом вовсе стала говорить об убийстве. Приставать к постояльцам.

- И вы её уволили.

- А что нам еще оставалось делать?! – возмущение в голосе Найджела было вполне искренним. – Её действия бросали тень на всех! На отель! И мы сочувствовали ей. И даже согласились выплатить компенсацию. Двадцать золотых.

Цена ребенка?

Мерзко. И... вправду говнюк. Все-таки леди не ошиблась.

- Чем она нам отплатила?! Пробралась в отель. Тайно. Как вор! И умерла! И не где-нибудь, а в люксе!

А вот это уже было интересно. Если девочку нашли в подвалах, то что её мать делала в люксе? Поговорить бы... но леди сказала, что душа ушла. Стало быть, не выйдет. Вызвать из небытия? Нет, Эдди не настолько самоуверен.

- В каком? – сухо уточнил он.

- Первый. Императорский... вы не представляете, сколько сил пришлось потратить, чтобы скрыть это... происшествие.

Первый стало быть.

- А... - Эдди постучал пальцем по столу. – Он свободен?

- Да.

- И я...

- Конечно! – договорить ему не позволили. – Полагаю, это будет наилучшим вариантом. Тем паче, что окна надо менять.

Лицо его потемнело.

- Замену я оплачу, - поспешил заверить Чарльз. – Что до остального, то, полагаю, ничего страшного не случится, если леди и вправду познакомятся.

Глава 23 О торгах и редкостях

Глава 23 О торгах и редкостях

Эва проспала остаток ночи. И половину дня тоже. К ней заглядывали. Приносили еду. Уносили посуду. И потом уже, когда и без того мутное стекло сделалось вовсе темным, притащили бадью и воду. Вода была подостывшей, бадья – не слишком чистой.

- Волосы не мой, - Кэти пощупала волосы. – Не посохнут. Надо было раньше... вот вечно так! Чуть не доглядишь, и все. Но ничего. Вчерась мыла, еще не запачкались, поди... в общем так. Лезешь в воду и намываешься. После одеваешься.

Эва кивнула.

Страшно. Страх вернулся с новой силой. И такой, что руки немели. Пальцев она не чувствовала, как и холода. И забравшись в бадью просто сидела. Долго. Пока кожа не стала мягкой и морщинистой. И наверное, сидела бы дольше, но снова появилась Кэти.

- Утопнуть вздумала? – спросила она. – Не сейчас. Вона, скоро соберутся... вылезай давай. На от.

И бросила флакон с маслом.

Хорошее. Похожее матушка покупала, для кожи. И странно снова видеть столь дорогую вещь в подобном месте.

- Трися давай. Или мне помочь?

- Не надо, - Эва принялась растираться и только тогда поняла, что замерзла. Напрочь. До самых костей.

- Вот-вот... теперь на.

Ей протянули рубаху столь тонкую, что ткань казалась почти прозрачной.

- А... платье?

- На кой тебе платье? – удивилась Кэти. – Товар должны видеть. И радуйся, что щупать не дам. Пушай сначала купят, а потом щупают вволю, а то ишь...

Эва сглотнула.

Неужели...

- Не дури, - Кэти прищурилась. Взгляд её сделался тяжел. – А то же ж по-разному можно... вона, если хочешь, выпей.

Из широкого рукава появился флакон.

Темный.

И без надписей. И...

- Нет, - Эва покачала головой. – Я... я лучше так. Я справлюсь! Честно!

Вдруг стало невероятно страшно, что её сейчас заставят выпить это зелье. И она вовсе утратит разум. Или сделает что-то... что-то такое, что исправить будет невозможно.

Хотя она и так сделала много того, что исправить будет невозможно.

Как ни странно, но Кэти лишь чуть склонила голову и кивнула. А флакон убрала в рукав. Сегодня она была в ярко-зеленом платье из мягкого бархата. Лиф его украшали два ряда перламутровых пуговиц. Аккуратный воротничок. Простой рукав, слегка приспособленный чуть ниже локтя. И белое кружево, что выглядывает из-под бархата.

Ей шло.

И даже изуродованное лицо не казалось таким уж отвратительным.

- Страшно? – спросила она.

И Эва кивнула.

- Очень.

- Все боятся, - Кэти глядела с печалью. – Всегда... сколько бы ни выводили на торги, а все одно... ты, главное, не реви. И не вздумай на колени падать или еще как слабость выказывать. На слабых извращенцы, что мухи на дерьмо слетаются.

Эва сглотнула.

- Покажи себя. Это не ты виновата, что тут. Это они. Все те, кто будут пялятся. Понимаешь?

- Нет.

- Поймешь. Или нет.

- Ты... ты ведь можешь просто взять деньги! Попросить у моего брата! Столько, сколько вздумается. Не пять тысяч, а... десять. Двадцать. Сорок, в конце-то концов! Или даже сто!

Эва поняла, что еще немного и сорвется на крик.

- Попросить-то могу, да только... как бы эти деньги поперек горла не стали. Да и то, девочка, не только я тут... если б только я... за мною тоже люди стоят. Важные. Те, которые будут глядеть сегодня, как справляюсь. И куда меня. Следом за Матушкой, в канаву, или же ж оставить жить и дела делать. А я в канаву не хочу.

А ведь она, Кэти, тоже боится!

Чего?

Эва не понимала. Спросить... но взгляд у Кэти затуманенный. Уж не глотнула ли она из той темной бутылочки? А если так, то не обезумеет ли?

- Матушка многим приглашеньице послала. И люди приехали. Не выставить тебя – обидеть их. А эти... благор-р-родные обиды не прощают, нет... да и деньжата. Чуется, за тебя можно прилично выручить. Да... только и ты помни. Вздумаешь кобенися, я... я тебя на куски порежу, - последнее было сказано спокойно, равнодушно даже. И Эва поверила, что и вправду порежут.

- погоди, - она протянула руку, но коснуться Кэти так и не решилась. – Что мне делать? Как... как правильно?

Она и вправду спрашивает о таком? Она же не собирается всерьез... нет, ей наоборот надо вести себя так, чтобы... чтобы никто не захотел купить. Кроме Эдди. Или того, другого человека? Если он придет.

Если не обманет.

Если... как много всего. И она, Эва, не справится.

- Вот, умничка, - Кэти расцвела довольною улыбкой. – Да ничего-то... в общем, сперва будут кой-какие вещички торговать. Матушка сделала запасец, да и от нужных людишек пришло. Вот. Но ничего настоящего серьезного. Потом девки пойдут попроще. Которые просто хорошенькие, но из простых. А уж после и настоящий торг.

Торг.

Её, Эву, на самом деле будут продавать? Как... как животное?

- Кроме тебя есть еще кое-кто... интересенький, - Кэти правда скривилась. – Доставили утречком от одного... не важно. Сперва ты пойдешь, а потом и мальчишка. Как скажу, встанешь. Выйдешь. В залу не гляди, один хрен ничего не увидишь. Только твоя часть освещена будет. Так что только ослепнешь. Лучше погляди куда наверх... тогда шея длиною будет. Волосья я тебе заколю, а ты заколочку-то и

вытащишь, чтоб рассыпались. Только не сразу, а как поймешь, что торги попритихли. И пройдишь. Влево там, вправо. Бочком повернись. Выгнуться бы, да ты толком не сумеешь... и опять же, девка из благородных, а не шлюха.

Эва слушала.

И... и слушала. Просто. Это не про нее. Это не с ней. Это... это просто страшная сказка. А все сказки, даже очень страшные, заканчиваются хорошо.

Должны.

- Так что прогуляешься, покрутишься, заколочку вытащишь и встанешь, чтоб глазки в пол. Они это любят... ну и все.

- С-спасибо, - выдавила Эва.

Кэти вздохнула.

- Дуры мы, бабы... - сказала она. – Как есть дуры... но ничего. Перетерпишь. Глядишь, как-нибудь да сложится. Одевайся. Скоро пришло кого.

- З-зачем?

Ведь еще не скоро. Ведь есть еще время! Собраться с силами да и просто... и...

- Говорю же ж, аукцион начнется вот-вот. А как начнется, то никому невозможно будет ни войти в залу, ни выйти. Но ты не бойсь, я шальку дам. Не замерзнешь.

Если бы Эва боялась замерзнуть...

Эдди моя идея не понравилась.

Категорически.

- Нет! – рявкнул он, и в свежееобретенном люксе задрезжали окна. – Милисента... это опасно!

А то я не знаю.

Я почесала языком зуб. Вот никогда бы не подумала, что зубы чесаться могут. А этот зудит прямо невыносимо. И есть не то, чтобы снова хочется, скорее уж напрочь исчезло ощущение сытости.

- Я ей говорил то же самое, - пожаловался Чарли.

Предатель.

И вообще, я еще не решила, прощать его или обидится и к маме уйти. Хотя... мама, чувствуется, тоже не похвалит.

Маму переселили в соседний номер, который тоже то ли люкс, то ли еще что-то вроде, я так и не поняла, хотя нам объясняли долго и

подробно. Главное, что выглядел этот номер не хуже старого.

А на столе снова коробку конфет оставили.

И цветы.

В качестве извинения. Хотя тоже не понятно, им-то за что извиняться, если это Эдди стекла порушил.

- Со мной Чарли будет, - сказала я Эдди. – И ты тоже.

Это уже для Чарли.

- Может, её запереть? – поинтересовался мой дорогой супруг, на всякий случай слегка отодвинувшись.

- Не поможет. Пробовал как-то...

Это он про тот случай, когда собирался Дика Быстрого брать? С его бандой? А меня, стало быть, в сарае закрыл. Дескать, мелкая я. И опасно все. Дик и вправду был отморозком, но... но где бы оказался Эдди, когда б я из того сарая не выбралась?

- Ты тогда, между прочим, не учел, что у Дика двое одаренных будут. И еще Малыш Скотти к нему прибьется с братьями.

Эдди вздохнул.

И снова.

Тяжко так.

- Ты же леди... - попытался он. И Чарльз закивал, подтверждая, что я именно леди. А леди не пристало ходить по сомнительным аукционам.

Я меланхолично почесала зуб когтем.

А ведь будто бы больше стал... нет, что бы со мной ни происходило, это не нормально. Задницей чую. И к целителю надо. Или к кому-то... к кому?

- Проблема не в том, чтобы её запереть, - Эдди поглядел на меня и слегка нахмурился. – Проблема в том, что когда она выберется... а она выберется, она поспешит на помощь.

И?

Он сам всегда говорил, что своих надо защищать.

- И всенепременно во что-нибудь вляпается.

- Я не специально!

- А потому, может, и вправду...

- Ты ведь не серьезно?! – Чарльз нахмурился. – Там ведь будет... аукцион! Живого товара!

- И?

- И это не то зрелище, которое стоит наблюдать леди... и...

- Успокойся, - я погладила мужа по руке. Надо же, а он обо мне заботится. Приятно, только... смысла нет. – Во-первых, в борделе я бывала и частенько.

- Помню, - сухо произнес он. – Ты говорила. И... не стоит больше упоминать об этом.

Смешные они тут. Будто что-то изменится от того, упоминаю я или нет. Бордель... если подумать, ничего-то в нем особенного нет. И девки – обычные девки. С руками, ногами и проблемами, о которых они треплются... и...

- Во-вторых, тебе же сказано, что с дамой. Где ты еще даму найдешь? Или думаешь Эдди переодеть?

Эдди нахмурился.

- Я... найду у кого попросить.

- Ну-ну, - я скрестила руки. – То есть мне с тобой нельзя, опасно, а какой-то левой девке, стало быть, не опасно? И еще, Чарли, дорогой...

Это я произнесла нежно. Муженек отчего-то вздрогнул.

- У тебя так много подходящих девок на примете?

- Много или нет, но найду.

- Кого? Когда искать станешь-то? Ехать-то скоро уже... вона, вечер.

Чарли поглядел, убеждаясь, что и вправду за окном потемнело.

- Да и знаешь, чего от такой левой девки ждать? Кем она будет? И не присунет ли перо в бок, поняв, сколько при тебе денег?

- Это неправильно, - Чарли сторбился и вцепился в волосы. – Это... это просто-напросто неправильно! Я должен... должен о тебе заботиться! Защищать!

- Заботиться и защищать куда проще, когда ты рядом.

- А получается, что я потяну тебя... не пойми куда! И... и если что начнется?

- Ты ж маг, - сказала я очевидное. – Да и я... вроде бы как тоже. Может, не больно умелый, но если прижмет, то и шибану так, что мало не покажется.

- А ведь она дело говорит, - Эдди откинулся на спинку кресла. – Вызывать какую шлюху для сопровождения...

- Эдди, - бессильно выдохнул Чарльз.

- Что? Шлюха – она и есть шлюха... да и к тому же за тобой должны бы приглядывать.

Чарли дернулся было.

- Рекомендация – это одно, но все равно ты – человек новый. Кто знает, чего от тебя ждать-то? Поэтому кого бы кинули на хвост... а еще лучше подсунули бы кого, чтоб рядышком был. А кого ты подпустишь? Только если бабу... нет, тут или одному, но могут и завернуть... формальное нарушение правил – дело такое... так что Милли пойдет.

- Мне это не нравится.

- А кому нравится-то? – Эдди поднялся. – Ты денег взял?

- В банк послал. Должны доставить. Милисента говорила, что лучше украшения взять. Те, что у вас остались. Я отдам, Эдди. Сколько понадобится, столько...

- Сочтемся, - братец махнул рукой. – Свои люди. И Орвуд вон еще когда прислал... тоже не деньги. Главное, вытащить девчонку. А потому... Милли, ведешь себя... как дура.

Я открыла было рот, чтобы возмутиться.

И закрыла.

Сейчас не время возражать.

- Глазками хлопаешь, пальчиком тычешь, капризничаешь там, ноешь... в общем, чтоб никто не усомнился, что мозгов в твоей голове никогда-то и не было. Надобно еще чего-то сделать... матушку попросим.

- Леди... Элизабет?! – Чарльз, кажется, ужаснулся.

А чего? Матушка всегда умела посоветовать.

- Пусть платье подберет какое... проклятье, времени мало. Милли, иди, сама расскажешь... и украшений надо! Чтоб побольше, побольше... заодно и будет с чего торговать.

Я поднялась.

Дальше они как-нибудь и без меня управятся. А мне и вправду поспешить надо. К тому же в животе опять заурчало. Да что ж это, мать его, такое...

Матушка, выслушав сбивчивый мой рассказ, лишь вздохнула, задумалась ненадолго, а потом сказала:

- Едем.

Куда?

И... на кой ляд? А главное, что она меня под руку подхватила и потащила за собой.

- Здесь недалеко... коляска твоя тут?

Моя? А... та, в которой я приехала.

- Скажешь Чарльзу, чтобы отправил домой, раз ты задерживаешься, а пока мы пешком.

Идти и вправду было недалеко. Вот прямо на другой стороне обнаружилось огромное, в три этажа, строение, весьма щедро украшенное лепниной. Настолько щедро, что и подходить-то страшно было, а ну как вся это красота и обвалится прямо на голову.

- Я вчера сюда заглянула, - сказала матушка на диво довольным тоном. – В мое время подобного не было... это настолько ужасно, что даже прелестно!

Она с легкостью поднялась по ступеням. Я бы, наверное, даже сказала бы, что взбежала, но леди не бегают. А матушка определенно была леди.

И...

И внутри ароматило.

То есть пахло. Ароматами. Разными. Духами, ароматными палочками, цветами какими-то, шапки которых возвышались над фарфоровыми вазами. Причем вазы стояли у подножия колонн, на широких подоконниках. На постаментах, подставках...

Там, где не стояли цветы, стояли деревянные фигуры в роскошных платьях.

- Доброго дня, - перед матушкой возникла девица в ярко-розовом наряде, украшенном белым передничком. – Рады приветствовать вас... чем могу помочь?

И глазками стрельнула.

В меня.

Взгляд любопытный-любопытный.

- Нам нужно платье, - сказала матушка. – Что-нибудь такое... впечатляющее. Понимаете?

Она пальцами щелкнула.

- И не требующее переделки. Мою дочь пригласили на... вечер.

Легкая заминка.

Тень недоумения в глазах. Конечно. Приглашают-то заранее. Именно для того, чтобы было время нарядом озаботиться.

- Неожиданно. И... весьма неудобно, но пропустить никак невозможно. И девочка должна показать всю себя...

Прозвучало, как по мне двусмысленно. И матушкина предовольная улыбка внушала вполне искренний ужас.

Куда меньший, чем платье, к которому нас препроводили.

- Нет, - сказала я, глянув на пену розового кружева, что выглядывала из-под розового же атласа, украшенного розовыми жемчужинами. – Я это не надену!

- Дорогая, - матушка улыбнулась куда мягче. – Поверь, времени капризничать у тебя нет. И... это именно то, что нужно. Дорого. Богато. И просто до ужаса вульгарно.

- Ну спасибо.

Матушка взмахом руки отослала девицу, которая вертелась поблизости.

- В свет в этом выходить нельзя, а вот там, куда вы собираетесь, подобный наряд скажет о том, что тебя ценят... еще бы украшений каких.

Украшения найдутся у Эдди. Да и у Чарльза быть должны, если я хоть что-то понимаю. Но там пока пошлет, пока привезут... успеют ли? А Эдди из города взял немало, а они там золото любили. Как матушка сказала? Дорого, богато и вульгарно? Хотя... последнее – не совсем правда. Но если с платьем.

Я вздохнула.

И вздохнула снова. И...

- Мама, а ты... ты не станешь говорить, что леди в таком месте не место?

По-идиотски получилось.

- А ты послушаешь?

- Наверное, нет. Я и сама... знаю. Что если кто увидит. Узнает... то скандал случится. И потом не отмоемся. Ни я, ни Чарли...

- Именно.

- Но и оставить их...

- Нельзя, - согласилась матушка. – А что до остального, то любой скандал со временем забывается. Если же нет... что ж, значит, такова судьба. Девочке, о которой Эдди говорил, надо помочь...

Она потемнела.

Ей ведь не помогли. Хотя, наверное, она бы не сказала спасибо, вздумайся кому влезть. Сперва не сказала бы... а потом? Потом было бы поздно?

- А вот чтобы не узнали, для этого существуют маски. И не только они, - матушка коснулась платья. – Его вот совершенно точно запомнят.

Глава 24 В которой леди совершает глупость

Глава 24 В которой леди совершает глупость

Эдди зубами вытащил пробку из бутылки и глотнул. Закрыв глаза. Укрепляющий эликсир имел отвратительный вкус, да и пах не лучше. Он бухнулся в пустой желудок, и тот съежился, попытавшись избавиться от пакости.

- Ты и вправду думаешь, что ей там место? – Чарльз сидел напротив.

- Нет, - честно ответил Эдди, все-таки справившись с собой.

А сил общение с духами забрало немало. И руки предательски подрагивали. И холодно было. Он давно уже не мерз вот так, изнутри.

- Но если оставить, будет хуже. Она попытается найти. Тебя. Дом. Дом не найдет. Он закрыт...

Эдди потрогал зубы языком. Ныли. Муторно так. Изнутри. Мерзкое ощущение.

- И полагаю, что твое приглашение – своего рода пропуск.

Чарльз вытащил карточку и покрутил.

- Магии не чувствую.

- И не почувствуешь. Там... сложное что-то. Кто бы ни ставил, он был мастером. Но систему сломали. Раз войдешь, во второй раз сама пропустит.

Рассказывать сложно. И вообще говорить. Холод отступает, сменяясь слабостью. Еще немного и Эдди уснет. На час. Час у них есть. Хватит, чтобы отдохнуть.

Только...

- Слушай, - мысль была ленивой. – Если девочка умерла, дело бы расследовали?

- Пожалуй.

- Найди мне того, кто этим занимался. Потом. Как все закончится. А за Милли не бойся. Стреляет она отменно. А кого не пристрелит, того спалит ко всем демонам.

Чарли вздохнул и признался:

- Этого я и опасуюсь.

Потом он сказал что-то еще, но этого Эдди уже не услышал. Сон был глубоким, ровным и напрочь лишенным видений. Разве что голова слегка побаливала. Гадство, когда голова болит даже во сне.

- Эдди, - его позвали за мгновенье до того, как он проснулся. – Эдди, вставай!

Он открыл глаз.

Плыло.

Он открыл второй и проморгался.

- Как ты? – с заботой осведомилась Милли.

- Ох... очень хорошо, - спохватился Эдди, заметив матушку, которая устроилась в золоченом креслице. Чарли, переодевшийся в темный костюм, занял второе. И оба они о чем-то мило беседовали.

- Дорогой, - матушка соизволила обратить внимание на Эдди. – Тебе стоит принять ванну и собраться. Опаздывать нехорошо.

И опасно.

Кто знает, не закроется ли двери проклятого дома в полночь?

- А...

- Скажешь хоть слово, - мрачно произнесла Милисента. – Пришибу сама.

- Ч-чудесно выглядишь.

На ней было розовое платье. Очень розовое. Какое-то вот такое... особенно розовое, можно сказать. Причем розовость эта была пышною, воздушною, и казалось, что Милисента тонет в кружевной пучине. Даже захотелось спасти.

Её лицо было покрыто чем-то белым. И оттого казалось мертвенным, а эту мертвенность подчеркивали неестественно алые губы. Брови казались двумя тонкими ниточками, а на щеках горели ровные кругляши румянца.

- Это... что?

- Не волнуйся, маску я тоже надену, - проворчала Милисента и добавила тише. – С превеликим удовольствием.

На волосах её, собранную в какую-то башню из кучеряшек, возлежала шляпка. Шляпку украшали цветы и маленькие птички.

Чучела маленьких птичек.

Эдди ткнул в одно пальцем.

- Мне еще муфту предлагали. Из крыльев чайки.

- Это еще ничего. Помнится, когда я... готовилась к отбытию, в моду вошли насекомые, - поделилась матушка. – Жуков высушивали, покрывали лаком и нашивали на платья[1].

Эдди слегка замутило. Или это от голода?

- Ты иди, дорогой, - матушка поглядела с усмешкой. – Мода порой бывает... странна.

- Только побрякушек дай! Побольше. Для дела, - пояснила Милисента. – И солидности.

Собрался Эдди быстро. И да, возблагодарил богов, что отведенная ему роль не требует парадного костюма. Собственная одежда, вычищенная, была куда милее.

А вот золото на Милисенте смотрелось...

- Как-то слегка дисгармонирует, - заметила матушка, разглядывая массивное, в три пальца шириной – причем пальца Эдди – ожерелье, что змеей легло на шею. – Слишком оно... иное. Тут бы что-то с камушками...

С камушками тоже нашлось, легло чуть пониже, поэтому оставили два.

И по пятерке браслетов на каждую руку.

Перстни.

Пара золотых спиц, увенчанных массивными камнями. А ведь Эдди так и не дошел до нормального ювелира. И жаль, что остального вернуть не вышло. Из города он забрал куда как больше.

Маска у Милисенты тоже была розовой.

С перьями.

И камушками. А еще пахло от нее тяжелыми духами, но Чарльз ничего, выдержал, даже глаз не дернулся. Руку он подал.

- Выйдем... черным ходом, да и постараюсь, чтобы никто не заметил.

Оно и вправду, если наблюдают, то... слухи пойдут.

- Не стоит переживать, - матушка смахнула пылинку с жилета Эдди. – Пока леди в маске, леди как бы и нет. Даже если кто-то вдруг потом решит, будто он узнал леди в маске, всегда можно сказать, что он ошибся.

- И поверят?

Она слегка пожала плечами.

- Смотря кто скажет.

Экипаж был без гербов и с виду мало отличался от прочих, каковых на улицах города было много. Внутри правда пахло кожей и свежестью, да и четверка лошадей лоснилась.

- Проклятье, - Милисента поерзала на сиденье. – Чешется...

- Терпи.

- Терплю, - проворчала она. – Но желание отстрелить кому-то башку лишь крепнет.

И ни у одной её.

Дальше молчали. Ехать пришлось довольно долго. Эдди слушал, как грохочут колеса по мостовой, сжимал коробку с россыпью камней, которую доставили накануне, и думал, что все пойдет не так. Все всегда идет не так, как оно планируется. А потому пара револьверов, ножи, удавка и дудочка – не так уж и много.

Чарли тоже думал. И пальцами шевелил, словно разминая. Милисента молча пялилась в окно, правда, задернутое шторкой, а потому вряд ли она что-то за ним видела.

Вот экипаж остановился.

- Ну... пошли, что ли, - Эдди поднялся первым. – Чтоб их всех...

Эва дрожала. И от холода, и от нервов.

Она сама не знала, от чего больше.

Ей принесли шаль. Огромную, кружевную, из тонкой шерсти. Шаль была легкой, а еще неуволимо пахла пылью. И Эва куталась в нее, но... помогало слабо.

В комнате, куда её препроводили, было людно. Да и сама эта комната, лишенная окон, тесная и сырая, давила. Нервно дрожал огонек газового рожка, освещая заплесневелые стены. У одной стояла лавка, и на ней устроилось несколько девиц в нижних рубашках. Еще одна стояла в углу, молча, уставившись куда-то в стену. Эва тоже посмотрела, но не увидела ничего.

- Ишь ты, - рядом из темноты вынырнуло лицо. – Какая!

Девушку, пожалуй, можно было бы назвать красивой, если бы не темные редкие зубы. Она же вцепившись в шаль, дернула.

- Отдай!

- Тихо, - рывкнул кто-то, и серая фигура шевельнулась в углу. – Соблюдать порядок. Не драться.

Женщина. Широкая. Почти уродливая, с изрытым оспинами лицом и тяжелыми руками.

- А чего ей...

- Тихо! – рывкнула женщина снова. – Порядок. Кто нарушает, тот выбывает.

Возникло желание нарушить, но Эва удержалась. Надо держать себя в руках. Надо... успокоиться. Надо собраться с силами. Осталось недолго.

- Ничего, - прошипела девушка. – Еще повстречаемся... эй, мы туточки околеем! Хоть одеяло какое дайте! А то пойдем с соплями...

Одеяла принесли.

А еще воду в стеклянных бутылках, которые тотчас расхватили.

- Вот тебе! – перед лицом Эвы возник кукиш. – Кто успел, тот и съел!

- Напрашиваешься... - грозно сказала женщина в сером. – Сейчас Матушку Кэти кликну...

Матушка?

Смешно.

Эва отступила. Осмотрелась. Девушек в комнате было с дюжину. Много? Мало? Большая часть молчала. Кто-то плакал. И та, одна, буравила стену взглядом.

Что с ней?

Эва подошла поближе, но её снова схватили за руку.

- Не трожь, - предупредила все та же излишне любопытная девица. – У ней того...

- Мамочки... - всхлипнул кто-то рядом. – Мамочки...

- Тут свои мамочки.

- Как тебя зовут? – Эва поглядела на девицу.

- А чего?

- Меня – Эва, - Эва постаралась улыбнуться по-доброму. Матушка постоянно твердила, что добрая улыбка располагает людей к беседе. – Что с этой девушкой?

- Неска я. Агнесс, стало быть. Известно, чего. Успокоили её. Эликсирчиком. И вона... - Агнесс помахала перед лицом девушки рукой. Та не шелохнулась. – Давненько поять, она уже того... не сможет сама. Ну, может, оно и к лучшему. А ты, стало быть, из благородных?

Эва кивнула.

Странный разговор. Странное место. Странные люди. И... безумие. Совершеннейшее. А она – часть этого безумия.

- Ишь ты... - восхитилась Агнесс. И разом утратила интерес. Она была невысокой, щуплой и с какой-то неестественно огромной, выпирающей грудью, которая колыхалась под прозрачной тканью. – Ничего... и на тебя кто, глядишь, найдется. Только и вправду не буянь.

Агнесс отошла, чтобы спихнуть с лавки другую девицу. И та молча подчинилась.

Эва...

Осталась стоять.

И стояла долго, может, целую вечность, пока вновь не отворилась дверь, пропуская Кэти и... и кто это? Такой... такой странный?!

Не человек.

Совершенно точно не человек!

Темная кожа, даже, наверное, черная или скорее темно-темно серая, жаль, что света мало и оттенка не разглядеть. Светлые, почти белые волосы, заплетенные в косы. И острые черты лица, настолько нечеловеческие, что и смотреть-то на это лицо страшно.

Но Эва смотрит.

Разглядывает.

И решается сделать шаг. К Кэти.

Осторожно так.

И губы Кэти растягиваются в улыбке. Она поднимает вторую руку и тычет в Эву.

- Сюда иди.

И Эва подходит. А Кэти толкает существо к ней.

- На от. Приглянь. Он смирный, но кабы эти дуры с перепугу чего не утворили. Еще попортят, а он дорогой.

Он? Мальчик?

На нем тоже длинная, до пят, рубашка, сквозь которую просматриваются очертания тонкого тела.

- И ты гляди! – сказала Кэти уже женщине в серой. – Ежели чего, ты меня знаешь.

А после огляделась и вздохнула. Нервничает? Определенно. И... и понимание, что Кэти тоже нервничает, неожиданным образом успокоило Эву.

Все будет хорошо.

Ей ведь... обещали.

- Идем, - она потянула мальчика в угол. Сколько ему? Он высокий, почти с Эву ростом, но все равно ведь ребенок. – Как тебя зовут? Я – Эва...

- Отродье! – из сумрака вынырнула Агнесс. – Проклятое отродье!

- Тихо, - попыталась успокоить её Эва. И мальчишку дернула, чтобы за спину встал. – Просто ребенок.

- Отродье!

- Ребенок. Обыкновенный. Выглядит иначе и только.

- Все они твари! И господь велел, чтобы мир людям отдали! А они не отдали! И с того прокляты! – глаза Агнесс нехорошо прищурились. – Истреблены они будут во славу человечию...

Эва покачала головой, а потом указала на дверь. И на женщину, что стояла у нее, наблюдая.

- Хочешь, чтобы тебя выкинули? Или еще чего? Сказано же, дорогой.

Аргумент подействовал, и Агнесс отползла. Остальные и без того сгрудились подальше, будто опасаясь, что хрупкое это дитя – а рука, за которую держалась Агнесс была на удивление тонкой – навредит им. Вот ведь...

- Не бойся, - Эва не знала, что еще сказать. – Пойдем. Сядем куда, что ли...

У стены лежала солома, и если сгрести её в кучу, то можно и устроится.

- Садись.

Мальчик подчинился. Правда, на Эву он так и не посмотрел. Взгляд его блуждал по комнате, и казалось, он не понимает, где находится.

Эва опустилась рядом.

И... что дальше? Ждать? Она устала ждать. И надеяться тоже. И... и просто набросила край шали на паренька. А то вон, дрожит. Пытается сдержать дрожь, но все равно.

- Сиди, - сказала она строго, прям как матушка почти. – Вдвоем теплее.

Сиу чуть наклонил голову.

- Эва, - повторила Эва. – Меня зовут Эва... не важно, откуда. А ты?

Молчание.

Пускай себе. Не больно-то хотелось. Но тишина раздражала. И всхлипы. И кто-то, кажется, бормотал молитву, но разве поможет молитва? В таком-то месте. Нет... надо представить, что все уже закончилось.

Торги.

И Берти выкупил бестолковую свою сестру. Забрал. Увез домой. И... и мама плачет, а еще выговаривает Эву за глупость. Но главное, она рядом. И отец, наверняка, хмурый, суровый, но он тоже рад. Берти... представлялось все живо, до того, что на глаза навернулись слезы.

И Эва зажмурилась.

- Ним, - тихий голос-шелест раздался рядом. – Хозяин называл. Ним.

- Спасибо, - наверное, если говорить, станет легче. Ему ведь тоже... страшно? – Ты действительно сиу? Извини, если это неуместно. Я никогда не могла понять, что уместно, а что нет. И мама всегда пеняла... но я не видела сиу. В прошлом году, говорили, привозили большую выставку. На три недели.

Она все-таки шмыгнула носом, но справилась.

- И мне Энн, это подруга моя, рассказывала... она ходила с сестрами и матушкой, а моя вот отказалась. Говорила, что так – не по-божески... там были сиу. Чучело. И еще орки, но вроде бы без чучел, так, сами по себе. И люди с черной кожей, но их я и так видела. Их много. Привозят из Африки со слоновой костью. Отцу предлагали купить, но зачем, если у нас плантаций нет. И матушка тоже против была. Говорила, что ей дома и обычных служанок хватает. Китайцы еще точно были. И с дальнего Севера. Энн говорила, что у них лица плоские, а глаза узкие, такие, будто щелочки. А кожа темная-темная, но не черная совсем. Индийцы... представляешь, у них, когда муж умирает, жену тоже сжигают. Жуть какая.

Её слушали.

И не только мальчишка, который сидел тихо-тихо, но хотя бы как-то согрелся, во всяком случае, уже не было ощущения, что рядом с Эвой ледышка.

- А ежели жена? – уточнила Агнесс.

- Тогда муж берет другую жену.

Точно Эва не знала, но что-то ей подсказывало, что поверят и так.

- Нечестно выходит, - сказал кто-то.

- Можно подумать, у нас иначе... мужикам-то все можно, а бабе и чихнуть лишнего разу попробуй. Вона, батя мой чуть чего сразу за палку брался, так мамку и зашиб. А судья сказал, что сама виноватая, что мужу перечила. И штраф дал[2]. Откудова штраф платить? Вот батя меня и запродавал.

Сердце болезненно сжалось. Не должно так быть! Не должно... вот вернется Эва домой и отцу все расскажет. Он ведь в Совете. И голос имеет. И пусть тоже расскажет остальным, чтобы закон приняли. Они ведь потому в совете сидят, чтобы всякие законы выдумывать.

- А я сама ушла, - очень тихо произнесла девушка с длинными, почти в пол, волосами. Эти волосы лежали на плечах рыжим покрывалом. – Матушка всю жизнь работала и рожала. Работала и рожала. Вся высохла. И померла. А отец сразу, почитай, другую в дом привел. Помоложе...

- Злую?

- Нет. Тихая она. Сирота. Небось, другая не пошла бы. Он её палкой бьет. И читает Писание, что жена мужа уважать должна. А сам ко мне полез одного раза. Я и подумала, что чем такое, лучше найти кого... но кого ты найдешь в нашей деревне? И сбежала.

Все замолчали. И кто-то опустился рядом, прижался к Эве.

- Господь не оставит детей своих, - уверенно произнесла очень красивая девушка. – Он любит всех, и оступившихся, и павших... надо лишь покаяться.

Мальчишка вздрогнул, и Эва поспешно погладила его по руке, успокаивая.

- Тю, нам-то в чем каяться?

- В мыслях дурных. В неверии. В сомнениях, что душу обуревают.

- Да какие тут сомнения! – фыркнула Агнес, подбираясь поближе. И мальчишку толкнула. – Тесней садись. Так оно получше... у меня семеро сестер. Бате надолго хватит, за меня ему вона, два золотых дали. А у младших и зубы целые. Только одна дурковатая, но это потому, что он по пьяни поленом в нее кинул.

- Помолимся...

- Вот не надо!

Они тихо переругивались, и было что-то успокаивающее. А еще вместе и вправду теплее... хорошо бы, чтобы Берти их всех выкупил. А потом бы передал матушке, она входит в Попечительский совет. И в приюте для падших девиц нашлось бы место Агнесс. И остальным. Даже если они не совсем еще павшие.

Рядом мелко и нервно дрожал мальчишка. Но руки не убирал. Наоборот, неестественно тонкие пальцы сами вцепились в рукав Эвы.

[1] Тоже вполне реальный факт. Как и муфта из крыльев чайки. И чучело кошечки на шляпке.

[2] Вполне обычная судебная практика

Глава 25 Где аукцион начинается

Глава 25 Где аукцион начинается

Голова чесалась просто-таки неимоверно. И я с трудом удерживалась, чтобы не поскрестись. А еще раздражали волосы, покрытые какой-то штукой, из-за которой они сделались твердыми, что у твоей статуи.

Корсет давил на ребра.

И я бы от него отказалась, но платье без него садилось как-то не так, и матушка велела не выкобениваться. Нет, сказала она иначе, но смысл один.

Платье...

Розовое, пышное такое... раздражающее этими вот оборочками да кружавчиками. Я себя давно уже такой дурой не ощущала. Но ничего, это же ж для дела.

Из кареты я почти вывалилась, благо, Чарли поймал.

- Ты как?

- Спасибо, хреново, - честно ответила я. – Ненавижу розовое!

Он почему-то улыбнулся. И... и на нем тоже маска, черная, атласная, прикрывающая верхнюю половину лица. Моя же розовая и с перышками.

Эдди просто рожу пострашнее соорудил и глядит исподлобья. А еще руку на револьвер положил, выразительно так. И за спиной поблескивает хорошо знакомая мне пушка. Ну, чтобы с первого взгляда было ясно, что сопровождает Чарли человек серьезный, к делу подходящий со всею ответственностью.

Я же приобняла мужа за шею и хихикнула погромче...

Мы стояли на ступенях.

Некогда мраморные, они поистерлись, покрылись сетью трещин и даже обзавелись десятком-другим сколов. Ступени вели к дому, который разглядеть почему-то не получалось, хотя я и с одной стороны, и с другой, и с прищуром.

Но вот поди ж ты...

Защита, стало быть.

Поднимался первым Чарли. И я с ним, почти повисшая на плече. Шлюхи Бетти всегда так делали, еще и в ухо клиенту норовили подышать, уж не знаю, для чего, но говорили, что мужики это страсть до чего любят.

Эдди третьим.

Дверь... отворилась сама.

- Добро пожаловать, - возвестил господин в престранном черном наряде. Бархатная куртка его топорщилась на плечах. Рукава были перехвачены узорчатыми ленточками, а сквозь разрезы на них выглядывало белое полотно. Шею обнимал воротник, кружевной и огромный, с тележное колесо. Куртка заканчивалась над штанами, похожими на два пузыря из ткани. Из пузырей торчали ноги в гладких белых чулках. Длинноносые туфли сияли драгоценными камнями. А на голове возлежал парик.

- Охренеть! – сказала я вполне искренне и громко. И даже в ладоши хлопнула.

Мужик и глазом не повел.

- Ваше приглашение...

Чарли молча протянул карточку.

- Дама со мной. И сопровождение.

- Несомненно, - легкий поклон. И в руках человека появляется ящик. – Поскольку вы у нас впервые, возьму на себя труд рассказать о правилах, принятых в нашем клубе.

- Буду премного благодарен.

На ящик легла золотая монета, которая исчезла в широком рукаве. А из него еще кружевной манжет торчал. И кружево было украшено драгоценной нитью.

- Основное и главное правило – анонимность. Я вижу, что вы подошли к тому ответственно, но... той маски, что на вас, недостаточно. И клуб берет на себя заботу...

Крышка поднялась.

И коробка встала на маленький столик. А в руках этого... распорядителя? Да, пожалуй, что распорядителя, возникла маска с длинным клювом и черным полотном, которое ложилось сзади, прикрывая не только голову, но и плечи.

- Это...

- Легкие чары, которые позволяют защитить от... лишнего внимания. Прошу.

Чарли молча снял одну маску и нацепил другую. Эта надевалась на голову. Я аккуратно расправила складки сзади и сбоку.

- Красавчик!

Не приведите боги такого во сне увидеть. Этак и помрешь с перепугу.

- А леди...

- Несомненно, но... приглашены лишь вы. А потому анонимность сопровождения...

- Сколько?

- Двадцать.

Чарли молча выложил монеты, и мне протянули булавку с цветочком.

- Рассеивает внимание, - пояснил распорядитель. – И все же позволяет дамам оставаться прелестными, как утренние цветы... что касается господина, то...

- Он со мной, - капризно произнес Чарли. – Или думаете, я сам все тащить буду?

- Нет, что вы... просто оружие... правила таковы, что оружие должно остаться здесь. Прошу.

Он сдвинул шторку, за которой обнаружился высоченный шкаф со множеством маленьких дверец. И распорядитель открыл одну.

- Ваши револьверы... и ружье в том числе. В клубе безопасно.

Эдди молча протянул пару револьверов.

И ружье.

Я промолчала. В конце концов, у меня никто не спрашивал. А булавочка – ничего... симпатичненькая.

- Чудесно... - распорядитель всплеснул руками. А перчаточки у него белые. – Прошу... вас. Аукцион начнется через час. У вас будет время осмотреться. И отдохнуть. В нашем клубе вы окунетесь в удивительную атмосферу покоя...

- Благодарю, - Чарли чуть склонил голову. Нет, ну чисто ворон. – Может быть вы, как человек опытный, дадите несколько советов?

И снова монетки выложил, которые нашли пристанище в рукавах. Этак мы до торгов не дотянем, все рассыплем раньше.

- Всегда рад помочь понимающему человеку. Смотрите, черные маски – для кандидатов, допущенных к торгам. У членов клуба – белые. И не стоит подходить к ним первыми. Поприветствовать – да, но заговаривать стоит лишь когда заговорят с вами. Это касается в том числе и дам, и сопровождения. Исключение – девушки с белыми лентами. Они являются собственностью клуба, и если кто-то глянется...

Я с трудом удержалась, чтобы не двинуть под ребра. Только пусть попробует.

- ...вы можете назначить встречу. После аукциона... или вместо.

- А с аукционом?

- Все просто. Вас пригласят. Места зарезервированы для вас и дамы. Ваш... сопровождающий постоит.

Постоит.

- Торги проходят на повышение. Оплата сразу. Принимается золото. Камни. Для оценки при клубе имеется ювелир. Или же владельцу лота, если таковой присутствует, может быть предложен обмен.

- Артефакты?

- В том числе. Оценка на месте. Или возможен вариант, когда вещь оставляется в залог клубу с последующим выкупом. Или отторжением в собственность клуба при отсутствии выкупа.

Чарли чуть склонил голову.

- Благодарю.

- Хорошего вам вечера.

И мы пошли.

Пошли мы... в доме пахло затхлостью. И главное, запах такой вот, едва уловимый. Он вплетался в аромат цветов, которыми наполнили огромные фарфоровые вазы.

Сиял хрусталь огромной люстры.

Блестела позолота. И не оставляло ощущение, что все это – не настоящее.

Красная дорожка.

Лестница. И еще один человек в том же смешном костюме. Он кланяется и указывает на дверь. Идем к ней. Дверь распаивается, и мы оказываемся в просторном зале, полном людей. Черные костюмы. Маски. И пестрые платья девиц, что держались мужчин в костюмах.

Маски белые.

Маски черные.

Черных совсем мало. Шестеро и то, если с Чарльзом. Он держит меня за руку, а я невольно жмусь к нему. На нас смотрят. На него. На меня. И от взглядов этих, от масок мне не по себе. Ощущение, словно попала на какой-то вороний праздник.

- Доброго дня, - стоящий рядом господин в белой маске снова кланяется. И Чарли повторяет за ним. Я неловко приседаю. – Впервые у нас?

- Да.

- Думаю, вам понравится... Эни! – он взмахнул рукой. – Будь добра... покажи молодому человеку клуб. И даме, несомненно... вы просто очаровательны, милая леди.

Насмешку он и не подумал скрыть.

А я чего... леди? Пусть будет леди.

- Я старалась! – пискнула я и крутанулась. – Вон какое платье!

- Просто прелестное! Как и вы... вам очень идет этот розовый цвет.

И главное, врет, что дышит. Хоть лица за маскою и не видать. Но на меня пялится, я это шкурой чувствую. И не только я. Чарли вон нахмурился, подхватил под руку, а я послушно повисла на его плече, придурочно похихикивая. Вот не знаю, отчего, но шлюшки Бетти всегда хихикали. То ли нервное оно, то ли смысл какой тайный в этом хихиканье заложен. Но постараюсь не посрамить чужую профессию.

Мне сунули в руку бокал с каким-то пойлом. Я сделала вид, что пью, и оглянулась. Надо будет подойти поближе к вон той вазе с цветочками. Удобненько стоит. Прямо для того, чтоб это душистое – а аромат просто слезу выбивал – пойло вылить.

И приличные с виду люди!

Этакой дряни даже в нашем трактире не было.

Чарли тоже бокалом обзавелся. И мы пошли по кругу. Улыбаясь. Раскланиваясь. Точнее раскланивался он, а улыбалась я. Во всю ширь рта. Аж щеки заболели. И хихикала. И еще буравила взглядом девиц в полупрозрачных нарядах. Девицы порхали по залу и порой подпархивали слишком уж близко.

Ленточки на них имелись.

На шеях.

Чарли от девиц отмахивался, меня прижимал тесно, будто опасаясь, что потеряюсь. Ну и все это действие изрядно давило на нервы.

Изредка с нами здоровались, но и только. В основном-то держались в стороне. Глядели. Да. Оценивающе так...

Пускай.

Наконец где-то в глубинах дома ударил колокол. Звук вышел низким, рокошущим, пробирающим до самых костей. Я даже вздрогнула. А Чарли остановился и пристроил пустой стакан – ваз в зале было множество – на поднос.

- Начинается, - сказал он, хотя я и сама-то сообразил. Но кивнула. И на Эдди покосилась, который все это время ходил за нами с видом равнодушно-отстраненным. Кстати, из сопровождающих тут был лишь он и еще один смурной тип с рожей висельника.

И главное, по глазам видно, чего он обо всем этом думает. Но в руках его саквояж весьма внушительных размеров. А на поясе кобура осталась. Пустая.

Но готова душу заложить, что оружие он сдал не все.

Да и правильно. Кто ж на такие мероприятия да без оружия ходит-то?

Второй удар колокола и золоченые двери распахнулись.

- Прошу вас, господа! – возвестил очередной слугитель, кланяясь. У этого парик был мелким барашком, и спускался еще двумя длиннющими полосами, из-за чего напудренное лицо терялось в тени.

Я сделала шаг, но Чарльз придержал.

- Первыми входят члены клуба.

- Приятно видеть столь понимающего молодого человека, - господин в маске, очередной, чтоб его, кивнул. За его спиной держалась бледная девушка в синем платье. Довольно дорогое, если я что-то понимаю. И украшения не из дешевых. Но сама она какая-то... не знаю.

Смотрит в пол.

Молчит.

И двигается, словно не понимая, где она и что происходит.

- Благодарю, - ответил Чарли.

- К слову... иногда можно обратиться к клубу за кредитом, - заметил тот же господин, глядя на то, как тонкой змеей вползает в

ворота очередь.

И сразу видно – воспитанные люди.

Ни тебе ругани, ни пихания локтями, одни лишь кивки вежливые да расшаркивания. Только почему-то не оставляет чувство, что, если поймут они, кой ляд мы тут, то и убивать станут столь же вежливо. С кивками да расшаркиваниями.

- Боюсь, я лишь гость...

- При наличии рекомендаций от двух... постоянных членов клуба, вы вполне можете получить кредит доверия.

- Надеюсь, прибегать не придется.

- О, как знать... порой здесь выставляют удивительные вещи. Леди, вам несказанно идет это платье! Если надумаете сменить покровителя, я с радостью помогу...

Я нервно хихикнула и спряталась за Чарльза.

- Не обижайтесь. Всегда интересны новые люди, новые лица... прошу. Эдна, не отставай... хорошая девочка. Послушная. Знает, как угодить господину. Можем обменяться.

Я толкнула Чарльза в бок. Он поморщился.

- Я... признаться, люблю сам процесс... воспитания.

- Я подумую.

Подумает?! Так, спокойно, Милли. Он отвечает то, что от него хотят слышать.

- Вот и замечательно. Прошу прощения... и да, все самое интересное начнется во второй секции. В первой же рекомендую обратить внимание на третий лот. Недорого и подарок хороший. Дама оценит.

И ушел.

Что-то мне от этого господина прямо похолодело. И пот по спине бежит ручейками. Но держусь. Вот и наш черед. Распорядитель кланяется и протягивает Чарльзу табличку с номером.

Шестьдесят шесть.

Плохая примета... и идем. Наше место на самом верху, далековато от сцены. Зал невелик. Четверть его занимает сама сцена, освещенная газовыми рожками. Остальное – ряды кресел. Там, впереди, широкие, мягкие. С подлокотниками, столиками, на которых стоят бутылки и стаканы, и еще что-то – не разглядеть. А вот наши – поменьше, жестче.

И никаких бутылок на столике.

А вот сами кресла стоят будто в стороне и от тех, что спереди, и от тех, которые по бокам. И я вижу, что те, другие, в черных масках, тоже заняли места.

И девицы.

И...

Третий удар колокола ударил по нервам. Что ж они громко-то так! Или глухих в клубе хватает? А на сцене появилась женщина.

Издали сложно разглядеть было, только вот платье и маску, на сей раз расчерченную черными и белыми полосами, которые, казалось, ползли. И платье тоже было в полосах. И сама она казалась ненастоящею.

- Добро пожаловать, - раздался хриплый какой-то металлический голос. – Мы рады приветствовать благородных господ на десятом аукционе...

Она говорила что-то еще. А я... я пыталась справиться с силой, которая вдруг ожила, пришла в движение, грозя выплеснуться огненной волной.

Дышать.

Вдох. И выдох. И успокоится. И... и мне не нравится эта женщина. Мне не нравится это место. Мне не нравится господин в белой маске. Единственный, кто смотрел не на сцену, а на меня.

И этот жадный взгляд я ощущала остро.

Снова колокол.

И даму сменил очередной ряженный. Он поклонился, мазнув пол крылом плаща.

- Представляю вам первый лот. Серьги с бирюзой и кораллами работы известного мастера...

Отпустило.

И выдохнув, я откинулась на спинку кресла. Глянула на стол. Воды бы сейчас. Или лимонада. Или даже той шипучей гадости. В горле пересохло так, что язык к нёбу прилип.

- Милли? – Эдди склонился надо мной. – Ты как?

- Хреново, - честно ответила я. – Этот тип мне не нравится.

- Опасный человек, - согласился Чарльз, подняв табличку. Нам что, серьги нужны? Впрочем, ставку весьма быстро перебили.

- Знаешь?

- Нет. Скорее ощущение такое, что мы встречались, но... где и когда? И голос тоже не знаком. Но маг он сильный, хотя и скрывается. Только я сейчас почему-то силу все одно чувствую. Странно...

Серьги ушли за полторы сотни золотом.

Охренеть просто.

Глава 26 Где аукцион продолжается

Глава 26 Где аукцион продолжается

Они сидели. Сперва говорили и даже спорили. Кто-то снова начинал плакать, но скоро замолкал, и тогда воцарялась напряженная нервная тишина. Она была совершенно невыносима. А еще вода закончилась. И Эва хотела было попросить женщину в сером, но Агнесс покачала головой.

- Не дадут, - сказала она.

- Почему?

- Сперва пить, потом сцать, - её речь была совершенно ужасна. – Провоняемся. А еще какая дура потом при всех, на сцене... позор же ж.

Само это действие – позор. Но Эва промолчала.

- И пожрать тоже не дадут. Потому как у иных живот прихватить может с нервов. Вот выведешь ты красавицу на торги, а она перданет и обделается вся.

- Боже, эта девица ужасна...

- На себя погляди, - огрызнулась Агнесс. – Тоже мне праведница...

- Я молюсь о защите.

- Вот и получишь. Сперва защитит, потом утешит, а там и оглянуться не успеешь, как счет этим защитникам потеряешь. Ну да... может, оно и не так плохо.

Агнесс закрыла глаза и поскреблась, но тут же спохватилась. Небось, вшивые красавицы не нужны были.

- Это старое, - поспешила оправдаться она. – Меня, как привезли, так в тот же день выкупали. И еще намазали какой-то дрянью. А все одно свербит... а чего, так ведь подумай сама. Ну... пойду я замуж. Будет муж пить, как папашка мой, юбку задирать станет, детишек делать. А еще на улицу погонит, чтоб тоже этим самым занималась... [1] а тут поживу по-людски, сколько выпадет. Господа-то пристойные. В доме поселят. Хорошем. Платьев купят. Кормить станут, может, даже два раза в день.

Она сглотнула.

- А там, ежели забрюхатею, то и, боженька даст, признает ребеночка. Я слыхала, что порой у них тяжело с этим. У ледей-то не забалуешь, одного выродят и все...

Дверь приоткрылась.

- Первый, второй и третий...

Девушка с конопатеньким личиком вскочила, заозиралась.

- Не бойся, - сказала ей Агнес. – И плакать не вздумай. Ежели никто не купит, то точно в веселый дом пропадешь. А там... там долго не живут.

Еще одну девицу, ту самую, которая пялилась в стену, просто вывели. И за ней выдернули третью, что пыталась спрятаться. Ей и затрещину отвесили.

- Сперва завсегда берут тех, которые попроще, за которых много не выручить.

- А то ты знаешь, - не удержался кто-то.

К Эве прижималась дрожащая девушка. И было её жаль. Всех их. И себя тоже.

- Знаю. Папашка-то... он же ж тоже... - Агнесс скривилась. – Соседка у нас была. Есть. Из этих, которые сводни. Каждый день на вокзалу хаживала, искала тех, чтоб поглаже да посмазливей. Из деревни какой. Врала, что на службу примет, ну и... это она как-то папеньке по пьяному делу сболтнула.

Эва осторожно погладила тонкую руку мальчишки, который так и сидел, сжавшись в комок, прислонившись к Эве.

Надо будет сказать брату, чтобы... чтобы и его выкупил. Или нашел... или сделал хоть что-то! Можно ведь сделать хоть что-то!

- Ну а потом, когда штрафу дали, то сама к нам заявила...

Она вздохнула.

- Сказала, что я крепкая. И красивая. И девка еще... проверяла. Сказала, что зубов нет, так это хреново, конечно, но вот ежели постараюсь, то все-то будет. Заботлала... а то бы сбегла. Вот я и тут...

- Мамочки родные...

- Забудь уже про мамочек.

- Агнесс, - тихо спросила Эва. – А почему ты просто работать не пошла?

- Тю... куда? В горничные? Кто меня с такою рожей возьмет-то? Да без этих... рекомендаций. И без платьев. Платья же ж купить

надо[2]. И туфли. Да и не умею я... руки... вона, три дня их полоскали, терли, едва ль не до крови, а все одно. У них же ж гладенькие... мамка, пока жива была, шила. После уж глаза подводить стали. Тогда не шила, а стирала... я же ж хилая. Силенок мало, чтоб хорошо выстирать. Пробовала разок, так после еще мокрым и по морде дали, мол, мало не испортила. Папаня на фабрику водил. Там пылища, грязища, я кашлять начала через три дня. Ну и погнали, навроде как, чахоточная, но я же ж здоровая.

Агнесс замолчала.

И стало совсем тошно. Она, Эва... она ведь просто жила. И думала, что жизнь её плоха. Матушкины упреки. Запреты. Вечное напоминание о долге. И обида, когда её оставляли без сладкого.

Господи, какой же она была... дурой!

Девушки уходили.

Одна за другой.

Одна за...

Уходили за дверь и чем меньше их становилось, тем сильнее прижимались друг к другу оставшиеся.

Если Эва выберется отсюда – а она уже почти не верила, что выбраться получится – она обязательно сделает все возможное, чтобы... чтобы помочь им. Таким вот девушкам. Найти... или хотя бы не допустить, чтобы подобное повторилось.

Правда, как это сделать, Эва не знала.

Агнесс поднялась сама. Молча.

Рубаху расправила. И подмигнула.

- Ничего, благор-р-родная, - сказала она, - вот увидишь, купит меня хороший человек...

- Обязательно, - на глаза навернулись слезы. – И поселит в большом светлом доме... и кормить тебя будут три раза в день.

- Ну это уже совсем роскошество...

И ушла.

Осталось три девушки. И она с сию, который все так же молчал, но опять дрожал мелко-мелко.

А девушки молчали. Тишина эта была настолько невыносима, что хотелось кричать, громко, так, чтобы крик прорвался сквозь камень стен, чтобы сами эти стены рассыпались. И дом, такой большой, такой равнодушный, терпящий все вот это, тоже развалился.

И...

Холодные пальцы сдавили запястье.

- Злость надо прятать, - сказал сиу, приложив ладонь ко впалой груди. – Мама говорила.

И этого хватило, пусть не успокоится, Эва сомневалась, что вообще сможет вернуть спокойствие, но вот контроль над собой – вполне.

Вот и пригодилось.

Леди будет контролировать себя... в любых обстоятельствах. Правда, вряд ли матушка имела в виду такие вот обстоятельства.

- Спасибо. Ты хорошо говоришь. Я думала, что у сиу свой язык.

- Да, - он чуть склонил голову. – Я рос среди людей. Мама – сиу.

- А она...

- Осталась. Далеко. Отец забрал. Сказал, мешаю. Ей. Работать. Привез. Продал.

- Сволочь, - Эва произнесла это искренне. – Извини.

- Я убью его, - спокойно произнес мальчишка. – Вырасту. Найду. И убью.

- Хороший план.

- Мешает, - он сунул палец под тонкую полоску ошейника, которую Эва заметила только теперь. – Хозяин... сильный. Но и слабый.

- Как такое возможно?

Забрали еще двоих. Оставшаяся девушка демонстративно пересела на лавку и принялась пальцами расчесывать волосы. Волосы у нее были роскошные – густые и какого-то совершенно удивительного оттенка. Живое золото.

- Сильный. Маг. Слабый тут, - сиу опять положил ладонь на грудь. – Пить. Много.

- Магам пить нельзя!

Сиу кивнул.

А девица продолжала чесать волосы. Она была красива. Куда красивее Эвы и почему-то это задевало. Или нет?

- Играть. Дышать дурную траву, - он все-таки волновался, этот мальчик с серой, будто пеплом припорошенной кожей, и поэтому сбивался.

И даже сказал пару слов на каком-то незнакомом, шипящем языке.

- Проиграть. Злиться. Сильно. Говорить, что я виноват.

- Ты не виноват, - Эва погладила мальчишку по руке. А он вдруг вывернулся, и оказалось, что Эва смотрит в раскосые узкие глаза. Недобрые глаза.

- Ты не боиш-ш-шься? – спросил он.

- Нет, - ответила Эва.

- С-совсем? – его голос стал ниже.

- Тварь! – взвизгнула девица. – Эта тварь сейчас тебя поуродует! А потом смолкла и фыркнула.

- Сама виновата будешь.

- От дуры и слышу, - проворчала Эва и дернула мальчишку за руку. – Успокойся уже. Чего тебя бояться? Ты же ребенок.

- Я сиу.

- И что?

- Моя мать, - он прижал раскрытую ладонь к груди. – Говорила, что сиу вырезают сердца белым людям.

- Да? – Эва поерзала. – Честно?

- Не знаю, - мальчишка как-то вдруг успокоился. – Я не пробовать.

- Пробовал.

- Нет!

- Правильно говорить «не пробовал» или «я не пробовал». Ты просто маленький еще.

- Вырасту, найду отца и вырежу ему сердце.

Эва вздохнула. Хоть какая-то цель в жизни. Сомнительная несколько. И матушкин священник сказал бы, что нужно прощать, но... но как простить того, кто предал? Вот если взять Стефано, она же... она его любила. И поверила. И... и теперь вот сидит в каком-то подвале, ждет, когда её продадут, надеясь, что тот, кто купит, приведет к брату.

Или брат купит.

Или...

Не о том речь. А о Стефано. Эва вырезала бы ему сердце?

- Я так не смогу, - честно сказала Эва. И вздохнула. – Он подлец...

- Твой отец?

- Нет, мой отец хороший... очень хороший человек. И матушка тоже. Она иногда надоедала поучениями. И... и я не очень её радовала. Но они хорошие. Это я глупая. Сбежала. С... одним человеком.

Думала, мы поженимся и будем жить вместе. Счастливо. А теперь вот... но я не смогла бы вырезать ему сердце.

- Я могу, - предложил сиу.

- Да... не уверена, что вообще его увижу. А если вытащат, то отец сам справится. Нет, нет. Он не сердце будет вырезать, а... он некромант. Знаешь, что это такое?

- Как сиу. Мертвых говорить. Звать. Видеть сокрытое.

- Видеть сокрытое и я могу...

Скрипнула дверь. И девица поднялась.

- Дура, - сказала она, глянув на Эву свысока.

- И тебе удачных торгов.

Та фыркнула.

- Добрая. Слабая, - сиу глядел с печалью. – Если... я выберься.

Найти тебя. Найти и спасти. Долг.

- Какой?

- Ты не бояться. И дать. Вот.

Он приподнял шаль.

- Глупость, - отмахнулась Эва. – Да и не мое это. К тому же вдвоем теплее... а расскажи о сиу, пожалуйста?

На нее поглядели с откровенной жалостью.

- Если я буду просто сидеть, - пришлось объяснять. – В голову придет очередная глупость. А... а оно мне надо?

Эдди не нравилось в этом месте. И пусть снаружи дом вполне соответствовал описанию девчонки, но изнутри он сиял.

Золотом.

Роскошью. Богатством.

Откуда вдруг взялось?

И эти ряженые с ледяными глазами, что улыбаются, кланяются, но если нужда выпадет, то и по горлу полоснут с тою же улыбочкой.

Серьезные люди.

И те, что в зале собрались, укрывшись за масками, тоже серьезные. Благородные. Тут и лиц не надобно, по повадкам видать.

Сволочи.

Внутри закипала ярость. А это плохо. Ярость туманила разум, голова же, чуял Эдди, нужнее, чем кофр с драгоценными камнями.

Еще его изучали.

Исподволь. Пристально. Он чувствовал спиной внимательный взгляд. И даже сумел определить, чей – того типа в сером костюме, который притворялся сопровождающим. Может, кто другой и поверил бы, но не Эдди. Слишком уж вольно, слишком уверенно держался он.

И знаком подозвал того, который в маске.

Хозяина?

Как бы не так. Скорее уж наоборот.

Сказал что-то. Поклонился, изображая покорность. Отступил. И исчез где-то в коридоре, хотя когда Эдди к коридору сунулся, перед ним мигом возник человечек в костюмчике и парике.

- Чем могу помочь?

И улыбка такая счастливая, будто ночь не спал, гадая, чем же Эдди угодить.

- Нужник есть? – хриловатым голосом поинтересовался Эдди. – А то приспичило.

- Несомненно...

- До аукциону управлюся? А то хозяин недоволен будет.

- Конечно. Позвольте вас проводить...

Тянуло поинтересоваться, а в нужнике он тоже прислуживать станет, но Эдди промолчал. Двинулся следом, громко топая и головою крутить не забывал.

- Эх тут... - пробурчал он, протискиваясь в узком коридорчике мимо полотна с голой бабой. Баба была толстой и белой, а еще выписана с немалою любовью. – Красиво...

- Мы стараемся поддерживать дух места... - тотчас отозвался ряженный и на дверь указал. – Прошу.

А сам перед дверью остался.

Приглядывать?

Ну да, кто ж чужаков в этаким-то месте без пригляда оставит.

В зал Эдди вернулся аккуратно за минуту до того, как дверь распахнулась.

Аукцион...

Ничего-то нового.

Сцена. Распорядитель с крепкою глоткой. Люди... или не люди? В этих масках клювастых, в черных костюмах, похожи они на белоголовых воронов. То еще уродство.

Аукцион же... сережки, ожерелье. Пара браслетов. Корни змееголовника, который у Эдди принимали по три золотых за унцию, а тут ушли за полторы сотни. И даже обидно стало. Это ж как безбожно его обирали?

После стало веселее.

На сцене появился артефакт, больше похожий на обломанный коровий рог, который зачем-то обернули золотой проволокой. Эдди таких не видывал, а вот Чарли явно знал, что за оно, потому как аж вперед подался.

- Если все деньги спустишь... - Милли поглядела выразительно.

- Это запрещенная вещь!

- Можно подумать, остальное тут разрешенное и глубоко законное, - философски отозвалась сестрица.

Торговались за этот обломок долго.

Он сменился пирамидкою, которую Эдди узнал и с трудом удержался, чтобы не выругаться вслух. Это ж надо удумать... Огненный шторм, запертый в игрушке, способный смести с земли небольшой городишко. А ведь считалось, что такие-то штуки в прошлом остались, вместе с магами, способными сотворить их.

И вправду, не то, что незаконно. Это охренеть до чего незаконно.

- Спокойно, - он положил руку на плечо Чарльза, который фиговинку тоже узнал. – Думай о деле. Все одно не хватит денег, чтобы все скупить.

Да и бесполезно, если подумать.

Сколько таких аукционов было? И сколько еще будет? Нет, тут иначе надо. Надо искать того ублюдка или ублюдков, которые все это дело придумали. А ведь и вправду кто-то да стоит, что за торгами этими, что за... Эдди задумался.

Если думать, отрешившись от веселых или не особо криков, которые раздавались то тут, то там, выходило, что Змееныш – это так... случай. Удачный или не особо.

Заговор?

Не сам бы он додумался. Он, если так, особым умом не отличался. Власть? Да, любил. И девок, особенно, когда дар раскрылся. А вот чтобы что-то поглобальнее... нет, тут корни, на Востоке, тут те, кто на Змееныша внимание обратил.

Обогрел.

Вложил в голову нужные мысли... а теперь Змееныша нет. Змееныша нет, а вот хитрые штуки из прошлых эпох остались, выходит.

И клуб этот... наверняка существовал задолго до появления Змееныша на свет.

А значит...

- ...редчайшая возможность приобрести в личное владение... - голос распорядителя спугнул мысль, и Эдди поморщился. Все-таки тут душновато.

И пахнет цветами, духами.

Людьми.

И все это на нервы действует, рука сама к дудочке тянется. А что? Сыграть. Зачаровать. Лишить воли, как дед умел... то есть, говорят, что умел, но Эдди сам не видел.

Только... получился ли?

А если нет? Что тогда? Выведут? Или сразу пристрелят? Там, где подобные игрушки на кону, - а огненный шторм ушел за двадцать тысяч золотом – церемониться не станут. И добры был бы Эдди один, он бы рискнул. Но... Чарли.

Милисента.

И эта, косматая неудачница, которая где-то там прячется.

На сцену вывели девицу.

- Молода. Здорова. Крепка. Разум её полностью готов принять волю господина, - надрывался распорядитель. А Чарльз сжал кулаки.

- Спокойно, - повторил Эдди.

- Что... с ней? – Милисента говорила тихо.

- Опоили. Какое-нибудь зелье... их хватает. Или обыкновенный опиум. Девчонка не жилец.

Сказал и пожалел. Надо было молчать.

- Как?

- А кому нужна любовница, которая не в себе? В лучшем случае поиграются и отдадут куда в бордель. Там половина таких, на опиуме... за него и будет работать.

- А в худшем?

- Тебе оно надо? – Эдди выдержал взгляд Чарльза. – Всех не спасти.

Это он еще когда понял. И все одно тошнота поднялась к горлу. Восток. Цивилизация. Как же... а они там, а границе, дикари и варвары. И тут на него смотрят, как на этого самого дикаря и варвара.

Сами же...

- Я понимаю, - тихо ответил Чарли.

Вряд ли. Эдди и сам не понимал. Не сумел. И желание сыграть крепко... а ведь можно не только усыпить. Главное, до души дозваться. А там уже хороший шаман с душою все, что угодно сотворит.

Внушит тоску.

Или ярость.

Заставит... пустить пулю в лоб. Или еще что. Главное, что тварей не станет... или он сам тоже в тварь превратится. Здесь же не только ублюдки, что развлечься пришли.

Девушка ушла за полторы сотни. Много? Мало.

Дальше Эдди старался не глядеть на сцену. Чарльз закаменел. Милисента ерзала... и рев трубы заставил очнуться.

- Перерыв, - выдохнул Чарльз с немалым облегчением. И добавил. – Очень на это надеюсь.

И вправду, объявили перерыв.

В зале, куда вернулись приглашенные, было довольнолюдно. Мелькали девушки в почти прозрачных нарядах, разносили подносы с напитками.

- Пить не советую, - шепнул Эдди, когда Чарльз снял бокал. Тот едва заметно кивнул.

- И как вам у нас? – рядом возник господин в маске. И Эдди вынужденно отступил. Погладил карман, в котором скрывалась дудочка.

- Не вздумай, - Милисента дернула за рукав. – Не дури. И ему не позволь.

- Постараюсь.

- Весьма... увлекательно, - выдавил Чарльз. – Никогда не случалось бывать на... подобного рода мероприятиях. Хотя, конечно... ощущение двойственные.

Господин похлопал Чарльза по плечу.

- Это пройдет. Сперва у всех так. И хорошо, что вы не стесняетесь прямо говорить о собственных чувствах.

Чарльз чуть склонил голову.

- На самом деле человеку неподготовленному происходящее может показаться несколько... неправильным.

Эк они умеют слова-то находить.

- А разве это правильно? – не удержался Чарльз.

- Не мне судить о правильности, но подумайте, что ждало бы этих девочек в ином разе? Короткая и тяжелая жизнь какой-нибудь прачки? Швеи? Или, что скорее, публичный дом самого дурного пошиба. Здесь же у них появляется шанс. Они получают дом. Заботу. Учителей... я всегда нанимаю своим крошкам учителей, ибо порой в грязи находятся удивительной красоты драгоценные камни, но и они нуждаются в огранке. Это даже интересно. Сперва перед тобой прекрасное чудовище, не способное связать пары слов. Порой я даже не понимаю, что они говорят, столь ужасен их акцент. Но постепенно оно меняется, и вот уже рядом прелестная леди...

- И что вы с ней делаете?

- Нахожу покровителя, который позаботится о моей крошке дальше. Но сегодня день пустоват. Девочки милы, но... без изюминки. Ваша вот хороша.

И на Милли уставился.

- У нее уже есть... покровитель. И учителя.

- Я не спорю. И претендовать не смею... в карты играть не садитесь, - со смешком ответил господин. – А то ведь может получиться до крайности неудобно. Помнится, третий брат лазури...

- Третий?

- А вам не сказали? В клубе всегда ровным счетом четыре дюжины членов. Братьев. И каждая дюжина имеет свой цвет. И номера. Чем выше номер, тем выше положение... первые братья имеют право дополнительного голоса в случае, если решение не может быть принято простым голосованием. А также право наложить вето... но это редкость, да... редкость. Так о чем я?

- О третьем брате...

- Да, да, - перебили Чарльза. – Весьма неосмотрительно поддался азарту. И что? И проиграл своего сиу, которым так гордился. Теперь-то полон готовности выкупить, но многие поспорят за мальчишку. Уж очень необычно... сиу редко случается...

Милли дернула за рукав. Но Эдди покачал головой. Даже если это тот самый мальчишка, они не станут рисковать.

Они пришли сюда по делу. И... дело будет сделано.

Рев трубы возвестил об окончании перерыва.

[1] Довольно распространенная практика, причем не только в Британии 19 века.

[2] В свое время горничные шли служить со своей униформой. Необходимо было как минимум смена платья, плюс отдельно – воротники, передники, обувь соответствующая. Так что начать карьеру обычной девушке было непросто.

Глава 27 В которой джентльменам удается найти общий язык и совершить обмен

Глава 27 В которой джентльменам удается найти общий язык и совершить обмен

- Последние три лота, - доверительно произнес все тот же господин, который явно пребывал в отличнейшем настроении. – Как всегда, самое интересное – напоследок... ходят слухи, что вторым номером пойдет девица благородной крови, но в это я не слишком верю.

А зря.

Милли плюхнулась на свое место и сцепила руки.

Чарльз казался спокойным, да только в том и дело, что лишь казался.

- Думай о девчонке, - сказал Эдди. – И о некроманте нашем, который не обрадуется, если его сестрицу сегодня купит кто-то кроме нас.

Кивок.

И сцена.

Бодрый голос распорядителя.

- Цветок редчайшей удивительнейшей красоты... её кожа нежна и бела, её волосы отливают золотом...

Девица шла по сцене неспешно, и спину держала, и подбородок задрала. А волосы опускались золотой волной.

- Ставка! – крикнули откуда-то слева.

И тотчас голос перебили. Одна за другой взлетали таблички.

Три сотни.

Пять.

Тысяча. Две... десяток. Девица повернулась боком и изогнулась. А эта точно не против происходящего. Тоже надеется на богатый дом и заботливого покровителя? Эдди бы сказал, что... дом-то, может, будет и богатым, а вот с покровителем сложно.

Сюда приходят за игрушками.

За такими игрушками, которых нельзя достать в большом мире, во всяком случае так, чтобы о них никто не узнал. А если так, то... кого прячут?

Зачем?

Дерьмо. Одно дерьмо...

Девушка ушла за тридцать тысяч.

- А теперь редчайшая птичка, угодившая в сети коварного соблазнителя, - медовый голос распорядителя заставил уродов в масках заткнуться. – Но нет, он не успел тронуть этот роскошный бутон... к слову, девушка одарена.

Тихо.

И напряженная тишина. Нехорошая.

- Она происходит из древнего, весьма почитаемого рода, а стало быть, с высокой долей вероятности и дети, ею рожденные, унаследуют дар. Спешите...

Десять тысяч.

Цена начиналась с десяти тысяч.

И Чарльз поднял табличку.

- Одиннадцать...

Зал, словно этого и ждавший, взорвался... двенадцать.

Пятнадцать.

Двадцать пять.

Твою ж... это же ж...

На сцену вытолкнули девушку, которая живьем показалась еще более мелкой, чем Эдди запомнил. Она, в отличие от предыдущей, шла, глядя исключительно под ноги. И вздрагивала. И...

...тридцать.

Сорок пять.

Пятьдесят. Чарльз выругался и потянулся к табличке.

Пятьдесят три... осталось двое, кроме Чарльза. Тип в черном костюме и белой маске, что занимал ложу, отделанную бирюзой. И тот, который с охранником.

Пятьдесят пять.

Шестьдесят.

- Удивительно! Просто удивительно! – голос распорядителя дал петуха. – Давно не кипели у нас подобные страсти! Но приз того стоит! Не только чистота и невинность, но и воспитание. Мы имеем не

ту, что пытается казаться леди, но истинную... однако вынужден объявить небольшой перерыв. Согласно правилам, суммы, превышающие...

Эдди обернулся.

- ...должны быть подтверждены.

- Прошу прощения, - еще один ряженный. – Но цена велика. А вы впервые у нас. И потому наша задача убедиться в вашей способности оплатить... покупку, если таковая случится.

- Эдди...

Эдди молча раскрыл кофр и вытащил горсть камней. Алмазы, рубины и сапфиры в груди выглядели как-то даже скучно. Или, скорее уж, после мертвого города Эдди сложно было удивить красотой камней.

- И вот... детка, - Чарльз протянул руку, и в нее упало ожерелье, первое из тех, что нацепила на себя Милисента. – Моя добыча. Редкая штучка.

Он держал ожерелье, и то поблескивало, переливалось, приковывая взгляд.

- Ему несколько тысяч лет... это создали драконы. Мне сказали, у вас найдется, кому оценить. Дорогая...

- Ты обещал его мне! – Милисента протянула ожерелье, но ряженный не коснулся, лишь покачал головой.

- Есть еще...

- В таком случае, возможно, стоит объявить перерыв для незаинтересованных лиц. И продолжить малым... кругом заинтересованных.

Эдди прикрыл глаза.

Желание набить кому-нибудь морду было почти непреодолимым. Или сыграть... может он сыграть? Хоть разок...

Чарли держался с трудом.

Контроль.

Этому магов учат с малых лет. Контроль, спокойствие и медитации. Дыхание. Главное, отслеживать дыхание. Так ему говорили.

Он верил.

Дети готовы верить взрослым. А он пусть и не ребенок... но дыхание контролировал, только легче не становилось. А надо...

Улыбаться, пусть даже за маской улыбка не видна. Подать руку, на которую оперлась Милисента. Подавить чувство стыда. Не стоило тащить её.

Кивнуть Эдди, который тоже мрачен, но держится.

Как надолго их хватит?

А самого Чарльза.

- Прошу, господа, - человек в старинной одежде кланяется. И длинные полы парика свисают едва ли не до колен. Лицо его напудрено, и на пудре алыми пятнами выделяется румянец. Тоже нарисованный.

Брови подведены.

На щеке мушка.

И за всей этой мишурой не разглядеть истинного лица. Тоже маска, только иная. И правильно, благородные господа слишком ленивы, чтобы разрисовывать себя. А эти вот... он один из многих, кто знает чуть больше остальных.

И нужен.

Эдвин... Эдвин знал что-то о происходящем? Он прислал записку. И шкатулку, которую Чарльз открыл. Содержимое её было еще более незаконно, чем Огненный шторм.

Но вполне соответствовало месту.

И образу.

Маске. Этак Чарльз и поверит, что в масках есть и польза.

Узкий коридор. И в этой части дома пахнет плесенью. Здесь сыро. И сырость старит место. Сырость разъела шелковую обивку. Сырость пропитала побелку, которая вспучилась пузырями. Доски паркета набухли, и теперь скрипели, жалуясь на разные голоса.

Милисента чихнула.

- Как-то здесь... не живописненько, - сказала она тоненьким голосочком. – Куда мы идем?

- Прошу прощения, леди, - моментально отозвался провожатый. И его «леди» явно было насмешкой. Но Милисента важно кивнула, подтверждая, что именно такого обращения и заслуживает.

Умница.

- Эта часть дома не предназначена для посторонних. И даже постоянные члены клуба редко бывают здесь, однако... ввиду

исключительности ситуации... решено продолжить ваш, господин, спор в кабинете.

Чарльз тоже кивнул.

А потом коридор закончился.

Дверь. Дубовая. Новая. С металлическими накладками. С замком, от которого вяло тянуло силой. И контур охранный имелся. Хороший контур. Подобный Чарльз видел... где же видел? Работа мастера.

И видел.

Определенно.

Дверь распахнули.

- Прошу, - провожатый согнулся в поклоне. – Леди, возможно, желает чаю?

- И пожрать, - отозвалась Милисента охотно. – Пожрать леди точно желает. А чаю уже как получится.

Все-таки она слегка переигрывает.

Кабинет...

Просторный весьма. У самого Чарльза поменьше будет. И сыростью здесь не пахнет. Как и излишней роскошью.

Панели светлого дерева.

Дорогой ковер.

Секретер. Рабочий стол. И пара кресел. Несколько низеньких скамеечек, на одной из которых устроилась девица в бледно-голубом платье. Она сидела ровно, положив руки на колени, и казалась не живым человеком, но восковой фигурой.

За её спиной в кресле устроился господин в черном костюме и белой маске. А уже за ним и сопровождающий.

На столе нашлось место кожаному ящику, крышка которого была откинута.

- Вот и наш дорогой гость... - человек, сидевший по ту сторону стола, поднялся. Был он невысок и не низок, не слишком толст, но и не худ. В общем, вряд ли получится узнать при встрече. Лицо его скрывала маска, а голос обладал весьма характерной обезличенностью.

Артефакт?

И не один.

- Леди, прошу вас... рады видеть... присаживайтесь.

Милли поглядела на скамеечку, фыркнула и устроилась в кресле. Эдди встал за спиной, что хорошо. Не нравился Чарльзу этот человек.

И...

- Пятый Брат алой дюжины решил не продолжать торги, - сказал человек.

А маска у него была серой, и это тоже что-то да значило.

- Возможно и вы решите отступить?

- Нет, - сказал Чарльз.

- Что ж... ваше право, безусловно, ваше... право, - хозяин кабинета потер руки. – В таком случае нам необходимо произвести оценку, верно?

- И пожрать, - проворчала Милисента.

Явно нарочно.

- Безусловно, безусловно... аукцион всегда пробуждает в душе низменные страсти. И перекусить не мешало бы всем... сейчас подадут.

А та, в голубом платье, не шелохнулась.

- Что вы планируете... ставить?

- Камни. Эдди.

Эдди молча поставил кофр на стол. И вытащил шкатулку.

- Здесь ограненные, но есть и сырец. Две дюжины отшлифованных на двадцать четыре грани, идеального качества, годных для использования в артефакторике, - Чарльз указал на третью шкатулку, которая была меньше первых двух. – Имеется заключение мастера. Общий вес – от пятнадцати до сорока карат.

- Приятно встретить знающего человека... но правила, да, да... оценщик клуба должен подтвердить... безусловно, это займет некоторое время...

- Я подожду.

В кабинет вкатили столик, и запахло едой. Запах был таким сильным, что Чарльз тотчас ощутил голод. И сглотнул.

- К слову, это Пятый брат зеленой дюжины, - сказал хозяин кабинета. – Весьма достойный... человек.

Маска чуть склонила голову.

- И тоже не готов отступить, но... думаю, вы сумеете найти общий язык. Леди, прошу вас... что из напитков подать? Чай? Кофе? Горячий шоколад.

- Шоколад, - Милисента дотянулась до серебряной крышки. – Что тут...

- Перепела под клюквенным соусом. Вепрь с брусникой. Томленное седло оленя...

А стол не выглядел большим.

- Прошу не стесняться...

- Воздержусь, - Чарльз остался на месте.

Тот, другой, чуть склонил голову. И во взгляде его почудилась насмешка.

- Что ж... в таком случае пусть дамы... да, да... безусловно, кухня клуба хороша... но дела... дела важнее.

Девушка в бледном платье тоже поднялась, повинаясь знаку... вот только не того, кто прятался за маской. А смотрела она по-прежнему в пол.

- Это все, что вы хотели бы оценить? – поинтересовались у Чарльза.

- Нет. Дорогая...

Милисента молча сняла браслеты.

Ожерелья.

Кольца стянула и пошевелила пальцами.

- Ты же купишь мне еще?

- Несомненно.

- Бусечка...

Чарльз передернуло. Но он промолчал.

- Ваша дама столь непосредственна, - заметил Пятый брат... чтоб его. – Это весьма... свежо и необычно.

- Сам в неумном восторге.

Милисента молча воткнула вилку в кусок мяса, подняла, глядя как стекает темно-красный соус и, убедившись, что тарелок нет, просто впиалась в этот кусок зубами.

Свежо, да...

- Итак... что мы имеем... камни и... украшения. Старинные.

- Позвольте? – поинтересовался Пятый брат.

- Конечно, - Чарльз протянул цепь, толстые звенья которой были испещрены то ли узорами, то ли символами давно умершего языка. – Мне довелось побывать в одном месте... затерянном в прериях.

- Мертвый город?

- Слышали?

- Генри, - в голосе Пятого скользнули капризные нотки. – Подойди. Взгляни. Не беспокойтесь, я ему доверяю.

- У меня нет и тени сомнений, что дела здесь ведутся честно.

Контроль.

И дыхание. И... политиком, может, Чарльзу не стать, но сейчас ложь получилась вполне искренней.

Человек без маски, сопровождавший Брата, подошел.

- Это и вправду оттуда, господин, - голос у Генри оказался низким, сиплым, словно протуженным. – Очень... ценная вещь.

- Вещи, - поправился Пятый. – А остальное?

Генри внимательно осмотрел браслеты, и кольца, которые едва не на зуб пробовал. Некоторые он поднимал, то ли пытаясь увидеть что-то в помутневших камнях, то ли надеясь отыскать тайные знаки. Другие сжимал в кулаке и закрывал глаза.

Третьи сразу откладывал. Влево.

Вправо.

Любопытное разделение. И понять бы, чем обусловлено.

- Я слышал об этом городе от моего деда, - Пятый поднял одно из отложенных колец, толстое, с крупным алым камнем, на котором был выбит символ. – А он – от своего. Если верить семейной легенде, то мы – прямые потомки их, тех, кто построил этот город.

Милисента закашлялась.

- И... и-извиняйте, - сказала она, вытерев рот. – Соус... островат. Слегка. И мясо у вас жесткое.

- Я передам повару, что леди недовольна.

- Во-во...

- Город прекратил существование задолго до того, как Старый свет встретился с Новым, - уточнил Чарльз.

А Генри стянул перчатки. И смуглые, гладкие, слишком гладкие для охранника, пальцы скользили по звеньям цепи. И губы шевелились, словно он... читал?

- И это тоже часть семейной легенды, - согласился Пятый. – Порой они совершенно нелогичны. Но... мой дед верил, что однажды найдет путь к городу. И небывалым сокровищам. Сокровища там есть?

- В том числе и сокровища, но... это не то место, которое можно рекомендовать для посещения, - отшутился Чарльз. А потом добавил куда серьезнее. – Мы едва уцелели. Чудом, пожалуй.

- И об этом он предупреждал. Но все равно не удержался. Ушел в очередную экспедицию, откуда не вернулся.

- Это, - Генри накрыл ладонью горку золотых украшений. – То тоже. Др-раконье... но это нужно. Нужнее, чем то.

- Что вы хотите взамен? – Пятый поднял кольцо.

- Девушку.

- И только-то?

- Я не жадный.

- Безусловно, камни отличного качества. И украшения удивляют. Нечасто мы видим подобные редкости, - встрепенулся тот, в серой маске. – И если господа готовы договориться...

- Что ж... признаюсь, это несколько расходится с моими планами, но да... готовы. Вы уступаете мне эти удивительные украшения. А я вам – девушку...

Милли икнула.

И сунула вилку меж зубов. Огляделась. Прикрыла глаза, что хорошо, потому как те словно ярче стали. И осведомилась:

- А шоколад когда будет? Вы обещали...

Глава 28 Где все заканчивается хорошо или почти

Глава 28 Где все заканчивается хорошо или почти

Эва знала совершенно точно, что... что никогда не будет прежней. С собой. И еще что, если даже вернется она домой, то не совсем, не целиком. Что какая-то часть её так и останется на сцене.

Когда за ней пришли, первым желанием было закричать.

И забиться в угол.

Сжаться, закрыв голову руками. Притвориться сумасшедшей, чтобы...

Она поднялась. А мальчик с серой кожей прижал руку к груди. И оскалился.

- Думай о мести, - посоветовал он.

Думать.

О мести.

Кому? Стефано? Что с ним стало? Свидится ли Эва с ним хоть когда-нибудь? А если да, то... то что она сделает? Вырежет сердце? Глупость какая...

Полицейского позовет?

Скорее уж, но... но что тому рассказать? Что её похитили? Продали? И...

В коридоре темно и пахнет цветами. Запах резкий, неприятный, а сквозь него пробивается другой гнилостный аромат. Как будто... как будто сам дом болен.

- Давай, шевелись, - Кэти здесь и заметно нервничает, оттого потеет. И вонь её тела мешается с другими запахами.

До тошноты.

Или вот ей мстить? Как? Отцу пожаловаться... если выйдет добраться до отца. Но не скажет ли он, что Эва сама виновата? Да и... не было у нее ненависти к Кэти. Такой, чтобы хотелось вырезать сердце.

- Волосья... не забудь волосья. Потянешь и сама выпадет. Они рассыплются... про долг помни.

- Помню, - улыбка вышла кривой.

Про долг.

Ей всегда говорили, что на ней есть долг. Перед родителями. Перед предками. Перед обществом. С самого рождения. И день ото дня этих долгов, возникших из ниоткуда, прибавлялось.

- Эванора, ты должна помнить... - резкий голос гувернантки вызывал желание сгорбиться, но тонкий хлыст тотчас ударил по плечам. – Помнить, что девушка твоего происхождения должна двигаться неспешно. И следить за осанкой.

Еще удар.

Она была очень злой, сухопарая мисс Нисвуд. Но совершенно незаменимой, если верить матушке. Ведь у матушки столько дел, а она, Эва совершенно необучаема. И с нею надо построже. Иначе она совершенно точно забудет о том, что должна делать девушка благородного происхождения.

Ступеньки.

Высокие. Прикрытые ковром. И неодинаковые. Эва едва не падает. И Кэти шипит от злости.

- Не хватало еще, чтобы ты себе рожу расшибла. И не вздумай реветь.

Могла бы не предупреждать.

Мисс Нисвуд терпеть не могла слез. И стоило уронить хоть одну, и наказание становилось строже. А жаловаться... матушка совершенно точно знала, что Эва просто слабая. И бестолковая. И сама во всем виновата. В этом вот тоже... за такое мисс Нисвуд совершенно точно заперла бы её в кладовой на неделю. Или на две.

Эва была бы согласна.

- Иди, - её толкнули в спину, куда-то туда, где был свет. Такой яркий и вездесущий, что Эва ослепла. А потом оглохла от крика. Человек, который находился где-то рядом, говорил. Он говорил, и Эва слушала.

Слышала.

Не понимала.

Она... она почувствовала вдруг, что совершенно одна. Здесь. В пятне света. А за гранью его, близко, но скрываясь за пологом темноты, сидят люди.

Много людей.

Много-много людей, которые сейчас смотрят на Эву. И... и что видят?

Полупрозрачную рубашку, до того короткую, что не понятно, зачем она вообще такая нужна. И Эва поспешно обняла себя, прикрываясь... не получится.

Она тряхнула головой, и деревянная палочка, которой скрепили волосы, выпала, и те рассыпались, словно желая защитить себя.

Леди Годива...

Какая из нее... она читала эту историю. А мисс Нисвуд узнала и разозлилась, потому что девушки из благородной семьи не должны читать подобное. И взялась за хлыст. Пальцы потом долго болели, а Эву еще и наказали за испортившийся почерк.

Может... может, права Тори?

Может, она как раз-то все сделала правильно? Ушла туда, где никто и никогда не обидит? Где все её любят? Где сам мир подчиняется только её желаниям? И... Эва тоже может.

Даже сейчас.

Всего-то надо закрыть глаза и представить себе...

Нет.

Она опустила руки. И спину выпрямила. Плечи... живот втянуть без корсета не получилось, но и пусть. Главное, подбородок выше. И смотреть на тех, кто прячутся... это не она виновата.

Виновата, конечно.

В глупости. И в доверчивости. В том, что решила, будто настоящая любовь бывает не только в книгах. Но они... они ведь – совсем другое. Они пришли сюда покупать.

Живого человека.

Зная, что это незаконно, что... что она здесь не по своей воле. Так кто они такие? И какое право имеют судить о ней?!

Она стояла.

Смотрела.

И... и все равно не слушала, только в какой-то момент руки коснулись.

- Идем, - сказала Кэти предовольным голосом. И стало быть, удалось выручить за Эву... сколько? Вдруг стало интересно, а и вправду, сколько она стоит-то? – Давай, давай... перерыва... ишь ты,

не думала, что они так... дурак был твой, продешевил крепко. Сейчас, небось, все локти изгрыз бы себе. И пущай. На.

На плечи набросили шаль.

- Выпить хочешь?

- Д-да, - Эва никогда раньше не пила. А в том, что предлагают ей не воду, она не сомневалась.

- Много не дам, - Кэти протянула флягу, из которой шибало чем-то... резким, неприятным. Но Эва сделала глоток. – Сейчас благородные порешат, кто за тебя больше положит... но и так хорошо вышло. Ты... не обижайся, ежели чего.

Жидкость обожгла горло, и Эва закашлялась. Флягу отняли, и еще по спине постучали этак с сочувствием.

- Сейчас согреешься. Самое оно.

Желудок болезненно сжался. А по телу прокатилась волна тепла. И... и все не так уж плохо. Все может быть куда хуже, если Эву... кто её купил.

- Кто... купил? – спросила она.

После выпивки голос сделался хриплым.

- А кто ж знает-то, - Кэти пожала плечами. – Они же ж рожу не кажут. Да и идет еще торг-то.

Она замолчала, когда рядом появился человек в престранном костюме. Кажется, что-то такое Эва видела на старинных портретах. Точно. Вот воротник, на колесо похожий, определенно видела. И парики давно уже никто не носит.

Лет сто.

Или двести.

Она даже хихикнула. И рот зажала рукой.

- Это от нервов. Девка же ж благородная, нервучая, - пояснила Кэти. – Так что пущай поласковой... а ты вон, иди за господином.

Господином?

Но взгляд, которым одарили Эву, заставил закрыть рот. И смех пропал. И тепло тоже сменилось нервной дрожью.

- Леди, прошу, - ей с поклоном протянули плащ.

- Благодарю, - выдавила Эва. И была удостоена одобрительного кивка.

Идти...

- А... тот мальчик...

- Последним идет. Особо ценный, чтоб его... экземпляр, - Кэти замолчала, запнувшись о взгляд человека в старинном костюме. – Иди уже. Заболталась я тут с тобой.

И Эва подчинилась.

Идти. Куда? И, главное... главное, что снова страшно. До того, что голова кружится. Или это от выпитого? Но она же лишь один глоток... проповедник говорил, что выпивка губит душу и разум. А вот мисс Нисвуд перед сном выпивала рюмочку анисовой настойки. Об этом шептались служанки.

И еще о том, что мисс злая, потому как бедная.

Бесприданница.

И старая дева. И ждать ей от жизни больше нечего.

- Наши гости весьма ценят не только внешность, но и воспитание. И ныне лишь от вас, юная леди, зависит, чего вы добьетесь в жизни. Ваш покровитель...

...покровитель? Так это называется?

- ...весьма неопытен. Не уверен, что это можно назвать везением, однако... если вы понравитесь ему, то поможете не только себе.

Он остановился.

- О вас отзываются, как о весьма разумной леди. А потому... - к ней протянулась рука в белоснежной перчатке. Пальцы коснулись кожи. И Эва ощутила это прикосновение даже сквозь ткань. Она с трудом удержалась, чтобы не отшатнуться. – Средняя внешность, но отличное воспитание. Сдержанность. Спокойствие. Это много. Если пожелаете добиться большего, чем тихая жизнь под крылом капризного мальчишки, который сегодня отдал за вас безумные деньги, а завтра, разочаровавшись в покупке, просто вышвырнет вон... обратитесь.

- Куда?

- К братству, - ей протянули руку. И сейчас на ладони лежало колечко. Простое с виду. Серебряное, кажется. И с крохотным камушком. – Всего капля вашей крови, и мы пойдем.

- Что?

- Что вы готовы сотрудничать.

Он чуть склонил голову. А ведь... ведь она не сумеет описать этого человека, даже если захочет. Его лицо походило на маску. Толстый слой пудры сглаживал черты. Алые пятна румянца.

Яркая помада на губах.

Даже женщины не позволяют такую.

- Что... - она не спешила брать кольцо, хотя понимала, что придется. От нее этого ждут. – Что мне нужно будет делать?

И по одобрителю кивку поняла: угадала.

- Ничего особенного. Просто приглядывать за вашим покровителем. Слушать его. Мужчины очень любят, когда женщины их слушают. Рассказывать о том, что услышали. От него ли, от его знакомых. Мужчины весьма любят хвастать своими приобретениями.

- И что взамен?

Кольцо лежало на ладони. Эва еще не согласилась, но и...

- Деньги, юная леди.

- Деньги?

- Вы пока не понимаете, что значат деньги в этом мире.

- И что же?

У отца много денег. Как они помогли Эве?

- Независимость. При должном старании вы весьма быстро соберете небольшой капитал, которого хватит на безбедную жизнь. Захотите ли вы сменить покровителя. Или же просто уехать куда-нибудь. Приобрести небольшой домик, скажем, на побережье... или несколько. Один для вас, другие – для ренты. Постоянный доход. И никто-то, ни ваши родители, ни тот, кого они называли бы вашим мужем, ни покровитель не будет указывать вам, что делать.

Эва сжала кулак, пряча колечко.

- На палец, - подсказал сопровождающий. – Я не настаиваю. Если вы откажетесь, это будет значить... ничего не будет значить.

И снова ложь.

Но и соглашаться сразу нельзя. Это будет неблагоприятно.

- Я... подумаю.

- Несомненно, - ей протянули руку, и когда Эва вложила свою ладонь, осторожно сжали пальцы. – Жизнь сложна, юная леди. И весьма опасно. И потому вам весьма пригодятся сильные друзья. И их связи.

- Я подумаю, - чуть жестче ответила Эва. – Капля крови?

- Именно.

- И... просто слушать?

Сомнительно, что пересказом чужих разговоров можно скопить на дом.

- Слушать. Очень внимательно слушать. Иногда... выполнять небольшие поручения. Поверьте, совершенно необременительные. И безопасные.

Снова ложь. Она горчит. Или это просто выпивка?

- Хорошо, - Эва чуть склонила голову. – Я вас услышала и... и если... решусь... капля крови.

И кольцо надела, которое пришлось неожиданно в пору.

И плащ запахнула.

И потом, позже, порадовалась, что этот плащ такой большой, неудобный и с капюшоном, потому что, завидев такую громадную и хорошо знакомую фигуру, Эва не сумела сдержать слез.

Счастья.

Безусловно, счастья.

Я сыто икнула и подумала, что с этим нужно что-то делать. Целителю показаться. Или двум. Пусть даже я никогда-то прежде не страдала отсутствием аппетита, но то, что творится сейчас, совершенно точно не нормально. Или это от нервов?

- Все хорошо? – Чарли повернулся ко мне.

Я кивнула.

Хорошо.

Лучше ж не бывает. Мы не пойми где только что обменяли остатки добычи на незнакомую девицу сомнительных достоинств. С другой стороны все целы, живы и даже сыты. Это ли не счастье?

- Тогда возвращаемся.

И мы вернулись. Аккурат к открытию третьей серии торгов. Честно говоря, я несколько притомилась, и даже момент, когда к нам подвели кого-то, с головы до пяток закутанного в плащ, пропустила.

- Если господин желает, мы можем доставить покупку по адресу. Или отправить дожидаться в экипаже.

Я бы отправила.

Но Чарли покачал головой. Добрый он у меня.

- Пусть тут будет.

И на стул указал.

В этот момент снова затрубили, и на сцене вспыхнули огоньки, на сей раз алые. И распорядитель громко – вот все-таки луженая у

человека глотка, я бы давно охрипла – произнес:

- Нынешний аукцион радуется неожиданными поворотами... - он взмахнул руками, и кружево манжет мелькнуло над свечой. А я подумала, что неплохо было бы, если бы это самое кружево и полыхнуло. И распорядитель. И само это место.

Гори, гори ясно...

- Давно мы не имели возможности наблюдать споров столь жарких! И потому тем интереснее будет...

А вот людей поубавилось.

Я видела впереди пустые места. Остались, выходит, самые стойкие?

- Вы должны его выкупить! – сказала девица, откидывая капюшон.

- Чего?

Я отвлеклась от сцены, на которой распорядитель, воздев руки к небу, что-то там говорил про редкий и особо ценный экземпляр.

- Мальчика, - девица была мелкой, но весьма крепкой с виду. – Он совсем один!

- А нас много, - проворчала я.

- Значит, он действительно будет? – поинтересовался Чарли, явно зная, о чем спрашивает. Эдди приподнял бровь. Но на него, скрывающегося в тени, и не поглядели.

Обидно.

Спасай вот после этого всяких тут...

- ...сиу! – проговорил распорядитель. И на сцене появился... мальчишка.

Сиу.

Мать твою... на самом деле сиу. Нет, когда тот говорил, я... я не особо поверила. Но теперь-то сомнений нет. Я подалась вперед, но Чарли удержал.

- Чистая кровь...

- Свистит... то есть, врет, - я покосилась на девчонку.

И что делать?

- Двадцать две, - сказал Чарльз громко.

Двадцать три... а хватит ли? Но у нас еще кофр с камнями. Орвуды... с Орвудами как-нибудь да договоримся. В конце концов, я на их девицу свое наследие, честно награбленное, отдала. И... и я слово

давала. Пусть и не просили этого слова, но я должна вытащить этого мальчишку.

Двадцать четыре.

Пять.

Тридцать.

Цену накидывали быстро. Я только и успевала, что головой крутить. И... и если так пойдет...

- Пятьдесят... пятьдесят пять...

- Прошу кредита клуба! – с места поднялся тип в белой маске.

- Прошу оценки, - громко произнес Чарльз. И спустя мгновение перед ним возник ряженный. Тот же? Не, у этого вроде парик покороче, но морда похожая, беленая и с пятнами румянца.

Все... повторялось?

- Остайся здесь, - сказал Чарльз, когда я поднялась. – Эдди, пригляди за ними. Если вдруг... выводи.

Братец кивнул.

И руку положил мне на плечо. Что? Я... между прочим, я право имею! И...

- Успокойся, - пророкотал он на ухо. – Дай ему самому решить проблему.

А он сумеет... или нет, конечно, сумеет.

- Доверие, - тихо добавил Эдди. – Доверие, Милисента.

А я что, не доверяю? Я просто... просто беспокоюсь. Народ тут больно уж... странноватый.

Глава 29 В которой джентльмену поступает еще одно предложение

Глава 29 В которой джентльмену поступает еще одно предложение

Тот же кабинет.

Те же люди.

Почти те же. Человек в серой маске. Человек в белой маске. И этот, в отличие от предыдущего, явно нервничает. Он расхаживает по кабинету. Руки сцепил за спиной, сам слегка сгорбился, отчего сделался еще более похож на уродливую черную птицу.

- Невыносимо, - сказал он, стоило Чарльзу появиться. Сопровождающий, что характерно, моментально исчез. – Это просто-напросто невыносимо...

- Успокойся, - миролюбиво заметил хозяин кабинета.

Еще четверо в масках устроились у стены. Их Чарльз и заметил-то не сразу. А заметив, слегка напрягся. Нет, выбраться он отсюда в любом случае выберется.

- Прошу всех успокоиться и взять себя в руки.

- Мальчишка принадлежит мне!

- К моему величайшему сожалению, уже нет. Ты поставил его на кон. И проиграл. И теперь это собственность клуба, которой клуб распоряжается согласно установленным правилам, - голос управляющего был спокоен и даже мягок. – А правила в данном случае однозначны. Невыкупленная собственность подлежит открытой продаже.

Это он говорил для Чарльза.

И смотрел на него, внимательно так.

- Ты же знаешь, я бы вернул... я все бы вернул... мне нужно было время и только! А теперь... теперь... я прошу предоставить мне ссуду!

- Боюсь, вынужден отказать.

- Но...

- Ты не вернул предыдущую. Я не говорю уже о долгах братьям. Но долги мы могли бы простить. Долги, но не то, что ты... - вот теперь

в голосе звякнула сталь. И стало не по себе. Очень не по себе. – Ты продал рекомендации.

Чарльзу?

- Я не... - начал было он.

- Речь не о вас, - Старший брат перебил Чарльза. – Речь об иных гостях. Ты поставил под удар само существование клуба.

- Но...

А этот, в белой маске, испугался.

Открылась дверь. И на пороге появился распорядитель с подносом. На подносе была лишь одна чаша, но сделанная из черепа.

Или... нет, быть того не может. Цивилизованные же люди.

- Нет...

- Виновен, - первый из сидевших у стены поднялся и приложил ладонь к груди. – Именем Лазурной ложи, виновен.

- Я... я могу быть полезен! В конце концов...

Кость не белая, с легким оттенком желтизны. И череп оправлен в серебро, а в глазницы вставлены крупные рубины.

Дикость какая.

Там, на Западе, это как-то... не впечатлило бы, наверное. Но здесь? В самом сердце цивилизованного мира?!

- Виновен, - поднялся второй. – Именем огненной ложи. Виновен.

- Но хоть ты...

- Без имен, - третий встал. – Виновен.

- Виновен, - эхом отозвался четвертый.

- Приговор подтверждаю.

- Я не... я не буду это пить! – голос человека сорвался на визг. Он попятился, но наткнулся на Чарльза. – Это из-за тебя, ублюдка! Ты... все знали, что у меня нет денег! И он... он откуда узнал? Сволочь, тварь...

Чарльз перехватил руку, которая потянулась к маске.

- Не стоит, - попросил он вежливо. – Я не понимаю, что происходит.

Зазвенел колокольчик. И на пороге появились двое в старинных одеждах, различимые лишь цветом париков. Они застыли, видом своим показывая, что готовы действовать. И человек в маске тоже ощутил эту готовность. Он как-то сник. И руки его безвольно повисли. И сам он сгорбился, сделавшись донельзя жалким.

- Прекрати, - с упреком произнес управляющий. – Мы долго терпели твою безответственность. Твою слабость. Все твои пороки, ибо никто не свят. Но сейчас твои действия... причинили не просто ущерб. Они поставили под угрозу само существование братства.

- Я... я все исправлю! В конце концов, это просто... просто приглашения! Все их раздают! Вон кто-то ему сунул...

- После долгого обсуждения кандидатуры и поручительства еще двух братьев.

Стало быть, дружище Байни не один состоял. Кто еще? Кто из тех, с кем Чарльз встречался в клубе, в обычном клубе, которых великое множество, всегдашней этих вот аукционов?

И не только зритель.

- Ты же... ты счел себя самым умным.

Зубы черепа сверкали позолотой. Но они были кривоватыми, да и вместо клыка виднелся выточенный под него камень.

Неужели все-таки настоящий?

- И сейчас, дорогой наш... брат...

От этого слова человек в маске дернулся было.

И оглянулся.

На ряженных.

На тех, кто встал у стены. На Чарльза... а если попросит помощи? Если...

- В зале присутствует некий Бальтазар Азерос... если ты о нем слышал.

Чарльз вот слышал. Имя так точно. Слишком уж необычное, цепляющее... но вот что именно? В голове пустота. И не отпускает ощущение, что все это – спектакль, который разыграли специально для Чарльза.

- Ищейка... - выплюнул кто-то из старших.

Лазурный?

Или огненный? Или еще какой? А и плевать.

Ищейка, стало быть из полиции... имя надо запомнить. На всякий случай.

- И как знать, что ему удалось разнюхать.

- Но... но эту проблему можно решить? – в голосе обвиняемого прозвучала робкая надежда. – Это же... это просто человек... сегодня есть, а завтра...

- Проблему решат, - спокойно ответил Старший брат. – Но правила клуба весьма однозначны. Брат, по вине которого существование клуба поставлено под угрозу, должен быть исключен.

- Я требую суда...

- Суд состоялся. И голосование в каждой из лож подтвердило, что ты, дорогой мой, безусловно, виновен... мне жаль... мне очень жаль...

- Я...

Он все-таки огляделся.

- Вы его взять решили? Конечно... кого ж еще... вам просто понадобилось место... освободить...

- В Клубе уже появилось свободное место. Седьмой брат, к сожалению, занемог. Так что нет, дело не в этом. Мы просто хотим показать, что правила клуба одинаковы для всех. Ты... был весьма полезен. И мы ценим это. И потому я лично подношу тебе последнюю чашу.

Управляющий взял череп с подставки.

И протянул.

- Испей. И не держи зла.

Руки у человека в белой маске дрогнули. Но чашу он принял и удержал. Поднес к губам. Приподнял маску. Даже сумел сделать глоток. Потом другой. И третий.

Как его не стошнило-то?

Допив, он перевернул кубок.

- Ни капли...

Он обвел комнату взглядом.

- А вы все... вы пожалеете... вы... все тут... пожалеете...

- Будьте добры, проводите гостя. И позаботьтесь, чтобы он добрался до дома в целостности и сохранности, - Управляющий махнул рукой. – А я прошу прощения, что вы стали невольным свидетелем... присаживайтесь. Кандидат.

Прозвучало веско.

И пугающе.

Чарльз молча опустился на указанный стул. И спина сама собой выпрямилась.

- Хотите о чем-то спросить?

Такой ласковый голос. Столько внимания...

- Что с ним будет? – Чарльз сглотнул и отчетливо понял, какого именно вопроса от него ждут.

- Ничего! Вы подумали, что в чаше яд? – Управляющий рассмеялся. Смех у него был неприятно-дребезжащим. И пальцем погрозил. – Экий вы... затейник.

Что хотел сказать?

- И не попытались остановить?

- Боюсь, это было бы неразумно с моей стороны, вмешиваться в дела клуба, членом которого я не являюсь.

- Пока не являетесь, пока... но спешу вас успокоить. Никакого яда. Вот, возьмите. Можете сами взглянуть.

Чарльзу протянули череп.

Кость была тепловатой.

- Это...

- О, это череп основателя клуба. Он был весьма эксцентричным человеком. И всего себя... да, да, безусловно, всего себя отдал клубу... до конца.

Еще смешок.

А камни пылают ярко. И... они что, думают, будто Чарльз способен определить отраву на вкус? Или по запаху? Пахло вином, сдобренным какими-то травами.

- Чаша – скорее символ. Её подносят тем, кто решился встать на путь познания, и тем, кто свернул с этого пути не туда, как наш бедный брат. Он слишком потворствовал собственным страстям. Это его и сгубило...

- Значит...

- Сегодня он вернется домой и напьется с горя. Он будет зол и обижен, и это, несомненно, плохо скажется, что на душе его, что на теле. Завтра он проснется с головной болью и той же обидой, которую в силу особенностей характера станет переживать долго. Возможно, он будет искать встречи. Многие так делают. Вернется сюда, но... он не получит более приглашений. И стало быть, не сумеет найти дом.

Значит, Эдди был не совсем прав. Но с этим Чарльз разберется позже. А пока он вернул череп на поднос.

И распорядитель исчез. Все же как-то слишком уж мягко двигаются они. Плавно. Характерно.

- Но вреда... нет, нет и нет... мы – мирное сообщество людей, желающих изменить мир к лучшему. Ищущих знаний, всех, новых и утерянных. Верящих, что лишь путь разума способен возвысить человека, сделать его равным героям древности!

Будут приглашать.

И... что делать? Соглашаться? Эдвин инструкций не оставил.

- Мы ищем тех, в ком горит пламя познания!

- Во мне... не сказать, чтобы... горит.

- Снимите маску, - прозвучала просьба, правда, обманываться не стоит, она скорее была приказом. Чарльз коснулся гладкой поверхности.

- Мне обещали анонимность.

- Понимаю. И ваши сомнения в том числе... но я готов пойти навстречу. Я понимаю, что равные отношения без доверия невозможны. И... я вам доверяю, Чарльз Диксон.

Управляющий снял маску.

И под ней оказалось совершенно невыразительное лицо. Круглое. С глазами бусинами, с курносом носом, на котором виднелась капля родимого пятна. Пухлые щеки. Округлый рот, и тонкие усики над ним лишь подчеркивали чересчур мягкие очертания губ.

- Вот... - Старший брат развел руками. – Зовите меня... скажем, Феликсом.

Чарльз молча снял маску.

Поставил рядом с серой.

Провел ладонями по лицу, смахнув испарину. Надо же, он вспотел... от волнения, не иначе. И сейчас оно никуда не делось. А появилось еще и беспокойство.

Милисента.

Эдди...

- Не стоит переживать. Ваша... удивительная супруга в полной безопасности, как и ваше приобретение... полагаю, вы вернете девушку в любящие объятия отца?

- Брата. Мы с ним знакомы. Так уж получилось.

- Что ж, ничего не имею против. Бертрам Орвуд – весьма достойный молодой человек. И в любом ином случае мы бы... скажем так, попытались бы свести с ним личное знакомство.

А эти четверо, что вновь застыли у стены, так и будут в масках?

- Увы, это добровольное решение. Его нужно уважать... и мы уважаем... да... однако вы нервничаете, а не стоит... на самом деле все не так плохо, как кажется. Аукцион, безусловно, человеку неподготовленному покажется действием ужасным, но на самом деле ничего действительно страшного здесь не произошло. Девушки нашли покровителей... джентльмены – тех, кто может дать им любовь и заботу...

Чарльз хмыкнул.

И покосился на череп. Рубины в глазницах полыхали ярко.

- Что до артефактов, то... да, есть вопросы законности. Но иногда закон стоит на пути прогресса. Вам ли не знать, сколь интересны бывают старые вещи. Сколь много тайн они скрывают.

- Утраченное знание, - проговорил один из сидящих.

- Именно. Утраченное. Забытое. Способное изменить мир.

- Надо ли, - тихо спросил Чарльз.

- Менять мир? Безусловно! Взгляните! Вам жаль этих девушек? Но большая часть их попала сюда ввиду ужасающей нищеты, их породившей. Их продали родные и близкие, которых бедность заставила потерять всякое сходство с человеком. Сколько таких девочек попадают в публичные дома? Сколько детей оказываются в канавах, потому что родители не способны их прокормить? Сколько несчастных каждый год умирает? От голода, от болезней... этот мир должен измениться! И так, чтобы в нем не осталось голодных, больных и несчастных!

Он сам понял, что несколько переборщил с патетикой.

- Поэтому, - не удержался Чарльз. – Вы собираетесь, пьете вино, продаете таких бедных заблудших девиц...

- Да, выглядит весьма... своеобразно. Но Аукцион – один из способов получить деньги, которые нужны, чтобы продолжить исследования. Не буду лукавить, для многих братьев клуб – лишь способ отдохнуть. Весьма своеобразный, конечно, но вам ли не понять, какво это, тонуть в блеске светской жизни. Пресыщаться ею, искать чего-то иного... не находить. Или находить.

- Чего вы хотите от меня?

- Во-первых, чтобы вы принесли извинения Орвудам и попытались отговорить их от поисков. Виновные уже наказаны. А поиски в лучшем случае ни к чему не приведут. В худшем... репутация

девушки будет безнадежно испорчена. Если вдруг кто-то узнает, где она была...

Господин выразительно замолчал.

- Её репутация и без того испорчена, - заметил Чарльз. – А Орвуды весьма... упорны в достижении цели.

- В этом случае им придется отступить. Что до репутации... ничего непоправимого не произошло. Вот увидите, о юной леди позаботятся. Если она станет личной протекже какой-нибудь весьма достойной дамы... это многое изменит. К слову, не только для нее. Ваша супруга – воистину удивительная женщина.

Получилось не скрипеть зубами.

- И многие ныне вам позавидовали, но... общество закостенело. Оно не готово принять то, что отличается от древних пыльных идеалов.

- Вы и ей протекцию составите?

- Безусловно. Мы стараемся сделать все, чтобы члены клуба не отвлекались на всякого рода пустяки...

Чарльз погладил артефакт, который лежал в кармане. И подумал, что подобные вещи в карманах не носят. С подобными вещами обращаются бережно и с почтением.

Хранят в семейных сокровищницах. И извлекают исключительно по особым поводам.

- Во-вторых... отвлекаясь от этой неудобной ситуации... от имени Клуба я готов сделать вам подарок. Этот мальчик... интерес к нему связан с...

- Со старым долгом, - Чарльз осторожно вытащил артефакт. – Я кое-чем обязан его матери. И не только я.

- Вы... встречались? С сиу?

- Случалось. И не только с сиу.

Братья переглянулись и крайний склонился к соседу, что-то шепнув на ухо.

С чего такая вот...

- А брат вашей супруги происходит из... орков?

- На половину. Или даже на три четверти. Но с орками я тоже имел дело.

- Чудесно... тогда вы не откажетесь принять этого юношу под свое покровительство.

- А как же...

- Правила клуба имеют ряд исключений, - в светлых глазах мелькнули искры смеха. – Если Первые братья согласны...

- Согласен, - поднялся левый. И трое других повторили слово. Будто эхо.

- Правда, мальчик весьма... своеобразен. Но надеюсь, вы справитесь. Одна просьба. Не отправляйте его пока на восток.

- Почему?

- Это... скажем так, это связано с работой Мастеров, - Старший брат поднялся и заложил руки за спину. Он обошел Чарльза. Остановился у окна, за которым переливалась всеми оттенками тьма. – Эта история началась не сто лет тому назад, и не двести... даже в архивах клуба не сохранилось данных о том, кто и когда отыскал дракона...

Глава 30 О драконах и мировом благе

Глава 30 О драконах и мировом благе

Подали напитки.

Высокий графин с золоченым горлом и пять простых глиняных кубков, которые Старший брат наполнил... водой?

По запаху.

И вкусу.

- Пейте, Чарльз. Это и вправду вода... вода – суть основа основ жизни. И потому-то так сложно отравить воду. Но не невозможно.

Смешок.

И взгляд пристальный, внимательный. Но кубок Чарльз берет, стараясь отогнать мысли о том, что травить можно не только воду. Сам кубок.

Край кубка.

И... вода холодная, с металлическим привкусом.

- Итак... вы не напишете записку вашей супруге? Она начинает переживать, а нам бы не хотелось завершить и без того непростой вечер каким-нибудь инцидентом...

Перо и бумагу подали.

Как и чернила.

Пара слов... поверит ли Милисента? А сам бы Чарльз? Но оставалось надеяться, что поверит. Уйти она точно не уйдет, и понимание того грело душу.

- Вы обещали историю, - он протянул сложенную пополам записку.

- Да, чтоб его... это все затягивается, - сидящий у стены человек снял маску. Его лицо показалось смутно знакомым. И... откровенность? Как бы не так. В булавке для галстука сокрыта капля силы.

Искажающий артефакт?

Что-то... вроде.

И несмотря на это ощущение знакомости, обманываться не след. Узнать этого человека не выйдет.

- В них довольно-таки душно, - сказал он. – Альфа.

Человек чуть склонился.

- Бета, - представился второй. И снова ощущение того, что это вот простоватое, слишком уж простоватое лицо на самом деле знакомо. Вот только...

- Гамма, - третий взъерошил короткие темные волосы. – Никогда не понимал смысла этих масок...

- Не нам судить. Порядки установлены. А члены клуба соблюдают правила неукоснительно, ибо иначе кара постигнет их.

Странно, но сказано это было без толики пафоса, даже обыденно, что и заставляло прислушиваться.

Присматриваться. Хотя... нет, смотреть так бессмысленно. Пусть одни маски сняты, но другие остались. И эти пятеро знают, что Чарльз понял.

Очередная игра.

- Время, - сухо произнес он.

- Время... безусловно... время беспощадно. Все началось незадолго после того, как первые колонисты обосновались на сих благородных землях. Их жизнь была тяжела, а зачастую и коротка. И вполне возможно, что будь они менее упрямы, эти земли по-прежнему принадлежали бы диким племенам.

Чарльз поморщился.

Почему-то теперь эти самые племена не казались такими уж дикими. Историю не изменить. Но и относиться к ней можно по-разному.

- Чем дальше продвигались колонисты, тем больше удивительных вещей встречалось на их пути. И если одни были сотворены сиу либо орками, чья сила не поддавалась пониманию, то происхождение других оставалось загадкой. А потом один... весьма достойный человек, организовал экспедицию. Он верил, что сумеет отыскать город, о котором упоминали орки. Да и сиу тоже.

Рассказчик выразительно замолчал.

- До города он так и не дошел, но ему удалось отыскать дракона.

Чтоб его...

- Вернее останки его.

- Дракона ли...

- Дракона. Да, сейчас много говорят об ископаемых ящерах, которые якобы заселяли земли в древние времена, но поверьте, это

существо было иного плана. Не динозавр, а именно дракон. Пусть плоть его иссохла, но шкура и кости уцелели. Это и позволило восстановить великого зверя во всем его величии.

То-то Милисента обрадуется.

Заодно уж сравнит, насколько оно истине соответствует.

- Рядом с ним были обнаружены тела, несомненно, человеческие. И многочисленные артефакты той, ушедшей, эпохи. Артефакты с удивительными свойствами, построенные на неизвестных, порой совершенно противоречащих науке, принципах, однако при всем том работающие, несмотря на то, что с момента их создания прошли тысячи лет.

Чтоб их...

Насоздавали.

- Именно тогда и возник Клуб. Изначально он собрал единомышленников, желавших разгадать загадку того, позабытого мира. Члены клуба организовывали экспедиции, порой и сами направлялись, желая достичь Мертвого города. И у некоторых получалось.

Чарльз допил воду.

- Но увы... мы смогли добраться до границы и только. Составить карты. Отметить пути... выяснить, что город не один, что их явно было два или три.

Больше.

Куда больше, если верить Милисенте.

- Что обитали в них существа необычайной силы, сумевшие, по-видимому, подчинить себе драконов. Кости тех находились за границей города, пусть и в небольшом количестве. Но это объяснимо. Драконы наверняка были сильны и агрессивны.

Они себе не представляют, насколько.

- И содержать подобных тварей было бы накладно... вы побывали в городе, Чарльз. Единственный, кому это удалось.

- Не совсем, чтобы единственный... я там был не один.

- Именно! – воскликнул Альфа. – Вы провели через город людей...

- Скорее уж это меня провели.

Про драконов пока стоит помалкивать. Как-то... не поверят. Чарльз и сам бы не поверил. Да и с остальным тоже...

- Не суть важно. Вы вошли. И вышли. Живым. Вы... принесли наглядные тому подтверждения.

Это он про побрякушки?

- Вы видели то, что сокрыто от прочих, вы...

- Я понял, - оборвал Чарльз. – Вам нужно в город.

- Нет, нет... не совсем... смотрите... мы сотни лет изучали артефакты. И не скажу, что всегда успешно, но очевидно, что та, сгинувшая цивилизация была много выше нашей. Во всяком случае в том, что касается магии.

Чтоб их всех... и драконов, и искателей. Хоть ты посоветуй запретить археологию как науку. Во избежание так сказать.

- Братство хранит принципы, но братство их и развивает. Нам больше не интересно познание ради познания. Но... если верить некоторым легендам, то властители Мертвого города были способны менять мир! Они обращали вспять реки! Вращивали горы! Они создавали сады там, где ныне лежит пустыня.

Может быть. Только закончилось все хреновато.

- Пока сложно сказать, почему цивилизация столь развитая пала...

Потому что драконы были ублюдками.

Конченными.

И эти, если доберутся, ими же станут. Но жаль, водица закончилась. Пить и молчать проще, чем просто молчать.

- Как правило, мы приглядываемся к человеку... долго... оцениваем его поведение в клубе и вне стен клуба. Отношение к другим людям... вы умны, Чарльз. Очень ответственные. Вам не чужды понятия долга и чести. Для вас имеет значение дружба, иначе вы не стали бы рисковать ради глупой девчонки... вы тот, кто нам нужен.

- Весьма... польщен. Но я как-то... я и вправду здесь за девочкой. И намерений вступать куда бы то ни было не имел.

- Понимаю. Все это довольно неожиданно, но... вот, взгляните, - Старший брат вернулся к столу, откуда извлек тонкую папочку. – Почитайте на досуге.

- Что это?

- Результаты одного весьма занимательного исследования. Даже не одного, но все-то они сходятся на том, что магия мира уходит. И потому так важно найти источники её. Возможно, древние знали... понимали... обладали способностями.

Про способности у Милисенты спросить надо. Надо ли? Но папку Чарльз взял. Очень уж внимательно на него смотрели.

- Благодарю, но...

- Клуб возник как... своего рода... не знаю, прикрытие? Или скорее возможность взглянуть на людей поближе? Их мечты, надежды... пороки... вы не представляете, сколько всего пороки рассказывают о человеке. А заодно способствуют... делу.

Шантаж?

Нет, нет, не прямой, иначе этот, первый клуб, давно прекратил бы свое существование. Скорее уж завуалированный... разве брат не окажет помощь брату? Особенно тому, которому известно о маленьких слабостях. Или больших.

- Мы начинали с малого. Но сейчас... - Старший брат стиснул кулак. - Братья - люди... высокого положения. И больших возможностей, которых они достигли благодаря братству...

...а потому преданные ему до конца.

Не все. Те, в чумных масках, играют. Интересная игра в тайну и избранность, приправленная легким нарушением закона. А вот эти... клуб в клубе, маска за маской.

- Заговор, - Чарльз поставил кубок на поднос. - Ваших рук дело?

- Скажем так, не мы его затеяли, но если бы планы реализовались, мы бы воспользовались ситуацией в свою пользу.

Не врет.

Но и всей правды Чарльзу не скажут.

- Я... если я соглашусь, что от меня потребуется? Помимо преданности братству? Скажем так, чего конкретно от меня ждете.

Они не те люди, которые поверят в то, что Чарльза сходу захватила идея изменить мир к лучшему.

- И что можете предложить взамен?

Угадал.

На губах Управляющего появилась улыбка, а взгляд потеплел.

- Поверьте... нам всегда найдется, что предложить достойному молодому человеку, готовому делом доказать свою полезность.

И начались торги.

Эдди старался на девицу не смотреть. Что он там не видел? Но взгляд, блуждая по опустевшему залу, - а их весьма вежливо

попросили дождаться господина именно тут – постоянно возвращался к светлой макушке.

Сама девица... скажем так, была неправильной.

Ей бы рыдать. Или руки там заламывать, стеная о загубленной жизни... как-то он попал на театральное представление. Случайно. И театр, что-то подсказывало, был не из лучших. Главное, что там девица долго руки заламывала и рыдала о загубленной жизни, прежде чем в бездну вод кинуться.

Но тут бездны не наблюдалось.

К счастью.

- Что они там... - девица осеклась, осознав, что не в её положении вопросы задавать. И вздохнула. – Долго...

Но не расплакалась.

Хорошо, что не расплакалась все-таки, потому что Эдди понятия не имел, что делать с рыдающими девицами. А тут... и вправду долго.

Надо было сразу уходить.

Мальчишку, конечно, жаль, но... жалостью жив не будешь. А вот влезли. И Милисента нервничает. Сидит прямо, только ноготком по подлокотнику постукивает. И выражение лица такое вот... упрямое.

- Леди, - распорядитель в парике подал записку. – Господа скоро завершат переговоры.

И поклонился.

И вышел.

А потом вошел, но уже другой и с мальчишкой. Наверное, можно было бы выдохнуть с облегчением. Если мальчишка тут, то... то у Чарли получилось. Купить, выменять... один хрен, главное, что получилось. Правда, мальчишка, судя по мрачной роже, не слишком обрадовался.

Ну да понятно, что он-то как раз и не знал, чего от жизни ожидать.

- Сядь, - велел Эдди. И пальцем указал, куда. – И ты тоже не ерзай. Скоро уже.

- Скоро, - повторила Милисента, аккуратно складывая записку. На кой, если протянула её Эдди? Хотя... понятно.

Нервы.

Эдди кинул взгляд. Неровные нервные буквы. Пара слов, которым... стоит ли верить? Хотя чего уж тут, можно подумать, выбор у них большой. Да и...

- Если бы чего не так, нас бы просто прибили бы, - сказал он, потому уже покосился на девчонку. Надо бы поосторожнее, все же леди.

Хоть и лохматая.

Милли кивнула. И глаза прикрыла. И пробормотала.

- В следующий раз если во что вляпаетесь да без меня... сама пристрелю.

Эва покосилась на Милисенту... и на Эдди.

И...

Так дальше и сидели, в напряженном молчании. Причем довольно долго. Пустота зала давила на нервы, тянуло встать, пройтись, но не отпускало ощущение, что за ними наблюдают. И как знать, чем обернется лишнее любопытство.

А потом Чарли все-таки появился.

И сказал:

- Домой.

Даже дышать стало легче... но все равно не отпустило чувство, что за ними наблюдают. До самого порога не отпускало.

И только на улице, в экипаже, исчезло.

Что за...

Хрень.

Глава 31 О возвращении домой и воссоединении

Глава 31 О возвращении домой и воссоединении

Возвращаться домой было страшно.

То есть, Эва, конечно, хотела вернуться. Любой нормальный человек хотел бы вернуться домой! А она как раз нормальный человек и... и все равно было страшно.

Что ей скажут?

И она? Что скажет она в свое оправдание? И надо ли вообще что-то говорить? Может, притвориться больной? И в обморок упасть?

Но ведь остаток жизни в обмороке не проведешь.

А эти вот... она искоса глянула на мужчину, который снял маску и оказалось, что Эва его видела. Где-то. А где – не помнит, надо бы спросить, чтобы потом, дома уже, выразить благодарность.

В письме.

В письмах благодарности выразить куда проще. Правда... а вот Эдди устроился в углу экипажа. И мальчишку-сиу рядом с собой усадил. А когда тот попытался отодвинуться, возложил лапищу на плечо и сказал:

- Не дергайся.

И сиу замер.

Будь они одни, Эва бы сказала, что бояться нет нужды. Эдди добрый. И даже благородный. А благородные люди, пусть и не совсем они люди, но слабых не обижают.

- Я спать хочу, - заметила девица в совершенно безумном розовом платье. Безумным оно было и цветом – такой насыщенный оттенок категорически ей не шел – и кроем. Зачем столько кружева? Причем розового... цветное, конечно, вошло в моду, но...

Но и сама девица странная.

Её Эва точно не видела. Иначе запомнила бы. Определенно. Эти резкие черты лица, в которых проглядывало что-то нечеловеческое, сложно не запомнить. И кожу смуглую.

Эва тоже легко загорала.

И матушка вздыхала, сетуя, что даже крема с жемчужной пудрой не спасают. И зонтики... зонтики приходилось носить даже осенью, но почему-то помогали они слабо. И Эва смуглела. Расстраивалась. А вот девица, несмотря на кружево и смуглость, расстроенной не выглядела.

Кто она вообще...

Спросить?

Неудобно. Леди... в подобных обстоятельствах должна быть благодарна, а не совать свой нос в чужую жизнь. Благодарность Эва почувствовала, но справиться с любопытством было сложно.

- Леди, - когда экипаж остановился, человек, её купивший, подал руку. – Пожалуйста, воздержитесь в будущем от... приключений. Не всем они на пользу.

И вздохнул.

И...

И помог выбраться из экипажа. Сперва её, потом той, другой...

- Может... пусть Эдди проводит? – поинтересовалась она, глядя на Эву с сомнением. – А мы домой...

- Боюсь, это будет не совсем вежливо.

- Зато разумно, - она зевнула, пусть и прикрыв рот рукой. Но... но разве так можно?

Или все-таки можно?

Эдди хмыкнул и, склонившись, поинтересовался:

- Сама-то дойдешь, а то ведь босая...

И только теперь Эва поняла, что вправду все это время была босиком. Что... туфли её остались в доме, даже не её, а... чьи-то, чьи ей было позволено носить.

На сцену её выпихнули без них.

И в одной рубашке.

И... и в обморок будет падать матушка. А отец разозлится, правда, ничего не скажет. Никогда он ничего не говорил, но точно разозлится. И тогда всем станет неуютно, а у матушки еще и голова болеть будет три дня.

И...

- Дойду, - решительно сказала Эва.

Ведь не холодно же

Почти.

Там, в доме, было даже тепло. А еще нервы. На нервах не только об отсутствующей обуви забыть можно. Потом ей очень хотелось скорее уехать и... и снова было не важно.

Она решительно сделала шаг, конечно же, наступив на что-то острое. Ойкнула и... снова ойкнула, когда Эдди подхватил её на руки.

...там, в романе, дикий благородный шаман тоже нес графиню на руках. Через пустыню. И это казалось романтичным, а теперь подумалось, что ему, бедному, наверняка тяжело было. Эва ведь не легкая. И не хрупкая, в отличие от графини, которая еще умирать решила. Дура. И так тяжело было, через пустыню волочь, а еще и умирающую. Почему тогда она восхищалась? И куда восхищение подевалось? И что Эве делать-то? Это ко всему неприлично!

Ладно, если бы и вправду через пустыню, но тут же город!

Цивилизация!

Увидит кто.

- Слушай... - окликнула Эдди девица. – А что там тебе напредсказывали...

- Не обращай внимания. Скоро уже все...

Эва кивнула, хотя и сама не отказалась бы узнать, что там ему напредсказывали. Матушка вот как-то обратилась к провидице, и Эву с собой взяла. И та женщина в черных одеждах, строгая и пугающая, лила воск в воду, а потом еще палец Эве пробила иглой.

И предсказала удачное замужество.

Очень выгодную партию.

Мама потом долго и скептически Эву разглядывала, вздыхала и больше к провидице не брала. Да и сама не ездила.

Эва поерзала, но тут же спохватилась и затихла. Еще уронят... а вообще, конечно, так себе способ. Если по дорожке от ворот до дома, то одно, а вот через пустыню так идти... спина же затечет. И ноги.

И...

Дверь открылась.

- Привет, - сказала Эва брату и рукой помахала. – А я вот... вернулась.

Её поставили на ноги, и она с трудом подавила желание вцепиться в Эдди. А еще спрятаться за него. Даже подумалось, что хорошо, что он такой огромный. Прятаться за такого – одно удовольствие.

- Вижу, - сказал Берт и потом сгрел её, сдавил так, что дышать невозможно стало.

Эва только и смогла, что пискнуть.

- Чарльз, я... идем.

Он отстранился.

И потом, спохватившись, сам поднял Эву. Да что за... у нее ноги имеются, между прочим! Пусть даже не слишком чистые, но стоять-то она способна.

И ходить.

- Мелкая, я так... волновался! – Берт сделал два шага и опустил.

Отпустил.

- Жива?

Эва кивнула.

- Цела?

Она опять кивнула. Наверное, надо что-то сказать. Такое. Душевное. Соответствующее моменту. Она же... она пыталась придумать речь. И даже как-то немного сочинила. Но все придуманные слова разом из головы вылетели.

Прав был учитель.

Безголовая она.

И с дырявой памятью. И...

- Теперь все будет хорошо... - он снова обнял. – Я не позволю тебя обидеть. Никому...

И силой потянуло.

Да что с ним такое-то? Берт, конечно, не папа, но раньше никогда себе не позволял подобных... эмоций. Да еще и при посторонних.

- Девочка моя! – матушка выплыла в холл, и желание спрятаться стало почти непреодолимым. – Девочка...

В обморок, что ли упасть.

- Мама! – Эва позволила себя обнять. И сама обняла. И все-таки расплакалась, хотя плакать совершенно не собиралась. Да и слез-то не было. Не было, не было, а потом как взяли и потекли.

Ручьями.

Стыд-то какой!

- Целитель ждет, - матушка приподняла полу плаща и нахмурилась. – Идем. Тебе нужен отдых...

- И ужин! – крикнула та, в платье. – Ужином её тоже покормите, пока совсем не отошла... что? Я не думаю, что её там разносолами пичкали. И вообще...

В животе вдруг заурчало, а Эва подумала, что и вправду не отказалась бы от ужина.

А еще лучше, если будет общий.

И...

И матушка решительно взяла Эву под руку.

- Несомненно, дорогая, но сначала целитель...

Послушать, о чем станут говорить, не получится.

Жаль.

Но... если потом Берта спросить? Или не Берта...

- Мама, - Эва вытянула руку, показав серую полосу браслета, который и не сказать, чтобы мешал, но все же был лишним. – Снять бы...

- Сперва целитель! И умыться... Господи, Эва, на кого ты похожа? Хорошо, что на тебе плащ... и это просто-напросто неприлично!

Эва прикрыла глаза, слушая такое знакомое, такое успокаивающее ворчание матушки.

Она дома.

Она... действительно дома!

Старший Орвуд слушал молча. Внимательно. Иногда кивал, словно соглашаясь то ли с Чарльзом, то ли с какими-то своими мыслями.

За окном забрезжил рассвет. И серые тени метались по ту сторону стекла. Чужая сила давила, пусть даже хозяева и сдерживали её. Но сам этот дом давно и прочно пропитался ею.

- За нами долг, - произнес Орвуд-старший веско. И Бертрам склонил голову, подтверждая, что долг есть. И не будет забыт.

- Вы будете их искать?

- Не уверен...

- Отец?

- Во-первых, Эва и вправду вернулась. Она цела. Физически здорова. Что до остального, то... в случившемся есть и её, и наша вина. Во-вторых, не сомневаюсь, что её похититель давно мертв. Подобные нити рвут первыми. В-третьих... скажем так, мы можем

попытаться найти что-либо, но... для чего? Кому ты собираешься мстить, Берт? Этой... торговке живым товаром?

Бертрам мотнул головой.

- Или остальным? Они лишь исполнители. Их смерть ничего не изменит.

- А что изменит? – тихо спросил Чарльз. И Орвуд-старший честно ответил:

- Не знаю. Знаю, что если убить этих, то скоро появятся другие. Третьи... они уже есть. Где-то там, на окраинах. И те, кто вылавливает молоденьких дурочек, напевая им песни о любви. И те, кто потом этих дурочек продает. И те, кто покупают...

- Их тоже можно найти.

- Можно, - взгляд Орвуда был тяжел. – Только... это как раз и опасно.

Он поднялся и подошел к подоконнику, оперся на него, коснувшись лбом серого стекла. Рассвет пробирался в город незаметно, да еще и туман породил, сизый, драный.

- Возможно, когда-нибудь в будущем... в далеком будущем... мир изменится настолько, что все люди станут добры. И будут относиться друг к другу с сочувствием...

- Вы сами в это верите? – не удержался Чарльз.

- Нет, - Орвуд смотрел в туман. Что он видел? И видел ли хоть что-то? – Когда-то... я имел неосторожность состоять в подобном клубе.

- Отец?

- Мы далеко не все знаем о своих близких. Это надо принять. Я был молод. И горел желанием изменить мир. К лучшему. Никто и никогда не хочет менять мир к худшему. Только к лучшему... чтобы ни бедных, ни больных... ни голодных, ни замерзающих насмерть потому как не за что купить дров. Чтобы... счастье и благоденствие. Всеобщее.

Тихо-то как. На рассвете всегда тихо.

И потому сквозь нервный полог этой тишины слышно, как грохочут колеса. Где-то там, далеко. Туман поглощает звуки, играет с ними, и кажется, что вот-вот из него выкатится старая телега.

- Нас таких была дюжина... мы называли себя Братством Мастеров. В знак того, что строим новый мир. Мы... искали. Пути

преобразования. Изменения. Не мира. Себя. Всегда ведь надо начинать с себя. Стать сильнее. Умнее... только это ведь непросто. Мы собирали древние рукописи, ведь когда-то легендарные маги способны были движением руки осушать реки и двигать горы. Мы тоже так хотели. Хотя... на сегодняшний день я понимаю, что проще сдвинуть гору, чем переубедить одного человека...

Это признание не для Чарльза. Но ему позволено присутствовать.
Почему?

Не потому ли, что Орвуд-старший... подозревает? О предложении, которое было сделано? И о том, что предложение это... звучит заманчиво?

Никто не хочет сделать мир хуже.

А лучше... получится ли сделать его лучше?

- У нас даже план был. Преобразований. Освоения диких земель Запада. Расчистка их, поскольку только человеческая раса воистину совершенна и близка к Создателю. А стало быть, все прочие... нет, мы не собирались их уничтожать. Отселить. Куда-нибудь в горы. Или дальше, туда, где земли вовсе не годны... пока не годны. Мы были уверены, что со временем иные вовсе вымрут. Естественным образом... правда, Мастер Целитель обещал создать что-то такое, что ускорит процесс. Для иных. А человеческую расу не затронет. Но как-то работа у него не заладилась, а потом и вовсе...

Выдох.

А ведь услышанного достаточно, чтобы... опасное признание. И Бертрам смотрит со... страхом? Нет, еще не страх, скорее разумные опасения.

- Я участвовал в тех исследованиях. Нам привозили... материал. Если относится, как к материалу, все много проще.

Он все-таки отступил от окна.

- Мы готовились. Мы... собирались начать с небольшого поселения на границе, там, где иные встречаются часто. И... отправились... втроем. Я, Мастер Целитель и Мастер Строитель. За этапом расчистки жизненного пространства должен был начаться второй. Заселения. И... сперва планировалось проложить дорогу. Железную. Она связала бы поселки, которые мы бы поставили, между собой. Поселки нового типа. Общины, связанные меж собой узами родства. Такие, где бы люди были близки друг с другом. Сами

стремились бы помогать один другому. Мы бы еще и наставили... Мастер Иллюзий говорил, что почти разгадал одну... один древний артефакт, который позволил бы изменить человеческую натуру. Если бы все вышло, то мы бы смогли внушать людям, что есть добро, а что – зло. Это ведь так заманчиво... новые земли, новые люди. Совершенные люди. Избавленные от слабостей и пороков, дающие начало новому идеальному обществу. Такому, в котором нет ни злобы, ни зависти, ни...

- Что произошло? – спросил Бертрам.

- Я всех предал, - Орвуд отвернулся. – Я... всех предал.

Он сделал вдох.

- Мы... ехали. Долго. Железной дороги еще не было. Да и сами по себе места... специфические. Нам не были рады, но... в какой-то момент мы оказались в орочьем поселении. Я помню, как очнулся. Горы... не сказать, чтобы высокие, но темные, черные почти. Небо. Звезды. Костер. Дикарь напротив. Огромный, как эти горы. И... и понимаешь, что вот он – их часть. И этой земли. А я так, пришлый. Он еще смотрит с насмешкой. И видит всего-то тебя, насквозь. С планами этими великими, которые на самом деле яйца выеденного не стоят. Но планы же...

- Вы...

- Я их убил. Тех, кого еще недавно называл братьями. Нет, сперва я хотел миром... мы же цивилизованные разумные люди. И мы можем договориться друг с другом. Так мне казалось. Я... я пытался рассказать о том, что чувствовал. Честно пытался. Про... племя... про то, что они – на своей земле, в своем доме. Это мы гости. И всегда ими были. Про то, что нельзя вот так. От заразы погибнут не только воины, но и женщины, и дети... я не хотел быть виновным в смерти детей, даже орочьих. На деле если, вживую, то от человеческих они мало отличаются.

Вот дерьмо.

И главное, поневоле начинаешь думать, что надо ли оно, такое знать? К чему чужие тайны, когда собственных девать некуда.

Но Чарли молчит. Снова. Кажется, молчание входит уже в привычку.

- Слово за слово... мне отвечали. Про план. Про дикарей. Про новый мир, который стоит малых жертв. Про то, что земля нужна, что

без нее не будет этого нового прекрасного мира. А я... я все отчетливей понимал, что не может быть никакого прекрасного мира на чужих костях. Я же все-таки некромант. Такие вещи никогда не проходят даром. В какой-то момент спор затих. Я даже решил, что... меня услышали. Мне сказали, что все хорошо, что мы уходим. И что мою точку зрения нужно донести до всех. Что Братство решит, кто прав.

- Вы поверили?

- Я ведь цивилизованный человек. А цивилизованные люди верят другим цивилизованным людям.

Это, конечно, зря.

- Мы отошли от стойбища... сутки... сутки по жаре. Вода теплая. Еще пахла так, неприятно. Я, помнится, подумал, что протухла... перед тем, как отключиться. Когда очнулся... был один. В прериях. Ни коня, ни... ничего. Оружие и то забрали. Записку вот оставили, что я предатель. И приговорен. Что если мне так дороги дикари, то надеяться я могу лишь на их милость.

Он дернул шеей.

- Я должен был сдохнуть там, в прериях. Без лошади. Без воды... но они как-то забыли, что я все-таки некромант. А в прериях довольно много павших лошадей. Хотя... ехать на такой – сомнительное удовольствие.

- И ты...

- Впрочем, у мертвых лошадей есть одно преимущество. Они не знают усталости, - Орвуд сцепил руки, и суставы хрустнули. – Я их догнал.

Чарльз сделал себе пометку, что если случится ссориться с некромантом, то добивать надо сразу.

- Догнал и убил.

- Ты же...

- Некроманту не нужно оружие. Тем более, когда он зол... моя сила выплеснулась и... в общем, я потом дам тебе почитать кое-какие книги.

Орвуд покосился на Чарльза, но тот сделал вид, что не слышит.

- Заразу я уничтожил. Они не успели донести её... и знаешь, тот, кого я считал другом, он был очень удивлен. Оказывается, я должен был умереть от яда. В воде был. Лишал сил. Магических,

физических... я должен был очнуться и лежать, сдыхая на палящем солнце, ни на что не способный. А я взыл и не умер... и я вспомнил того дикаря, который подал мне трубку. Он подал, я взял. И дым еще горький был. А дикарь сказал, что у меня есть выбор, что... выходит, и вправду был.

Он потер глаза.

- Когда я вернулся домой, то... оказалось, что братства больше нет. Дом, в котором располагался наш клуб, сгорел... пожар. То ли свеча опрокинулась, то ли уголек выскочил из камина. Артефакты оказались разряжены, да и... трое братьев задохнулись в дыму. Еще одного задавило рухнувшей крышей. Двое получили ожоги, от которых потом и скончались. Целители не помогли.

Чарльз повернулся к окну.

Туман почти истаял. И город просыпался. Там, за оградой, была своя жизнь. Звенел колокольчик на тележке молочника. Орал кот.

И снова грохотали колеса.

- Вы не поверили?

- Нет, конечно. Маги немалой силы и не справились с пожаром? Чтобы тот, кто управляет с огнем, как дышит, скончался от ожогов? А другой, способный, если не гору сдвинуть, то почти, не выбрался из горящего дома? Не удержал просевшую кровлю? Пожар был лишь предлогом, а я решил, что кто-то из нас, из тех, кто остался в живых, осознал то же, что и я. Что мы едва не стали причиной катастрофы. Что наши изыскания, наши стремления – скорее во вред. И мы сами, мы ничего по сути не знаем о людях, жизнь которых пытаемся улучшить. И вряд ли это возможно вовсе... если и да, то не таким путем. Нельзя постоянно внушать доброту или сочувствие. Я просто послал цветы. Соблезнования. И... сделал вид, что ничего-то и не было.

- И делал вид многие годы.

- Отнюдь, Берт. Я и вправду... занялся делом. Некромантия на многое способна. К примеру, создать зелье, которое остановит гниение плоти. И мне не мешает свежий взгляд. Когда я убивал заразу, ту, которую нашел у Мастера Целителя... это был по сути воздух с мельчайшими живыми существами, в нем заключенными. И эти существа... о них не так давно писали, были они открыты сотню лет тому, но открытие не сочли сколь бы то ни было интересным. Так вот,

Брат Целитель весьма плотно их изучал. И пришел к выводу, что именно они во многом вызывают болезни. А узнав причину, можно отыскать лекарство. Если бы он приложил усилия к этому, он бы достиг многого... я же, уничтожив созданных им существ, понял, что так же могу уничтожить и любых иных. Но проблема в том, что... в воздухе и воде ладно, как и в земле, правда, земля вбирает мою силу и становится мертвой. А вот в живом человеке мне сложно отделить одну жизнь от другой. Я пытался создать яд, который бы действовал избирательно. И даже вышло, но...

- Не то, чего хотелось?

- Не совсем. Яд действует на мельчайших существ, однако мыши, на которых я пробовал действие яда, тоже погибают. Не сразу и не от яда, тот довольно быстро выводится из тел. Пока не могу разобраться, в чем причина... не суть важно. Со временем пойму. Возможно, или яд слишком силен и вредит уже телу, или наоборот, слаб и убивает не всех...

Он перевел взгляд на Чарльза.

- Не так давно я получил одно... весьма интересное послание, в котором мне напомнили о прошлом. Далеко не все, что мы делали, было законно. Так вот... меня предупреждали, что излишнее любопытство в некоторых вопросах может привести к... не самым приятным для меня последствиям.

- Погоди...

- Человек, которому я задавал вопросы... про Эву. Опытный и весьма толковый человек, давно помогавший мне... в разного рода делах скончался. Вдруг. Как и еще один...

- То есть, вы полагаете...

- Я практически уверен, что... стоит принять это предложение.

- Просто забыть? – в голосе Бертрама прорезалось... удивление? И что же именно его удивило? То, что отец готов отступить.

- Я говорил, что нас была дюжина... двоих убил я. Шестеро погибли при пожаре или после него.

- Восемь. С вами девять. Осталось трое?

- Только я. Найт ушел в тот же год. Несчастный случай. Виктор тогда же... простуда. Банальная простуда, которая на проверку оказалась чахоткой. Правда, незадолго до смерти он написал письмо.

Просил о встрече. И я бы встретился. Собирался. Не успел. Потом... со мной связался его поверенный, говорил, что ему оставили конверт.

- Но...

- Но пока я добирался до города, случился еще один пожар. Пожары ведь – явление такое... постоянно происходят.

И поверенный погиб, а конверт сгорел.

- Так... кто тогда?

- Я был на пожарище, - Орвуд-старший смотрел на сына. – И пытался призвать души. Я был еще в достаточной мере наивен, чтобы надеяться на ответы. Но никто не отозвался. Точно также, как не пришел Виктор. Да и Найт... хотя, конечно, после смерти прошло больше года, а спустя такой срок...

Двое в пустыне и сам Орвуд.

Шестеро при пожаре.

Итого девять.

Десятый от несчастного случая. Одиннадцатый...

- Кто-то еще должен остаться. Не сходится. Вышло одиннадцать...

- Двенадцатым был Император, - спокойно произнес Орвуд. –

Правда, тогда еще наследник, но...

Твою же ж... чтоб их всех.

Дерьмо-то какое.

Глава 32 Леди и еще раз леди

Глава 32 Леди и еще раз леди

- На самом деле он скорее покровительствовал, нежели сам участвовал. Деньги... изыскания всегда дороги, а далеко не все могли позволить себе подобные траты, - Орвуд устроился в кресле. – Кое-какие книги. Артефакты. Императорская сокровищница хранит много разных вещей.

- А потом...

- Потом у нас состоялась беседа. Короткая. Но мне явственно дали понять, что об участии Его высочества лучше забыть. Да и вовсе о клубе. Признаться... - он ненадолго замолчал. – Тогда еще я подумал, что наши игры привлекли внимание Императора. И он счел их слишком опасными. Предпринял меры...

Возможно ли?

Отчего нет. Тогда объясним и пожар, и то, что маги погибли. И то, что упокоили их со знанием дела. Да и в целом...

- Честно говоря, опасался, что и со мной произойдет... несчастный случай. Странное было состояние. Такое... как будто душу вытащили. Слишком много всего. Я вдруг утратил цель жизни. Друзей. Братьев... смешно горевать о том, кого сам убил. Да и жизнь особо... ценной не казалась. Я просто существовал, это уже потом, после... начал приходить в себя. Постепенно все менялось...

Он кривовато усмехнулся.

- Я встретил женщину, которая меня не испугалась. Женился... появился ты. Потом девочки. И оказалось, что все не так уж плохо. Да и работа... забыть совсем не вышло, но воспоминания утратили болезненность. И тут это письмо.

- Могу я взглянуть? – поинтересовался Чарльз.

- Боюсь, что нет. Подобные письма имеют отвратительную привычку рассыпаться прахом после прочтения. Но писал его человек, который хорошо меня знал. Как и знал о том, что происходило в Клубе.

- Император?

- Ему незачем. Я приносил клятву. Личную... одно из условий моей жизни здесь. В принципе жизни. Так вот, ему достаточно было

бы отдать приказ. Нет... Император, если и виноват, то в той же наивности, что и я...

- Кто-то... уцелел, - вывод напрашивался сам собой. – Пожар. И тела были изуродованы. И...

- И опознавали кости. А если добавить, что, возможно, пожар и вправду устроила Тайная Канцелярия, то уцелевший в нем не стал бы распространяться о своей удаче. Он бы воспользовался ситуацией...

- Все равно не понимаю, - Бертрам упрямо мотнул головой. – Какое к этому отношение имеет Эва?

- Полагаю, что никакого. Напрямую. То, что с ней произошло, не более чем череда случайностей. Неприятных весьма, но и только... а вот Клуб... судя по тому, что рассказали вы, Черльз, он остался. Изменился. Раньше мы не скрывали лиц. И не прятались за теми, кто одержим удовольствием. Но надо признать, что тайные клубы подобного толка существовали всегда. За ними приглядывали, но если на пороки телесные Тайная Канцелярия посмотрит сквозь пальцы, то иные... устремления будут пресечены. Так что... одно к другому. Аукцион – место, где пересеклись многие интересы.

- Хорошо, это все понятно, но... ты серьезно хочешь отступить?

- Нет, - Орвуд-старший поглядел на Чарльза. – Те работы, которые вел Брат-Целитель... я не уверен, что записи сгорели. Они были довольно подробны. Да и Вейзель всегда отличался нечеловеческой дотошностью. Если уцелел кто-то из Братьев, то могли уцелеть и эти записи. Я не говорю уже об идеях. Идеи в целом весьма живучи.

- Погоди, - Бертрам потер переносицу. – Ты хочешь сказать, что где-то в городе существует некая тайная организация, готовая выпустить в мир заразу? Ту, что уничтожит... нелюдей?

- Если бы нелюдей. Сколько лет прошло, Берт? Больше сорока. Этого хватит, чтобы по записям восстановить процесс. Создать то... зелье. Испытать его. И использовать. Все ведь были уверены, что Клуб прекратил свое существование. Так что никаких преград. Но почему-то до нас не доходило слухов об эпидемиях... так что, возможно, все куда хуже.

- Куда уж хуже? – не выдержал Чарльз.

- Всегда есть куда хуже. Скажем так... некоторые из Братьев полагали, что далеко не все люди годны для того, чтобы стать частью нового мира. Дурная кровь. Слышал о такой теории?

- Смутно, - вынужден был признаться Чарльз. – Это что-то о...
- О том, что сын убийцы станет убивать. От вора родится вор. Да и в целом люди с преступными наклонностями породят преступников.
- Это же... бред!
- Для тебя, Берт. И... для вас? – вопрос был осторожным, а взгляд – весьма внимательным.
- Бред, - подтвердил Чарльз. – Иначе было бы просто. Уничтожить всех...

Он осекся.

- Нет. Это же... безумие!
- Безумие. Но... понимаете, безумцам их логика зачастую представляется единственно верной.

Все равно безумие.

Как... как вообще подобная идея могла прийти кому-то в голову?

- Это объяснило бы задержку. К чему привлекать внимание эпидемией среди малых народов и рисковать, что кто-то дойдет до сути, если не решена основная проблема? А решить её не так и просто... все же, что орки, что сиу отличаются от людей. А люди? Как отделить тех, в ком есть дурная кровь, от прочих?

Чарльз очень надеялся, что никак.

Что...

Нет, уповать на здравый смысл, когда речь заходит о чем-то безумии, не следует. А вот неразрешимость задачи...

- Император...

- Сомневаюсь, что он помнит об этом своем... увлечении. Да и единственный раз, когда случился спор на тему чистой крови, высказался довольно-таки резко. Что-то о том, что... никогда нельзя быть уверенным, что твоя кровь в достаточной мере чиста? Кажется, так... да и не нужен ему клуб. У него есть Тайная канцелярия и не только.

- Кто тогда?

Молчание. И нет, Орвуд не тянет время. Скорее он обдумывает, что именно сказать. Снова. И ведь не раз и не два он уже перебирал, что мысли, что имена.

- Трое. Среди братьев трое придерживались идеей истребления «дурной крови». Но имена ничего не дадут. Они мертвы и...

- Где их тела?

- Где и положено. В родовых склепах. Вызвать дух не выйдет.

- У некроманта, - задумчиво произнес Чарльз.

А вот если попросить шамана?

Не то, чтобы он наверняка знал, но... Эдди ведь сумел вызвать духов в гостинице? И если попробует снова... хотя наверняка тот, кто затеял эту игру, не выпустит из виду собственный склеп.

И семью.

И... нужно действовать осторожно. Крайне осторожно. Как-то не хочется, чтобы с ним несчастный случай приключился. Или... вовсе забыть?

Отступить.

Отказаться от приглашения. Уехать, как и собирался. Возможно, намекнуть Эдвину. Он наверняка связан с Тайной Канцелярией, иначе откуда такой интерес к «Слезам сиу». Или... ну да, если дурную кровь от недурной отделить сложно, то, возможно, с даром все куда проще?

Отделить одаренных от всех остальных?

Или...

Нет, уехать не получится. Матушка ведь останется. Августа. Да и прочие... Берт точно теперь не отступит. Взгляд у него такой вот, задумчиво-нехороший.

- Возможно... возможно, стоит поговорить с Его императорским Величеством, - Чарльз поднялся. – Для начала. И... заняться чем-нибудь таким. Чем вы обычно занимаетесь?

- Работой.

- Вот ею... Берт же в свет выйдет.

- Зачем?

- За невестой?

- У меня уже была одна.

- Будет и вторая, если понадобится. На деле... попробуй стать, если не своим, то и не чужим. Заодно послушать, о чем говорят. Если что-то затевается... или планируется... сейчас вряд ли, после заговора некоторое время будет очень тихо. Но вот настроения... - Чарльз щелкнул пальцами. – Их стоит уловить. А еще...

В памяти вдруг всплыло имя.

- Надо познакомиться с одним человеком. Но как-то так, в неформальной обстановке... и... да, если вы совсем отступитесь, этого ведь не поймут. Не поверят. Ваш характер знают. Значит, этот человек

проведет небольшое расследование. По частному заказу. Как полагаю, он отыщет похитителя, скорее всего мертвого. Вы выразите недовольство...

Бертрам хмыкнул.

- А ты?

- А я... я прислушаюсь к старшим братьям. Я ведь тоже хочу изменить мир к лучшему.

- Это опасно.

- Зато если что-то и будет, то там... только там.

Потому что, пусть даже нет оснований полагать, будто одно с другим связано, но Чарльз всей сутью своей чувствует: связь имеется.

Имеется связь.

- И да... я думаю, что будет весьма логично, если моя супруга подружится с вашей дочерью... и время от времени станет её навещать. И наоборот.

- Думаю, Эве понадобится поддержка, - Бертрам вздохнул и посмотрел на отца. - Матушка упоминала, что слухи уже пошли, пусть даже никто не знает наверняка, но... ей придется сложно.

Он замолчал, чтобы добавить спустя мгновение.

- Им обеим придется сложно.

- Ничего, - Чарльз поднялся. - У Милли револьвер имеется... кстати, стреляет она неплохо.

Я сидела в гостиной с чашечкою чая, такого же поганого, как дома. Правда, к чаю подали сэндвичи с ветчиной и сыром, и еще какие-то крохотные штучки, с мясом внутри. И пирожные.

Печенье.

В общем, поганость чая несколько сглаживалась возможностью поест. И главное, никто не сидел, не буравил взглядом. Кроме мальчишки-сиу, который молча опустился на пол.

Надо как-то с ним... заговорить, что ли?

И что сказать?

Твоя матушка просила тебя найти? И ждет... ждет ли?

- Есть хочешь? - поинтересовалась я и протянула сэндвич.

Его приняли.

Осторожно так. И не спуская с меня внимательного взгляда.

- Я тебя не обижу. Чарли тоже. И Эдди... он, конечно, большой и грозный, но только с виду. На самом деле он добрый.

Эдди, дремавший в кресле, приоткрыл глаз. И закрыл.

Мальчишка ел быстро, не жуя.

И молчал.

- Чай? Или еще?

Молчит.

Так мы и сидели. Пялились. Я на него. А в самом деле, что с ним делать-то? Полукровка... и сиу его не примут. Или примут, но все равно жизни не будет. Да и он сам... сколько лет он прожил здесь? И наверняка привык к городу.

А в горах? Справится ли?

- Ты хочешь вернуться домой? – поинтересовалась я.

- Как госпожа пожелает.

Ясно. Для задушевных разговоров еще не время. И что-то вот подсказывает, что свекровь моя не слишком по покупке обрадуется. Она и меня-то с трудом терпит, а тут этот вот.

Хмурый.

- Ладно. Ешь тогда...

Сиу дернулся. И Эдди потянулся, стряхивая остатки сна. А потом и я услышала шаги. И сразу разочаровалась. Не Чарли. О чем столько говорить можно? Час уже прошел, если не больше, а эти... ладно, вернется – расскажет.

- Прошу прощения, леди Диксон...

Я не сразу сообразила, что это она мне.

- ...что бросила вас, - матушка Эвы выглядела так, будто последний час прихорашивалась, а не дочку успокаивала.

Надеюсь, с той все хорошо.

Нет, девица выглядела довольно-таки бодрой, но мало ли, как оно... иные вот так бодрые, бодрые, а потом раз и в петлю. Была среди Беттиных девочек такая, новенькая...

О таком и думать неохота.

- Как она? – спросила я, поерзав. – Извините, если вот...

- О, не переживайте. Эва спит. И целитель уверен, что все, что ей нужно – это отдых, - леди опустилась в кресло и недовольно нахмурилась. – Чай совсем остыл...

- Ничего. Все равно гадостный.

- Простите?

- Это вы меня, - надо все же думать, что говорю, а то ж неудобно получилась. – Я как-то привыкла к более крепкому, что ли.

Зевок удалось сдержать исключительно нечеловеческим усилием воли.

- Понимаю. Я сама не отсюда и тоже довольно долго пыталась приспособиться. Но все равно больше люблю кофе. Может быть...

- Не откажусь.

Глядишь, кофе окажется не таким жиденьким.

Леди позвонила в колокольчик и распорядилась насчет кофе. И завтрака.

- Время уже раннее. А мужчины порой так увлекаются разговором, что забывают обо всем. Вы не откажетесь разделить со мной завтрак? Ненавижу есть в одиночестве.

А она мне, пожалуй, нравилась.

Или нет?

- С удовольствием. Если только вы завтракаете не овсянкой.

- Эва её тоже терпеть не может. Но овсянка очень полезна для цвета кожи...

- Меня она не спасет.

А пожалуй, права маменька. Чего притворяться? Даже если кожу выбелю, волосы цвет-то не поменяют. Да и ниже я не стану. И... и чего ради? Чтобы кому-то там угодить?

- Вы весьма своеобразны...

Интересно, это похвала или наоборот.

Вздых.

И взгляд такой... на Эдди. Выразительный.

- Может, подскажете, где тут...

- Сад? – подсказала леди Орвуд.

- Сад, - покорно согласился Эдди. – Слышал, что у вас чудесный сад... особенно в рассветное время.

- Вас проводят. Он и вправду хорош. А на рассвете там удивительно спокойно. Кофе? Или все-таки чай?

- Кофе. На... нет, мне кофе, а ему вон чай. Или там компот. Вставай.

Сиу молча поднялся. И за Эдди отправился, правда, стараясь держаться в стороне. Так, чтобы ударом не достать.

- Этот... это...

- Сиу, - подсказала я. – Ему тоже нужна помощь. А я в свое время обещала.

- Понимаю.

И вправду понимает. А ведь... тоже леди.

- Быть женой некроманта непросто, - сказала леди Орвуд задумчиво. – Поневоле сталкиваешься с вещами, о которых, возможно, и предпочел бы не знать, но... сиу я еще не встречала.

- А кого встречали?

- Из живых?

Чудесное уточнение. Самое оно для завтрака. Хотя чего еще ждать от жены некроманта.

- Не подумайте. Мой супруг весьма осторожен. Он делает все, чтобы не тревожить меня лишней раз, но иногда... особенно раньше. Всякое случалось. Я уже не боюсь мертвецов.

А чего их бояться? От живых вреда куда больше.

Кофе подали и... и черный, густой, какого я и дома-то не пила. Горький до того, что зубы сводит.

- Сливки?

- Д-да... с-спасибо, - я сумела выдавить улыбку.

- Вы весьма необычны.

- Заметила.

- И вам придется нелегко. Впрочем, как и Эве... так уж получилось, что моя дочь... не имеет подруг. Точнее одна была, но и та оказалась легкомысленною особой.

Уж не о той ли подруге речь, которая помогла Эве сбежать? А кофе, если со сливками и сахаром, то и ничего так. Бодрит.

- Все равно не получается сварить нормально, - леди Орвуд поморщилась. – Учишь их, учишь, но без толку... специй не доложили.

- А еще и специи?

- Обязательно. Специи помогают раскрыться истинному вкусу. В другой раз я сварю сама. Думаю, вы оцените.

Куда ж я денусь.

- Так вот... отчасти виной тому стало наше положение. Орвуды – семья довольно известная, но... как бы это выразиться... Орвудов уважают.

- И боятся.

- Опасаются.

Один хрен. Но это мнение я оставила при себе.

- Как бы то ни было, но... девочек редко приглашали на детские праздники. Да и там они оставались словно бы в стороне. Берту проще. Дар у него выраженный, а некроманты все по сути одиночки и не слишком нуждаются в общении. Девочки же... думаю, в силу одиночества они и увлеклись, когда открылся дар.

Молчу.

Слушаю.

Даже сочувствую. Девица показалась мне довольно живой. Такой тяжко в одиночестве. У меня вон хотя бы Эдди был, да...

- И все закончилось плохо. Тори... ушла, а Эва осталась одна. Я пыталась как-то занять её. Воспитывала, как юную леди... очаровательную юную леди, несмотря ни на что.

Вздых.

И кофе остывает. А все-таки есть что-то этакое в горечи. И в привкусе то ли корицы, то ли шоколада, что остается во рту.

Успокаивает.

Странно, раньше на меня кофе иначе действовал.

- Возможно, где-то я была... слишком требовательна. Но общество жестоко. Не ко всем, отнюдь... просто одним прощается больше, чем другим. И то, что для одних милая особенность, для других становится недостатком.

Верю.

Охотно. И даже ловлю себя на мысли, что эта женщина... она мне даже, пожалуй, симпатична. Немного.

- Я так боялась, что дочь не примут, что едва не потеряла её. Еще и её. А теперь понимаю, что её действительно не примут. То есть... повода отказать от дома не будет. Как и повода оставить без приглашения. Но одиночество может быть весьма разным.

- И что нужно от меня?

Не люблю словесных расшаркиваний.

- Род Орвуд не посмеют игнорировать. Но... внимание может быть разным. Эва – добрая девочка. Искренняя. Ей не хватает... скажем так, стойкости характера.

Вот тут бы я поспорила.

Стойкости?

Девушку умыкнули, держали хрен знает где и вряд ли в месте, на гостиную нынешнюю похожем. Потом продавали и, что характерно, продали. А она ни истерик, ни слез, ни обмороков... еще и пыталась требовать, чтобы сию купили. Хотя что ей с того-то?

И мне будут говорить, что ей чего-то там не хватает?

- Вы же производите впечатление человека... стойкого.

Что она к этой стойкости привязалась-то?

- Кроме того вы находитесь в сходном... положении. Общество...

- Меня уже предупредили. Думаете, вдвоем нам будет веселей?

- Именно, - она улыбнулась уголками губ. – Вам понадобится кто-то, кто сможет... направить, подсказать... помочь сориентироваться в правилах писанных и неписанных. А Эве пригодится подруга, которая... не станет язвить.

Это она зря надеется, что не стану.

Хотя... издеваться над малышкой у меня и вправду желания нет.

Я задумалась.

А... собственно говоря, что я теряю-то? В том и дело, что ничего. Или сидеть в особняке, наслаждаясь обществом свекровищи. Или... или высунуться наружу. В этот самый высший свет. А там уж... как пойдет.

Я погладила револьвер.

- И да, - это не укрылось от взгляда леди Орвуд. – Как-то раньше я была против, но теперь... я буду весьма благодарна, если вы научите Эву стрелять.

- Без проблем. Это, к слову, и нервы успокаивает.

- Знаю, - леди Орвуд вздохнула и пошевелила пальцами. – Но в обществе как-то... не принято. Просто так. А охоту муж не жалуется.

- А стрельбище?

- Я должна была подавать девочкам достойный пример. Но да, вроде бы имеется... или можно оборудовать. Не думаю, что Джастин станет возражать.

И я тоже.

А станет... Эдди попрошу. Чтобы в таком большом городе и не нашлось местечка, где две леди могут отвести душу? Ха.

- В таком случае буду рада вас видеть... в любое время. И леди Диксон напишу.

Вряд ли это поможет.

Но пускай себе.

Глава 33 О шаманах, магах и долговых обязательствах

Глава 33 О шаманах, магах и долговых обязательствах

В гостиницу Эдди вернулся, когда газовые фонари погасли, а небо посветлело настолько, чтобы тьма на улицах сменилась сизой мглой. Тянуло гнилью от реки и слегка – навозом. В этой серости тенями сновали люди. То тут, то там раздавались звон, собачий лай, хриплый рев скотины и обычная человеческая ругань.

Закончилось.

Хорошо.

И что девчонка цела, тоже хорошо. Но не отпускало такое вот погановатое ощущение, что... не так все просто.

Разговор этот долгий.

Мрачный и задумчивый Чарльз. Милисента придремавшая и дремавшая до самого дома. Но сон её был не настолько крепок, чтобы поговорить. А поговорить есть о чем.

- Скажи... шаман может призвать духа? Если у некроманта не получилось? Если... скажем так, был проведен обряд?

- Шаман – может.

- И обряд разъединения ему не помеха?

Эдди задумался.

- Надо пробовать. Но... маги себе. Шаманы себе. Другое. Шаманы видят два мира. И духи обретают на верхнем. Маг использует связь их с телом, которую и разрывают. Но дух-то никуда не девается. Он просто теряется там, в ином мире. Или уходит. Тут уже сложно, если уходит совсем. Хотя... нет, надо пробовать.

Чарльз кивнул.

И сказал:

- После поговорим.

Вот чуяла задница, что одним аукционом все не закончится.

Но потом, так потом. Сейчас Эдди устал. И спать хотелось дико. А главное, экипаж полз этак, неспешно, покачиваясь... будто нарочно убаюкивая.

- Мальчишку я заберу, - Эдди встряхнулся. – Пригляжу, пока не решите, чего делать.

- Хорошо, но... к нему будут вопросы. Не у меня.

Сиу, забившийся в самый темный угол, только глазами зыркнул. И оскалился.

- Никто тебя не обидит, - сказал Чарльз. – Скорее уж нужна твоя помощь. И да, чтоб ты знал. Рабство запрещено. Надо будет опеку оформить. Официально.

Он потер шею и добавил тихо:

- А то чуется, что... в общем, пусть пока и вправду с тобой будет. А там разберемся.

Эдди кивнул.

И добавил для мальчишки:

- Вздумаешь бежать, найду. Ясно?

Сиу не шелохнулся. Вот ведь... не было печали. Но ничего, и с этим Эдди разберется. Со всем разберется... только выпится для начала.

Сонный швейцар распахнул дверь, проводивши взглядом и Эдди, и мальчишку, который держался в шагах трех. И пусть с видом независимым, но точно следил за каждым движением Эдди.

Лестница.

Ковер. Коридорный, что тихо дремал за столиком, а при появлении Эдди встрепенулся.

- Спать буду, - сказал ему Эдди. – Не беспокоить. А потом... часам к двенадцати завтрак подай. Или обед. В общем, пожрать. На двоих.

Мальчишка выглядел донельзя тощим, причем не понятно было, то ли сам по себе такой, то ли голодом морили.

Отключился Эдди сразу. И...

Вороны.

Много воронов. Он то был одним из стаи, то пытался сосчитать их, то вовсе, подняв с земли длинный прут, гонял их. Еще кричал:

- Кыш, кыш, кыш...

А вороны кружились, каркали и не желали улетать. Потом же, слившись в одну огромную птицу, поглядели на Эдди черным глазом.

- Я тебя не боюсь, - сказал Эдди.

Ворон же хрипло засмеялся и превратился в дракона. А тот дыхнул жаром и... Эдди проснулся.

Вот же ж... привидится.

Он даже не сразу сообразил, где находится. Взгляд уперся в провисший бархат балдахина. Сумрачно. И пахнет цветами, но не только... нос уловил аромат свежей сдобы. Корицы. И мяса.

Эдди потянулся.

Надо было бы раздеться, но... а ведь тоже странно. Он ничего по сути и не делал, а устал, как будто... или это накопилось просто?

Мальчишка сиу сидел на полу у кровати. На пятках. Неподвижно.

- Эй, ты живой?

Сиу повернул голову.

Стало быть живой. Эдди все же зевнул во всю ширь.

- Есть хочешь?

- Если господину будет угодно...

- Будет. Вставай. Чтоб тебя...

Голова болела. Нехорошо так. И... Эдди потрогал переносицу. Ощущение такое, что вот-вот из носу кровь хлынет. Но ничего... и муть перед глазами.

Что за...

- Твоих рук дело? – поинтересовался он. Сиу чуть прикрыл глаза и сжался. – Не твоих.

Молчание.

И страх. А ведь... он и вправду боится. Эдди? Кого-то кроме? И знает...

- Так, подойди-ка сюда.

Сиу поднялся.

И сделал шаг. Остановился, напрягшись, явно готовый бежать или... куда ему бежать.

- Не дрожи, - Эдди убрал руку от лица. – Не буду я тебя бить. Я детей не бью.

Не поверили.

- Зовут-то тебя как?

- Как господину будет угодно.

- Тьфу... так, ладно... ты знаешь, почему мне так хреново-то?

Потому что неспроста. И сны эти дурные. Эдди в жизни дурных снов не снилось, а если и случались, то мутные, бестолковые, которые и уходили, оставляя в памяти пару странных образов. А тут вот вороны. Ворон.

Дракон.

- Г-господин, - голос мальчишки все же дрогнул. Надо было его Милисенте оставить. Небось, её бы не боялся. Хотя... там еще эта, которая матушка Чарльза... или стоп, и вправду надо бы матушку кликнуть, она умеет находить общий язык со всякими там... найденышами. Навроде Эдди. – Г-господин об-обладает даром. В-видеть с-сокрытое.

Смотрел мальчишка исключительно в пол.

- К г-господину приходили. Мертвые. Г-господин спал. Распоряжений не было.

И мелкий поганец не стал вмешиваться. Но Эдди сам дурак. Знал же про неуспокоенные души. Те, что послабее и хотели уйти, ушли. А вот с оставшимися все не так просто. И силу его они попробовали еще тогда. И... связь наверняка оставили.

И пришли.

Не удержались.

- В следующий раз или гоняй, или меня буди. И не надо говорить, что ты с мертвецами не справишься, - Эдди потянулся.

Зато понятно, откуда сны.

И слабость.

Надо будет оберег соорудить. На будущее.

- Ладно... завтрак не принесли?

- Проверить? – сиу-таки рискнул поднять взгляд.

- Проверь. И... ладно, иди уже. Я сам.

Главное, чтобы не плеснул чего... хотя нет, на нем штаны и рубашонка, сквозь которую видно тощее тело. Отраву спрятать просто-напросто некуда. Да и зачем? Сомнительно, чтобы мальчишка так сильно любил прошлого хозяина.

Страх-то не взялся из ниоткуда.

- Погоди, - Эдди потянулся так, что кости захрустели. – Я не знаю, что в твоей дурной голове творится, но не думай, что получится сбежать. Я не стану тебя сажать на цепь или еще чего, и выйти из гостиницы ты выйдешь. Только потом что? Рожа у тебя сильно приметная. Мигом в какой-нибудь зверинец угодишь.

По тому, как дрогнули плечи, Эдди понял, что о побеге мальчишка думал.

И не раз.

- Плохо было?

Не ответил.

Не доверяет. Оно и правильно. Эдди на его месте тоже бы не доверял.

- Ничего. Просто задержись. На недельку-другую, а там... поглядим. Обижать тебя никто не станет. Бить или еще чего, тоже. Если выйдет разобраться с делами тут, то уедем.

- Куда?

- Есть такой город... там и люди живут, и нелюди. И твоё племя... хотя не буду врать, не уверен, что тебя примут.

А вот теперь мальчишка слушал внимательно.

Очень.

- Так уж вышло, что... похоже я знаком с твоей матушкой. Точнее моя сестра. Она как-то... ближе, что ли? И бабушку твою мы встречали.

Эдди передернуло.

Все-таки есть в сиу нечто такое, на нервы действующее.

- Вас там немного осталось, но сиу упрямы. Да и... в общем, отвезти отвезу. И к делу пристрою, если не получится с родней.

- Какому? – первый вопрос, который мальчишка задал. И сам того испугался. Снова замер, голову в плечи втянув.

- Да... пока сам понятия не имею. Думал мастерскую открыть. Люблю с артефактами ковыряться. А так-то я больше охотник... на людей. Сиу, к слову, отличные охотники... в общем, какие-никакие перспективы, а будут. Поэтому просто не дури, ладно?

Молчание.

И осторожный неуверенный кивок.

- Отлично, - Эдди обрадовался. – А теперь давай, спроси за еду. И сам садись, не жди меня. Я... навещу одного человека.

У матушки снова были гости.

Гость.

И Эдди сперва вошел, а потом понял, что все же стоило не только постучаться, но и привести себя в порядок. А то ведь он и без того не сказать, чтобы красив, тут же и вовсе после сна, в мятой одежде и с мятою же рожей, на которой все сны отпечатались.

- Доброго дня, - поздоровался Эдди, раздумывая, не притвориться ли ему вовсе, что он дверью ошибся.

Но матушка поднялась.

- Проходи, дорогой. Ты весьма вовремя.

Не сказал бы.

И во взгляде гостя тоже сомнения читались. Да и сам этот гость... кто он? Лицо такое вот... знакомое, точно Эдди его видел. Хотя, конечно, откуда? Или просто они тут все... что Чарли, что этот, холеный до крайности.

В костюмчике сером.

С тросточкою, которую к креслу прислонил.

Цилиндр на столике.

Перчатки.

А вот все одно кого-то... нет, не судью... и не шерифа, те всяко попроще. Скорее уж и вправду одновременно, что Чарли, что Орвуда-старшего, да и младшего тоже.

Точно.

Та же маска аристократической надменности. И легкого раздражения, будто у него живот прихватило, а выйти никак невозможно. И еще чего-то.

- Познакомься, Джеральд. Это мой сын. Элайя. Эдди. А это мой старший брат. Джеральд.

Эдди смерили взглядом.

Да нет, не смерили.

Просверлили.

И достали до самых печенок. И вовсе шкуру сняли бы. Причем, чувствовалось, что не только взглядом.

- Мне... сказали, - медленно произнес Джеральд. Интересно, если назвать его дядюшкой, его хватит кондрашка? – Но я и предположить не мог, что все настолько...

Он бросил взгляд на матушку.

И добавил.

- Впечатляюще.

- Ага, - только и сумел выдать Эдди. – Вы... извините, если помешал.

- Ничего, дорогой. Ты не мешаешь.

А у Джерльда глаз дернулся. Но кивнуть он кивнул, подтверждая, что Эдди вот нисколько не мешает. Ага, конечно.

- Присаживайся. Может быть, чаю?

- Нет, я... пойду пожалуй. Там... надо за кое-кем приглядеть. И... если что, то я рядом.

Все-таки взгляд у этого Джеральда был...

- Скажи, что тебя заставили... - и голос он все-таки понизил, но слух у Эдди всегда был хорош.

Матушка рассмеялась.

- На самом деле он замечательный.

Подслушивать нехорошо. И кажется, этот Джеральд тоже так подумал, если стену поставил. Ну и ладно, если чего важного, то матушка все одно расскажет.

Мальчишка-сиу сидел на полу, перед столиком, на котором выстроился ряд блюд под серебряными крышками. Крышки сияли. Из-под них тянуло съестным. И Эдди поднял первую же.

Хмыкнул.

Жареная оленина, посыпанная черным кунжутом. И соус сладковатый.

- Давай, - он поманил сиу. – Тебе тоже поесть надо, а то не понятно, в чем душа держится.

- У сиу нет души, - мальчишка не шелохнулся.

- И кто тебе такую дурость сказал?

Молчание.

- Иди сюда, - строже повторил Эдди. – Мне недосуг с тобой нянькаться. А еды тут на двоих хватит. На вот. Пользоваться умеешь?

Вилку сиу держал аккуратно. А вот Эдди не осталось. И... и когда его такая малость останавливала? Особенно, когда есть хотелось до одури.

И ел.

Эту самую оленину, что оказалась несколько пережаренной, потом был паштет с клюквенным соусом. И что-то белое, густое, пахнущее грибами и сыром. Мальчишка тоже ел. Сперва дичился, стараясь сидеть так, чтобы дотянуться до него было сложно. И застывал, стоило Эдди пошевелиться. И жевать почти не жевал, заглатывая еду кусками.

Вот же... кто с детьми так обращается?

Но ничего. Постепенно голод взял свое. И только наевшись, сиу икнул.

И сказал:

- Господину передали записку.

И снова этот изучающий взгляд. С чего бы... а, верно, записку он должен был отдать сразу. А он вот потянул. И ждет наказания?

Пусть себе ждет.

Пальцы Эдди вытер о рубашку, которую и без того вряд ли спасет прачечная. И записку прочитал.

Хмыкнул.

Что ж... почему бы и нет.

- Так, - он поглядел на сиу, снова притворяющегося неживым. – Я сейчас уйду. А ты... сходи помойся. С одеждой... скажу, чтоб принесли чего. И отдыхай. Из номера не выходи. Ясно?

- Да, господин.

Вот и ладно... только сперва Эдди надо себя в порядок привести.

Или нет?

Он перечитал записку снова. А может вообще... нет, нехорошо заставлять леди ждать. Да и интересно.

Глава 34 В которой речь идет о семье, силе и камушках

Глава 34 В которой речь идет о семье, силе и камушках

Проснулась я поздно и снова – от голода. Да когда ж это закончится-то? И главное, что делать, если... если не закончится?

Я зевнула.

Почесала спину, толкнула Чарли, который нагло дрых, развалившись на половину кровати. Причем именно на мою половину. Еще и одеяло отобрал, а в особняке, пусть даже и лето на улице, не сказать, чтобы жарко.

- Что? – Чарли приоткрыл глаз.

- Вставать надо, - я подавила зевок. – А то матушка твоя совсем беспокоиться...

Ей ведь наверняка доложили.

И о том, что явились мы на рассвете.

И о платье ужасающей красоты, которое я оставила где-то там, за порогом спальни. И не хочу думать, о чем еще. Пусть себе.

- Не хочу, - Чарли попытался отнять у меня одеяло. – Граф я или как? Имею право спать...

- Я есть хочу, - пожаловалась я и одеяло не отдала. – А без тебя меня кормить откажутся. Попытаются.

- И Эдвин должен будет появиться... - промычал Чарли в подушку.

- А это что за... человек?

Все-таки надо вспоминать, как ведут себя приличные леди.

- Да так... один... познакомлю.

Я пожала плечами.

И встала-таки.

Потянулась, чувствуя, как пришла в движение сила. И какая-то она... не такая, что ли? То есть огонь был, огонь и остался, но... другой.

А в чем другой?

- Ты мне, к слову, преподавателя обещался, - сказала я, пытаюсь этот самый огонь унять. Свернуть шариком и спрятать внутри себя.

А он все не сворачивался.

Твою же ж...

- Чарли, - голос дрогнул.

Категорически не сворачивался. Наоборот, его становилось больше. И больше. И...

- Прости. Я... замотался. Я...

- Чарли, если ты сейчас не встанешь, то я спалю это комнату к чертям собачьим, - я старалась говорить ровно и спокойно. – Впрочем, даже если встанешь, то не факт, что не спалю... оно не слушается!

Вот вскочил он моментально.

- Спокойно.

- Я спокойна... я так спокойна...

- Шоколадку хочешь?

- Что?!

Я ему тут катастрофу устраиваю, а он с шоколадкой своей...

- Хочу!

- Тогда давай... меняться... ты мне силу, а я тебе шоколадку?

- У тебя нету.

- Силы?

- Шоколадки! – я смотрела на кончики пальцев, на которых вспыхивали огоньки. Яркие такие. И главное вспыхивали, вытягивались вверх, словно прорастали одуванчики на тонких ножках. И отрывались. И... - Чарли!

- Вдох. И выдох. И ты хозяйка своей силы.

- Я ей это тоже говорю!

- Не говори, а... а думай. О шоколадке. О вкусной сладкой шоколадке...

Огонек, добравшись до потолка, расплзся по нему мерцающим пятном. Я сглотнула. А пятно впиталось в штукатурку и... и надолго ли защиты хватит?

Так, он прав.

Не паниковать. Но... но если... если не получается не паниковать?! Я ведь не по своему хотению, я...

- Если я большой шарик сверну, удержишь? – я коснулась пальцами пальцев, сминая тонкие нити. Так проще. Смять и... и смотать. Вот так, плотненько... мама вязала из ниток. Пыталась. И я пыталась. Не выходило у нас одинаково, но у матушки хватило

упрямства домучить тот уродливый шарф, который Эдди честно относил две зимы. Потом потерял.

Нет, вязать я не буду. А вот нити смотаю. Пусть и силовые, но все одно... плотнее. И еще плотнее. Цвет шара у меня в руках менялся. Медленно, но вот желтый стал красным. А красный – оранжевым. Тот посветлел, светлел и еще светлел, выцветая до белизны. А та... та приобрела интересный голубоватый оттенок.

- Ты... - голос Чарльза слегка дрогнул. – Главное, не отпускай его, ладно?

- Не буду.

- И... и как закончишь, бантик завяжи. А лучше два. Или три.

- Завяжу.

Сила постепенно успокаивалась. И дышать даже легче стало. А нити становились тоньше, и уже, чтобы свить их, приходилось прикладывать усилия. Значит, пора заканчивать.

Бантик.

И еще один.

А хвост... хвост, как в клубке, внутрь спрячу. И вот.

- Все, - я протянула ладонь, на которой лежал, вернее над которой висел пушистый шар бледно-голубого цвета. Ровный получился.

Красивый.

- Позволишь? – Чарльз протянул руку. И тотчас убрал. – Хотя нет... погоди... я сейчас вернусь. Главное, держи его.

А я вдруг поняла, что мне этот шар напоминает. Молнию. Как-то залетела такая в паб один. Крутанулась над бутылкой и вышла в окошко. Быстро. Главное, что пока крутилась, народец не то, что замолк, он и дышать-то поостерегся. А уже там, снаружи, молния и шибанула. Трех лошадей насмерть. А вот Мэгли, старому алкашу, ничего.

То есть, выходит, что я...

Нет, быть того не может.

Или может? Я же уже скатывала шарик. Тот, правда, был поменьше и не такой голубенький. И по ощущениям сугубо слегка попроще. Но... но нет, это... это просто нервы. И ночь бессонная. И вообще... Чарли ведь сам говорил, что учиться надо, а не учит. И разве я виновата?

Спокойнее.

Просто держим. Дышим. Это же моя сила, которой вдруг стало слишком много. Интересно, а не связано ли одно с другим? Не может такого быть, чтобы еда переходила в силу? Как-нибудь так?

Я закусила губу.

Не знаю, сколько я так стояла, но рука стала слегка затекать. Чарльз вернулся с большой шкатулкой. Слегка потертая, украшенная узорами из черного камня она как-то сразу мне не понравилась.

- Сюда положи, - Чарльз открыл крышку. – Её используют для хранения нестабильных артефактов.

- Это не артефакт. И он стабилен, - я погладила шар. Даже не горячий.

- Пока ты его держишь. А если отпустишь?

Рискнуть?

Или...

- А если что-то нарушится? Там, внутри? – я поглядела. Внутри шкатулка тоже была черной. И хлипкою какой-то. Нет, если шарик рванет, то такая силу не удержит.

- Тогда... тогда нам срочно надо куда-нибудь за город, чтобы...

- погоди, - я снова осмотрелась. – Может... может, у тебя камень какой есть? Камни, они силу хорошо принимают. Только побольше... и не простой!

Я от Эдди слышала.

Ладно, не только слышала. Притаскивал он пару камушков, чужих, сугубо на пробу. И я смогла в них силу влить. И сейчас смогу. Камушек, он всяко понадежнее хлипкой шкатулочки.

А то ведь станет булыжник притащить.

Чарли, к счастью, спорить не стал. Шкатулочку поставил и вышел, чтобы вернуться с другой. Эта была поменьше, поизящнее и вида совсем иного. Темное дерево. Инкрустация. Серебряные накладки.

А внутри – синий бархат.

И на нем – темно-синий камень в виде сердца. Сердца оплетала тонкая лоза, но меня очаровала не она, а сам камень.

Удивительно.

И цвет. И... никогда огромных таких не видела.

- Но если он треснет, мама меня убьет, - как-то обреченно произнес муж. И я сглотнула, подумав, что его убьют уже вторым, а

первой точно буду я. И судя по тому, что я знаю о свекрови, смерть будет долгой, болезненной, но весьма приличной.

- Я п-постараюсь.

- Не спеши, - он вытащил камень. И рука чуть дрогнула.

Не спешу.

Я... я беру свое солнышко или молнию, или что там еще и аккуратненько, нежно пытаюсь затолкать в камень. И главное, получается не сразу. Будто что-то мешает...

- Пихай!

- Пихаю...

- Чарльз? – этот голос заставил меня усилить нажим. И... хруст.

- Проклятье...

Испугаться я не успеваю, потому что молния уходит внутрь камня. А он... он вдруг разваливается надвое. Э нет, так не пойдет! Я еще слишком молода, чтобы умирать. И потому успеваю подхватить две половинки, сжать их и обратиться к силе, скрытой внутри. Она же моя!

А значит должна помочь.

И...

- Чарльз? Я могу войти? У вас что-то случилось? Защита дома будто с ума сошла...

Я вот тоже сейчас сойду с ума.

Камень полыхнул синим светом, ярким до того, что едва глаза не заслезились. И погас. И...

- Он целый? – шепотом поинтересовался Чарли.

- Вроде, - я ногтем поскребла по поверхности. И потянула половинки в стороны. – Может, спаялся?

- Я силу не чувствую.

- Я тоже... может, ушла на то, чтобы спаялся? – прямо дышать легче стало, честное слово.

А то ведь.

- Не совсем и ушла, - стоило Чарльзу потянуться к камню, как он полыхнул, оплетши пальцы пламенем. Благо, муж у меня сообразительный и руку убрал. – Твою ж... что я маме скажу? Милли!

- Что? Я не специально! Я просто камушек попросила.

- Чарльз! Я вхожу!

- Не надо! – пискнул Чарли. – Сделай хоть что-нибудь... если эта штука взорвется в руках у мамы...

...мысль, конечно, интересная. И многие проблемы бы решила. Но вот Чарли не одобрит.

Определенно.

Дверь, кажется, открылась...

Так. Сила. Это моя сила, даже в камне... что-то... что-то придумать... безопасное... точно! Безопасность! Пусть эта сила охраняет того, кто камень носит! И главное, чтоб надежно. Чтоб, если кто покусится, то... то чтоб на раз желание покушаться отбило.

Камень слегка мигнул.

И погас.

Ну... не совсем, чтобы совсем погас. Он по-прежнему переливался и таинственно мерцал, но уже не сказать, чтобы это сильно бросалось в глаза.

- Потрогай... - я сунула шкатулку Чарльзу. И тот ткнул пальцем в камень.

Ни огня, ни всполохов.

- Чарльз? Что вы тут... мне сказали, что ты...

Леди Диксон вошла осторожно, словно опасаясь, что сейчас прогонят.

- Доброго... дня, - сказала она, слегка отворачиваясь. А я вспомнила, что стою тут почитай нагишом. – Прошу прощения, но мне сказали, что что-то происходит... и источник волнений здесь.

- Все хорошо, матушка. Я... я просто решил показать Милисенте камень.

Нам не поверили.

И леди Диксон приподняла бровь, явно выражая сомнения. И взгляд перевела с Чарльза на меня. И обратно.

- Вот, - Чарльз протянул шкатулку матушке. – Просто...

- Мне захотелось посмотреть.

- Вы... только проснулись.

- Вот как проснулась, так и захотелось, - я пнула мужа. В конце концов, матушка его, пусть сам и выдумывает, чего бы такого соврать, чтоб прилично звучало.

- Именно так.

- А... с домом что?

- Возможно, просто сбой какой-то. Я после посмотрю.

Матушка кивнула.

И опять не поверила. Вот ни на мгновение.

- Камень и вправду чудесный, - сказала я, когда пауза слишком уж затянулась. – Никогда не видела такой красоты...

И ведь правда.

Истинная.

- Его подарил мне супруг, когда родился Чарльз, - она улыбнулась так, печально, что мне стало до крайности неловко. Едва не испортила. А может, и вправду испортила, пусть даже выглядит камушек цельным.

Леди Диксон осторожно коснулась.

- Это сапфир...

- Дорогой, наверное...

- На самом деле не очень. Тогда... тогда мы находились в нескольких стесненных обстоятельствах.

- Он большой.

Что-то у меня другие представления о стесненных обстоятельствах. Мне в моих сапфиры не дарили.

Леди осторожно достала камень.

А я зажмурилась. Но... нет, ничего.

- Камень достался по случаю... он большой, но с существенным дефектом. Если посмотреть, то здесь есть трещина... - леди Диксон подняла камень.

Трещина?!

- Трещина? – сдавленно переспросил Чарльз.

- Да... и однажды я его уронила, и камень раскололся.

Значит, это... это не я? И потому энергия... потому и не запихивалась, что камень был не цельным. А потом запихнулась и... и вышло, что вышло.

- ...можно было бы, конечно, отдать... каждую часть превратить в отдельный...

Мы с Чарльзом обменялись взглядами.

- Но я отказалась. Все же это скорее память. Символ, а не... странно, трещины не вижу. Конечно, его скрепили заклинаниями, но это так ненадежно... и я больше не надевала. Она должна быть!

- Может... заросло со временем? – робко уточнила я. – Заклинание хорошим оказалось...

- Или трещина не такой глубокой?

- Надо будет пригласить мистера Хоффнера.

- Не надо! – в один голос воскликнули мы.

- Почему?

- Зачем? С камнем ведь все в порядке, матушка? – очень ласково произнес Чарльз. - Так зачем тебе этот проходимец?

- Чарльз!

- Будто я не вижу, как он на тебя смотрит... - возмутился муженек и, кажется, вполне искренне. А у меня вот появилось желание поближе познакомиться с этим самым мистером Хоффнером.

Может, он не только смотрит... посмотрит.

В общем, надо будет.

А свекровь, если подумать, женщина далеко не старая. Ей бы замуж. Глядишь, занялась бы она тогда мужем, а от меня отстала.

- Странно... все-таки странно... я точно помню, что трещина была и я так переживала, когда он разломился...

А я-то как испереживалась. Едва не поседела со страху.

- Исчезла, ну и черт с ней.

- Чарльз!

- Матушка, ты в общем... может... к себе...

- Ах да, прошу прощения... - спохватилась свекровище. – Чарльз, дорогой... у нас гости. И лучше, если ты к ним выйдешь.

Мой муж тяжело вздохнул и спросил:

- Кто?

- Твой дядя... мой брат. Он хочет забрать Августу.

Это свекровь произнесла... с недоумением?

Глава 35 О ранних завтраках и прелестных дамах

Глава 35 О ранних завтраках и прелестных дамах

В ресторане поутру было пусто и как-то... мертво, что ли? И вроде ничего. Паркет блестит. Скатерти белы. Цветы в вазах свежи. Пахнет чем-то легким, цветочным, а вот ощущение неправильности не отпускает. Будто все-то, что Эдди видит, на самом деле – маска.

Масок с него довольноно.

- Доброго утра, - мистер Саттервуд протянул руку.

Белый костюм в тонкую полоску. Тросточка. И вид отдохнувший, бодрый до омерзения. Но руку Эдди пожал осторожно. Может, человек ему и не нравился по непонятной причине, но это не повод еще руки ломать.

- Позвольте представить вам леди Жозефину, - сказал Саттервуд. – Законную владелицу этого отеля...

- Безмерно рада...

Леди была... нет, не юна. Пожалуй. Снова маска? На сей раз наивной хрупкости, которую подчеркивает платье того легкого, воздушного оттенка, которые положено носить девицам.

Но в уголках глаз уже появились морщинки.

Да и сам взгляд цепкий.

Сколько ей?

- Можете звать меня просто Жози, - сказала Жозефина, когда Эдди осторожно сдвинул пальчики.

Перчатки у нее были короткие.

На запястье – нитка жемчуга. На шее – еще одна. Платье с виду простое, но ей к лицу, подчеркивает бледность кожи и изящество. Да и ткань не из дешевых.

- Эдди, - представился Эдди.

- Прошу простить меня, - а вот голос у Жози оказался низким, грудным, что совершенно не вязалось с образом. – Я недавно вернулась в город, и мой дорогой друг сообщил мне удивительную новость. Вот я и поспешила встретиться с вами. Тем более, нам сказали, что вы не спите.

- Собирался, - Эдди вдохнул аромат.

Мед. И вереск. И еще что-то, сугубо здешнее, но сладкое до невыносимости. И кажется, эта девица ему нравится ничуть не больше Саттервуда.

- О... - она прикрыла губы ладошкой. – Мы вас все-таки...

- Ничего страшного, - Эдди уселся за столик. – Завтрак тоже лишним не будет.

Нет, у Орвудов накормили, подали к чаю и ветчину, и сыр, и какое-то холодное, но тем не менее вкусное мясо. Но это ж когда было.

- Да, думаю, завтрак – отличная идея! – радостно воскликнула Жози. – Вы не... поторопите повара?

Взмах темных ресниц.

И Саттервуд откланивается. Вид у него не слишком довольный, но перечить не смеет.

- И зачем вы его отослали?

- Так заметно получилось? – Жози хихикнула. – Что ж... прошу прощения... понимаете, Джери – заботливый друг, но порой он слишком уж меня опекает. И ревновать склонен по пустякам. А мне бы хотелось узнать вас поближе.

- Зачем?

Она чуть наклонилась.

Белое личико. Острые черты. Губы алые, яркие чересчур, еще немного и это станет вовсе неприлично. Невинность? Если и так, то очень уж на грани чего-то иного, с невинностью несовместимого.

- Выросла, - леди Элеонора возникла у столика. – Не верь этой мелкой стервочке. Вся в мамашку. Или думаешь, я просто так им гостиницу не оставила? Мигом разорят и продадут.

- Я... очень надеюсь на вашу помощь...

Вздых.

И... официант, который накрывает стол весьма поспешно.

- Скажи, чтобы не надеялась.

Эдди промолчал.

- Вы... вы и вправду видите бабушку?

- Какая я ей бабушка?!

- Она утверждает, что не является вам родственницей.

- Папочка официально меня удочерил, - Жози поджала губы. – Но она так и не сумела принять этого. Она всегда была слишком...

требовательна. Старомодна. И никогда не умела понять, что порой люди имеют слабости.

- Имеют, - подтвердила леди Элеонора. – Я вот виски любила. И трубку... сядешь вечером перед камином... красота.

- Полагаю, дело не в слабостях.

- Мой отец... он был хорошим человеком... очень.

- Только безвольным трусоватым и не способным обращаться с деньгами, - леди Элеонора встала за спиной Жози. – А еще не мог надыхаться на свою дорогую женушку, которая и подговорила сыпануть мне мышьяка в виски.

- Она утверждает, что ей отравили, - Эдди подвинул себе блюдо с яичницей, из-под которой выглядывали тончайшие полоски бекона. – Мышьяком.

- Это был ужасающий несчастный случай! – всхлипнула Жози, но как-то не совсем искренне. – Понимаете... в тот день травили крыс... к сожалению, в самых лучших местах порой происходят... неприятности.

- К примеру, скандальная постоялица встречает крысу, которой быть не должно, - леди Элеонора сложила руки на груди. – Потому что амулет от крыс, как и от насекомых, обновили за неделю до того происшествия...

- Видно, срок действия амулетов вышел. К старости бабушка стала весьма рассеяна. Их должны были обновить незадолго до происшествия...

- Должны были. Только я мага сменила, старый что-то больно придиричив стал. И амулеты его разряжались как-то слишком уж быстро. И если бы мой дорогой внук дал себе труд заняться делами, он бы это знал.

- Маг, с которым она работала, был в отъезде, а бабушка отличалась весьма вздорным характером...

- Я? Вздорным?

- ...и потому мой отец решил действовать иначе... он купил отраву! Для крыс!

- В отель, где у многих постояльцев есть домашние животные. Только почему-то никто не отравился. Кроме меня.

- И мы не представляем, как отравка могла попасть в ужин леди Элеоноры.

- В виски. Ужин был нормальным. Я ужинала вместе с поверенным, а раз уж он выжил, то дело не в еде. Нет... а заходил ко мне только мой сын. До того не сильно-то он меня визитами радовал. А тут...

- Отец был так расстроен.

- Еще бы... особенно сильно он расстроился, узнав о завещании.

Хорошая получилась шутка.

- Она... слышит нас? – поинтересовалась Жози.

- Каждое слово.

- И... что?

- И говорит, что хорошая получилась шутка. С завещанием.

Щека Жози дернулась.

- Это... это несправедливо! – Жози вскочила. – Совершенно несправедливо! В чем мы провинились...

- Ой, скажи ей, что на меня это не действует, - отмахнулась леди Элеонора.

Эдди передал.

И Жози как-то сразу успокоилась. Она опустилась на стул, вытащила из сумочки портсигар, достала сигарету.

- Надеюсь, вы не осуждаете?

- Мне как-то все равно.

- Вот и отлично... дурная привычка, понимаю, но ничего не могу с собой поделать. К сожалению, я не могу доказать леди Элеоноре, что мой отец её не убивал.

- Расследование проводилось?

Жози и леди Элеонора одновременно фыркнули.

- По официальной версии она умерла от кишечных колик.

- Кишечные колики! – воскликнула леди Элеонора. – Подумать только, я умерла от кишечных колик...

- Скандал не нужен был никому. Понимаете, отель – это не просто место. Это прежде всего репутация. И если что-то... повредит...

- Например, убийство?

- Именно. Некоторые люди весьма... как бы это выразиться, чувствительны к происходящему, даже если оно напрямую их не касается. И леди Элеонора должна была бы это понять... так вот, мой отец, может, и не был гением, но и не был дураком. Травить бабушку?

В её отеле? Мышьяком, который заказывал он же? Вечером, когда именно он заходил к ней в гости? Это... это ведь даже не глупость!

Жози раздраженно смахнула пепел в бокал.

- Кроме того, он готовил бумаги, по которым леди признали бы недееспособной.

- Что?! – от крика призрака бокал с водой и пеплом лопнул, и на скатерти расплылось грязное пятно.

- Еще немного и она отправилась бы на заслуженный отдых, в маленькое закрытое поместье, где капризной старухе самое место.

- Осторожнее, - предупредил Эдди, чувствуя, как нарастает гнев неупокоенной души.

- Я уже была осторожна. Приходила... и сама, и со жрецом. Со многими жрецами. С магами... боги, да с кем я только сюда ни приходила! Но ничего... она словно издевается...

- Больно надо.

- Сколь полагаю, леди Элеонора вложила душу в это место, - Эдди наклонился и поднял обломанную ножку бокала. И осколки кое-как собрал. – И теперь она часть его, хочется вам того или нет.

- То есть, изгнать не выйдет?

- Вряд ли.

- А если...

- И пробовать не стану.

- Я заплачу. Хорошо заплачу.

- Допустим, - Эдди сложил осколки горкой. – Я приму ваше предложение. И попробую изгнать дух леди Элеоноры.

- Попробуй, - милостиво разрешил упомянутый дух.

- И допустим, у меня даже получится.

Леди Элеонора нервно рассмеялась.

- Дальше что? Дело, как понимаю, не в духе, но в завещании. Оно-то не изменится. И... если ваш отец собирался признать...

- Старуху сумасшедшей? К сожалению, не успел. Не хватило буквально нескольких дней. Мы договорились с одним весьма уважаемым профессором. Он бы прибыл в отель. Остановился бы на пару дней. И дал нужное нам заключение. И не сильно покривил бы душой.

- Сама она сумасшедшая. Наглая хитрая девка.

- Вы так уверены? В том, что ваша затея удалась бы?

- Матушка была уверена. Она умела находить общий язык с нужными людьми. Это заключение избавило бы нас от многих... неприятностей. Поэтому, поверьте, нам не было нужды затевать все это... тем паче, что зря она думает, будто завещание стало сюрпризом. Отец знал о нем.

- Откуда?

- Откуда? – повторил Эдди вопрос.

- Поверенный... достойный человек, но и у него есть слабости. Он, в отличие от старухи, весьма уважал мою матушку. Вот и шепнул ей пару слов.

- Никому нельзя верить! – возмутилась леди Элеонора.

И Эдди с ней согласился.

- Появись заключение, и это смехотворное завещание можно было бы признать недействительным.

Но бумаги нет, а без нее, видимо, связей матушки не хватило, чтобы обойти последнюю волю леди Элеоноры.

А ведь и вправду выходит...

- И еще, раз уж леди здесь... она так любила этот отель. Больше, чем мужа и сына, который всегда-то относился к ней с уважением и нежностью, но... зря... так вот, она его любила настолько, что стала частью этого места. И потому теперь увидит, во что оно превращается.

- Во что же?

- Ей интересно, - Жози бросила окурок в осколки. – Деньги... деньги уходят и оседают на счетах. На тех, к которым ни у кого нет доступа. Наследство для несуществующего наследника. Кое-что перепадает и нам. И нет, мы не бедствуем. Мой отец сумел неплохо вложить те крохи, что доставались ему от бабки. Не говоря уже о картинах. И моя матушка вполне удачно играла на бирже. Теперь мое состояние позволяет мне жить, не задумываясь о будущем.

- Её матушка, если на чем и играла, то исключительно на моих нервах.

- Вот только сам отель... это ведь дорогая игрушка. Да, кое-что можно оплатить с тех самых счетов, которые для того предназначены. Ремонт крыши. Или подвала. Замену труб. Да и то всякий раз приходится доказывать, что это необходимо. Пусть леди порадует. Её ставленники свято блюдут интересы завещателя. И экономят на всем.

Леди нахмурилась.

- И весьма скоро пойдет слух, что отель уже не тот... мебель стареет, а та, что покупается вместо неё, она неплохая, но отнюдь не лучшая. Ковры? Попроще. Обои? То же самое. Вместо хрусталия стекло. Фарфор самой дешевой мануфактуры. Он ведь так часто бьется, а разницу увидят немногие. И прислуга та, что подешевле...

Жози поднялась.

- Да, пожалуй, я бы могла вмешаться. Но... зачем? Ради чего? Ради старухи, которая всегда нас ненавидела? Или ради неведомого наследника? Отель умирает? Пускай себе. Сперва он перестанет быть лучшим в городе. Потом просто хорошим... нет, в ночлежку вряд ли превратится, все же месторасположение удачное, да и остальное, но вот красные дорожки, мрамор и приличная публика – об этом придется забыть.

- Дрянь, - прошипела леди Элеонора, но слышал её лишь Эдди.

- Поэтому пусть она подумает и... если вдруг появится желание побеседовать, то вы всегда можете найти меня через мистера Саттервуда.

- Погодите, - Эдди тоже встал. – Если не ваш отец, то кто её убил?

- Понятия не имею, - Жози пожала плечами. – Мне как-то все равно.

После неё остался запах духов.

И... пустота.

Призраки всегда уходят без спроса.

А вот на выходе из ресторана Эдди перехватили.

Глава 36 В которой беседа продолжается

Глава 36 В которой беседа продолжается

- Мы можем побеседовать? – поинтересовался мистер Саттервуд, глядя куда-то поверх головы Эдди.

- Можем.

Все равно ведь не отстанет.

А спать охота. И мальчишку надо бы проверить, потому как что-то подсказывало, что тому в неприятности вляпаться – как чихнуть.

- Недолго, - уточнил Эдди.

- Постараюсь. Как вам Жози? Весьма эффектная юная особа...

- Не такая уж юная.

- Заметили? Надо же... обычно мало кто дает ей больше двадцати лет.

- Сколько ей?

- Так ли это важно? Хотя... тридцать пять. Весьма... солидный возраст для дамы, но на самом деле она маг, пусть даже слабый... и все же прощу в сад.

И сад имелся.

С фонтаном, в котором лениво шевелили плавниками рыбы. Рыбы были толстыми, золотыми, розовыми, а некоторые и в крапинку. Вокруг фонтана в огромных кадках чахли деревья. Меж ними, в кадках же, возвышались кусты с мелкими цветочками. И все это великолепие одуряюще пахло сладостью, дурманом, землей и перепревшею листвой.

Лавочку почти захватила какая-то вьющаяся штука...

- Я был еще весьма молод, когда устроился в отель... точнее здесь работал мой отец, он и привел. Сперва мальчиком на побегушках, после, когда чуть подрос, доверили помогать коридорным. Я был лакеем. И уже сам следил за порядком на этаже. Помощником управляющего... я жил здесь. Учился. И выучился. Я стал правой рукой леди Элеоноры. И уже более двадцати лет... стою на страже интересов.

А может, в нем дело?

Если бы отель перешел этому папаше Жози? Как бы он поступил? Не занялся бы делами сам? А там, глядишь, и вовсе выставил бы Саттервуда за дверь.

- Вижу, вы подумали, что мне была бы выгодна эта смерть... отнюдь.

- Почему?

- Леди Элеонора... как бы это выразиться... она обладала весьма своеобразным характером.

- Я заметил.

- Когда-то она... приехала в город и вышла замуж за владельца отеля. Тогда еще тот и отелем не был. Просто особняк в удачном месте. Супруг был старше леди Элеоноры на сорок лет. Он много пил и полагал, что знает все на свете.

- Вы были знакомы?

- Только по рассказам отца. Я пришел, когда отелем правила леди Элеонора. Именно правила. Она была королевой... и воистину великой. Она сумела создать это место. И она держала его до последнего вздоха. Хотя я и значился управляющим, но на деле я всего лишь выполнял её указания. И без её советов... увы... а она нуждалась во мне. Все же возраст. Даже железные леди стареют.

Эдди молчал.

Пока звучало не слишком убедительно.

- В последний месяц происходило что-то... нехорошее. Несколько раз заявлялся мистер Вестон-Маш. Имел он беседу и со мной. Весьма осторожную. Все спрашивал о самочувствии леди Элеоноры, о том, справлюсь ли я с отелем, если вдруг с ней что-то произойдет. Все-таки возраст... сам он мало что понимал в этом бизнесе.

Все равно.

- И мы... скажем так... сумели найти общий язык. Мне оставалось место управляющего. И оклад, вдвое превышающий нынешний. Не говоря уже об иных возможностях.

- Каких?

- Поверьте, у того, кто управляет отелем, возможностей масса... если хозяин не слишком утруждает себя проверками.

Занятое признание. А главное откровенное...

- Несомненно, леди Элеонора не допустила бы ничего подобного, но в её отсутствие... господин Вестон-Маш был совершенно другим

человеком. Как и его супруга... в то же время Жози мне весьма напоминает леди Элеонору. Она стала бы отличной хозяйкой, да...

- И позволила бы вам воровать?

- Скажем так... позволила бы вряд ли, но воровать можно по-разному... более того, вовсе не обязательно воровать, чтобы получить свою выгоду. Да... так вот, в тот вечер меня не было в отеле. Госпожа Элеонора собиралась обновить мебель, и я отправился в Эввервуд, на фабрику. Два дня пути на дилижансе, да... помнится, крайне утомительная была поездка. Но леди требовала личного присутствия. Вы сами у нее можете спросить.

- Всенепременно.

- Хорошо, - выдохнул Саттервуд.

- А от меня вам что нужно-то? – Эдди опустил пальцы в воду, и толстые рыбы поспешили ткнуться в них. Интересно, если такую зажарить, вкус другим будет? Или вовсе будет?

- Чтобы вы поспособствовали... сближению Жози и леди Элеоноры.

- Зачем оно мне?

- Десять тысяч? Золотом? Две – аванс, который останется вашим при любом исходе дела. Восемь – в случае, если леди Элеонора позволит Жози вступить в права наследства.

Это вряд ли.

Но и две тысячи – неплохо.

- Ко всему репутация... я вхож в весьма разные круги, и случается, что людям... нужна помощь с... созданиями, с которыми обычный маг совладать не способен.

- С духами?

- Именно... с ними... официальная наука, если позволено, отрицает существование духов как разумных существ, уж извините за тавтологию.

- Ничего.

Рыбы были скользкими, но от пальцев не уворачивались, только слабо подергивались, стоило сжать тело.

- Но практика и в частности пример леди Элеоноры...

- Расскажите о ней.

Десять тысяч – приличные деньги. Даже при том, что матушка говорила... и чековую книжку вон выдали, только пользоваться ею

совесть не позволяет.

Орвуды обещали отблагодарить.

Но...

Свои деньги – это свои. А дело – это еще важнее, чем деньги. Это возможность деньги зарабатывать. Самому. Своим умением. Своим даром.

- В чем там проблема? – уточнил Эдди. - Мне надо знать, если и вправду хотите, чтобы помог.

- Хочу.

- Вам так нравится эта...

- Жози? Не сказал бы. Опасная женщина. Хищная. От таких мужчинам лучше держаться подальше. Я для нее друг и инструмент, не более... но с отелом она управится легко. А моя выгода в том, что я сохраню свое место и свой доход. Или думаете, в городе так много хороших отелей, которым нужен управляющий? Нет... все... сложно. Весьма.

- Просто не бывает никогда, - Эдди вытащил руку из фонтана. – Так что там приключилось?

- Леди... Элеонора... тоже сильная женщина. Была. И осталась. С характером. С очень и очень непростым характером. Она так долго управляла отелом, что решила, будто может управлять всем миром. И людьми... не только служащими, чтобы вы понимали. Прежде всего сыном. Майни был славным парнем, но пошел скорее в отца. Или, возможно, просто не сумел соответствовать высоким требованиям матери...

- Да он и не пытался.

Призраки не только исчезают без предупреждения, но и появляются точно также.

- Она... здесь? – голос мистера Саттервуда дрогнул. – Как-то... ощущение такое... у меня и раньше было, будто смотрит кто-то... кто-то знакомый.

- Возможно, у кого-то из ваших предков был дар.

- Возможно.

- Мой сын был бестолочью, - безапелляционно заявила леди Элеонора. – И пить начал едва ли не раньше, чем окончил школу. Я пыталась его спасти, но невозможно помочь тому, кому не нужна помощь. Единственное, что он сделал правильно - женился.

- Что она...

- О женитьбе своего сына рассказывает.

- О да... леди Роуз Бессем. Она была не слишком красива, весьма набожна, а еще за ней дали почти двести тысяч приданого.

Которым, надо полагать, распорядилась леди Элеонора.

- Тогда-то отель и преобразился.

- Я сделала его лучшим в городе! И стоило это не только денег.

- Он стал лучшим в городе, но чего это стоило... - Саттервуд поглядел туда, где стояла леди Элеонора. – Мне отец рассказывал. Возможно, приукрашивал...

- Вряд ли, что может знать вчерашний лакей. Настоящие сделки происходили не здесь... но не важно.

- Леди Роуз забеременела и слегла... поговаривали...

- Что я её выжила, - леди Элеонора прошла по дорожке. – Боги, во что они превратили мой сад? Мой чудесный сад? Где финиковые пальмы? Где...

- ...леди не сама умерла.

- Вот не было печали.

- Но полагаю, это не более чем слухи. Женщины часто уходят во время родов, и даже хороший целитель ничего не способен сделать. А целителя, я точно знаю, к ней приглашали.

- И не одного. Слабая девица. И родить не смогла. Хорошо, договор был составлен толково, и приданое не пришлось возвращать.

Как-то это... цинично, что ли?

- Майни очень расстроился. Отец говорил, что он был искренне привязан к своей жене.

- К этой безголовой дурнушке? Не смешите меня. Ему, как и любому пропойце, просто нужен был повод. Вот он его и нашел! Конечно, пить и горевать куда проще, чем что-то делать...

- Однажды он просто исчез.

- Сбежал, мелкий трус.

- Он устал. Так он сказал мне. От требовательности госпожи, от постоянных её придирок.

- А спустя несколько лет вернулся. С женой и дочерью.

- Леди Жозефиной?

- Помилуйте! Какая она леди?! Отродье певички, которую он подобрал на какой-то помойке...

- То есть, - счел нужным уточнить Эдди. – Жозефина не является кровной внучкой леди Элеоноры?

Найджел Саттервуд покачал головой.

- К сожалению... как выяснилось позже... Майни не только пил, но и употреблял опиум. И не только его. А некоторые вещества весьма пагубно сказываются на... организме. Своих детей у него быть не могло. Но удивительно не это... пусть между ними нет кровного родства, но, глядя на Жози, я вижу леди Элеонору. Та же внутренняя сила... даже внешне они похожи.

- Вот уж не было печали.

- Матушка Жози, Констанс, и вправду была низкого происхождения... и да, сколь я понял, жизнь её была непростой. Оттого и характером она обладала сильным. Именно она отыскала Майни, когда тот подошел к черте. Сумела остановить. Заставила бросить опиум и алкоголь.

Сильная женщина.

И достойная уважения.

- Что с ними случилось?

Ведь что-то да случилось, иначе сегодня Эдди беседовал бы не с Жозефиной, а с её папашей. Или мамашей. Тут уж как повезет.

- Несчастный случай... лошади понесли, и коляска перевернулась, разбилась. Будь она поновее, возможно, уцелела бы. А так... оказалось, что защитные артефакты разряжены, и сам экипаж нуждался в ремонте. Майни погиб сразу, голова попала под колесо. А Констанс прожила еще несколько дней, но потом, к сожалению...

- И когда это случилось?

- Лет пять тому...

- А леди Элеонора?

- Пятнадцать. Она преставилась пятнадцать лет назад, - ответил Саттервуд. – И нет, здесь нет никакой связи.

Пожалуй, что и вправду нет.

Бывают совпадения.

- Знаете, будь у Констанс другой характер, возможно, они и сумели бы найти общий язык. Правда, будь у нее другой характер, она бы и вовсе не выжила. Но... две сильных женщины в одном доме – это слишком много...

- Если он намеревался меня разжалобить, то у него ничего не вышло... - проворчала леди Элеонора, но как-то... неуверенно?

Или все-таки любила? Сына?

Пусть никчемного, пусть бестолкового, но все же сына?

- Жози не лгала. Майни... у него был талант. Он неплохо рисовал в свое время, однако леди Элеонора сочла это увлечение бесполезным. И Майни бросил. А встретив Констанс снова начал... и оказалось, что его картины неплохо продаются.

- Неужели кто-то был готов платить за эту мазню?

- Последняя работа, которую Жози выставила три года тому, ушла за сорок пять тысяч золотом... у девочки остались еще десятка два холстов.

Леди Элеонора недоверчиво хмыкнула.

- Да и полагаю, что со временем они станут лишь дороже. Ей не нужны деньги. А вот отелю нужен хозяин. Такой, который о нем позаботится... поэтому...

- Найди того, кто меня убил, - сказала леди Элеонора Вестон-Маш. – И пусть девчонка займется делами. Я не отдам отель тому, кто его угробит из-за собственной самоуверенности.

Эдди дословно передал услышанное.

- То есть... леди согласна?

- Леди согласна посмотреть, чего стоит эта... наследница, с позволения сказать. Но убийца должен быть найден. Мой. И не только мой... а там будет видно.

На сей раз она удалялась медленно.

- И садовник! – опомнившись, сказала леди Элеонора. – Пусть пригласят нормального садовника... в самом деле, стоило разок умереть, и все пошло наперкосяк! И сад запустили, и простой фарфор вместо костяного! Этак они вовсе додумаются на свечах экономить...

Глава 37 О родственниках и родственницах

Глава 37 О родственниках и родственницах

С дядюшкой Чарльз встречался. Не только с ним, само собой, но как-то из всех родственников именно дядюшка и не запомнился. Он и сейчас-то производил странное впечатление заблудившегося человека. Невысокий одутловатый, дядюшка горбился. И одно плечо его оказывалось чуть выше другого. Голову он втягивал в плечи, отчего фигура его обретала некую комическую несуразность.

И даже дорогой костюм невзрачного серого цвета не способен был как-то исправить положение.

- Доброго дня, - сказал Чарльз вежливо. – Прошу прощения, что вынудил ожидать нас.

- Конечно, конечно, дорогой племянник, - отставив чашку с блюдцем, дядюшка поднялся. Двигался он как-то дергано. И чашку едва не уронил. А вот рука оказалась влажной даже сквозь перчатку. – Это ты прости меня, что я вот так... не предупредивши... и право слово, самому до ужаса неловко, однако вот...

Он запинаясь.

Слегка краснел.

- Решил вот... я отправлял письмо... ты, наверное, знаешь, что отец... погиб.

- Знаю, - согласился Чарльз.

- Похороны... состоялись... твоя матушка присутствовала.

А вот этого Чарльз не знал. Матушка не удосужилась поставить в известность. Может, и к лучшему? Не знал, и идти не пришлось. Или поэтому и не поставила? Догадывалась, что все не так просто.

- Она... всегда была хорошей дочерью, но отец этого не понимал. Он был очень... строгим человеком. Деспотичным даже. Но сейчас его нет, и вот... мне подумалось, что, возможно, нам стоит... познакомиться поближе? Я... понимаю, что звучит это...

Он постоянно запинаясь.

И краснел еще сильнее.

- Однако я люблю сестру. Пусть даже и никогда не решался пойти против отца... я слаб, признаю... мы там все... и вот теперь я глава. И понятия не имею, что делать. И надо ли что-то делать... наверное, надо... отец изрядно потратился.

Политика – дело дорогое, не говоря уже о заговорах.

- Так что, скорее всего, придется кое-что... активы... но тебе, наверное, не интересно.

- Отнюдь, - пусть даже дядюшка суетливостью своей, нелепым этим видом вызывал отвращение, но он-то по сути не виноват. Знал ли о планах деда? Вряд ли. Может, догадывался о чем-то, но если и так, то к делам серьезным его вряд ли бы допустили.

И уж точно не оставили бы в живых.

Не сейчас, когда по заговору идет работа.

- Если будет нужна моя помощь, то... родственники и вправду должны поддерживать друг друга.

Дядюшка выдохнул, как показалось, с немалым облегчением.

- Если, конечно, меня не решат отравить снова.

- Снова? – взмах белесых ресниц и растерянный взгляд. – Я... мы... никто бы ни...

- Полагаю, вы тут ни при чем. Это дед.

- Да... может быть... но мы... понимаешь, Чарли... мой отец... он всегда точно знал, чего хочет добиться. И шел к цели, несмотря ни на что... ни на кого, - дядюшка отер дрожащей рукой лоб. – Он не считался ни с желаниями, ни... ни с чем. И противостоять ему... для этого нужен характер. И связи. Думаешь, если бы не заступничество Её императорского Величества, твоей матери позволили бы остаться с мужем? Да и самому этому браку... нет, нет и нет. Он нашел бы способ. Я и сейчас не уверен, что смерть твоего отца – случайность.

- Это не случайность.

- Нет, нет, Чарли... я не в том смысле... он показал себя как герой. И был героем. Сильным человеком. И отец пытался договориться... точнее подмять его под себя. Все же род, пусть древний, ни состояния, ни... ничего. Но не вышло... и тогда это назначение. А ведь, насколько я знаю, планировалось, что граф останется при дворе...

Чарльз прикрыл глаза.

Успокойтесь.

Не стоит верить словам, тем паче словам человека, которого видишь во второй раз в жизни.

- Впрочем, это лишь домыслы, да... не более того... он ходатайствовал об опеке. Над твоей матушкой. Над... вами.

Он покачал головой.

- И дозволение почти было получено, но вмешались Её императорское Величество... в общем, это дела старые. Я лишь хочу сказать, что... рядом с моим отцом было сложно остаться собой.

Вздых.

И комканый платок в руке.

- Но сейчас... сейчас все меняется... у меня нет таких устремлений... я просто хочу... просто жить. И чтобы семья тоже... пусть даже сложный период, но его преодолеем. И поэтому... я буду рад, если мои племянники... племянница... ты ведь тоже весь в делах, молодая жена опять же... так вот, если моя племянница погостит у нас.

- Боюсь, её здоровье...

Дядюшка замахал руками.

- Я беседовал с целителем и не с одним. Ей много лучше. А свежий воздух полезен. До поместья недалеко. У меня отличный экипаж. И целителей я нанял. Будут постоянно рядом с девочкой. Ей... полезна будет смена обстановки. Уж извини, но с твоей супругой она не поладила. Та напоминает бедняжке о дурном. Да и моя сестра, возможно, порой бывает резка...

- Погоди... когда ты успел?

- Я написал письмо сразу, как вы появились. И получил ответ. Она... очень страдает.

Чарльз фыркнул.

Как-то на страдающую сестрица совсем не походила, скорее уж на вечно недовольную, но...

- Подумай сам. Я не собираюсь её... что? Прятать? Красть? Травить? Зачем мне это надо? У нее другое имя, и прав каких-то, кроме как на придание, Августа не имеет. Как и её ребенок.

Дядюшка сложил руки на животе. Красноватые подпухшие ладони в мелких трещинках.

А ведь и вправду... в чем выгода?

- Что до приданого её, то поверь, эти пара десятков тысяч в нынешних обстоятельствах – капля в море. Я скорее уж заинтересован

в том, чтобы найти общий язык с тобой. И с сестрой.

- А что она думает?

- Спроси, - дядюшка поднял руки. – Просто спроси... а я вот пока чай допью.

Августа стояла перед зеркалом. Вполоборота. Простое платье, широкое, не скрывающее положения, в котором находится Августа. Бледная кожа. Синие круги под глазами. Волосы заплетены в косу. И... почему-то больно.

- Здравствуй, - она неловко улыбнулась. – Ты из-за дядюшки?

- Он тебе писал?

- Писал. Только он и писал... у меня было столько подруг, и где они, спрашивается? Это странно... вернуться и понять, что ты на самом деле никому-то не нужна. Подруги? Где они теперь. Точнее я знаю, что они есть... и читала в газетах. Объявления. Эбигейл выходит замуж. Нэнс объявила о помолвке. У Ливи вечер состоялся... только меня не пригласили. Это я исчезла. Для них.

- Нужно время, да и ты сейчас...

- В положении, - она обняла живот руками. – Странные ощущения, Чарли... будто я и не я одновременно. Я прекрасно помню, что со мной происходило. И в то же время это было будто и не со мной? Как такое возможно?

- Не знаю.

Чарльз остановился. Она... она впервые смотрит спокойно, без слез и скрытой ненависти. Не обвиняет. Не проклиняет.

Возможно...

- И я не знаю. Мне... мне нужно уехать. Куда-нибудь.

- У нас тоже есть поместье.

- Есть. И с кем я там буду? С матушкой? Да она не усидит. Надо ведь устраивать вечер, представлять твою жену обществу, - вот сейчас Августа не сумела скрыть раздражения. – Выводить в свет. Знакомить... да и не только. Она не сможет остаться в стороне. Ты? У тебя дела. Ты и дома-то появляешься редко. И что останется? Снова одиночество? Нет. Дядя... он милый. И кузины тоже. Я хочу познакомиться с ними поближе. Может, там я не буду отверженной? Неудачницей?

- Ты не отверженная.

- Нет, - Августа покачала головой. – Именно так и есть. Я сбежала. Разорвала помолвку. Сочеталась браком тайно и с личностью не самой достойной, если верить тебе.

Вот только верить не обязательно, и Августа прекрасно этим пользуется.

- И твоя жена... она смотрит на меня так, будто это я всех убивала. Хотя я никого... точнее... наверное, я убила бы. Тогда. Не знаю, любовь это, магия, что-то еще... но мне не хватает его! Так не хватает... и когда я вижу, как ты смотришь на свою жену. Или как она смотрит на тебя, во мне поднимается такая ненависть, что... мне нельзя оставаться рядом с вами, Чарли. Просто нельзя. Я или сойду с ума, или сделаю что-то страшное.

Она провела пальцем по щеке.

- Я вспоминаю его... постоянно. И завидую. Вам. Отчаянно. Тому, что у тебя есть она... и у нее – ты. Что никто не придет и не разрушит вашу жизнь, как вы разрушили мою. Что твои дети не останутся без отца, а сам... ты уважаемый человек, Чарли. Тебя ценит Император. Тебя будут рады принимать в любом доме... Ты...

- Хорошо, - согласие далось с трудом. – Если ты того желаешь.

- Желаю.

- Но целитель должен быть рядом.

- Конечно.

- И когда срок придет...

- Я вернусь. Быть может.

- Быть может?

- И ты будешь меня навещать, а я – писать письма. Как раньше, Чарли... давай представим, что все как раньше.

Не получилось.

Хотя... может, просто Чарльз недостаточно старался?

- Твои вещи...

- Платья мама пришлет, когда будут готовы. А остальное... дядя сказал, что лучше будет заказать новые. Чтобы ничего не напоминало о прошлом. И... знаешь, когда он родится, - Августа погладила живот. – Детям ведь полезнее свежий воздух, правда? Я подумала, что, может, мне стоит поселиться за городом?

- Конечно.

- Матушка подыщет компаньонку, чтобы не так скучно. Дядюшка обещал помочь с кормилицей... у моей кухни тоже малыш будет, поэтому все одно искать. Я пока не знаю, но... если мне понравится там, ты не будешь возражать?

- Нет, - выдавил Чарльз. – Но... не спеши пока, ладно?

- Конечно.

- И если вдруг...

- Я позову тебя. И ты придешь. Ты ведь всегда приходишь.

Почему-то прозвучало упреком. Но Августа слабо улыбнулась и попросила:

- Ты не подашь мне плащ? В последнее время я постоянно мерзну... не беспокойся, целитель говорит, что это нормально. Просто сосуды слишком уж хрупкие. На руках. И ногах. И... амулеты он выпивает на раз. Он будет магом. Очень и очень сильным магом.

Августа опустила взгляд.

И не сказала, что этот маг убьет Чарльза. Может... может, и вправду все наладится?

Глава 38 Где происходит событие, радостное и не совсем

Глава 38 Где происходит событие, радостное и не совсем
Матушка сама расчесывала волосы. Щетка скользила вверх и вниз, вверх и вниз, и движение её успокаивало.

Матушка... ничего не сказала.

Ни она, ни отец.

Только Берт хмуро произнес:

- В следующий раз все может закончиться очень и очень плохо.

Матушка нахмурилась.

- Берти...

- Просто... больше не убегай, ладно? – попросил брат. А Эва кивнула и почему-то расплакалась, хотя видит бог, плакать она совершенно точно не собиралась.

К чему, если она дома?

И все-то хорошо.

А вот тут раз, слезы взяли и полились. И матушка забеспокоилась, захлопотала, как не хлопотала, даже когда Эва скарлатиной заболела...

Её отправили наверх, отдохнуть.

И... и не отдыхалось. Эва легла в кровать, прямо как была, в платье. Раньше матушка всенепременно выговорила бы, но тут только заглянула и потрогала лоб, будто проверяя, нет ли жара. Жара не было.

Аппетита тоже.

И желания встать. Эва так и пролежала целый день, разглядывая балдахин. Служанки тихонько заходили и выходили, то принося, то унося подносы. Иногда Эва ощущала запах еды, тогда появлялась мысль, что нужно бы подняться и поесть, что...

- Чего вы хотите от бедной девушки? – этот голос разрушил такой уютный кокон тишины. – Если все, что вы рассказали, так и есть, а я уверен, что так оно и есть, ибо человек серьезный не станет тратить попусту свое и чужое время, то бедняжка просто находится в состоянии шока...

- Она целый день не ела! – матушка старалась говорить шепотом, но в нем все одно ощущалась нервозность. – И вот так лежит... просто

лежит!

Холодные руки коснулись шеи.

Потом лица.

Заколело чужой силой, проникшей внутрь Эвы, и щекотно стало, до того, что она не удержалась и хихикнула.

- Повторю, что сказал. Ваша дочь вполне себе здорова. Физически. Однако то, что случилось, не могло не оставить следа. Ей просто нужно время, чтобы пережить.

- Но ведь она дома!

- Именно, дорогая моя. Дома. В безопасности. Наш организм весьма умен. И он знает, когда можно предаваться печали, а когда следует собраться. В... ином месте девочка чувствовала опасность. И вела себя соответствующим образом.

Её продолжали щупать.

Тормозить.

И даже в глаза заглянули.

- Представьте, что вы бежали... долго бежали, очень долго. Пытались, скажем, спастись от волка. А потом зверь отстал, и необходимость бега отпала. Но ведь усталость никуда не делась. И получив передышку, вы упадете без сил. Что, собственно говоря, и случилось.

- И... что делать?

- Я пропишу успокоительные капли. Пусть принимает трижды в день.

- Морфин...

- Ни в коем случае!

- Но я слышала...

- Крайне вредное вещество! И сами не смейте принимать, и девочке тем более... нет, обычные ромашка, пустырник, валериана. Хватит. А так... время и спокойствие. Спокойствие и время. Вы не оставите нас наедине? Ненадолго.

Матушка ушла.

Это Эва услышала. И ощутила.

- А теперь, дорогая моя, откроем глаза и поговорим, - сказали ей. И она подчинилась. Почему бы и нет? Усталость? Усталости Эва как раз и не ощущала.

Ей просто ничего не хотелось.

Но глаза она открыла.

Человек, склонившийся над ней, был смутно знаком. Кажется, его приглашали, когда с Тори случилось... то происшествие. И потом, позже, к матушке. Но прежде Эва видела его лишь издали.

- Левас Шверинсон, юная леди. Нас представляли, но вряд ли я столь интересен, чтобы помнить... однако теперь... позвольте вашу руку?

Пальцы сдавили запястье.

Холодно.

И колется.

- Как самочувствие?

- Хорошо, - Эва подумала и ответила.

- Чудесно... просто чудесно... люблю, когда у пациентов хорошо.

Это всяко лучше, когда у них плохо, а в последнее время как ни странно плохо случается чаще, чем хорошо.

Эва моргнула.

И закрыла глаза.

- Э нет, - Левас Шверинсон потянул за руку. – Садимся, милая, садимся... я понимаю, что упадок сил, он такой...

- Нет упадка.

- Есть. Вы каким-то образом умудрились вычерпать себя до доньшка. Возможно, сие есть следствие ношения блокирующих браслетов, следы которых я ощущаю. На редкость мерзкая штука, согласитесь.

Эва согласилась.

Почему бы и нет? Ей несложно.

- И носить их долго нельзя даже детям... особенно детям... но у них хотя бы связи восстанавливаются быстро.

- Что... со мной?

Чужая сила внутри ощущалась чем-то колючим, холодным и до крайности неприятным.

- Вы использовали свой дар и тратили силу. Черпали не извне, а из себя. Но будь вы дома, утрата бы восполнилась естественным образом. Однако браслеты помешали тому. И началось разрушение. Еще бы день-другой и было бы поздно.

- Я умру?

- Когда-нибудь... когда-нибудь обязательно. Левас Шверинсон никогда не врет своим пациентам. И да, вы умрете, я умру... мы все умрем.

Эта мысль показалась Эве донельзя уютной. Надо будет только попросить матушку, чтобы в гроб послали перину. Мягче лежать будет.

- Но не сейчас, нет... я попробую восстановить основные потоки, с малыми организм и сам справится. Вам же в ближайшее время показан отдых.

- Я отдыхала.

- Лежа в кровати? Вы не отдыхали, милая моя. Вы доводили до сердечного приступа вашу дорогую матушку, и мне еще предстоит выписать ей какую-нибудь противную микстуру.

- Почему?

- Почему выписать?

- Почему противную?

Левас Шверинсон скривился в подобии улыбки.

- Потому что, дорогая, люди отчего-то пребывают в уверенности, что лекарство не может быть вкусным. Что, наоборот, чем оно мерзее, тем лучше работает. А ваша матушка и без того особа до крайности мнительная. Вы, к счастью, пошли в отца.

К счастью ли?

- Вот так... лучше?

Эва прислушалась к себе и согласилась, что и вправду стало лучше. Во всяком случае в гроб уже не хотелось, даже если это будет гроб с периной. Как-нибудь она так... обойдется... без гроба.

И поесть бы.

В животе заурчало. А еще чаю, только без сливок и сахара, но самого простого... или нет, с сахаром, но без сливок. А к нему пирожные.

- Вот так-то лучше... я поговорю с вашим батюшкой. Он, если что, сумеет поделиться силой. Но, полагаю, вряд ли в том будет нужда.

- А капли?

- Капли не повредят. Вы и вправду испытали немалое потрясение. И будь вы более... эмоциональны, боюсь, ими бы не обошлось.

Прозвучало обидно.

Выходит, права была матушка, что Эве не хватает чувствительности? Тонкости душевного восприятия?

- О, милая, неужели я сказал что-то не так? – Левас Шверинсон поднес платок. – Помилуйте... неужели вам так хочется в санаторий?

- Куда?

- В санаторий, где девицы экзальтированные лечат свои нервы молочной диетой. Как по мне найвреднейшая затея... или взять новомодную затею голодать? Здоровой женщине нужна здоровая еда. Или вот еще какой-то идиёт придумал ледяные ванны, я уже не говорю о лечении током. Это просто-напросто больно!

Эва поежилась. Как-то ледяные ванны совершенно не вписывались в её представление о медицине.

- Ваша матушка, конечно, знает о моем отношении. И мнению моему доверяет, но не доводите её до отчаяния. Женщина, ради спасения своих детей, готова на многое. Даже на ледяные ванны. Тем более принимать их придется вам.

- Я... постараюсь.

- Вот и ладно.

- Погодите, - Эва наморщилась. – Вчера ведь... или ночью... ночью тоже был целитель. И он ничего такого не сказал.

- Возможно, не заметил. Тем более что последствия порой проявляются далеко не сразу, - Левас развел руками. – Как бы то ни было, если вдруг почувствуете в себе желание лежать и не двигаться, то... как-нибудь переборите. Или просто обратитесь к батюшке. Впрочем, я оставлю инструкции.

- И капли.

- Несомненно. Что вы к этим каплям привязались?

- Не знаю, - честно ответила Эва и, когда в животе заурчало, добавила. – Я есть хочу.

- Отлично... полагаю, вы не будете против, если я останусь на ужин?

И главное, на ужин подали не овсянку, и даже не вареную куриную грудку, приправленную листьями шпината. И матушка не говорила, что леди подобает уверенность. Напротив, сама подвигала к Эве то одно блюдо, то другое... и это было хорошо.

А потом матушка поднялась в комнату Эвы. И горничную отправила прочь, взялась за щетку... и вот теперь расчесывала волосы.

Вверх и вниз.

Вверх...

- Герцогиня Эстервуд прислала приглашение на ежегодный бал, - сказала матушка странным голосом. – Цветы. И записку. Спрашивает о твоём здоровье. Выражает надежду, что твоя долгая болезнь... скоро закончится. И к балу ты поправишься.

- Мне? – странно-то как... нет, Эва, несомненно, знала герцогиню... то есть, скорее о герцогине Эстервуд, но чтобы наоборот? Чтобы герцогиня знала про Эву? Про... здоровье?

И приглашение...

Бал у Эстервудов – это... это же не просто бал. Это Событие! И приглашения на него рассылаются лишь избранным, тем паче, что сама Эва даже ко двору представлена не была. И тут...

- П-почему?

Рука сжалась, и палец коснулся колечка.

Это они?

Или отец... у отца ведь тоже знакомства, правда, прежде он не тратил их на приглашения. И вовсе, кажется, светскую жизнь полагал глупостью. Хотя матушке не мешал. И... да, матушку уважали. И приглашений она получала множество, но... она.

А Эва?

- Это очень, очень хорошо... хотя, конечно, - рука матушки дрогнула.

- Что?

- Если ты появишься на балу у Эстервудов, то никто не усомнится в том, что... ты... достойна, - матушка явно осторожно подбирала слова. – Вслух.

Она вздохнула.

- Сплетничать все равно будут? – Эва прислушалась к себе и поняла, что совершенно точно не расстроена.

- Будут. И не только сплетничать. Отношение можно показать повсякому, - матушка присела рядом. – Моя вина, дорогая...

- В чем?

В том, что Эва сбежала? Вот уж точно не матушка её на побег сподвигла.

- Я была слишком строга с тобой. Я... в свете все непросто. Когда-то я была маленькой провинциальной девочкой без приданого, без перспектив. Красотой и то не отличалась.

Разве?

Матушка всегда казалась Эве совершенством, причем недостижимым.

- Я не надеялась на хорошую партию. Вдовец, быть может, если повезет, не слишком старый. Не слишком богатый, не... и потому, когда выяснилось, что у меня есть... способность, забавная и совершенно бесполезная в обычной жизни способность не воспринимать магию смерти, это было сродни чуду.

Она сунула ладони под волосы и подняла, позволяя прядям спокойно стекать сквозь пальцы.

- Орвуды знатны. Состоятельны. И... и он никогда и ничего не жалел для меня. Да, сначала не было любви. Она вовсе редко случается. Дело даже не в ней. Дело в том, что передо мной открылись вдруг двери. И я, наивная, решила, что мне там, в высшем свете, рады...

- Не были?

- Мне улыбались. Там всегда улыбаются. Только порой от этих улыбок становится тошно. Там умеют дать понять, кто ты есть. Точнее кем они тебя считают. И потому...

- Мне не стоит идти?

- Стоит. Это оскорбление, не явиться на подобный бал. И это оскорбление точно не забудут. Но... просто не будет.

Когда оно было, просто.

- Возможно, леди и будет снисходительна, но остальные... тебе дадут понять, что ты там лишняя. В лучшем случае. В худшем... можно вовсе стать отверженной. Оставаясь при том в свете.

- И что делать?

- Выйти замуж.

- Мама?!

- Слухи пойдут... слухи уже идут, но если ты выйдешь замуж, это покажет несостоятельность домыслов.

Как будто это так просто, взять и выйти замуж.

- А потому нужно будет постараться... твой отец не понимает всей серьезности ситуации, как и твой брат.

- Может... - Эва прикусила губу. - Может, я все-таки лучше старой девой?

Матушка фыркнула.

И волосы отпустила.

- Нужно будет озаботиться гардеробом. До бала меньше месяца, а подходящего платья нет. И будто того недостаточно, еще и представление.

- Представление?

- Ко двору, - вздохнула матушка. – Я, конечно, планировала, может быть, следующей весной... тебя бы включили в список. Но из дворца сообщили, что Его Величество желают... в особом, так сказать, порядке... полагаю, дело в леди Диксон. Одна она будет слишком уж выделяться, вот и вспомнили о тебе, тем более, что Берти с Диксоном весьма... дружен.

У Эвы закружилась голова. От слабости? Или страха? Или... или не в Милисенте дело, а... а в них? В тех людях, которые оставили кольцо. И теперь показывают, сколь они полезны.

- С одной стороны тоже высокая честь... особых давно не было. И не останется незамеченным. Хотя и зависть вызовет, да... но к нему тоже наряд надобен. И не просто платье. У нас же всего пара недель в запасе. А этого катастрофически мало. Стало быть...

Матушка вновь разговаривала сама с собой. А Эва подавила вздох. Представление? Бал? Замуж в конце-то концов? Она и раньше-то... нет, вот за Стефано она бы вышла. Раньше. Теперь, когда он вот так... а если и другие тоже?

Можно ли вообще верить кому-то?

Она закрыла глаза и увидела зал. Темноту, в которой прятались люди, но, не доверяя и темноте, скрывали свои лица за масками. И как узнать, кто прятался за ними?

Ведь...

Они будут там, на балу. На многих балах... Кэти права.

И... и если Эва выйдет замуж за такого? Такого, который притворяется достойным человеком, а на самом деле носит маску? Много масок?

Нет уж...

Но матушка не поймет.

- Завтра же... надо разослать карточки, сообщить, что ты выздоравливаешь и готова принимать гостей...

- Мама...

- И леди Диксон будет рада навестить тебя. Она мне показалась сильной женщиной, а главное, далекой от интриг. В свое время мне

очень не хватало поддержки, а вдвоем всегда проще.

Матушка поднялась.

И в дверь осторожно постучали.

- Леди? – вид у горничной был встревоженный. – Леди... вас просят спуститься.

Эва тоже поднялась и набросила халат.

- Дорогая...

Она покачала головой. И матушка, вот удивительно, не стала спорить.

Отец читал записку. И ведь не в первый раз. Читал, хмурился и, заметив матушку, протянул записку ей. Та быстро пробежала по тексту.

- Это... правда?

- Пока не знаю, - сказал отец. – Но вряд ли он бы стал так шутить.

- Что? – Эва поднялась на цыпочки, пытаюсь заглянуть через матушкино плечо.

- Тори, дорогая... Тори очнулась! – голос матушки дрогнул, и листок бумаги вырвался из пальцев. Он опустился на темный ковер, где и остался лежать светлым пятном. – Если... если это правда, то...

- Я велел закладывать экипаж, - отец поднял бумажку. – Эва, ты пока останешься здесь. Я понимаю, что тебе хочется увидеть сестру...

Не очень, но Эва кивнула.

- Однако ты еще слаба. И должна отдыхать.

- Я... я соберусь...

- Конечно.

Матушка вышла, едва ли не выбежала. А Эва осталась. И отец. И он все так же смотрел на бумажку, а еще...

- Ты не слишком рад, - Эва огляделась и забралась в старое кресло, которое всегда стояло у камина. Пусть даже огня не было, но кресло оставалось таким родным, уютным.

- Эва?

- Я вижу. Тоже... опасаясь?

- А ты?

- Я её видела. Когда... спала. Она не потерялась, отец. Она просто не хотела возвращаться. А сейчас захотела. Но... она другая. Стала.

Отец чуть склонил голову и ответил:

- Она тоже моя дочь.

А потом добавил:

- Маме не говори, она слишком уж эмоциональна.

- А Берг...

- Уехал.

- Куда?

- Хочет все же отыскать тот дом. Но в этом нет особого смысла.

Отец подошел к окну и оперся на подоконник. Странная у него привычка, стоять вот так, просто глядя в серое стекло. Оно здесь толстое и отлито было, кажется, в незапамятные времена. И надо бы поменять. Но сама мысль о том, чтобы что-то изменить в кабинете казалась кошунственной.

- Иди отдыхай, - он стоял долго. А Эва не торопила. Сидела вот. Комкала записку, но не читала. И думала, думала... только все равно ничего не придумывалось. – Все будет хорошо.

Это Эва уже слышала.

Глава 39 О том, что улики – дело тонкое

Глава 39 О том, что улики – дело тонкое

Бертрам Орвуд смотрел на темный остов дома. Смотрел хмуро, и пальцы его сжимали навершие трости. Чарльз ощущал холодные волны силы, до того неприятной, что хотелось отступить.

Люди и вовсе старались обходить некроманта стороной.

А людей было много.

Пожарные.

Полицейские.

Любопытствующие и те, кто затаился в тени, ожидая, когда все лишние личности отбудут, позволив покопаться в развалинах. Там ведь осталось многое.

- Пожар начался на рассвете, - произнес Орвуд.

Над пожарищем поднимался дым, сизый, легкий, он тянулся к небу, чтобы после, изогнувшись, вновь излиться на узкие улицы.

- И дом заметили, когда он уже вовсю полыхал. Выходит, отец прав...

Орвуд сделал шаг, и худенький полицмейстер в мешковатой, явно доставшейся от кого-то, форме, поспешил убратся с пути.

- Искал? – поинтересовался Чарльз.

- Не скажу, чтобы специально. Мне нужно было подумать. То, что рассказал отец... это нехорошо.

Кто бы спорил.

И Чарльз кивнул. Огонь... огонь еще жил. Там, среди черных углей, залитых водой. А ведь когда все началось? Не тогда ли, когда они уехали из клуба?

Скорее всего.

И... случайность? Уголек, выбравшийся из камина? Свеча, что упала на бархатную портьеру? Что-то иное, такое же нелепое, но при том обыкновенное донельзя?

Только...

Дом был стар, но не настолько же, чтобы взять и вспыхнуть. Должны были сохраниться артефакты, которые защищали бы от огня. В любом мало-мальски приличном доме они есть. И пусть

разыгравшийся пожар им не под силу укротить, но вот с угольком и свечой они бы справились.

Нет, тут другое.

Что-то такое... такое опасное. Очень опасное.

Ноздри Орвуда раздулись.

- Здесь кто-то умер...

- Господин? – перед некромантом появился человек в сером костюме, измазанном сажей. – Туда пока нельзя. Горячо.

- погоди, - Чарльз удержал друга. – Сейчас я попробую. И в любом случае, стоит подождать, пока погаснет.

Он не собирался возвращаться сюда.

Да и...

Посыльный от Орвуда появился после обеда. И этот обед, с непривычно притихшей Августой, которая смотрела только в свою тарелку, суетливой матушкой и дядей, что пытался быть любезным, тянулся и тянулся. А когда закончился, Чарльз выдохнул с облегчением.

И посыльный.

Записка.

Пара слов. Просьба. Просьбу он готов был исполнить, но с огнем справились и так. Хотя... нет, не справились. Он еще жив. Глеет там, внутри.

Соваться опасно.

Огонь – коварная стихия. И нынешний, почти захлебнувшийся водой, готов подняться, вцепиться в осклизлые развалины.

Чарльз поднял руки, дотянувшись до пламени. И то, счастливое, что его услышали, поспешило навстречу. Угли зашевелились, выплевывая один за другим тонкие жгуты огня. А те, добираясь до Чарльза, обнимали пальцы, ластились и пробирались в кровь.

И та принимала.

- Огонь магический, - спокойно произнес Чарльз, чувствуя, как там, в глубинах дома, жгуты свиваются друг с другом. Их было много. Слишком уж много. – Отведите людей. Будет еще один выброс. Не уверен, что удержу.

- Диксон?

- И ты тоже отойди.

- Твоя жена меня убьет, если что-то с тобой случится, - произнес Бертрам.

- Поэтому ты решил, что лучше уж самому? За компанию так сказать?

Улыбаться получилось.

А ведь... да, Чарльз чувствует огонь куда как лучше. И будь здесь Милисента, он точно бы справился. Вдвоем всегда легче...

- Погоди... у тебя камни есть? Драгоценные?

Бертрам сунул руку в карман и вытащил кошель, в котором обнаружили... алмазы?

- Давай по одному. Клади в руку... пока формируется ядро, я попытаюсь оттянуть силы...

А вообще какой чудака носит с собой мешок алмазов?

Впрочем, хорошо, что носит. Иначе было бы куда сложнее.

Камень упал на кожу, которая приобрела ярко-красный оттенок, но не обожженной, скорее уж цвет горячего угля. И Чарльз перенаправил жгут внутрь алмаза.

Вот так.

Потихоньку. Вамень чистый, и силу впитывает, наполняясь ею. Быстро. Слишком быстро.

- Второй... отводите людей!

- Слышали? – Орвуд отвернулся к полицейским. – И из домов окрестных тоже выводите. Отправьте кого-нибудь...

- Пусть водой поливают стены, - посоветовал Чарльз, наполняя силой второй камень. Сколько их там, в мешочке? Хватит ли? Огненный шторм лишь зарождался...

...и если полыхнет, то выгорит не только дом. Силы там изрядно. На всю улицу хватит. Что за...

Второй камень заканчивается быстрее первого. И Орвуд отправляет его просто в карман.

- ...не отвлекайся. Я поставлю щит.

- А сможешь?

- Не моя специализация, но все-таки... может, мертвецов поднять, чтобы ров копали?

- Не успеешь.

Что бы ни оставили там, в развалинах, оно стремительно набирало силу. И те крохи, которые удавалось оттянуть, мало что

решали.

Больше надо.

Больше и...

Куда?

Камни? Камней не хватит. А вряд ли у Орвуда есть другие, побольше.

- Надо больше, - Чарльз просто подбросил алмаз на ладони. Тот поменял окрас и теперь слабо светился. – Крупнее или...

Он закрыл глаза, пытаясь дотянуться...

Божественный брак? Должна же быть от него хоть какая-то польза. То есть польза уже была, но... как там... сила на двоих? Попытайся использовать связь, коль уж она есть? И перенаправить силу? Милисента примет. Но... но если Милисента сорвется...

Огненные щупальца взметнулись, пробив остатки крыши. И кто-то рядом выругался, причем весьма от души.

Не удерживать. Конечно. Нельзя удержать огненный шторм, но можно направить. Не окрест, а в высоту... выше и еще выше, вытягивая в тонкую нить, которая уходила куда-то сквозь облака. А нить, утратившую часть энергии, ибо там, в вышине, холодно, потянуть обратно и свернуть в шар... вот так, слой за слоем... как Милисента делала... молния получится изрядною, но теперь силовой поток выровнялся.

- У тебя одежда дымится.

- Не отвлекай.

Плотнее. И еще... и потянуть к себе, потому как небеса – это хорошо, но вряд ли рукотворная молния в них удержится. Упадет еще и как знать, куда... вот ближе, как шарик на веревочке. У него был такой, к палке привязанный. Бестолковая игрушка, но Чарльз любил.

Сейчас похоже.

- Ты... ты понимаешь, что если оно рванет, мы не выживем.

- Я тебя предупреждал, - Чарльз выдохнул. Там, в доме, сила осталось, но немного, остатки дома уничтожит, а вот городу ничего не грозит.

Если Чарльз не упустит бледно-голубой шар, который парил у него над ладонью.

Нить истончалась.

И... надо бы обрывать.

Как там... узелок? Это абсолютно ненаучный подход, но узелок завязывается легко. И второй для надежности. Структура стабилизируется.

- И... боюсь спросить, что ты собираешься с этим делать?

- Понятия не имею, - честно ответил Чарльз, разглядывая воплощенную силу, застывшую меж его ладоней. – Милли такой в камень упрятал. Но камень нужен большой.

- Извини, - Орвуд сунул палец в мешочек. – Тут одна мелочь... собирался сдать в магазин отнести.

- Откуда вообще...

- Да, по случаю отец приобрел. Нужно ограничить бы.

И вряд ли стоит интересоваться, почему приобрел неограниченные и вообще откуда камни родом. У всех свои маленькие тайны.

- Господин маг, - полицмейстер подходил бочком и с явной опаской. – Могу ли я...

- Подойдет? – а вот откуда взялся Эдвин Дархард, Чарльз не понял. Но тот протягивал перстень с очень крупным зеленым камнем квадратной огранки.

- Могу испортить, - предупредил Чарльз.

- Ничего. А вы уберите уже людей подальше, - это Дархард сказал полицмейстеру. – Всех.

И растопырил руку, на которой вспыхнул синий дракон.

Тайная канцелярия?

Краснолицый полицмейстер стремительно побелел. И убрался.

- Щит я поставлю, - заверил Эдвин. – Вернее купол.

Он встряхнул руками.

И активировал артефакт. Весьма... серьезный.

Не отвлекаться. Шар с ладони никуда не исчез... и вот ведь, только утром... а теперь снова... этак, глядишь, и в привычку войдет. Надо будет озаботиться, приобрести пару-тройку камней приличного размера. А лучше пару десятков, так оно надежнее.

Нить легко поддалась.

И удалось обернуть её вокруг камня, в который она провалилась. Вот... почти так, как учили на артефакторике. И дальше потихоньку... камень сам будет принимать силу, нужно лишь выравнить поток.

Чарльз работал молча.

Сосредоточенно.

И шар бледнел... бледнел... уменьшался, но казалось, что эта треклятая нить силы никогда не закончится. Но нет, вот вспышка, и она окончательно уходит вглубь огромного изумруда. Камень полыхнул... так, как там?

Надо посыл задать.

В артефакторике важен посыл, иначе структура может дестабилизироваться и... и лучше этот камень вывезти куда-нибудь подальше да закопать.

Защита.

Чарльз поднял взгляд. Пусть... пусть купол ставит. И поддерживает, пока есть энергия. Ну или пока хозяин не прикажет. Хозяина еще назначить.

- Руку, - рявкнул Чарльз. И Эдвин послушно протянул. – Кровь... лучше на кровь.

А то ведь случись что, и тогда как?

Бертрам вытащил клинок зловещего черного цвета, правда, приносить в жертву наследника Дархардов не стал, ограничившись проколотым пальцем.

Кровь вошла в камень, как и сила. И... и структура стабилизировалась. Сама.

Надо же...

А ему говорили, что артефакторика – это определенно не его. К ней талант нужен.

- К-кажется, все, - Чарльз покрутил перстень, смутно ощущая его недовольство. – Примерь?

- Руку не оторвет? – осведомился Эдвин, но перстень взял. Прищурился. – И... что он делает?

- В теории ставит щит. А на практике... в общем, сам разберешься. Я вообще-то не артефактор!

- А по тебе и не скажешь, действовал весьма уверенно.

Похвала была приятной.

Проклятье...

Чарльз вытер пот, который полз по шее. И руки горячие... и... что у него с манжетами?

- Слегка загорелись, - подсказал Бертрам. – Извини, я... возьму.

- Да ладно, - Чарльз оторвал обугленное кружево. И подумал, что старая его одежда, та, которая для прерий, была определенно удобнее.

- Благодарю... - Эдвин надел кольцо. – Полагаю, отец тоже оценит.

- Там кто-то умирает, - Бертрам развернулся к дому. – Скоро уже... не чувствовал... полагаю, из-за огня... перебивает.

Он шел, закрыв глаза.

- Погоди, там горячо...

Чарльз бросился следом.

И Эдвин, закинув тросточку на плечо, тоже направился к дому.

Горячо было.

Жар исходил от углей. От камня, пропекшегося до трещин. Жаром дышал сам воздух. Жаром и остатками силы. И сила эта окружала Чарльза теплым коконом.

Он и поднялся первым.

По ступеням.

Мимо статуй, что рассыпались сизой пылью. Внутрь... осевшая крыша. Колонны. Если рухнут, то всех погребет. Перегородки прогорели насквозь, и подняться не выйдет. Но Бертрам Орвуд не поднимался. Крутанувшись, он направился куда-то влево.

Узкий коридор.

Выгоревшие стены.

И лестница, ведущая вниз. Здесь тоже пахло гарью, а еще горелой плотью, сильно, до отвращения, до рвотных позывов. Чарльз сцепил зубы. Сзади судорожно выдохнул Эдвин.

- Все никак не могу привыкнуть.

Провал вместо двери.

Ступени. Ступени из камня, как и стены, а потому почти не пострадали.

Человек лежал у подножия лестницы. Он казался темным пятном, отличным от других пятен лишь слабым биением сердца. И Чарльз чувствовал это биение, как и остатки жизни, стремительно покидавшей тело.

- Проклятье! Зар... Зар, как ты... - Эдвин упал на колени перед лежащим. – Я тебе говорил, что слишком опасно это, а ты... погоди, я сейчас... я...

Он ощупывал лежащего. И над пальцами виконта парили зеленоватые искорки. С каждым мгновеньем их становилось все больше. Они уходили в человека и...

- Что с ним? – тихо спросил Чарльз.

- Умирает.

- Не умрет. Он... крепкий парень. И упрямый. Ты ведь выживешь, Зар? Конечно... - Эдвин перешел на шепот. А искр стало еще больше. И вот уже они облепили тело, будто укутывая. Мерцающий полог дрожал, рассыпался и создавался снова.

Снова рассыпался.

- Он сильный, - заметил Орвуд. – Я и не думал, что настолько сильный...

- Не особо, - Эдвин все-таки поднял взгляд. В темноте его глаза слабо светились. – Это... это вас нужно благодарить, Чарльз. Я ваш должник... кольцо...

Пальцы погладили перстень.

- Вовремя. У меня самого сил бы не хватило. А теперь... теперь он хотя бы до целителя дотянет.

- Лучше бы его сюда, - Чарльз огляделся. – Это вообще кто?

- Мой названный брат. И лучший агент Тайной канцелярии... Бальтазар Азерос.

Вот ведь. Не было печали.

- И еще... вне зависимости от исхода. Он сегодня умрет. При исполнении долга... или несчастный случай? Надо будет подумать.

Взгляд его сделался рассеянным.

- Тело надо будет вынести.

- Тела, - поправил Бертрам. – Думаю... если ваша служба... или полиция... пожелает расследовать произошедшее, то им просто необходима будет помощь опытного некроманта.

- Вне всяких сомнений.

- А лучше Орвудов никого нет. Но работать мы предпочитаем в своей усадьбе. Соответственно, материал следует доставить именно туда.

Чарльз огляделся. И выпустил огневика.

- Не рванет? – заботливо осведомился Эдвин, который слегка посерел, но выглядел весьма бодро. В отличие от человека в знакомом балахоне.

- Нет, тут другого огня не осталось, а с тем, что есть, я справлюсь.

Подвал был... нет, скорее не подвал, а пяточок пространства, не затронутый огнем. Впрочем, если бы Чарльз не погасил выброс, не

осталось бы ни этого пяточка, ни того, что скрывалось под домом.

Ни самого дома.

Лестница справа.

Слева дверь темного дерева с металлическими накладками. Впрочем, открывается он от прикосновения.

Эдвин, тихо матюкнувшись, опускается на пол рядом с телом.

- Умирает? – Чарльзу почему-то неудобно смотреть. У него братьев не было. Ни названных, ни родных. Сестра вот только, да и та уехала.

- На грани, - Бертрам поморщился и указал на дверь. – Оттуда несет смертью.

А ведь огонь сюда не добрался. Пожар, устроенный в доме, остался наверху. Здесь же... ни копоти, ни жара. Дым только. Дым вот должен был бы просочиться.

Почему только дым?

Все-таки артефакты? В подвале? Стало быть, подвал был важен. Возможно, не столько он, сколько место, куда он вел. Его защитили, но второй всплеск силы выпил защиту.

- Позволь мне, - Бертрам встал перед дверью.

А Эдвин снова что-то творил, что-то невообразимо сложное, похожее на хрупкую арку из зеленого света. Смотреть на нее было больно, и Чарльз отвернулся.

Вдохнул.

И с трудом выдохнул.

Он не некромант, но этот запах... смерть всегда пахнет по-особому. А еще чувство такое, будто он снова на том треклятом острове.

Безнадежности.

Тоски.

Следом накатило желание перерезать глотку. Себе? Можно и себе. Но остальным тоже. Эдвин мучается... к чему? Жизнь – это боль, а боль...

Боль пришла изнутри, полыхнула синим пламенем, сметая наваждение. И Чарльз потряс головой.

- Здесь...

- Ловушка, - спокойно отозвался Орвуд сминая что-то темное, рваное и отвратительное даже с виду. – Весьма любопытная. Побудь

там. Надо... поглядеть. И дверь прикрой.

Чарльз не стал спорить.

Прикрыл.

И подошел к Эдвину.

- Что с ним?

- Пока не пойму. С виду повреждений нет, разве что на голове ссадина, но это мелочь.

- Может, череп проломили?

- Обижает. Я все-таки кое-что в целительстве смыслю. Кожу порвали и все... скорее похоже на отравление, но чем? Сиу... ты выкупил мальчишку?

- Да.

- Хорошо. Я с ним поговорю.

- Только аккуратно. Все-таки ребенок.

- Если все так, как я думаю, то на совести этого ребенка многие жизни.

- На совести тех, кто пользовался этим ребенком. Но... да, надо будет, чтобы глянул.

Говорить стало не о чем.

А вот тип на полу умирать перестал.

- Они... разговаривали. О том, что какой-то сыщик получил приглашение. Были недовольны. Но вот... настолько ли? Если подозревали, то почему пригласили меня вступить?

- Пригласили? – Эдвин подобрался. – Интересно... очень интересно. Позже поговорим.

Глава 40 Еще не последняя, но весьма к тому близкая

Глава 40 Еще не последняя, но весьма к тому близкая

Орвуд вернулся.

Злой.

От него тянуло темной мертвой силой.

- Не приближайся, - Эдвин встал. – Пожалуйста.

Зеленое марево, висевшее над раненым, отозвалось на близость некроманта яркими вспышками. А после и вовсе побледнело, почти рассеялось.

- Извини, - Бертрам попятился. – Там убивали.

Он потер лицо.

- Тела?

- Трое. Женщина. Двое мужчин. Женщина, насколько я понял, та, что продала Эву. Лицо изуродовано. Мужчины, думаю, просто помощники. Но... там убивали не их. Не только их, если точнее. И не просто убивали. Жертвоприношения.

Орвуд выдохнул.

- Сейчас... я собрал, что смог. Алтарь. Старый. И пользовались им не один год. Прикладная, чтоб её... некромантия. Сила слегка... опьяняет, но пройдет. Ненадолго.

Он отступил к стене, оперся на нее, а потом просто осел на пол, где и сидел несколько минут.

- Некромантия бывает разной. Я... урожденный некромант. Сродство к силе и все такое... и ограничения. С детства ограничения. На самом деле нас окружает смерть. И болезнь. И муки... помню как-то... кучера лошадь лягнула. В грудь. И я ощутил его боль. Мне она казалась такой... такой желанной. Я забрал её. А потом, когда он умер, и силу забрал. И испугался еще. Отец позже объяснил... так вот, мне не нужны ритуалы. Не нужно мучить жертву, чтобы получить силу.

- А там?

- Отец говорил, что искусство смерти... влечет людей. Им кажется, что познав его они научатся эту смерть откладывать.

- Вечная жизнь?

- Именно. И... тогда, еще в Старом свете, проводились опыты. Оказалось, что любой дар можно приспособить, хотя, конечно, сделанный некромант всегда будет слабее урожденного. Ему как раз нужны и ритуалы, и... остальное.

Смерть.

Убийство.

- А еще он сказал, что весьма часто они сходили с ума. И сила... отец учил меня контролировать, что силу, что желания. А это... это сродни опиуму. Или виски. И те, кто прикасаются, раз за разом, к чужой боли, становятся зависимы от нее. Там... там пахнет болью. И смертью.

- Я могу войти? – просто сидеть было невыносимо.

- Сейчас да. Если хочешь. Ловушек нет, силу я тоже подчистил. Только... там все равно будет неприятно находиться.

Да неужели? В месте, где пытали и убивали людей?

Чарльз толкнул дверь. И светляка еще одного создал.

Узкий коридор.

И снова дверь. За ней – пещера... нет, подвал. Возможно, когда-то это было именно пещерой, с высокими сводами, с округлым потолком, и уже после люди доработали её под собственные нужды. Они убрали стены за кирпичной кладкой. Украсили их железными крюками. Поставили факелы.

И чаши.

Чарльз посадил светляка в ближайшую, и масло в ней вспыхнуло. И в следующей тоже. Чаш была дюжина. Совпадение?

Вряд ли.

Рядом с каждой на полу выбит знак. Мастерок... книга... ружье? Змея. Символы что-то да значат. Чарльз прошелся, пытаюсь запомнить каждый.

И остановился у алтаря.

Или это... нет, все-таки алтарь. Темный камень, слегка отесанный с боков. Неровный. Ноздреватый. И рука скользит по поверхности его. От прикосновения остается неприятное чувство, будто Чарльз ненароком дотронулся до чего-то на редкость... омерзительного?

И руку он убирает.

Обходит алтарь. На нем нет ни символов, ни знаков. А вот цепи имеются. Снизу. Сверху.

И выдолбленные в камне канавки.

Что здесь... убивали. Чарльз снова поймал уже знакомое чувство тоски и безысходности, правда, слабое, даже не само чувство, скорее эхо его.

И тоска.

Страх.

Много всего.

Он отступил от алтаря.

А вот тела, о которых упомянул Бертрам, лежали у стены. Вытянулась на спине женщина, уставившись мертвым взглядом в потолок. Рядом застыл мужчина с перекошенным лицом. Третий сидел и казался живым.

Ни ран.

Ни...

Чарльз вышел и осторожно прикрыл дверь.

Остановился в узком коридоре. И... как быть? Сделать вид, что ничего-то не было? В конце концов, он ведь не обязан разбираться со всем этим.

Есть Тайная канцелярия.

Есть Император.

Эдвин, который явно знает куда больше Чарльза. И Орвуды сейчас не отступят. Совершенно точно не отступят. Если так, то он даже лишний.

И...

И это не безопасно. Что бы там ему ни говорили, это категорически не безопасно. А стало быть, разумнее всего будет просто уехать. В конце концов, Августа вернулась, цела и не желает его видеть. Её право. Хочет общаться с родичами? Пускай. Матушка... матушка найдет, чем себя занять. В конце концов, Чарльз может забрать её с собой, хотя мысль и сейчас не кажется удачной.

А вот ему и Милисенте в городе Мастеров будет безопаснее.

Много безопаснее.

Беззвучно отворилась дверь.

- И что ты решил? – поинтересовался Эдвин.

- Читаешь?

- Прочитать человека не так и просто, как кажется. Но ты не из тех, кто бросает дело.

- Еще о долге напомни.

- Зачем? Люди или сами помнят о нем, или напоминать бесполезно. На деле... да, ты можешь уехать. И жену забрать. Я не стану чинить препятствий. Напротив, и я, и отец... и служба... поможем. Мы заинтересованы в лояльности Города. Но правда в том, что ты не уедешь.

Чарльз вздохнул. Погано, когда кто-то знает тебя едва ли не лучше, чем ты сам.

- И что предлагаешь?

- Если бы ты знал, как давно я пытался добраться... о Клубе Великой Дюжины, - Эдвин произносил каждое слово так, что было понятно – и вправду только Великой и Дюжины, - слухи ходили давно... отец говорил, что и в его время было что-то подобное.

- Это тебе с Орвудами надо.

- Знаю. Но тогда все закончилось... в общем, нехорошо все закончилось. Кое-кто связался с мятежниками, были взрывы, жертвы. И Клуб прекратил свое существование. Но лет пять тому он возродился. Возможно, что и раньше. Скорее всего, что и раньше.

Эдвин подошел к двери.

Выглянул.

Хмыкнул.

- Орвуд утверждает, что алтарю не менее двадцати лет. И этот дом... ты знаешь, что его нет ни на одном плане?

- Знаю.

- Удивительно. А я вот узнал недавно, когда Зар похвастал, что ему удалось получить приглашение. Мне не стоило его отпускать. Одного.

- Не одного, - покачал головой Чарльз. – Он не мог быть один.

- Почему?

- С дамой. Таково было условие. Появиться с дамой.

- А об этом он не упоминал. Хотя... я в тот вечер был занят, а он прислал записку. Что у него получилось. Что есть приглашение и... ты позволишь заглянуть в память?

Чарльз поморщился. Вот меньше всего хотелось, чтобы кто-то влезал в голову.

- Клянусь, я буду аккуратен, но мне нужно это увидеть. Самому.

- Твой...

- Мы с Бальтазаром росли вместе. И он не сын моего отца, если ты об этом. Отец никогда не оскорбил бы мать подобным образом. Скорее уж он сын его старого... друга? Знакомого? Человека, которому отец был многим обязан. А тот погиб. И отец взял Зара в дом. Мы росли. Вместе. Если бы Зар захотел, он бы получил и поместье, и содержание, и протекцию на любую службу. Но он всегда отличался склонностью к авантюрам. И... не суть важно. Главное, в контору он пришел раньше меня, я уже следом. И да, он старше меня по званию, если думаешь, что я приказал ему сюда отправиться.

- Не думаю.

- Ну да... так вот, он – мой брат. Пусть и не по крови, но... он куда ближе остальных. А меня не оказалось, когда он был нужен. И теперь я вовсе не уверен, что Зар выживет.

Чарльз нахмурился вспоминая подробности.

Имя он слышал.

Определенно.

- Они говорили... о сыщике, который купил приглашение у кого-то... того человека изгнали из клуба. Меня уверили, что это просто ритуал, что он не сумеет найти это место. Он не знает ни имен, ни лиц.

- Подозреваю, что так оно и есть.

- А его лицо я запомнил. Но это тоже не имеет значения, верно?

- Проверка.

- То есть?

- Смотрят, что ты будешь делать. Станешь ли искать? А если найдешь, будешь ли задавать вопросы? Какие.

- И...

- И искать станешь. Это в твоем характере. Вопросы тоже задать стоит. Но ни я, ни кто-либо... если появится кто-то третий, они просто исчезнут.

Чарльз потер шею.

- Убийство – это всегда крайняя мера. И одно дело избавиться от старой шлюхи, и совсем другое – убрать графа Диксона, человека весьма известного. Да и обласканного вниманием Его императорского Величества. Твоя смерть создаст больше проблем, чем выгоды. А они, как я успел понять, весьма практичны. Так что да... если ты не пройдешь проверку, они просто исчезнут.

- Хорошо, - шея чесаться не перестала. – Я... найду этого... брата, мать его, в отставке. И порасспрашиваю. И... потом-то что?

- Дождешься приглашения. А там видно будет.

- Какой-то у тебя план неопределенный.

- Какой уж есть, - Эдвин хлопнул в ладоши. – Идем. Пора покойников выносить. И... полагаю, ты с Орвудом весьма дружен стал? Навещай его почаще. Вам будет о чем поговорить.

- Я не твой подчиненный!

- Это пока, Чарльз... это пока.

Вот ведь. Надо было выбирать отъезд.

Эдди спустился в подвалы.

Подвалы при отеле были и вправду знатные. Начинались они за кухнями, и сперва даже казались обыкновенными приличными подвалами. Теми, в которых хранят, сыры да колбасы, тяжелые окорока, бочки с соленьями и всякого рода мешки, весьма нужные в кухонном деле. В них-то и пахло съестным.

- Лестница только одна, - Саттервуд огляделся и поежился. – Всякий раз вот ощущение такое... не знаю, как объяснить. Словно сквозняком тянет. Но откуда тут сквозняки?

Сквозняков и вправду не было.

Холод был.

Такой... неправильный холод.

- Где её нашли? – Эдди принюхался. Сквозь ароматы копченостей, сквозь душное облако приправ доносился-таки легкий едва уловимый смрад.

- Так... я сам не присутствовал, - Саттервуд, кажется, несколько смутился.

- А кто присутствовал?

- Бартон. Позвать?

- Позовите. И свечи пусть прихватит.

- Лампы?

- И лампы тоже.

Эдди прошел сквозь ряды. Сколько съестного, в жизни столько и в одном месте не видел.

- Там дальше винный погреб.

Дубовые бочонки выстроились на полках слева. Справа, припорошенные пылью, дремали винные бутылки. Зато вонь стала

отчетливей.

- Вы... не чувствуете?

- Что? – встрепенулся Саттервуд и принялся крутить головой. –
Здесь... призраки?

- Воняет.

Саттервуд принялся.

- Извините... я прикажу убрать.

- Нет, не этот запах, который... и убираться смысла нет. Здесь
довольно чисто.

Разве что на бутылках пыль.

- Нет-нет, - заметив взгляд, Саттервуд замахал руками. – Что вы...
ни в коем случае нельзя. Пыль – это своего рода знак качества.
Подтверждение, что бутылка лежала здесь много лет. Выдержанное
вино.

Этаких извращений Эдди не понимал, но кивнул.

На всякий случай.

- Так... я позову?

Саттервуду явно хотелось убрать подальше. А уж на дверь,
которая почти сливалась с кирпичной стеной, он глядел и вовсе с
откровенным страхом.

- Позовите, - Эдди подошел к двери. – А за ней что?

- Тоже подвалы, но их... не используют. Понимаете, город ведь на
самом деле стар. И многие здания здесь возводились поверх других.
Ходят слухи, что иные... п-подземелья вовсе даже не людьми созданы.
Но это только слухи. Полагаю, преувеличивают. Другое дело, что
город строился и перестраивался не раз. Был и пожар, уничтоживший
почти весь квартал, а после даже землетрясение приключилось. Вот и
выходило, что новые здания возводились поверх старых. Планы
утрачены, и... мы просто держим дверь запертой.

Только не в тот день.

- Всегда?

- Посмотрите сами, - Саттервуд оскорбился даже. – Видите? Есть
и засов. И навесной замок. Не представляю, как ребенок мог туда
попасть.

- Никак, - вздохнул Эдди, коснувшись двери. И запах, запах
близкой смерти сделался отчетливей. – Зовите вашего... Бартона. И
ключ пусть принесет.

- Открывать будете?

- Буду.

- Я... пожалуйста, осторожнее.

- А там опасно?

Саттервуд отвернулся.

Вздыхнул.

И признался.

- Несколько лет тому там... горничная. Из новых. Её не сразу нашли... до того еще кухарка. И просто... я всякий раз собирался заколотить эту проклятую дверь.

- Отчего не заколотили?

- Не знаю, - сказал он растерянно. – Просто не знаю, но... будьте осторожны. Жози... завтра обещала прибыть.

Понятно.

Он не об Эдди беспокоиться, скорее уж о своем месте и отеле. Точнее о месте, а уж отель ему постольку-поскольку. Хотя, конечно, и не только ему.

Когда Саттервуд ушел, появилось желание отправиться следом.

Стало тихо.

Слишком уж тихо. И запахи обострились. Эдди закрыл глаза, пытаясь понять, что за они. Тлен? Нет, не то... гниль? Самую малость. Сладковатый аромат близкой смерти.

Предупреждающий.

Порождающий страх. И Эдди почувствовал почти непреодолимое желание убратся.

- Шалишь, - сказал он, не открывая глаз.

Что бы там ни было, оно было там давно. И не слишком радовалось гостям.

...замок.

Замок на двери амбарный, внушительный, но стоило прикоснуться, и он, тихо звякнув, повис на одной дужке.

Приглашают?

Эдди вытащил замок. И засов сдвинулся легко, будто и не покрывали его толстые ключья ржавчины.

Дверь приоткрылась и...

- Эй, - раздался нервный голос. – Есть тут кто?

- Заходи, - Эдди осторожно прикрыл дверь и замок на место вставил, правда, без особой надежды, что тот удержится.

И вправду заколотить бы.

Или...

Человек вошел и остановился на пороге, подслеповато вглядываясь в полумрак. В руке он держал лампу со стеклянным колпаком. А в ней трепетал огонек.

- Бартон?

- Да, господин, - человек сделал шаг и остановился. – Велено, стало быть...

Не из верхней обслуги. Та вся в костюмчиках ходит, ибо положено. Да и выбирают тех, которые рожей поприятней. А Бартан кривой на один глаз. И щеку его шрам пересекает, отчего кажется, что на лице застыла издевательская полуулыбка.

Силен.

Высок. Едва ли не с Эдди ростом. Плечи мощные. А ступает осторожно, мягко...

- Военный? – поинтересовался Эдди.

- В прошлом.

- Граница?

- Два года. Потом... попал. Глаз вот выбило и рожу посекло, - Бартон протянул лампу. – Ну и в госпитале провалялся. А потом уж того, на пенсию выпроводили. Торжественно.

Зубов у него тоже не хватало, но единственный глаз глядел прямо, с вызовом.

Эдди чуть наклонил голову.

- Пенсия маленькая?

Бартон только сплюнул. Стало быть, и вправду маленькая.

- А тут что?

- Тут... тут моя... хозяйка подсобила, иначе с такою рожей в жизни не взяли бы. Но на кухне вот. Туши таскаю. Рублю. Дрова ношу. Ну и так... помочь, принести, убрать.

Эдди поставил лампу на бочонок.

И свечи достал.

Дюжина. Причем отменных, из белого воска скатанных. Саттервуд не поспешил.

- Ты девочку нашел?

Бартон разом посмурнел. Похоже, вспоминать о случившемся ему не хотелось.

- Я.

- Расскажешь?

- Так... чего? Зачем в смысле?

- Найти хочу, кто её убил.

- Это... это вы навряд ли. Он и убил.

- Кто?

- Отель. Еще то чудовище. Всех жрет.

Интересный взгляд. Но... нет, там, наверху, Эдди не ощущал ничего такого.

- Тоже рассказывай.

Бартон замялся. Боится? Нет, не отеля. А... чего?

- Я заплачу, - Эдди сунул руку в карман и достал пару золотых монет. - И еще сверху. Сотню. За честный рассказ.

Деньги лежали на ладони.

И...

Нет, не то. Не правильно. Деньги – это хорошо и нужно, иначе бы не унижался бывший вояка в подсобных рабочих. Но одних денег мало.

- Я обещал ей, что найду убийцу.

- Кому?

- Девочке. И это не отель. Это человек. Это весьма конкретный человек. Он встретил девочку. Привел в подвал. И убил. И я дал слово его найти. Наказать. Если ты сможешь...

- За помощь не платят.

- За информацию – вполне. А мне она нужна. Я в этих краях чужой.

- Заметно, - улыбался Бартон жутко, лицо его перекашивало на одну сторону, губа задиралась и становились видны редкие желтые зубы. - Видал я ваших...

И убивал наверняка.

И его тоже встречали не с цветами. Граница. Всякое случается. Что ж теперь.

- Поможешь?

- Слово охотника?

- Я не охотник.

- Да ну? А по виду не скажешь. Кто?

- Шаман.

- Надо же ж... - Бартон прищурил единственный глаз. – Тогда да... тогда, может, и получится... но слово дай. Саттервуд меня все одно уволит.

- За что?

- Ни за что. Так, на всякий случай. Еще та гнида, - Бартон сплюнул под ноги. – Не верь ему. Он, пока выгоду чувствует, крутится, вертится, наизнанку вывернется. А как случай выпадет, то и...

- А ты давно тут? При отеле?

- Да прилично уже... четвертый год как.

- Жаль.

- Что?

- Хозяйку прежнюю не застал.

- Я – нет, а вот супружница моя, та, почитай, с малых лет тут. Сюда же ж не так просто попасть. Раньше особенно. С улицы никого не брали, только если по рекомендациям. Так она и хозяйку, и прочих... начинала судомойкой, а ныне вон, кухарит. Ты не подумай, я не то, чтоб нуждался сильно, нет. Скорее уж тяжело без дела. Да и деньги, они да, лишними не будут... дочки вон, помогать надо. И внучки... скоро совсем вырастут, а там и замуж, и приданое.

- Понимаю.

- Наверяд ли. Но если тебе узнать чего, то с хозяйкою моею надо бы. Только не здесь. Я адресок скажу.

- Не боишься?

- Чего?

- Я ж не человек.

- Тю... сказал... тут бывает, что и человек – не человек, чего ж теперь, всех бояться... а дверь эта... Саттервуд-то вниз не особо заглядывать любит. Да и прочие. Тут же ж как? Оно кажется, что обслуга, она обслуга и есть. Ан нет. Те, что при господах состоят, не больно-то нижних жалуют. Дескать, мы тут все, если не дерьмо, то близко. Нет, есть и не такие, но мало. Норма вот была...

Он тяжело вздохнул.

- Норма-то частенько девчонку приводила. Тишком. Так-то это запрещено. Ежели бы прознал кто, мигом бы на дверь указали. И без рекомендаций оставили. Саттервуд...

- Говнюк?

- Точно. Еще тот. Так вот, она приводила и на кухню стало быть. А уж моя-то приглядывала за малышкой. Та тихая была, никому-то не мешалась. Сядет в уголочке и сидит. И помогать помогает. По-малости, конечно, но вот фасоль или горох перебрать, полущить, когда привезут свежий. Крупы просеять, муку... да и мало ли на кухне работы? Вот она-то и трудилась.

- А в тот день?

- В тот... моя хозяйка занемогла. С нею редко такое случалось, а тут прямо... вот на работу еще пришла, как обычно. А после вдруг скрутило живот и так, что прямо спасу нет. Её домой и отправили.

- Саттервуд?

- Кто ж его будет по таким пустякам отвлекать? – искренне удивился Бартон. – Киргстон. Он над кухней стоит. Еще наорал, что она больная пошла. Мол, еще постояльцев заразит. И штрафку положил. Она-то денек всего маялась, а не заплатили за неделю.

Несправедливо.

- Вот... я провожать пошел. Уж больно дурно ей было, побоялся, что сама не дойдет. А как вернулся, тут Норма. Мол, где малышка? А я-то что? Я её на кухне оставивши был. В уголочке... признаюсь, позабыл грешным делом. Тут моей плохо, Киргстон кричит, разоряется, и что больная пришла, и что теперь обеда готовить некому. А еще аккурат день такой был, когда мясо привозят. Это же ж целая телега с тушами, которые принимать надо, спускать, разделывать, вешать, какие не сразу.

Он до сих пор чувствовал себя виноватым. За то, что забыл. За то, что не уследил.

- Потом уж мне Сюзи, это тоже повариха, сказала, что Киргстон зело лютовал. На кухню раз сунулся, другой... беспокоился, как оно, сумеют ли без моей с обедом управиться, ну они и испугались, что Тильду увидит. Этот... тоже говнюк. Мигом бы донес Саттервуду. Девочку и убрали подальше.

- В подвал?

Бартон кивнул.

- Недалече, там, где окорока и все такое. Огарков ей оставили свечных. И велели прятаться, ежели кто идет. Она и сидела. Сидела, сидела, а потом пропала.

- И ты полез искать?

- А как иначе-то?

Удивление искреннее. И вправду, как иначе, если ребенок пропал. А ведь... ведь иначе выходит. Не девочка выходила в отель. Лестница одна. И в обеденное время на ней должно быть людно. Кто-то спускается на кухню, кто-то поднимается. Несут еду в ресторан, а оттуда – грязную посуду. Незаметно не выбраться. Да и если малышка привыкла сидеть внизу, то не стала бы рисковать работой матери.

Тогда...

Тогда выходит, что кто-то должен был спуститься?

Из благородных? На кухню?

Еще одно сомнительное предположение. Он тоже, как ни странно, не остался бы незамеченным. И вспомнили бы. И указали.

Тогда...

Девочка ошиблась?

Сомнительно.

Леди Элеонора? Вряд ли ошибка. Скорее уж она приукрасила рассказ. Или сама не знала правды? Девочка могла и соврать, что была наверху. Нарочно? Или... сама не помнила? Она, если подумать, и духом уже почти не была, переменившись. Что там осталось от разума? Памяти?

Не суть важно.

Если по той лестнице никто не проходил, стало быть, проходили по другой.

- Сперва, честно, я решил, что она спряталась, - Бартон огляделся. – Тут-то места много. там же ж еще холодная есть, с тушами и мясом. Отдельно – для сыров. И для колбас. Коптильня стоит, хотя уж давно ничего не коптили. Ну и так, хватает где. Я... звал её. И Норма звала. Искали.

Не нашли.

- Она отчего-то решила, что Тильда ушла наверх и туда бросилась. Уже и плевать было, что уволят.

Женщину было жаль. Пусть даже жалость эта напрочь не имела смысла.

- Тогда-то и Киргстон узнал, и... не только он. Он бы, будь его воля, приказал бы выставить Норму. И все.

- Но?

- Разговор услышал постоялец. Тоже военный. Он и велел поиски организовать. Полицию вызвал.

Хороший, должно быть, мужик.

- Саттервуда... а тот, говнюк, но боязливый. И за репутацию печется. Кто б донес, что дите не искали, скандал бы случился, - определение явно пришлось Бартону по вкусу. – Вот уже и слуг поставил, чтоб отель сверху донизу весь обыскали.

Не помогло.

- Только в подвалы никто-то соваться не хотел.

- Кроме вас?

- Я... - Бартон потер шею. – Я сразу понял. Наверх она уйти не могла. Стало быть, там... прошел, что через одну дверь, что через другую. Надеялся все, что, может, тут где, среди бочек. А потом увидел, что эта вон открыта... аккурат как сейчас.

Эдди обернулся.

Дверь и вправду была приоткрыта. Засов? Замок?

Замок лежал на земле. И дужка его переломилась под собственной тяжестью. Эдди наклонился. Надо же, проржавела. Когда успела только? Он ведь держал этот замок... да минут десять тому. На нем и следа ржавчины не было.

- Говорю же ж, отель жрет... берет людей. Одного в год.

- Погоди...

- Тильда вон. До нее Урсула была, посудомойка. Её и искать-то не стали. Киргстон только спустился, убедился, что замка опять нет и новый повесил. Тут все, кто давно работает, знают, что лучше не соваться в подвал по одиночке. А новичкам не говорят.

- Почему?

- Он все одно свое возьмет, так пусть из новых... горничная еще в том году.

- А в этом?

- Пока никого, да... я свою давно уговариваю уйти. Её ведь и в дома сманивали. Хорошей поварихе везде рады будут. А она отменнейшая. Но нет, уперлась... баба... если баба чего для себя решит, то с места не сдвинешь.

Он покачал головой. И поинтересовался:

- Пойдешь?

- Ты же пошел, - Эдди коснулся двери, и та беззвучно отворилась, словно приглашая. Вот только гнилью потянуло.

Бартон поморщился.

- Чуешь?

- А то... смертью несет.

Дар? Вряд ли. Скорее уж опыт. Если и вправду граница, если воевал, то и смерть видел. А тот, кто её хоть раз увидит, тот уже не забудет.

- Я и один справлюсь.

- Велено показать.

- Только поэтому?

- Своих не бросаю.

- А я свой?

- Всяко не чужой, - Бартон наклонился и вытащил из-под штанины клинок. – Зачарованный... одна... из сиу.

- Ты и с ними встречался?

- А думаешь, кто меня вытащил? Молодняк их... безголовые. Вот аккурат как приложило случилось на фронтире, что вынесло на меня одну. Девчонка совсем. Сама тощая. Глазами зыркает и молчит, готовится к смерти.

- А ты?

- А что я? Ножичек забрал, пинка дал и пускай себе... потом её мамаша уже в лагерь спустилась. О мире говорить. И меня нашла. От ить... они старые, прям жуть. Но сказала, что раз я так, то и подарочек... ножичек этот зашептала. Мол, ни одна нечисть теперь не рискнет приблизиться.

Дорогой подарок.

И выручить за него в городе можно куда больше сотни золотых. Но такие не продают, разве вовсе уж прижало.

- Я-то о том не особо трепался. Но... случалось, что помогал.

- А с лицом?

- Это свои же ж. Торговцы... дурную траву везли и еще чего. Мы на тропе встали, только не учли, что караван большой. И охрана... их покосили, но и они нас. Только я выжил.

И вышел на пенсию.

Но и это, если подумать, неплохой исход. Почти счастливый.

- Держись сзади, - Эдди выгасил дудочку. Что-то подсказывало, что она здесь будет полезнее клинка, пусть даже зачарованного сиу. – Если почувствуешь что, лучше уходи.

По тому, как Бартон мотнул головой...

- Слушай, - мысль вдруг показалась удачной. – Матушка тут переедет скоро. Свой дом. И прислуга понадобится... всякая.

Заодно и такая, которая приглядит, а, если что, и поможет.

- Пойдешь?

- А кухарка?

- Куда в доме без кухарки.

- Старшенькая моя в горничных...

- Не наглей. Тут уж матушка сама будет решать, но если что, слово замолвлю.

Глава 41 В которой царят мрак, ужас и высокая мода

Глава 41 В которой царят мрак, ужас и высокая мода

- Нет, нет и нет! – голос леди Диксон поднимался до потолка. – Разве вы не видите? Этот оттенок ей совершенно точно не пойдет! Или вы хотите, чтобы кожа её желтой казалась?

Я закрыла глаза.

Дышим.

Глубже.

Ровнее. И думаем о хорошем. О еде. О вкусном стейке с кровью, о ребрышках барашка под клюквенным соусом. Шоколадном пудинге.

Конфетах.

Дышать стало легче.

- Милисента? – голос свекровищи оторвал от мысленного созерцания торта. Огромного. Такого, который, может, даже дочке мэра нашего видывать не пришлось. – С тобой все в порядке?

- Почти, - бодро соврала я. – Но... можно, я пойду?

- На кухню?

Я кивнула.

Следят, стало быть?

- Я лучше прикажу, чтобы подали. Все-таки не дело это, когда юная леди проводить столько времени на кухне.

Ну да и жрет все, что видит. Но этого она не сказала, а я... я тоже промолчала.

- Тебя это совсем не волнует? – поинтересовалась леди Диксон, поглядывая на девиц, что выстроились у стены. Те самые, со шпильками.

И командует ими тоже женщина в зеленом платье, щедро украшенном кружевами и бантиками.

- Платье?

- Платье. Ленты. Представление.

- Не волнует, - призналась я. – А куда представляться-то?

- Так, перерыв, - леди Диксон взмахнула рукой. – Чай подадут. И... будьте добры подумать, что вы и вправду можете предложить

такого, чтобы мне не пришлось искать новую модистку. Идем, дорогая.

Это уже мне?

Точно мне?

Я оглянулась. Нет, в комнате никого, кроме матушки Чарльза, этих вот девиц и до крайности недовольной модистки. Причем недовольна она именно мной, хотя отчитала её леди Диксон. И где, спрашивается, логика?

- Как ты себя чувствуешь?

- Спасибо. Неплохо.

- Голова не кружится? Не тошнит?

И тут до меня потихоньку... вот ведь... я прислушалась к себе.

- Я не беременна.

Леди Диксон даже не споткнулась, но кивнула и сказала:

- А жаль... но это, полагаю, вопрос времени.

Что-то пугают меня такие разговоры.

Я покосилась на леди. Леди мило улыбнулась в ответ.

- А питание и вправду... ты кушай, - она указала на столик. И сама уселась напротив. Если она будет так смотреть, у меня кусок в горло не ползет.

Хотя... вру.

Еще как ползет.

- Ранее церемония представления ко двору была обязательна для юных леди, но сейчас это скорее возможность, которая дается не всем.

Я кивнула.

Подали мясную похлебку, щедро сдобренную приправами. А ведь вкусно! Особенно, если со свежим хлебом и кусок ветчины сверху.

Прелесть.

- Классическая церемония проходит четыре раза в год. И даты сообщаются заранее. Тогда же начинают составляться списки. Попасть в него желает любая юная леди.

Не я.

Но я ем. Хорошая это вещь – еда. Рот занят и меньше шансов ляпнуть какую-нибудь глупость.

- Вы бы знали, дорогая, какие плетутся интриги, какие сражения разворачиваются в гостиных, ведь формально любая дама, которая целовала руку Его Императорскому Величеству, может презентовать свою подопечную...

Чувствую, мне там не понравится.

- Но вместе с тем количество мест весьма ограничено, отсюда и некоторые сложности. А уж удостоится права участвовать в особой церемонии и вовсе знак высочайшего расположения. И потому, когда мне сообщили, что Его Императорское Величество желают вас видеть...

- Это многое изменило?

- Нет. Во всяком случае не в моем к вам отношении.

- Ага...

Я прикусила язык. Не надо спрашивать, как она ко мне относится. И без того понятно.

- В свое время мне пришлось изрядно постараться, чтобы имя Августы попало в список, а вы...

- Я не виновата.

- Знаю. Просто... удивительно.

- Должно быть, Чарли...

- Я тоже так подумала, - согласилась свекровь. – Вы кушайте. Вы когда кушаете, становитесь почти милой.

- Спасибо.

Жареная оленина, приправленная все так же остро. Молочный рис. Что-то еще, не понятное, то ли рыба, то ли мясо.

- Главное не это... главное, что на вас будут смотреть.

- Пускай себе.

Глядишь, как-нибудь в усмерть не засмотрят.

- Это вам кажется, что... на самом деле все не так просто. Вы теперь – леди Диксон.

- Вторая.

- Что?

- Чарльз какой-то там граф... по счету, а я вторая леди Диксон. Вы же первая. Логично, чтобы не запутаться.

Свекровище неожиданно рассмеялась. И смех у нее вполне себе приятный. Во всяком случае, обиженной я себя не ощущаю.

- Ваша непосредственность иногда... не важно. Главное, вы будете представлять нашу семью. И все имеет значение. Ваш внешний вид. Ваши манеры... ваши слова. Ваше поведение. Если кто-то узнает, где вы были ночью... с Чарльзом я еще поговорю на эту тему.

Нет, ну вот как так можно-то! Город огромный, но, кажется, все уже знают, где и зачем я побывала.

- Не знаю, куда он вас водил, но надеюсь, никто не видел вас в этом... наряде.

- Я тоже надеюсь, - я вздрогнула, вспомнив выбранную матушкой красоту.

- И на будущее... если вдруг понадобится платье, вы всегда можете обратиться ко мне. За советом. Или за платьем...

Кажется, оно поразило свекровь в самое сердце.

- Спасибо.

- Так вот, для представления шьется особый наряд. Презентационный. Он, как и свадебное платье, надевается лишь раз в жизни...

- А потом?

- Хранится.

- Вот просто хранится?

- Как реликвия. Мое презентационное платье осталось в доме отца... - она погрустнела, а я подумала, что надо бы шепнуть Чарльзу, пусть переговорит с дядюшкой. Тот показался мне человеком адекватным. И не думаю, что им там так уж нужно это самое платье.

А свекрови приятно будет.

- Платье Августы вам не подойдет. Да и видели его многие. Нужно особое...

Расточительно, если подумать. Но я предпочла отправить в рот кусок булки, намазанной нежнейшим паштетом.

- И времени мало. Не представляю, к чему такая спешка. Нам еще реверанс учить.

Я кивнула.

Выучу. Раз такое дело... как-нибудь да справлюсь.

- И шлейф... Боже, если ты наступишь на шлейф, то непременно упадешь, а этого не забудут.

Я думаю.

- Может, тогда без шлейфа? – робко предложила я.

А что? Вполне себе идея.

- Увы, невозможно. Регламент. Шлейф обязан быть. И длина его указана, и... ты не представляешь, до чего это непросто, поддерживать шлейф и пятится. В свое время я только и думала, что обязательно

наступлю на этот проклятый шлейф и опозорюсь! Батюшка мне бы никогда не простил.

Она покачала головой и, словно спохватившись, добавила:

- Просто развернуться тоже нельзя! Ни в коем случае! Даже не думай...

Я кивнула. В этот момент я, если о чем и думала, так только о том, влезет ли в меня еще одна булочка или стоит погодить, пока съеденное уляжется.

- Повернуться спиной к Его императорскому Величеству – оскорбление.

Учту. И спасибо, что предупредила, а то бы с меня случилось.

- Как правило с леди, которые готовятся к представлению, занимается помощник церемониймейстера, потому что домашнее образование бывает... не всегда правильным.

Мой случай.

- А потом и подход, и реверанс, и отступление, все это отрабатывается дома. Кто-то нанимает учителей, кто-то сам... хотя все же чаще учителей. Но готовится начинают еще до того, как составлены списки.

А я вот так пойду.

Без подготовки.

Булочку я все-таки сожрала и решительным образом поднялась.

- Тогда нечего время зря терять, - сказала я свекрови. – Идемте... белый мне не очень идет.

- К сожалению, допустимы лишь светлые оттенки, даже для замужних леди. И перья. Обязательно должны быть перья... Боже! Они уже год как вышли из моды, но для презентации обязательны. Но купить сейчас страусовые перья, я не представляю, где...

Я прикрыла глаза.

Было бы проблем... перья? Достанем перья.

Следующий час прошел в молчании. Я стояла, позволяя оборачивать себя то одним, то другим отрезом ткани. Потом кивала с важным видом, когда ко мне обращались, спрашивая мнения. Ну мне все платья казались мягко говоря одинаковыми, так что какое выберут, такое и пускай.

И уже когда модистка с помощницами убралась, я вздохнула с облегчением.

- А теперь, дорогая, - свекровь окинула меня взглядом. – Главное, запомни, что ты – леди Диксон. И стоишь выше большинства тех, кто будет на тебя смотреть.

Я снова кивнула.

Кажется, даже начинает получаться. Нет, не кивать, а выразить согласие с одной леди.

- И что бы ни случилось, даже если ты наступишь на этот треклятый шлейф, просто сделай вид, что ничего-то страшного не произошло. Встань и...

- Плюнь им в морду?

- Не столь радикально, но мысль в целом верная... хотя плевать в присутствии Его императорского Величества тоже не стоит. А теперь смотри...

Леди Диксон прошлась по комнате, а потом присела и застыла.

- Реверанс выполняется перед Его императорским Величеством. И подняться можно лишь с его разрешения.

И главное, застыла намертво, что твоя статуя.

- А когда он...

- Обычно сразу, но бывает, что Его Императорское Величество хочет выразить свое... недовольство. Не девушкой, а, допустим, поведением её родных. И тогда может слегка... затянуть паузу.

Ага. А стоять враспырку – еще то удовольствие.

Но киваю.

- Он может о чем-то спросить. Отвечать нужно ясно и громко, но не так, будто ты кричишь. И улыбаться. Обязательно. Потом...

Леди встала и попятилась.

- Шлейф стоит чуть придержать и отвести в сторону... и не спешить. Повтори.

Повторила.

- Странно, - леди нахмурилась.

- Что-то не так?

Ноги у меня ныли, но... оказывается, ничего-то не забылось.

- Все так. Вот это и странно...

Чего?

- Такое ощущение, что ты... что тебя готовили?

Приседать? То есть реверанситься... в смысле, делать реверансы?

- Мама, - сказала я честно. – Ей очень хотелось сделать из меня леди.

Но не вышло. Там, где я росла, леди как-то не водились, а одной матушки, чтобы повлиять благотворно, явно было недостаточно.

- А еще раз и застынь...

Стоять враскорячку я тоже умела, правда, пару минут всего, но могу и потренироваться, а то вдруг это их Императорское величество вздумает поддержать паузу? И я застыла. А потом поднялась и... и вот помнится, матушка мне тоже занавеску на плечи накидывала, которая потом по земле волочилась. И я все никак понять не могла, какой в ней смысл.

Вру. И сейчас не понимаю, но не спорить же с почтенной дамой.

- А теперь мягко... к счастью, целовать руку уже не требуется. И отступай... вот так, осторожно. Что ж... - свекровь явно приободрилась. – Это лучше, чем могло бы быть. И нужно лишь немного потренироваться.

Тренировались мы до самого вечера.

И на следующее утро тоже.

И...

И я, кажется, начинаю ненавидеть этого, чтоб его, Императора.

Глава 42 В которой леди напоминают о прошлом

Глава 42 В которой леди напоминают о прошлом

Записку Эве подали после завтрака, который прошел в тишине и полном одиночестве. Матушка так и не вернулась, только записку прислала, что Тори стремительно идет на поправку и вскоре они присоединятся к Эве. Отец и Берт, как обычно, были заняты.

В общем, завтракать, как и накануне, и за день до того, пришлось в полном одиночестве. Отчего и столовая казалась более мрачной, нежели обычно, и овсянка пресною, и даже чай раздражал.

Одиночество.

Нет, не сказать, чтобы полное, но... приглашения продолжали приходить.

И корзинки с цветами.

Милые открытки.

Пустые слова, за которыми не было ничего-то, кроме дани привычке. А вот навестить Эву в её подзатынувшейся «болезни» никто не спешил. И потому коротенькая записка с просьбой заставила сердце биться быстрее.

Мелани Саундворт желает нанести визит?

Пусть даже без предупреждения. Почти. И это на грани нарушения приличий, но... но в доме тишина. И пустота. И тоска гложет душу. И отец слишком занят, чтобы... нет, выслушать Эву он не отказался. Тогда. Раньше. Когда матушка уехала. И слушал внимательно. И даже пусть рассказ получился сбивчивым, про тех девушек, которые не виноваты, которые оказались в сложных обстоятельствах, которые...

- Понимаешь, дорогая, - сказал он тогда. – К сожалению, жизнь весьма сложна и местами очень неприятна.

Уже тогда, кажется, Эва поняла, что ничего-то не выйдет.

- И да, многим людям приходится... непросто.

- Настолько непросто, что они продают родных?!

- Не спеши судить. Но согласен, это весьма позорная практика. И незаконная ко всему. Что до тех девушек, увы, каждый год множество

несчастливых оказывается в подобной ситуации. Но мы ничем не можем помочь. Точнее мы помогаем, чем можем.

- Чем?

- Твоя матушка входит в Попечительский комитет, который присматривает за приютами. В том числе и домами, куда принимают падших женщин, - отец слегка поморщился, было видно, что эта тема не слишком ему нравится. – В другом случае я не стал бы говорить с тобой о подобном, все же тема не для юных леди. Но раз уж обстоятельства сложились подобным образом.

Сложились.

И разложились.

- Мы... мы ведь можем их выкупить?

- Можем. В теории. Если ты знаешь, кому их продали. И если они захотят быть выкупленными.

- А...

- А возможно, что и не захотят. Понимаешь, дорогая... для некоторых особ данный путь не падение, но скорее наоборот, шанс подняться, вырваться из нищеты.

- Поэтому вы ничего не будете делать.

- Что именно мы должны сделать? – отец всегда был спокоен, но сейчас это раздражало как-то особенно. – Запретить публичные дома?

- Хотя бы!

- Они не исчезнут, дорогая. Они спрячутся. И будут существовать. Только уже вне пристрастия полиции. И Комитета по здравоохранению. А стало быть, вовсе вне каких бы то ни было рамок.

Как будто они там есть.

- Аукционы...

- Незаконны, но проводятся.

- И люди, которые в них участвуют, они же... они же знают, что это незаконно!

- Конечно.

- Но все равно...

Вздых. И печальный взгляд.

- Ты еще очень молода, Эва. И многого не понимаешь. Хотя, может, и к лучшему... иногда нужно посмотреть на вещи непредвзято.

Взгляд отца сложно выдержать. У некромантов вообще взгляд тяжелый.

- Если кто-то узнает о том, что некий человек участвовал в подобном мероприятии, то репутация этого человека будет безнадежно испорчена. А если будут получены доказательства причастности к... незаконным делам, то состоится и суд.

- Только не узнают, - горько сказала Эва. – Они ведь маски используют. Прячутся. А доказательства...

- Идем, - отец поднялся. – Твоя матушка, конечно, будет против...

- Я ничего не скажу.

Он кивнул.

- Мне кажется, тебя слишком сильно опекали. И ничего хорошего из этого не вышло. Ты вернулась домой и цела. Это само по себе чудо. И не надо... пытаться спасти всех. Не получится.

Эва промолчала, хотя на языке вертелось, что можно ведь попробовать. Пусть и не всех, но хотя бы кого-то...

Спускаться пришлось в подвал, где отец устроил лаборатории, к которым обычно Эве и приближаться-то нельзя было.

А тут...

Она не удержалась, потрогала тяжелую дверь, на которой расплзались узоры заклятий.

И...

И сколько раз она подбиралась сюда. На цыпочках. Еще спорила с Тори, доказывая, что вовсе там нет сотни железных скелетов и еще трех мертвецов. И...

Лестница.

Обыкновенная.

Газовые рожки. И белый свет, который заставляет глаза слезится. Запахи... странные, но не сказать, чтобы неприятные.

Дверь приоткрытая.

- Дальше, - отец не позволяет заглянуть. – В обморок...

- Не упаду, - пообещала Эва. А потом подумала, что как-то она поспешила с обещанием. А вдруг за той дверью что-то по-настоящему чудовищное? Например, стоглавый змей с собачьим телом? Или что там Тори еще придумывала?

...мысль о Тори она поспешно отогнала.

Правда, за дверью змея не нашлось, и других чудовищ тоже. Комната оказалась до того обыкновенной, что Эва даже ощутила

некоторое разочарование. Белые стены. Пол каменный. Все те же газовые рожки. Столы... столы, прикрытые простынями.

Холод.

- Вот, - отец убрал простыню. – Подойди.

Кэти?

Эва сразу её узнала. И удивилась. И ужаснулась, потому что поняла, что Кэти... что живой человек не будет вот так лежать. И... и она ведь была здорова...

- Эту женщину убили, - спокойно сказал отец. – Как и еще двоих. Вернее, убили куда большее количество человек, но остальные сгорели.

- С-сгорели? – Эва смотрела на лицо той, которая... которую нужно было бы ненавидеть, но почему-то не получалось. Категорически. – К-как?

- Вместе с домом. К сожалению, я даже не скажу, сколько там умерло, - отец поморщился. – Фон уж больно нестабильный. И дом непростой. Но не менее семи человек. Кроме тех, кто лежит здесь.

- Но... но почему?

- Скорее всего потому, - он прикрыл лицо Кэти простыней. – Что кто-то очень не хотел, чтобы мы что-то узнали. Эта женщина владела информацией, может, не слишком важной, но... её убрали.

- А... меня? – Эва прикрыла горло ладонью.

- И тебя могут. Боюсь, что даже я не способен защитить от всего. Никто не способен. Поэтому... я сказал это своему сыну. И скажу тебе. Забудь.

- Просто...

- Просто забудь.

Как будто это и вправду просто. Как будто, чтобы забыть, достаточно лишь желания.

- Я не хочу тебя потерять, - отец взял и обнял Эву. А он никогда-то раньше не обнимал и вообще... вообще иногда ей казалось, что ему совершенно все равно, есть ли Эва, нет ли её. А выходит, что не все равно.

- Но... - она сперва стояла, боясь дышать, но потом все-таки осмелела. – Если она здесь, то ты... вы...

- Нас кое о чем попросили.

- О чем?

- Любопытство сгубило кошку.

- Но я-то не кошка!

- Иногда кажется, что лучше бы кошка, - отец щелкнул по носу и отпустил Эву. – Нас попросили вызвать её дух, но, к сожалению, не получилось. Связь его с телом разрушена. И у других тоже. Кто бы ни убил их, он точно знал, что делает.

Эва все же осмелилась подойти к телу.

Надо же... какая спокойная. И красивая, если не смотреть на ожоги. И с ними тоже красивая. По-своему. И вовсе нет на нее зла. Ненависти тоже. Жалко. Хотя, конечно, странно жалеть того, кто тебя продал. А все равно... жалко.

- И... что дальше?

- Не знаю. Похоронят.

- Вам, - она закусила губу. – Просто шаман нужен. Хороший.

И кажется, отец улыбнулся. Он никогда-то прежде не улыбался, а тут...

- Шаман, говоришь... с шаманом и вправду стоит попробовать.

- Расскажите?

И по лицу поняла – нет, не расскажут. Ну... ну и пусть. Эва сама спросит. Потом. После. С этой мыслью она и поднялась. С этой и держалась, ожидая, когда же пригласят Эдди. И даже почти уже решила позвать его, но...

Но так и не решилась. А теперь вот еще и записка.

И Мелани Саундворт в бледно-розовом прогулочном платье. Её волосы зачесаны гладко и собраны в низкий узел, украшенный изящной заколкой с белыми жемчужинками.

- Ах, дорогая, - она всплеснула руками. – Я так рада, что тебе стало лучше!

И от фальши на языке стало горько.

Эва улыбнулась.

- Мы все так волновались...

А ведь с Мелани они и встречались пару раз. И во время встреч она никогда-то не обращала на Эву внимания. Тут же...

- Ты еще такая бледненькая...

- Целитель говорит, что это временно.

- Ничего, бледность снова в моде. Ах, это так утомительно... я ем на завтрак сырую овсянку. И еще укусные капли! Обещали, что кожа

станет фарфоровой, но пока не особо...

Чай устроились пить в саду.

И подали его. И Мелани щебетала, щебетала... от этого щебета, от аромата духов её, от нее самой, такой легкой и восторженной, заболела голова. И еще подумалось, что раньше Эва всенепременно восхитилась бы, и даже бы порадовалась, а теперь хотелось взять чайник и опустить на эту вот гладкую макушку.

Да какая разница, сколько бантов ныне принято оставлять на рукаве и какой формы? В мире ведь... такое. А она о бантах.

Мелани отставила чашку и сложила руки на коленях.

Поглядела с насмешкой.

- А вот лицо тебе тренировать надо, дорогая. И улыбку тоже. Леди должна всегда улыбаться, что бы ни происходило.

- Я стараюсь.

- Плохо стараешься. Так никто не поверит, что ты полная дура.

- Может...

- Дура, как и я... но я поумнела, - Мелани погладила руку, и только сейчас Эва заметила кольцо. Такое вот... такое хорошо знакомое серое кольцо. - И ты. Со временем.

Она вздохнула.

И губу чуть прикусила.

- Мне было велено передать, что они ждут ответа. И... дорогая, лучше бы тебе согласиться.

- А если... если я откажусь?

- Не знаю. Попробуй. Но... слышала в прошлом году скандал с Летицией Горвуд? Её письма вдруг всплыли... до крайности неприличные. А потом выяснилось, что она вовсе ребенка родила. Вне брака. Её срочно удалили со двора, и потом она скончалась. От несчастного случая.

Стало вдруг холодно.

- А ты... тоже за письма?

- И за письма, и за... - Мелани поморщилась. - Не надо обо мне. Тебе стоит активировать заклятье. И тогда все будет хорошо.

Будет ли?

- Меня не просят ни о чем таком, что может поставить под удар мою... репутацию. Напротив. Мне помогают.

- Как?

- Думаешь, - она тронула прическу. – Это все родители купили? Не всем так повезло, дорогая, появиться на свет в нужной семье. У меня семеро сестер и трое братьев. Дохода со старого поместья на всех не хватает. И живем-то впроголодь, а уж чтобы в свет выйти... но вдруг нашлась одна пожилая и очень достойная дама, которой я настолько глянулась, что она взяла меня под опеку. И если все будет хорошо, - Мелани наклонилась. – А все обязательно будет хорошо, иначе я тебя сама придушу... так вот, еще сезон в свете и мне найдут мужа. Достойного состоятельного мужа.

Она откинулась.

- Я и без мужа как-нибудь...

- Ну да, тебе он без надобности. Но... что-то другое? Репутация? Чудесная репутация, которой дорожат все леди? Или... мало ли что может произойти? Несчастные случаи, они такие... несчастные. Слышала, может? Прошлой зимой Николетта Эберли подошла слишком близко к камину. Платье вспыхнуло моментом! Её пытались спасти, но увы... а вот Лидия Найтли простыла. И как-то так заболела быстро, что целители ничего не смогли сделать. Но ты не бойся. Я так рассказываю.

Это не страх.

Это благоразумие.

- Я... хорошо, - Эва сглотнула. Все-таки взгляд у Мелани был холодный.

Страшный.

- Вечером, - сказала она. – Отец уедет, а то вдруг... почувствует.

- Правильно. Леди должна быть осторожна, - Мелани снова улыбнулась. – Не волнуйся, никто не заставит тебя следить за отцом...

- А за кем?

- Ты ведь имела честь познакомиться с новой леди Диксон? И более того, ты ей, можно сказать, обязана...

Эва осторожно кивнула.

- Напиши ей письмо. Постарайся понравится. Поплачься, как тебе плохо и страшно. Подружись. Вряд ли это будет сложно, все-таки она здесь одна.

- Леди... Диксон? Милисента Диксон?

- Именно. Скоро она получит одно... интересное предложение, - Мелани откинулась в кресле. – Так вот, ты должна сделать так, чтобы

эта самая леди Диксон без тебя и чихнуть не могла.

Это будет сложно.

Но... Эва кивнула.

- Вот и умничка, - обрадовалась Мелани. – Я так и скажу, что ты большая-пребольшая умничка...

Эва снова кивнула.

- Главное, не забудь... и ничего не бойся. Так, читала, что тебя тоже представят Императору?

- Это... из-за брата. Наверное.

- Да, да... не важно, главное, не упусти момента.

Мелани поднялась.

- Все, мне пора...

К отцу Эва пойти не решилась. Почему-то подумалось, что он разозлится. Очень-очень разозлится. Пусть даже не на Эву, но... но все равно страшно.

А вот Берт – это другое.

И он выслушал. Внимательно так. И не стал ругать. И даже говорить, что Эва сама во всем виновата, тоже не стал. И попросил лишь.

- Покажи.

Эва протянула руку, которая почему-то дрожала.

- Ничего не ощущаю. Спящий артефакт? Скорее всего, - это он вслух рассуждал. И касаться кольца не рискнул. – Все...

- Плохо?

- Нехорошо, скорее... я должен буду рассказать Диксону.

Эва кивнула, с трудом сдерживая слезы. Она ведь... она ведь и вправду понадеялась, что все закончено. А тут вот...

- А мне что делать?

- То, что ты обещала, - Берт ободряюще улыбнулся. – В конце концов, думаю, нет ничего плохого в том, что вы подружитесь с Милисентой. Заодно и присмотрит за тобой.

Раньше Эва всенепременно обиделась бы. Она и сама за собой присмотреть способна. Но... раньше. А теперь кивнула.

И сказала:

- Она...

- Будет в курсе.

- А если...

- Если от тебя захотят чего-то еще, просто скажи, - он стал серьезнее. – Эва, это важно. Если вдруг ты почувствуешь что-то не то, неладное... или увидишь кого-то, кто покажется тебе знакомым. Или просто примерщится... скажи. Не отговаривай себя, что это ерунда, пустяк.

- Х-хорошо.

- Мы справимся, - он ободряюще улыбнулся. – Вот увидишь, мы с ними справимся.

Глава 43 Где один джентльмен заглядывает в темный-темный подвал

Глава 43 Где один джентльмен заглядывает в темный-темный подвал

За дверью было пыльно.

Темно.

И воняло. Такой вот характерный запах земли, камня и застарелой тайны, который обволакивал Эдди, манил, уговаривал сделать еще один шаг.

Или два.

Три.

Что держаться порога? Что можно увидеть в кромешной тьме, если ты не рискуешь заглянуть в эту самую тьму? То-то и оно.

- Здесь как-то... - человек за спиной поежился.

- Стой, - Эдди и сам попятился. Потом хмыкнул и сказал. – А пошли-ка кого в мою комнату. Там сумка имеется. Пусть принесут.

Тьма шелестела, катая эхо краденых звуков. Чьи-то шаги. Осторожные. Крадущиеся. Вздох. Смех, который таит где-то там, в глубинах подземелья. Младенческий лепет.

...и время рассыпается.

Время почти исчезает.

И ждать приходится почти бесконечность. А мог бы сам за веревку подумать. Но вот сумку принесли. Эдди услышал шаги на той стороне. Странно, порог сейчас виделся ему границей, что разделяла мир на две части. И близость живого человека будоражила того, кто скрывался во тьме.

- Веревку можно было бы на кухне найти, - проворчал Бартон, но как-то без энтузиазма.

- Не такую, - Эдди вытащил свою, проверенную, сплетенную из конопляных волокон, конских волос и кое-каких трав. Вымоченную в зелье и бычьей моче. Заговоренную.

Прочную.

Он закинул петлю на руку. И протянул конец Бартону. Мелькнула мысль, что надежнее будет привязать. Но к чему? Стена у двери

гладкая, ни крюков, ни выступов. А веревка не так и длина. На пару десятков шагов хватит.

- Ты это... если чего, кричи, - не слишком уверенно сказал Бартон.
– Тянет тут... дурным.

- А в тот раз?

- Было поспокойней. Нет, темно, конечно, хоть глаз выколи, но свечи горели ровно. И свет давали.

Сейчас огонек под стеклом лампы дрожал и пригибался. И света давал мало, только-только чтобы разогнать мрак.

Шаг.

И еще один.

Закрывать глаза. Свет не поможет, а стало быть, пользы от него нет. Поставить лампу на пол. Свечи... свечи вот пригодятся.

Еще шаг.

Веревка скользит по полу. Сколько здесь...

- Там ям нету? – Эдди останавливается. И оборачивается. Только двери больше нет. Его окружает мягкая тьма. Такая... напрочь кромешная.

И веревка уходит куда-то... куда-то уходит. А вот ответа нет. Тьма, она такая, звуки глушит.

Вот, значит, как.

Ничего. Эдди разберется.

Он опустил на пол. Вытащил свечи. Расставил. А вот зажигались они нехотя, но все-таки один за другим рождались рыжие огоньки. Они дрожали, трепетали, грозя вот-вот погаснуть. И кто-то в темноте, совсем рядом, тягостно вздохнул.

Эдди вытащил дудочку.

Надо же, привыкает к ней.

Там, за границей света, что-то было. Что-то такое, от чего веяло болью и горем.

Слезам.

- Сейчас, - сказал Эдди, стараясь, чтобы голос его звучал покорно.
– Поговорим.

Он поднес дудочку к губам. И снова засомневался, но чье-то ворчание, близкое, от которого шею обдало то ли холодом, то ли дыханием зверя, прогнало сомнения.

Первый звук утонул во мраке.

...а матушка пыталась научить его играть. На клавесине. Откуда в старом больном доме взялся клавесин, Эдди не знал. Должно быть остался с прошлых, богатых времен, когда дом был не так и стар, а люди в нем находили время на подобную ерунду.

Слух у Эдди имелся.

А вот пальцы оказались слишком толстыми, и по нужным клавишам они попадали, но попутно задевая другие, не такие нужные. И с музыкой не сложилось ни у него, ни у Милли.

Дудочка другое.

Тут и учиться не надо, выходит. Или можешь играть, или нет. Он, выходит, может. Только мелодию надобно выбрать. В этом вся загвоздка: как выбрать подходящую мелодию.

Огоньки выровнялись, а тьма пришла в движение. И те, что в ней. Колыбельную?

Или...

Вторая нота зазвенела. И погасла. Вот так, за ними третья... и далее узором, складывая ненаписанную мелодию.

Покажись.

И тьма отползает.

Я знаю, ты живешь здесь давно. Много дальше, чем стоит эта гостиница. Ты часть иного города, возможно, что и вовсе иного мира.

Музыка тоже может говорить. Так утверждала матушка, а Эдди все не понимал, как это, говорить и без слов. Выходит, что просто.

Ты спишь.

И долго.

Долго-долго-долго. Но иногда просыпаешься. От голода?

Шелест раздался слева. И справа... и сзади тоже. Скребущий, пробирающий до самых костей звук. Будто... будто змеи?

Нет, крысы.

Черные крупные крысы выбирались из тьмы, чтобы усесться на границе света. Наверное, будь у Эдди нервы послабее, он бы дрогнул. Но взгляд скользнул по острым мордам, отметив, что глаза тварей белы, будто затянуты катарактой.

Слепые крысы?

И крысы так себя не ведут. Крыса – зверь умный. И не станет соваться в опасное место. А здесь опасно. Но...

Кто? Кто ты?

Дудка не замолкала. И главное, он просто дует, а она уж сама... хорошая дудка и никчемного шамана спасет. Но думать надо не о ней.

А о...

О том, кто стоит за крысами. Хотя Эдди, кажется, и сам знает. Детский смех, такой неуместно веселый, заставляет-таки вздрогнуть. А меж черных спин садится дитя в нарядном некогда платье. У нее белое фарфоровое личико и белые же глаза. Как у тварей.

И того мальчишки, что опускается рядом.

И совсем малышки в полуистлевшей рубашонке, отделанной кружевом. Детей много, почти как крыс. А Эдди казалось, что та история – просто страшная сказка. Но выходит, не все сказки выдуманы.

Кто, кто, кто ты... покажись?

Шаги.

Шаркающие, тяжелые шаги. И стук дерева. Посох первым появляется в круге света. За ним – деревянные башмаки со сбитыми носами. На них видны следы крысиных зубов.

Чулки пестрят дырами.

И в них видны острые коленки. Крысолов не стар, но и не молод. Он похож на уродливую игрушку, вроде тех, что бродячие артисты используют. Те же неестественно-тощие ноги, руки со слишком крупными ладонями. Только нитей, которые уходили бы в темноту, не хватает.

- Поговорим? – предложил Эдди.

- Поговорим, - ответила девочка в нарядном платьице.

- Поговорим, - отозвался мальчишка. И остальные тоже, загомонили на все голоса. Вот ведь... а приличное с виду место.

Цивилизация.

И как никто не заметил... такого?

- С тобой, - Эдди положил дудочку на ладонь. – Или я отпущу их всех.

- Не сможешь, - голос у Крысолова оказался скрипучим до того, что зубы свело. – Мое! И у меня тоже кое-что есть.

Его дудка была темной, то ли сама по себе, то ли от времени.

Он поднес её к губам.

И Эдди свою.

Звук вышел нервным, скребущим, и крысы забеспокоились.

- Может, все-таки поговорим? Скажи, чего ты хочешь?

Тварь топталась. А вот лицо у Крысолова вполне человеческое. Некрасивое, но не сказать, чтобы чудовищное. С крупным носом и скошенным лбом, с пухлыми губами, покрытыми красной краской.

- Договор! – Крысолов топнул ногой, едва не раздробив крысиный хвост. – Договор не исполнен!

- Это было давно.

- Договор!

- Договор потерялся, - спокойно ответил Эдди. – Скажи, что тебе было обещано?

- Золото!

- Сколько?

- Много, много золота!

Сказка... сказка, чтоб её, ожившая нехстати.

- Хорошо. Если я принесу тебе золото...

Крысолов вдруг успокоился и застыл, склонивши голову к острому плечу.

- Ты отпустишь их?

- Они мертвы, дурак, - сказал Крысолов совсем иным тоном.

- Как и ты.

- И я.

- Но договор держит, верно? Не позволяет уйти. Ты... где ты взял эту дудку?

- Нашел!

- Ложь, - Эдди покачал головой. – Такие вещи не теряют.

- Нашел! Нашел! Нашел! – он затопал ногами.

- Хорошо. Где?

- Тут... давно... - тварь прищурилась. – Война была... такие как ты приходили! И убивали. А мы их. Много-много... генерал обещал перемирие. Переговоры. Слово да. Кто будет держать слово, даденное дикарям? Дураки...

Эдди молчал.

- Они пришли. В долину. И поставили шатры. Такие как ты. И другие. С серой кожей.

- Сиу?

- И генерал. Столы были. Праздник... выставили вино. Пили... пили-пили... выпили.

- Яд?

- Нет... напильсь, и тогда генерал дал сигнал. Из той долины никто не ушел живым. А я... я помогал собирать тела.

- И обирать.

- Не без того. Только много ли возьмешь с дикарей? – Крысолов скривился. – Побрякушки. И дудку вот. Хорошая дудка. Купишь?

- Куплю. Я могу тебя отпустить.

- Договор!

- Зачем ты её взял? Вещи шамана трогать опасно. Это любой знает.

Крысолов оскалился. А ведь и передние зубы у него выросли, вытянулись, как... у крысы? Хотя... понятно. Таких, как он, в той долине было много. На всех золота не хватило, тем паче, что большую часть его забрали офицеры. Что с ними стало?

Плевать.

Это было задолго до рождения Эдди. И пусть сердце болит, но отвлекаться не след. После подумает.

- Золото закончилось, так? Пропил? Проиграл? Все сразу? И однажды ты просто дунул...

- Спьяну.

- Понятно. Трезвый не стал бы.

- Я хотел сыграть песенку. А вышло... крысы полезли. Я даже перепугался сперва. А потом понял, что могу... все могу! Я призвал их! И отправил в город! Они меня вышвырнули! Сказали, что я вор! Что я... из армии вышвырнули... больно-то надо... но идти-то куда? Нигде не нашлось дома для бедного... - он запнулся.

- Имя забыл? – заботливо осведомился Эдди.

И тварь кивнула. Запричитала.

- Украли... все украли... вещи украли... золото, деньги мои... все-все... и меня же... я играл, играл... и твари приходили. Я отомстил им всем! Отправил в город! Сказал, чтобы грызли. Все грызли... и они пришли. И грызли. И никто ничего не мог сделать с моими крысами! Пытались, да! Травили. Ставили крысоловки. Собак спускали. Но ничего! Ничего не сделали!

Не удивительно, ведь живого-то в крысах не осталось.

- Тогда я пришел и предложил увести их. Если мне заплатят. Хорошо, хорошо заплатят... - хихиканье отразилось от стен, и

показалось вдруг, что хихикает даже не Крысолов. Это дети смеются.

И крысы.

И сама тьма.

- А они обманули?

- Снова. Сказали, что это не я избавил город. Это совпадение... я им показал! Я уже научился пользоваться этой штукой! И ты не отберешь! Нет!

- Я и не собираюсь.

- Врешь!

- Зачем мне?

- Мои крысы тебя сожрут!

- Это вряд ли. У тебя есть дудка. У меня есть дудка. Только видишь ли, я знаю, что с ней делать. И я живой. Да, будет непросто, но крови плесну и силы возьму, а там дотянусь и отпущу их всех. И тебя в том числе. Без золота.

- Нет!

- Тогда давай так. Я велю принести много золота. Сколько нужно? Сундук? Два?

- Шесть! Столько, сколько было лет его любимой доченьке.

- Хорошо. Я отсыплю.

- Просто так?

- Нет. Договор. Ты получишь золото, но дашь им уйти. И дудку вернешь.

- С чего бы?

- А тебе здесь нравится? Сидеть в подвале? Сколько? Ты ведь здесь умер? Ты, и дети, и... все вы. Ты увел их в подземелья. В те, в которых жил сам, верно? До того, как разобрался с дудкой. Даже глубже, туда, где не ходят нищие. И там вынужден был оставаться живым, а потом и мертвым, потому что дух твой привязан к телу. И уйти ты не можешь. И остаться.

Крысолов зашипел. И крысы вскочили.

- Сожру! Сожру!

- И на это ты не способен, - Эдди погладил дудочку. - Так что... договариваемся?

Молчание.

- Ты тварь, конечно. И живым навредить можешь. Напугать досмерти. Но вот девочку убил не ты. Иначе она осталась бы среди

них, - Эдди кивнул на мертвецов, которые сидели тихо. – Стало быть, кто-то был здесь. И ты видел кто.

- Видел, - согласился Крысолов. – Хочешь, покажу?

- Хочу.

- А что мне за это?

- Договор.

- Золото?

- Золото, - Эдди вытащил монетку из кармана. – Вот, лови.

Она, кувыркнувшись, упала в руку Крысолова. И сквозь неё, покатила по камням, закружилась и легла.

- Хватит? Или еще?

- Еще!

- И что ты с ним делать будешь?

- Ты... похоронишь... со мной! Мое золото! Никто не заберет! Неси золото и я... я покажу тебе! Все покажу!

- Договор?

- Договор!

- Тогда жди.

- Не долго! Я устал ждать! Надоело! Тупые людишки! Я им писал! Могли бы принести! И я бы отпустил, всех отпустил... а они пожадничали! Сами виноваты! Сами...

Эдди поднялся.

Выходить за круг из свечей было как-то...

- Смотри. Договор, - Эдди нависал над Крысоловом и... остальными. Сколько их? Не сто тридцать, как в легенде, но много... - Проводника дай, чтобы не тронули.

- Боишься?

- Конечно, - Эдди сумел-таки поймать взгляд твари. А ведь и у него глаза почти затянуло белой пленкой. – Дашь? Или все-таки останешься? Только на сей раз я дверь заговорю так, что никто её открыть не сумеет. С этой стороны.

Крысолов зашипел. И девочка, та самая в нарядном платьице и одном башмачке, поднялась, чтобы протянуть руку Эдди. Рука была ледяной и сама девочка...

Ничего, дотерпит.

Ему бы до двери дойти. Благо, веревка держится.

- Идем, маленькая. Как тебя зовут?

- Марта! Это дочка бургомистра! – крикнул Крысолов из темноты.
– Еще тот жирный ублюдок. Он пожалел... он... и поплатился.

Девочка не произнесла ни слова.

А вот Эдди вышел. И Бартон, державший веревку, испуганно охнул, попятился, отчаянно крестясь.

- Стоять, - рявкнул Эдди. – Саттервуда позови.

Управляющий явился немедленно, будто ждал там, за дверью. И увидев Марту побледнел. Посерел. И прижался к стене.

- Значит... значит, правда...

- Что?

- Отец говорил, что отель этот... что на проклятом месте его построили... господа, помилуй...

- Так, - Эдди испытал огромное желание отвесить человеку затрещину. – Успокойся. И пошли кого-нибудь к Орвудам. Скажи, что мне нужно будет золото. Шесть сундуков с золотом. Сундуков старых, таких, в которых хранили золото лет двести тому.

Марта стояла, держась за руку.

И холодом делилась.

- А мне чего-нибудь пожрать. И горячего еще.

- Она, она...

- Она вас не тронет. Идите!

Глава 44 О том, что некоторые сказки оказываются правдой

Глава 44 О том, что некоторые сказки оказываются правдой

Пожрать и вправду принесли. И кувшин подогретого вина. И кофею. И еще чего-то. Бартон, к слову, не ушел, хотя нужды в его присутствии не было. Но он упрямо стоял, бледный до синевы.

А вот Орвуда пришлось ждать.

И явился он не один.

- Доброго вечера...

- Уже вечер? – Эдди кивнул и Бертраму, и отцу его, который, увидев Марту, нахмурился.

- Это...

- Марта. Дочь бургомистра... местного, как подозреваю.

- Марта Хвитцард, - Орвуд остановился в трех шагах и сына удержал. – Исчезла двести пятьдесят шесть лет тому. Она и еще сорок три ребенка.

Сорок четыре, значит.

- Это же сказка, - недоуменно произнес Бертрам. – Или...

- Или. Золото принесли?

- Скоро доставят. Значит, там он?

- Крысолов?

- Патрик МакДонал, дезертир, вор и убийца, сбежавший от правосудия. А потом явившийся, чтобы шантажировать город. Город в те времена был мал и страдал от набегов крыс. Поговаривали, что это проклятье оркского шамана.

Он снова поморщился, Орвуд-старший. Знал правду?

Наверняка.

- Он просто нашел дудку, - пояснил Эдди. – На поле, когда... обирали мертвецов.

- Это дерьмовая история.

- Отец!

- И вправду дерьмовая, - Эдди вполне согласился с Орвудом-старшим. – Но старая.

- Могу я чем помочь? – некромант чуть склонил голову.

- Разве что золотом...

- А...

- Договор был заключен. И этот ваш МакДонал не может уйти. Договор его держит. А он держит их.

И еще крыс. Но кто будет платить за крыс?

- Ясно. Я сообщу Хвитцардам? Да и... не только им.

- Имена сохранились?

- Полный список. И награда тому, кто найдет детей. Её тоже не отменяли.

- Тогда поторопитесь, - Эдди осторожно пошевелил пальцами.

Орвуд-старший ушел. А Бертрам остался. Приглядывать. И... Эдди присел за порогом, прикрыл глаза. Он чувствовал девочку, здесь, рядом с собой. И когда та забралась на руки, просто обнял.

- Она ведь...

- Ребенок. И устала очень, - он коснулся мягких волос. – Это был сильный шаман. И дудка у него тоже непростая. А учеников не осталось, поэтому она пошла к человеку. Он не отдаст её так. Но и он притомился здесь быть. Так что... договор.

Золото доставили в сундуках. Небольшие, но тяжелые. Их несли с трудом, и люди, спустившись в подвал, завидев Марту, останавливались. Бледнели и... и золото придется тащить самому.

Три сундука.

Четыре.

Пять.

- Камнями было бы легче, - подал голос Бертрам.

- Возможно. Но мертвецы упрямы. Если ему обещали золото, должно быть оно. Дело не в стоимости. Важна конкретная вещь.

- Знаешь... - некромант все же решился приблизиться, и Марта подняла лицо, уставилась на него белыми глазами. – Я раньше... я поднимал мертвецов, но это другое. Они безвольны. И разума лишены. С духами тоже как-то случалось. Но они как раз бесплотны... а это... это...

- Не ушедшие.

Еще сундук. На сей раз доставили люди в синих ливреях, а за ними появился бледный человек с чахоточным румянцем.

- И вправду... это она, - произнес он с удивлением. – Марта... но... но это же... невозможно.

Плевать.

Шесть сундуков. Согласно договору.

- Идем, девочка. Надо подтащить их к порогу.

Эдди посторонился. И уже сам втягивал сундуки в темноту, один за другим. И не удивился, когда раздался громкий писк. Крысы, вынырнувшие на свет, показались вдруг огромными жутким существами. И даже Орвуд отшатнулся, а тот, чахоточный, и вовсе едва не лишился чувств.

Крысы облепливали один сундук за другим, и утаскивали туда, в подвалы.

Вот и последний.

- Идем, - Эдди держал Марту крепко. – Веревку держите, и...

- Я с тобой! – Орвуд подошел к порогу.

- Не стоит. Я или один справлюсь, или вдвоем сдохнем, разницы не особо. Лучше уж тут погоди, если все выйдет, нужно будет выносить кости. Да и так, чую, чистить придется. За века набралось.

Возражать не стал.

Крысолов сидел за кругом огня. Свечи еще горели, но Эдди заменил их на новые. А Марту пришлось выпустить.

- Договор исполнен? – спросил он.

- Исполнен! Исполнен! – Крысолов закивал, перетаптываясь с ноги на ногу. – Похоронишь! Меня и золото! Похоронишь!

- Обещаю.

- Клянись!

- Клянусь. Но не уверен, что его не попытаются выкопать.

Крысолов захихикал.

- Пусть попробуют. Пусть, пусть... попробуют.

Он вытащил дудку и кинул в Эдди. Поймать получилось, и та отозвалась на прикосновение силой. Болью. Обидой.

Ничего, Эдди потом разберется.

- Сначала я сыграю для них. Эй, дети, подойдите ближе. Садитесь... закрывайте глаза... вы ведь устали?

Устали.

Дудка сама завела колыбельную. Ту, в которой слышится знакомый голос матери. И эхо старого дома. В ней есть запах теплого молока с медом, что подавали перед сном. И тепло перины.

Пуховое одеяло.

Закрывайте глаза.

Уходите... вы свободны, свободны...

На сей раз не было звезд. Просто... просто смех. И легкое прикосновение. Шепот. Спасибо? Да... они так устали. И время отдыхать.

Время уходить.

Эдди опустил дудку.

- А я?! Договор! Договор!

- Помню. Но и ты мне кое-что обещал, - Эдди поднялся. – Ты говорил, что видел человека, убившего ту девочку.

- Видел, видел, - закивал Крысолов. – Приходит тут... наглый... не боится. Приходит и уходит.

- Откуда?

- Оставлю тебе... - он протянул руку в темноту и выволок толстую крысу. – Покажешь. А я...

- Как он выглядел.

- Вот так! – Крысолов вдруг пошел рябью и вытянулся. Он становился выше. Стройней. И грязные лохмотья превратились в дорогой костюм. И ведь что-то такое, донельзя знакомое...

Эдди понял, что именно, когда нос Крысолова потянулся, превращаясь вороний клюв белой маски.

Твою ж...

Крысолов захихикал.

- Хитрая сволочь, но ты найдешь... найди... и вырви этому ублюдку сердце!

- Ты его ненавидишь?

- Я их всех ненавижу... благо-р-р-родные... но я отомстил. Хорошо отомстил.

Эдди вздохнул и поднял дудку.

Дунул.

И тень рассыпалась жирным пеплом. А тьма... тьма будто поредела, утративши часть своей сути.

Эдди отряхнулся. И поднялся. Свечи коптели и воняли, но хотя бы горели. Снова вспыхнул огонек под стеклом лампы. Да и вообще получилось разглядеть хоть что-то.

- Орвуд! – собственный голос отразился от стен и оглушил.

- Тут! – донеслось откуда-то... от двери. Теперь она тоже была видна белесым бледным прямоугольником.

- Это хор-р-рошо... иди сюда. Только осторожно. И света какого принеси. Обыкновенного.

Орвуд появился не один, но в сопровождении того самого чахоточного, который нес две лампы. Следом и Саттервуд сунулся. Ему-то чего не сиделось?

Впрочем, ежели охота, то пускай.

- Здесь... как-то неуютно, - дернув плечом произнес чахоточный.
– Будто...

- В душу нагадили?

- Примерно так. Некромантия не мой профиль, но подобного...

- Дверь была заперта, господа! – поспешил заверить Саттервуд. – Мы строго следили за тем, чтобы дверь всегда была заперта!

- Вот не надо, - отмахнулся чахоточный. – Это вы полиции будете рассказывать.

- Зачем полиция?!

- Незачем, - отозвался Орвуд, озираясь. – Это дела давние.

Очень давние.

С писком по штанине вскарабкалась крыса, чтобы уцепиться за куртку и подняться выше. Устроившись на плече, крыса тонко запищала.

- Это... это...

- Нежить, - сказал Орвуд. – Но вряд ли опасная и, полагаю, находится под контролем?

Эдди кивнул, так на всякий случай, хотя насчет контроля уверенности не было.

- Все равно...

- Эдди, позволь представить. Уильям Фитцпатрик Хитцвард, наследник клана Хитцвардов...

- Эдди, - представился Эдди.

И огляделся.

Находились они в очередном подвале, не сказать, чтобы большом. Это во тьме он казался необъятным, а так шагов десять в длину и столько же в ширину. Стены кирпичные, старые. Кирпич при этом бурый, грязный будто и с потеками. Из стен торчат какие-то крюки, с некоторых и цепи свисают.

Эдди втянул затхлый воздух.

- Скорее всего здесь рабов держали, - заметил Орвуд. А дверь вновь загородили.

- Все в порядке? – донесся голос Орвуда-старшего.

А после и он появился.

Огляделся.

Хмыкнул.

- Давненько я не видел подобного, - он вытащил из кармана платок, который прижал к носу. – Извините, смертью здесь уж очень... крови много в свое время пролилось.

- Рабов?

- Не уверен, что только их, но... освоение Нового света – время весьма... смутное, мало изученное. В свое время сюда уходили те, кто полагал, будто в свете Старом тесно и душно. Много контроля. Много... запретов. А здесь... здесь держали тех, кто позже умирал.

Он убрал платок и принялся.

- Мы этого не знали! Мы не имеем отношения к тому, что здесь происходило! – поспешил встрять Саттервуд.

Его не слушали.

Орвуд-старший решительно прошел к стене, чтобы положить на нее руку. Мгновенье. И запах смерти сделался ощутим.

А потом и вовсе часть стены отодвинулась с протяжным скрипом. Из провала пахнуло... так пахнуло, что Эдди попятился. Орвуд же поднял руки.

- Отойдите, - произнес он, не оборачиваясь.

И желающих послушаться не нашлось. А Эдди подумал, что магия смерти – это даже красиво. Впечатляюще. Темная, черная, густая. Почти как та, что... он разжал руку, взглянув на добытую дудочку. И что с ней делать-то? У него есть одна. Вторая... куда?

Вернуть?

Кому? Он и имени-то того, погибшего, шамана не знает. Нет, выяснить можно. Должны же записи сохраниться. Или вот у орков спрашивать. Они-то наверняка знают, кто уходил к городу, чтобы не вернуться. Только... не примут.

Черная.

Порченная человеком. И пусть не виновата, но часть этого человека прочно проросла в кости. Выбросить? А найдет кто. Уничтожить?

Жаль. Она ведь и вправду...

- Все, - Орвуд-старший отступил от двери, смахнув пот. – Остаточные эманации... у вас высокий уровень самоубийств?

- У нас приличный отель! – вяло возмутился Саттервуд.

А Эдди припомнил те души, которые он отпустил. Ведь много. Ему и тогда показалось, что как-то слишком уж много. А потом решил, что дело в отеле. Большой. И людей в нем великое множество, вот и...

- Не уверен... но остаточные эманации смерти имеют обыкновение подниматься и влиять на людей, особенно, если те обладают зачатками дара. Многие весьма чувствительны. И в итоге случаются... душевные расстройства. Или даже хуже.

- Мы... мы понятия не имели...

- Это все хорошо, - сдавленным голосом произнес Уильям Фитцпатрик. – Но я пришел сюда за останками Марты. И вы уверили...

- Эдди?

Эдди вздохнул. Признаться, что он понятия не имеет, где эти самые останки? Хотя...

Он стянул крысу с плеча, опустил на пол и сказал:

- Показывай. Где они там все.

Далеко идти не пришлось.

Дверь. На сей раз просто дверь. И не сказать, чтобы старая. Эдди отметил и гладкое дерево, и петли, слегка лишь тронутые ржавчиной. Узкий коридор. Лестница.

Снова комната или уже пещера?

Новая дверь, на сей раз древняя, покрытая то ли лишайником, то ли слизью. Но держалась она неплохо. Понадобилось пара ударов, чтобы вынести.

- Боже... - выдохнул Уильям Фитцпатрик.

- Тебе идти не обязательно...

- Нет. Прости. Отец не поймет, если я отступлю.

Запах.

Серы. Воня. Болота.

Коридор. На сей раз никакого кирпича, но только камень, кажется, лишь самую малость тронутый инструментом. Коридор петляет, а время от времени разваливается на две ветви. И пол становится то выше, то ниже. Но крыс идет бодро.

И Эдди за ним.

Остальные... тоже. Даже Саттервуд, который голову в плечи втянул, но все равно любопытство берет верх над страхом.

Пещера.

Наконец-то, среди иных, сквозь которые пришлось пройти, спускаясь ниже и ниже, еще одна пещера.

И Эдди остановился.

- Здесь, - сказал он очень и очень тихо.

Но услышали.

Дети... у детей тонкие кости, хрупкие. И так много... Эдди никогда не видел, чтобы так... он отступил, пропуская Бертрама. А тот лишь взглянул и покачал головой.

- Всех сразу не вынесем. И... полицию привлечь нужно.

- Зачем полиция!

- Протокол составить. И тела... я сам займусь.

- Все займутся, - Орвуд-старший чуть подвинул Эдди. – Это общая беда.

- Нужно будет сосчитать. И составить списки. Возможно, получится опознать кого-то...

- Магда, - Уильям Фитцпатрик вошел в пещеру. – Она... она там.

Дрожащая рука указала куда-то в угол.

- Я... я заберу её?

Желающих спорить не нашлось. И Эдди тихонько отошел в сторону. Он свое дело сделал. Остальное – пусть сами.

- Нет, - Орвуд-старший удержал чахоточного. – Я понимаю ваше состояние, но... Император должен знать. Возможно, он захочет спуститься.

Саттервуд охнул и схватился за грудь.

- Если верить легенде, то среди детей был и младший сын того, кто после стал Императором, - добавил Орвуд. – Но это только если верить легенде.

Сказано это было для Эдди.

А он что, он понятливый.

Легенды – штука такая. Верить им следует с оглядкой. Хотя бы на Императора.

Крыс, снова вскарабкавшись по штанине, запищал.

- Что? А... да... я отойду?

- Куда? – встрепенулся Орвуд.

- Надо... кое-что глянуть.

- Я с тобой, если ты не против. Здешние пещеры – не то место, где можно разгуливать в одиночестве. Знаешь, в свое время мне рассказывали истории о древних катакомбах, что скрыты под городом. Я как-то не слишком верил.

А зря.

Но говорить не хотелось, и Эдди кивнул.

А потом пошел за крысом. Бертрам же пристроился сзади. Умный человек. Понимающий. Что до твари, то пара поворотов. Лестница вверх, причем с грубыми кривыми ступенями. Новый коридор, уже кирпичный. И ещё одна лестница.

Эдди подумалось, что найти обратную дорогу будет еще тем приключением.

Но вот тварь села на зад перед очередной лестницей, которая заканчивалась дверью. Причем весьма неплохой такой, почти новой дверью, которую Эдди, хмыкнув, высадил с полтычка. Дверь, может, и хорошая, а петли проржавали напрочь.

- Знаешь, друг мой, - Бертрам вошел следом. Здесь снова пахло кухней. Копченостями. Сырами. Кажется, приправами. – Хозяева этого места могут понять тебя... превратно.

Плевать.

Главное, что ублюдок, убивший девочку, пришел отсюда.

Эдди бодрым шагом минул подвал, чтобы оказаться в другом. И на кухне, чем вызвал небольшой переполох.

- Грабят! – взвизгнул кто-то.

- Спокойно! – Бертрам Орвуд поднял руки над головой. – Именем Императора... идет расследование.

- А оно идет? – шепотом поинтересовался Эдди.

Бертраму кажется не поверили. А тут жарко. Горят печи. В открытом камине покрываются корочкой гуси. И запах... запах умопомрачительный стоит.

- Орвуд? – осторожно поинтересовался пухлый тип в белом колпаке. – Господин Орвуд?

- Трекстон? – с не меньшим удивлением спросил некромант. – Погоди... если ты тут, то мы вышли... мы в клубе, верно?

- Несомненно! Да успокойтесь вы! Милтон, у тебя соус сейчас подгорит! Я кому говорил, что нужно постоянно помешивать!

- Но...

- Даже если грабят! Пограбят и уйдут! А ты останешься мало что ограбленным, так еще и с горелым соусом. Господин Орвуд, вам, думаю, будут рады... и это недоразумение лучше разрешить... ужинать будете?

- Естественно, - Бертрам опустил руки. – Это святотатство, отказываться от вашей готовки. И мой друг, вне всяких сомнений, будет рад.

Это он зря, но Эдди кивнул.

И...

Клуб. Мать его, очередной клуб... что за манера у здешних психов, по клубам собираться?

Глава 45 В которой леди получает неожиданный диагноз и предложение

Глава 45 В которой леди получает неожиданный диагноз и предложение

Целитель обошел меня кругом. Двигался он против часовой стрелки, причем круг был уже третьим. До этого он заложил несколько по часовой стрелке. А теперь и вовсе застыл, потирая красный клювообразный нос.

- Что? – не выдержала я.

- В том и дело, леди, что я удивлен.

- Заметила.

- Никогда прежде не встречал столь здоровую юную леди.

Это он упрекает или хвалит? Я нахмурилась. И покосилась на мужа, который этого целителя, собственно говоря, приволок.

Сперва сам куда-то пропал, оставив меня наедине со свекровищем.

И явился только к ужину.

С целителем который так сверлил меня взглядом, что едва кусок поперек горла не встал. А потом вот осматривать взялся.

И за руки щупал.

И в глаза заглядывал. И руками водил над головой.

- То есть, все в порядке? – Чарльз выпал из состояния задумчивости, в котором и пребывал весь вечер. Наверняка опять во что-то вляпался.

И без меня!

Нечестно!

- Как сказать, как сказать...

- Прямо! – рявкнула я.

И Чарльз протянул конфетку.

- Спасибо...

- А говорите и вправду прямо. Милисента... нервы у нее крепкие.

- В этом я абсолютно уверен. У столь здорового человека не могут быть слабые нервы. Иначе он был бы не таким здоровым.

То есть помереть мне не грозит. Но вот чую, не договаривает что-то этот человечешко.

- Тогда почему мне все время жрать хочется?

- Милли!

- Чарли, если бы я хотела просто есть, это не было бы проблемой. А мама учила, что целителям нужно говорить правду. Правда же в том, что мне хочется именно жрать. Причем постоянно.

- Гм...

- А если я буду постоянно жрать, то это ж никаких самых крепких нервов не хватит. Это уже не говоря о том, что скоро на мне ни один корсет не сойдется. Хотя, может, и к счастью...

- Это вряд ли... леди не грозит потерять фигуру. Сколь я понимаю, энергия весьма стремительно расходуется.

- На что?

Не понимаю. Я ем. Сижу. Лежу. Смотрю вот модные журналы, любезно присланные леди Диксон. Интересно, а если леди Диксон сейчас две штуки, люди не запутаются? Или, может, нумеровать как-то будут?

Главное не это. Главное, что расходоваться ей не на что.

- На формирование энергетического ядра. Одаренные дети, это известно давно, отличаются повышенным аппетитом. Причем есть мнение, что чем ярче будет выражен дар, тем этот аппетит, как бы сказать... выше. Хотя имеются и исключения.

- Я не ребенок, - заметила я, хотя, признаться, немного успокоилась.

- И тем любопытнее процесс, который я имею честь наблюдать. Не волнуйтесь, все останется, скажем так, между целителем и пациентом.

Радует.

И пугает одновременно. Где-то я уже видела подобный взгляд, превнимательный, с легкой толикой предвкушения и безумия.

- Так вот, ваше ядро было сформировано, как сие происходит обыкновенно, в годы юные. Однако сейчас оно словно очнулось и начало... доформировываться? Переформировываться? Точно не скажу, но сугубо по ощущениям, оно становится словно бы плотнее? Насыщенной?

Ничего не поняла, кроме того, что жрать будет можно.

- Милисента не получила должного образования, - Чарльз все-таки слушал. – Поэтому... будьте добры объяснить.

- Чтобы объяснять, нужно понимать самому, а мы весьма далеки от этого, но... по принятой ныне теории ядро тонкого тела – это скопление энергетических линий. Как наш мозг управляет телом, так ядро управляет даром. Чем более развито оно, тем выше насыщенность этих линий. Ваши... подобное я видел лишь один раз в жизни.

Он осекся.

- Извините, точнее не скажу, хотя рисунок, безусловно схож... к слову, да, по рисунку многое можно сказать. Он наследуется, нет, нет, не весь, некоторые характерные элементы узора... удивительно. И невозможно.

- Что невозможно?

Человечек отмахнулся.

- В мире хватает невозможного, но... если допустить мысль, что я прав, то весьма скоро ваш дар увеличиться.

Я поглядела на Чарльза.

Не надо ему увеличиваться! Этак я... этак я точно дом спалю! А то и город. Проклятье!

- Боюсь, возможны, даже весьма вероятны спонтанные выбросы энергии. Ядро, пока не стабилизируется, будет поглощать столько энергии, сколько сможет, а излишки скидывать.

Не было печали.

Точно спалю.

- И что... делать?

- Признаюсь, понятия не имею, - целитель развел руками. – Детям обычно ставят легкие ограничители, но вы подобные просто не заметите. Или сожжете при первом же выбросе. А полная блокировка, скажем так, категорически небезопасна.

Проклятье! Не то, чтобы меня привлекали блокирующие браслеты, но вот... реально же... а вдруг в следующий раз камушка под рукой не окажется.

- А если не есть? – мрачно поинтересовалась я, поскольку данная перспектива совершенно не привлекала. Напротив, живот отозвался на это предложение возмущенным бурчанием.

- Не поможет. И скорее даже навредит. В момент естественного формирования энергетического ядра тонкое тело становится как бы главным. И оно будет брать то, что ему нужно. Энергию. Извне и из тела физического. Следовательно, если вы откажетесь от еды, вы умрете от истощения. И полагаю, весьма быстро.

Целитель развел руками.

Понятно. Не жрать нельзя. А если жрать, то можно спалить все к бездне.

- Может... может, нам уехать куда? – предложила я. – В пустыню. Там, если чего и выбросится, то без вреда.

- Предложение весьма разумное, - ответил не Чарльз, а целитель. – Однако пустыня не нужна, думаю, подойдет какой-нибудь из полигонов. К примеру, в университете. Вы ведь, кажется, говорили, что вашей супруге нужен наставник? Вот заодно и решите вопрос. Договоритесь, пусть ей выделяют жилье... да, дорогая моя, будет не так комфортно, но потерпеть надо.

- И... долго?

- Месяц? Два? Вряд ли дольше. Три – самое большее... ваш случай уникален, и я напишу моему коллеге, он...

- Это обязательно? – что-то идея Чарльзу категорически не понравилась.

- Отнюдь! Я ведь, уж простите, не знаю ваших возможностей, но, если у вас имеется собственный полигон, желательно, экранированный и приспособленный к работе с потоками высокой интенсивности.

По лицу я поняла, что полигона у Чарльза не было.

- А в остальном... рекомендую больше отдыхать, гулять и хорошо питаться. Это очень и очень важно. И да, уж простите, если невольно затрону такую тонкую тему, но в нынешних обстоятельствах беременность... будет... не к месту.

Чарльз нахмурился еще больше.

- Дело в том, что организм тоже перестраивается, - поспешил объяснить целитель, - приспособливается. А беременность – дополнительная нагрузка. И нельзя угадать, как она повлияет на результат. Возможно, что тело просто-напросто не выдержит...

Да, никогда не любила целителей.

Ничего-то они хорошего не скажут.

- А над университетом подумайте, - он встряхнул руки и поднял кофр из черной кожи. – Если все-таки решитесь, я составлю протекцию.

И ушел.

А мы остались.

Я и Чарли... и сидим, смотрим... думаем. Вот ведь хрень! Полнейшая!

- От меня одни проблемы, да? – я опустила в кресло, стараясь отрешиться от чувства голода. Пока слабого, но с каждым мгновением оно будет лишь нарастать.

- Университет...

- Ну да, я как-то... наверное, я и университет... - я пожала плечами. Что тут еще скажешь? В Последнем Пути университетов не было.

Там и школа-то одна на весь город.

- Может, все-таки пустыня?

Там привычней. И спокойней. Домик можно прикупить или снять. Или... пару месяцев даже в палатке прожить несложно, потому как если палатка сгорит, это одно. А если дом?

- Нет, - Чарльз покачал головой. – Он прав. Просто это очень необычно. Женщина в университете.

Ну... да. Или нет? Не знаю.

- Хотя... да, там есть небольшие коттеджи. Иногда случается, что студент одаренный, но дар контролирует плохо. Обычно происходит, когда дар обнаруживается у человека простого...

А я чувствовала сомнения.

- Дома маленькие, но жить можно и относительно комфортно. Частично экранированы на случай спонтанных выбросов, но стоят на краю полигона, поэтому, если вдруг кто ощущает прилив, то всегда успевает добежать.

Его сомнения. Будто... будто ему очень и очень не нравилась эта вот мысль.

- И учиться... да, там лучшие наставники.

- Что не так, Чарльз?

Я встала и подошла к мужу, взяла его за руки и заглянула в глаза.

- Что не так с этим гребаным университетом?

- Леди так не говорят, - он криво усмехнулся.

- Ну... положила руку на сердце, дерьмовая из меня леди.

- Эксцентричная. В обществе выражаются так.

- Ага...

- Дело в том, что... студенты по сути своей мальчишки. Но очень жестокие мальчишки, которые не удержатся.

- От чего?

- От слов. От... шуток.

- От попыток залезть мне под юбку?

- И от этого тоже.

Хреново, если так... дома я бы подстрелила пару-тройку желающих, да и Эдди... кстати...

- А если Эдди?

- Что?

- Ну... он ведь пограмотней меня будет, если подумать. Он все, что в библиотеке было, перечитал. И в нашей, и в городской. И даже пастор перестал кривиться, а потом вообще книги ему возил. Вот. Так что, если кому в вашем университете и место, то это ему. Заодно и за мной приглядит.

Вот он обрадуется-то...

- А дар? Университет магический.

- Ну... он же ж шаман. А это тоже дар.

- Своего рода, несомненно... только, понимаешь, если ты женщина, то Эдди, как бы это помягче...

- Орк. Я знаю.

- Ты знаешь. А они?

- Узнают. Ты не бойся, Эдди... он ведь только руку там сломает, зубы выбьет, если что...

А я вот на нервах и спалить могу. И ладно если только шутника.

- Но все-таки, - я погладила мужа по волосам. Смешной. И за меня волнуется. Странно, когда за тебя волнуется кто-то, кроме матушки и Эдди. - Может, у тебя найдется какой кусок пустыни неподалеку?

Увы, пустынь среди владений Диксонов не было.

Это они зря.

Очень непредусмотрительно. В конце концов, любому человеку может понадобиться своя собственная маленькая пустыня.

Глава 46 Где все собираются учиться, пусть и не совсем добровольно

Глава 46 Где все собираются учиться, пусть и не совсем добровольно

Эдди поглядел на Чарльза.

Но тот не дрогнул, только глаз слегка дернулся.

- Ты... серьезно? – он потер глаза.

- Более чем.

Эдди поглядел на потолок. Белый. Со все той же лепниной, которая раздражала несказанно. Перевел взгляд на зеркало, в котором отразилась его рожа.

Обыкновенная.

Серо-зеленая. С выпирающей нижней челюстью, дважды ломаным носом и массивным лбом. Самое оно для университета.

- Понимаешь, для Милисенты это и вправду самый лучший вариант. Я договорился. С ней будут работать по индивидуальной программе, но на некоторых общих лекциях присутствовать придется.

А ведь пару дней прошло всего с приезда-то.

И Эдди только-только начал с этим дерьмовым отелом разбираться, в котором загадок, как выяснилось, как на помойной крысе блох.

Сиу к матушке пристроил, которая, кажется, даже обрадовалась. В отличие от сиу. Но её не тронет. Пока... наверное... в общем, Эдди приглядит.

За обоими.

- Но даже если бы она сидела только в коттедже... а она не будет там сидеть, ты же понимаешь...

Самое поганое, что Эдди и вправду понимал. Не будет.

- ...о ней бы узнали. И узнают. Дело времени. А дальше... я сам был студентом. Молодым. Буйным. С хорошим воображением и уверенностью, что весь мир у твоих ног.

- Полезут?

- Несомненно.

- Милли даст отпор.

- Возможно, но... если она сломает кому-то руку, да просто пристрелит, это одно. А если воспользуется силой – совсем другое. И там ведь не просто так. Там... скажем так, достойные сыны великих родов.

- Зажравшиеся ублюдки?

- А вот за это тебя вполне могут и на дуэль вызвать. Законные дети. Большею частью. Нет, есть и те, кто из простых, и в последние годы, как я слышал, их становится все больше, но... мне будет спокойней, если ты присмотришь за ней?

- А ты?

- И я. Я согласился прочитать курс лекций.

- Ну и отлично.

- Нет. Не отлично. Я не уверен, что моего присутствия будет достаточно. Скорее оно лишь подстегнет. Это... это тоже своего рода вид спорта. Соблазнить чужую жену.

- Все-таки вас мало в детстве порют, - сказал Эдди, почесав в затылке.

- Возможно, но...

- Думаешь...

- Думаю, что будет непросто. Всем, - Чарльз сел. – Мне эта затея не нравится категорически, к тому же дело не в Университете. Скорее такое ощущение, что мы с этим аукционом влипли в какую-то странную игру, смысла которой я не понимаю. Причем я даже не могу толком сказать, что мне не нравится. Точнее все... этот дар, столько лет спавший и вот теперь вдруг... и предложение... я пытался связаться со Шверинсоном, он лучший из целителей, но не смог. Он просто куда-то пропал. Орвуд... тоже про Университет. И не только... девчонку зацепили.

Ту, лохматую? Которая не испугалась заколдованного ворона? И гладила перья? И на Эдди смотрела без привычного уже ужаса?

Хреново.

- Сделали ей предложение. Подружиться с Милисентой. Присматривать за ней... так что отсидеться не получится, Эдди.

- Понял уже.

- И клуб... клубы начинаются там, в Университете. Разные... для тех, кто стоит выше, для остальных, которым не попасть в закрытый, но тоже хочется. И потому устраивают собственные.

Не те ли, в которых раздают клюворылые маски, чтобы спрятать лицо? А ведь хорошо получается. Спрятался и уже навроде как не при делах.

Сволочи.

...тогда они с Орвудом отужинали. И ужин был великолепен, чего уж тут.

Столовая роскошна. И главное, что никакой тебе позолоты. Та самая сдержанная роскошь драгоценного дерева, простоты и изысканности, которая заставляет ощутить себя, если не Императором, то где-то близко.

Костяной фарфор.

Свечи.

И вежливая незаметная прислуга.

Люди, изредка подходившие к столику, чтобы перекинуться парой слов с Орвудом. И Эдди поприветствовать, будто бы не было ничего-то необычного ни в его роже, ни в пропыленной, не слишком чистой одежде.

Распорядитель.

Короткий разговор, в котором их уверили, что произошедшее – не более чем престранная случайность. Как иначе? Клуб расположен в старом здании. И да, подвалы глубоки, но никто-то их не исследовал... дверь? Ставили, естественно. Чтобы никто не сунулся в катакомбы, а то мало ли...

Ключ?

Ни у кого его нет. Да и сам распорядитель не помнит, где он. Дверь ведь ставили вовсе не для того, чтобы её открывать.

А больше... больше ничего.

- В свое время меня не сразу приняли в клуб Университета, - продолжил Чарльз. - Полгода где-то я был кандидатом, к которому присматривались. Поручали разные... мелкие дела. Не всегда приятные, порой и вовсе... незаконные. Если бы попался, пришлось бы туго. Но тогда все воспринимается иначе. Игра. Вызов. Кровь кипит. Потом я стал членом клуба... к нам приходили те, кто давно уже закончил обучение. Клуб – это не просто место, где проводят время. Это связи. Знакомства. Помощь.

- Аукционы.

- И это тоже... как понимаю, одни клубы вырастают из других. Они не будут приглашать людей с улицы, но лишь тех, кого знают. Кого проверяли. Кого... сочли достойными.

- На меня не рассчитывай. Меня вряд ли пригласят.

- Это да... если уж они вели речь о чистоте крови. Но... эту заразу надо задавить на корню. А корни, как подозреваю, в Университете. Все преподаватели, точнее большинство – бывшие члены студенческого братства. И ныне состоят в Клубе. И только ли в нем или скорее только ли в этом – вопрос. Я не знаю, чего они хотят от Милисенты, но...

- Бросить и уехать – не вариант.

- Именно. Если я что-то и понял, то они терпеливы. И настырны. А жить, постоянно оглядываясь... нет, в этом надо разобраться.

Эдди кивнул.

И уточнил:

- Только ты же понимаешь, что моя рожа... она будет народец нервировать.

- Пускай себе. Даже надеюсь на это.

- Да и... в целом не факт, что возьмут.

- Куда они денутся. Орвуд согласился прочитать курс по прикладной некромантии, а старший и вовсе изъявил желание возглавить кафедру. Его давно звали, он все отказывался. Тут же решил взглянуть на новое поколение некромантов поближе.

А дядька серьезный.

Что ж...

- Условия он поставит. Так что, Эдди, готовься.

- Я всегда готов. А вот они... они пусть приготовятся. Надеюсь, университет у них крепкий.

- Дорогая... - от матушки пахло лесом и ветивером, и еще немного, едва-едва уловимо, дымом. – Мы вернулись, дорогая...

Она обняла Эву и даже коснулась щеки теплыми губами.

- Все в порядке?

- Конечно.

- Ты бледновата, но это скорее даже хорошо... Виктория, не стой, ты будто не дома.

Тори.

Сердце ёкнуло. И снова такое вот мерзкое чувство, будто в зеркало смотришься. И видишь в нем не себя, нет, точнее себя же, но...

лучше?

Идеальнее?

Ей вот бледность точно к лицу. И худоба. Заострившиеся черты, которые подчеркивают хрупкость Тори... странно тоже. Они ведь близнецы, и внешне похожи были, но почему-то Тори всегда казалась хрупкой, а Эва... Эва неудачный вариант.

- Целитель утверждает, что ей нужны впечатления. Новые, яркие... и к тому же представление ко двору. Мы не можем пропустить его! Ох, все-таки с одной стороны это категорически некстати, - матушка отдала шляпку и перчатки горничной. – Но с другой стороны нет возможности лучше... и бал, несомненно, мы должны посетить бал... времени совсем не осталось. Тори, дорогая, обними сестру. Эва, тоже не стой. Я понимаю, что вы так волнуетесь, но теперь-то все будет хорошо.

Тори улыбнулась.

И протянула руки. Эва осторожно коснулась пальцев сестры. Надо же, какие теплые... живые... и сама она...

- Я... рада, что ты вернулась, - сказала она, покосившись на матушку. Та, кажется, выдохнула с облегчением.

- Я тоже, - ответила Тори чуть хрипловатым голосом. – Мне... не стоило вот так, надолго вас бросать. Проводишь?

- Комнаты приготовили? – матушка нахмурилась. – Я писала...

- Да, матушка.

- Отлично. Конечно, там не мешало бы сделать небольшой ремонт, все же обои несколько вышли из моды. В моде сейчас зеленый, но мы позже что-нибудь да придумаем. Я закажу каталоги...

- Поможешь? Сестрица, - пальцы Тори обхватили запястье и сжали его. – Я все еще так слаба... говорят, мне нужно больше двигаться, я слишком долго лежала...

- ...но сначала гардероб. Боже, не представляю, где взять второе платье для представления! И согласятся ли внести Тори в списки... Дорогой! Ты должен решить этот вопрос...

- С платьем? – отец появился в холле. – Девочка моя, рад видеть тебя в добром здравии.

- Спасибо, папа, - Тори присела в реверансе. А руку сжала еще сильнее. Всегда она так... но Эва тоже улыбку выдавила.

- С платьем я сама как-нибудь разберусь, хотя, конечно, времени... времени почти не осталось! Но ты должен позаботиться, чтобы Тори внесли в списки!

- Несомненно...

- Идем, - Тори дернула Эву. – Боже, я, оказывается, соскучилась по всему этому... нет, представляешь, там, конечно, неплохо, а главное, все именно так, как тебе хочется. Но со временем надоедает. И оказывается, у вас тут тоже бывает интересно ...

И вовсе не выглядела она ослабевшей. Напротив, хватка мертвой была.

- Кстати, может, ты уступишь мне свое платье? Это будет так мило...

- Обойдешься, - огрызнулась Эва, и сердце уколол страх. А если... раньше ведь случалось, что Тори вдруг начинало нравиться платье Эвы. Или шляпка. Или еще что-нибудь. И она начинала ныть, хныкать, а порой и вовсе падала, притворяясь больной, а матушка верила. И начинала уговаривать... и вдруг снова?

Матушка скажет, что нужно быть добрее к сестре.

Но почему-то не хотелось.

Совершенно.

- Посмотрим, - Тори широко улыбнулась. – Кстати, ты и вправду какая-то снулая. Или это я забыть успела? Кто у нас тут сегодня в гостях?

- Никто.

- Моя бледная занудная сестрица распугала всех подруг?

- Заткнись.

- Еще чего... я напишу пару писем? Или лучше ты? Я ведь так слаба, но мне очень хочется встретится со старыми подругами. И надо будет, чтобы ты мне помогла...

- Хватит, - Эва вдруг вывернулась из захвата. – Ты матушке можешь дурить голову, а меня оставь в покое.

- Огрызаться научилась?

- Скорее уж поняла, что с тобой нельзя «быть добрее»... - Эва выдохнула, пытаясь унять колотящееся сердце. – И еще... ты не думала, что пока ты там радовалась своему чудесному миру, я кое-чему научилась. И теперь вполне могу отправить тебя туда, где тебе так хорошо.

- Не посмеешь!

Главное, в глаза смотреть. И внутри все прятать. Страх. Неуверенность. Обиду. Все-все. Улыбаться. Она ведь уже умеет улыбаться, даже когда совсем не смешно.

- А ты попробуй, - Эва сумела и улыбнуться. И даже удивилась тому, до чего легко получилось. Оказывается, она тоже на что-то способна. И не моргать. И взгляд не отводить.

- Не зли меня, Тори, - Эва подобрала юбки. – И еще... я не знаю, что ты задумала...

...а ведь не просто от скуки она решила вернуться.

- ...но я за тобой присмотрю.

Тори фыркнула.

И быстро поднялась.

- Я отдыхать! И скажи, чтобы принесли теплого молока. Целитель сказал, что мне полезно теплое молоко...

Вот ведь.

Но спорить Эва не стала. И подумала, что, возможно, у них получится ужиться. А если нет... если нет, то Эва ведь уезжает.

В университет.

- Куда? – матушкин голос заставил Эву подпрыгнуть на месте. – Ты с ума сошел?!

Это она с кем?

Эва замерла и все же решительно направилась к двери. Пусть и на цыпочках. Осторожненько. Но она должна знать... услышать...

- Это... это немыслимо! Приличной девушке нечего делать в Университете... там... там ведь один разврат!

- А ты откуда знаешь?

- Издеваешься?

- Отнюдь, - голос отца был спокоен. А если он запретит? Нет, Бертрам ему рассказал... или нет? Скорее всего рассказал, потому что иначе отец тоже не согласился бы. А он согласился. – Если серьезно, то идея не так и плоха. У нашей дочери есть дар.

- Боже...

- И отрицать это бессмысленно, как и то, что дар этот весьма... своеобразный. Я вот понятия не имею, как его развивать.

- Зачем?!

- Хотя бы затем, что если бы не дар, мы бы её не нашли!
Послушай... все серьезно.

- Все закончилось...

- Только началось.

- Но...

- Пожалуйста, поверь мне. Я присмотрю за ней. Берт. Чарльз Диксон. Милисента... и её брат.

- Он, к слову, холостой...

- Дорогая, мне кажется, ты не совсем о том думаешь.

- Внешность, конечно, весьма специфическая, но к ней можно привыкнуть... с другой стороны, не совсем понятно, кто он...

- Не человек точно.

Вот как можно так обсуждать человека? То есть, не человека, но все равно. И главное, что за спиной! Но слушать все равно было страсть до чего интересно.

- Он спас девочку. И мне кажется, она на него смотрит как-то... выразительно?

- Она на всех смотрела очень выразительно. Со страху.

И вовсе даже нет! То есть, Эва, конечно, побаивалась, но не настолько же, чтобы разум потерять. А смотрела... смотрела, да. Но ведь сравнить хотелось. Он же ж там и тут разный.

- Ей нужно учиться работать с даром. И сдерживать себя. Чтобы не повторилось того, что произошло с Тори. По рассказам Эвы я понял, что мир неяви опасен. А она будет туда заглядывать. Сколько бы ты, я, кто-нибудь другой ни запрещал, все равно будет. Ты сама знаешь, дар, если он не угас, возьмет свое. Поэтому ей нужно научиться обращаться.

- А с Милисентой что?

- Тоже какая-то проблема, кажется, излишек силы... редкое явление. Их примут в виде исключения. Вольнослушателями.

- Это неприлично.

- Подберем компаньонку...

- Я сама пойду.

- А Тори?

- И она. В конце концов, у нее тоже дар. И ей тоже нужно как-то... что-то с ним делать.

Эва скривилась. Вот только сестрицы ей там и не хватало.

- Да, пожалуй... но ты...

- Ты против?

- Отнюдь... знаешь, это будет даже интересно. Как-то Император упомянул, что одаренные есть и среди женщин и на самом деле много. Пусть даже дар выражен обычно слабо, но все же... а в итоге женщины просто не пользуются им. Не умеют. И было бы неплохо обучать их.

- Никто добровольно не отправит дочерей в... такое место, как Университет.

- Благородных, - уточни отец. - Но есть ведь... незаконнорожденные. Или простого происхождения, но с даром. Те, кто становится незаконными целительницами, могут вполне законно стать помощниками целителей. Целителей всегда не хватает. Да и в целом... разве не удобнее было бы, скажем, тебе обратиться к целителю-женщине?

- Ты меня уговариваешь, но не могу понять, на что.

- Чтобы ты взглянула непредвзято. Для девочек университет создаст специальную программу. Облегченную. И будет неплохо, если ты оценишь, насколько она... удачна.

- В каком смысле?

- Насколько полезно то, что предлагается. Я не думаю, что им нужны история возникновения магии или основы философии. Куда важнее вещи сугубо практические.

- Ты... ты хочешь...

- Я хочу, чтобы через год или два, или даже десять, не суть важно, главное, чтобы в этом Университете учились женщины.

- Это безумие!

- Почему?

- Зачем женщине образование?!

Эва прикусила губу. Может... может, затем, чтобы не стоять на сцене в тонкой рубашке, ожидая, когда тебя купят? Если бы у Агнесс был дар, хотя бы крохи? Если бы она могла выучиться? И получить работу. Какую-нибудь такую работу, которая прокормила бы её. И семью. И...

Разве от этого было бы плохо?

- Кто захочет отправить...

- Может, отправить никто и не захочет. Может, найдутся девушки, которые захотят отправиться сами. Дочери военных, которые вынуждены идти в гувернантки и компаньонки, а потом жить, не имея шанса обзавестись семьей. Дочери купцов и ремесленников. И... если уж говорить о проекте, то он подразумевает даже оплату обучения государством.

- Это... определенно...

- Слишком ново, чтобы принять, - согласился отец. – Но это поможет многим. Пусть не Университет... там и вправду будут не рады. Возможно, получится организовать женскую школу.

- Звучит уже лучше. Но их много...

- И чему там учат? Танцевать? Рисовать? Принимать гостей? Вести дом.

- Можно подумать...

- Это все важно, я не спорю. Но нужно другое. Нужно обучить тех, у кого есть искра, пользоваться ею. Дать навыки. Вполне конкретные. А тут уж... женщин-учителей, способных на подобное, просто-напросто нет. И в любом случае придется приглашать преподавателей из Университета.

- Подслушиваешь? – поинтересовался кто-то. И Эва подпрыгнула. А Тори прижала палец к губам.

Вот ведь... слабая она. Конечно. Бледновата, худовата, но на ногах держится крепко. И вообще подкралась так, что Эва не заметила.

- Хорошо... я не уверена, что у вас что-то выйдет, но...

- Ты сможешь?

- Почему нет... ты прав... я ведь в комитете, и... среди девушек, которые оказались в... затруднительном положении, одаренных хватает. Из них получают неплохие горничные. Их учат паре-тройке плетений, пыль вытирать, полы очищать, но я сама думала, что можно и большему... но Университет...

- Интересное что-то? – осведомилась Тори.

- А то. Учиться поедем, - Эва поглядела на сестру мрачно. Надо привыкать к её возвращению.

- Смейся?

- Если бы... в Университет. Но с мамой.

Тори вздохнула и прикусила губу. А потом сказала:

- Без мамы учиться было бы интересней.

...а все-таки иногда с ней было весело. Но только иногда.

Глава 47 Вместо эпилога

Глава 47 Вместо эпилога

Дом, в который собралась переехать матушка, был старым. Каменное основание его давно уж покрылось одеялом пушистого мха. Стены потемнели, и даже горгульи на старом портике глядели хмуро, словно сомневаясь, стоит ли пускать на порог столь сомнительную личность.

- Надо же, - матушка подняла голову, придерживав шляпку. – Здесь все... как прежде. Ты не передумал, дорогой? Вовсе не обязательно сопровождать меня.

- Нет. Сагтервуд обещал, что в отель пустит. Он как-то... притих.

Кости из подвала выносили несколько дней кряду. И само собой, что удержать втайне процесс не удалось. А там кто-то проболтался журналистам.

И уж неделю как мальчишки-газетчики перекрикивали друг друга. «Ужасная тайна подземелий».

«Кошмар благородного отеля».

Впрочем, как ни странно, во вред отелю это не пошло. Наоборот даже. Сперва в подземелье потянулась вереница людей в одинаковых черных костюмах.

Они несли цветы.

Свечи.

И оставляли их там, в глубине.

Родственники.

Похороны тоже были. Их, поговаривают, почтил присутствием сам Император. Эдди и соваться не стал, хотя Орвуд и намекал, что был бы не против компании. Какая тут может быть кампания...

После родственников в подвалы полезли те, кто полагал себя родственником, да и просто всякие... любопытствующие. И Жози решила брать за то плату. А еще устроить в подвалах пяток номеров.

- Понимаете, - сказала она доверительно. – На самом деле людям нравится бояться. Страх заставляет их острее ощущать жизнь. Не всех, но весьма многих. При этом важно, чтобы они понимали, что на самом деле находятся в безопасности. Я подумываю открыть еще один

ресторан. Особый. В подземелье, чтобы меню... специфическое. Рука висельника. Как вам название блюда?

- Отвратительно пошло! – воскликнула леди Элеонора, соизволив появиться. Более того, она соизволила показаться не только Эдди. И тот даже не удивился. В своем доме призраки сильны. – Но людям понравится.

- И мне так кажется. Только антураж...

- И официанты. Пострашнее. Чтобы в жуть вгоняли...

Леди поглядели друг на друга.

- В тебе есть мозги, - наконец, соизволила признать леди Элеонора. – Но все равно ты меня бесишь. И не надейся, что я признаю тебя наследницей.

- Я готова вложить в проект некоторое количество собственных средств. Но с правом получения прибыли. Или... подземелья, как я узнавала, простираются далеко. А отель можно открыть и в соседнем здании.

Эдди тогда еще понял, что этим двоим он не нужен.

И предложил съехать.

Кажется, все только обрадовались...

...но от слова он не отступится. Правда, искать в отеле больше нечего. Нет, его пустят, вне всякий сомнений. И люкс этот клятвенно пообещали оставить за Эдди. Хотя бы на пару месяцев.

Впрочем, вновь же смысла в том было немного.

Матушка медленно шла по дорожке, выложенной белым камнем. За ней, в паре шагов, следовал мальчишка, который теперь старательно делал вид, что с Эдди не знаком. Совершенно.

Плевать.

Диксон выправил документы. Правда, мальчишку забрал. Увез куда-то, но к вечеру вернул, целого и раздраженного донельзя. Матушка потом еще выговаривала, что нельзя так с ребенком. А ребенок кивал, щурясь, что, мол, и вправду нельзя.

Хитрый он.

Но Эдди видит, что творится в этой серой башке.

Слева поднимались кусты, как и справа. Были они лохматы, но в темных космах поблескивали белые звездочки цветов. Пахло... садом и пахло. Влажным. Живым. И он, подбираясь к самому дому, склонял длинные ветви над камнем, словно пытался дотянуться.

И не дотягивался.

Сам дом, пожалуй, походил сразу на все местные дома. Лестница. Статуи у основания. Колонны. Порттик. Стены из красного кирпича и узкие стрельчатые окна. Однако как ни странно, здесь было спокойно.

- Госпожа, - матушку встречал старик в темном костюме. – Мы рады вашему возвращению.

Он поклонился, и поклон этот был полон сдержанного достоинства.

- И я рада, Томас. Если бы ты знал, как я рада... - матушка выдохнула и оглянулась. – Это мой сын.

- Добро пожаловать, господин...

- Эдди.

- Элайя, - мягко поправила матушка. – И мой воспитанник.

Она положила руку на плечо сию, и тот чуть склонил голову.

- Комнаты готовы?

- Несомненно. Чаю, госпожа?

- Чаю. И... на кухне Нора?

- Её внучка. Но готовит не хуже.

- Тогда буду рада. Эдди?

- Да, матушка.

- Пусть подают в бирюзовую гостиную. Дом...

- Сохранили в первозданном виде, госпожа. Однако кое-где все же нужен будет ремонт.

- Я этим займусь.

В доме пахло цветами и еще чистотой, и запах этот тонкий щекотал ноздри. Хотелось чихать и еще спрятаться куда-нибудь. Не то, чтобы на Эдди глазели. Нет. Дом был пуст.

И с прислугой надо бы что-то решать.

И...

- Сегодня я буду занята, - матушка устроилась в кресле у окна, выходящего в сад. – Пришла пора писем. Сколько ни откладывай... и да, гардероб. Будь добр появиться вечером. Тебе тоже нужно обновить гардероб.

Вот уж без чего Эдди точно обошелся бы.

- Представление, дорогой, - матушка понимала его без слов. – Чуть больше недели осталось. А это мало. Очень и очень мало... мой брат желает видеть тебя при дворе.

- Не было печали, - буркнул Эдди.

А матушка хихикнула как-то совсем по-девичьи...

- Я думаю, он хочет не только Милли представить, но и тебя...
боже, я должна это видеть. Должна...

Эдди вздохнул.

И... не стоит огорчать матушку. Тем паче, что улыбка на губах её поблекла. Чашка из какого-то странного полупрозрачного стекла вернулась на блюдце. А она сказала:

- Иди. И ни о чем не беспокойся. А я займусь письмами... но к девяти чтобы был дома!

Эдди снова вздохнул.

И пообещал:

- Буду.

Только показалось, что матушка не услышала. Она сидела, глядя на цветы там, за стеклом. На темную зелень сада, на ограду, что виднелась где-то вдалеке, тонкая, почти растворившаяся в близких сумерках. О чем думала?

Эдди понятия не имел. Он встретился взглядом с мальчишкой и тот кивнул, устраиваясь на полу у ног матушки. Надо же... и на него она влияет. Но и хорошо.

Сиу присмотрит.

Шлейф раздражал.

Нет, не только он.

Все раздражало. Две недели походки и приседаний, которые я вынесла разве что чудом. И ведь не скажешь, что леди Диксон была столь уж придирчива, просто...

...просто поездки во дворец.

Занятия.

Эва, которая кусает губы и нервничает, кажется, едва ли не больше моего. Её сестрица, притворяющаяся равнодушной, но при этом не упускающая случая отпустить шпильку. Причем доставалось всем, а Эве едва ли не больше прочих.

Тонконогий помощник церемониймейстера в дурацком наряде, чем-то напоминающем наряды тех, кто прислуживал на аукционе. Разве что не черный.

Нет.

Ярко-золотые чулки. И бирюзовые короткие брюки. Кружево, кружево и снова золото, на сей раз камзола. Визгливый голос...

- Леди, снова пробуем... представьте себе... двигаемся, не стоим на месте, любезнейшие... такое ощущение, что вас на улице подобрали! Где врожденная грация...

В какой-то момент появилось острое желание сбежать.

А не сбежала я исключительно из врожденного упрямства. И вредности. И... и, кажется, желания доказать всем им, а особенно этому надушенному напомаженному типу, что я все-таки леди. Просто родом с Запада.

И вот...

Тот самый день. И леди Диксон, которая с рассвета на ногах, а с нею и весь дом, хотя не понять, зачем.

- Знаешь, - мне быстро надоело делать вид, что я сплю. – Это когда-нибудь закончится?

- Когда-нибудь непременно... - Чарльз подавил зевок. – На самом деле это просто обычай.

Ну да, за который из меня душу вынули. И главное, страшно вдруг стало. А если не получится? Пройти, присесть. Встать. Отступить. Мы тысячу раз повторяли нехитрое это действие, и дома, и там, во дворце... но если вдруг не получится?

Если я споткнусь?

Оступлюсь?

Наступлю на этот гребаный шлейф и грохнусь на потеху публике?

Чарльз, выслушав, пожал плечами.

- Встанешь, отряхнешься и пойдешь дальше. В конце концов, что тебе за дело до этих людей?

Ну да... наверное. Но...

- Они будут смеяться.

- Милли, - он поглядел на меня. – Ты прошла город Мертвых, ты встретила с безумными драконами...

И не такими безумными они были. Так, самую малость.

- Ты столкнулась лицом к лицу с их свихнувшимся потомком и не говорю уже о пустыне с мертвецами, о сиу и прочем... и вот после всего этого ты боишься, что над тобой будут смеяться?

Ну... да.

А что?

Хотя, конечно, если так, то глупо... донельзя глупо. И эта мысль чем-то успокоила. Спокойствия этого хватило на завтрак, второй завтрак и ранний обед. А потом началось...

Меня причесывали.

Учесывали.

Одевали.

Раздевали. И снова одевали. Тыкали в готовое и многожды мерянное платье шпильками, причитая, что я посмела похудеть на целый дюйм в талии и в бедрах – на полтора. Шили. Подшивали. Распрямляли складки. Разглаживали их крохотными утюжками прямо на мне.

Обсыпали пудрой.

И снова.

Укладывали на шею три ряда жемчужной нити, выравнивая едва ли не по камушку. И перья. Куда ж без страусовых перьев. Этот плюмаж на голове окончательно выбил из равновесия.

- Цветы, - леди Диксон тоже была в каком-то светлом, безумно сложном с виду наряде, в котором я бы и двинуться не решилась. А она ничего, двигалась вон. – Чарльз, цветы понесешь ты, передашь уже во дворе. Букет получился тяжеловат.

Это да.

Таким по макушке шибанешь... нет, нет, я не собираюсь никого шибать по макушке. Я... как это выразиться, милая юная леди. Если почаще повторять, глядишь, и сама поверю. Главное, идти и улыбаться.

Улыбаться.

Поширше.

Поискренней.

- Все будет хорошо, дорогая, - сказала леди Диксон. – Главное, думай, что рано или поздно, но все это закончится. И я возьму с собой шоколадку.

Ей, в отличие от меня, позволено было иметь ридикюль, правда, совсем крохотный, но лучше маленькая шоколадка, чем никакой вовсе.

И мы поехали.

И приехали.

И выбрались из экипажа, даже почти изящно получилось выпорхнуть. Ну а дальше как-то стало почти все равно. Разве что шлейф раздражал.

И букет, который пришлось взять, ибо мужчина с цветами как-то неправильно. И... и люди... сколько здесь людей собралось. Леди Диксон раскланивается.

Улыбается.

С кем-то, кажется, здороваётся. А я молчу и чувствую, что закипаю. Прямо вот внутри, потому что... потому что они смотрят.

Все смотрят.

Чего они так смотрят-то...

Эдди дернул шей. Воротничок натирал. Костюм... да не привык он к такому. И не мог отделаться от ощущения, что если он чуть поведет плечами, то все это великолепие, по-за ради которого его две недели мучили, просто-напросто треснет.

Вот смеху-то будет.

Или нет?

На него поглядывали, а еще на матушку, которая в своем платье цвета меда смотрелась именно так, пожалуй, как должна бы. И держалась она так, будто бы именно во дворце ей самое место.

И...

- Дорогой, - матушка оперлась на руку Эдди. – У постарайся никого не убить сегодня.

Это будет непросто.

Очень непросто.

На Эдди смотрели. Или нет, на него глазели, разве что пальцами не тыкали и то, верно, воспитание мешало. А так бы тыкнули. И не только пальцами.

С шелестом раскрывались веера, отгораживая леди, что склонялись друг к другу, перешептываясь.

И...

- А вот и Милисента, - матушка первой двинулась навстречу. – Мне кажется, ей помощь не помешает...

Это верно.

Вид у Милли был весьма растерянным. А еще злым. И это вот упрямое выражение лица было Эдди распрекрасно знакомо. Он хмыкнул. И с трудом сдержался, чтобы не расхохотаться.

- Не до смеху, - Милисента двинула его локтем в бок. И тут же смутилась, оглянувшись воровато, не заметил ли кто такой вольности.

- А у тебя перья из головы торчат, - Эдди тянуло пощупать. – Я такие видел.

- Где?

- У коней. Выступали там... одни... одна... и на коне чепчик был вот аккурат с такими перьями.

Милисента насупилась.

- Дорогая, - а вот матушка Чарльза одарила Эдди вежливой улыбкой. – Возможно, ты будешь столь... любезна... представить нас?

А Чарли где?

Вот, спешит уже на помощь.

- Прошу прощения, - он коротко поклонился. – Срочное дело, но я вижу, что вы уже... матушка, позволь тебе представить брата моей дорогой супруги... Элайя.

А свекровь у Милли ничего так. Нервы крепкие. Только побледнела самую малость.

- И леди Элизабет, - добавил он. А матушка сложила-таки веер, который до того разглядывала как-то... слишком уж пристально. Будто впервые он ей в руки попался.

И вот тут у бедной леди дернулся не только глаз.

- Ты...

- Я, - матушка мягко улыбнулась.

- Но ты же... ты же умерла... прости... простите, это так...

Матушка подняла палец к губам.

- Потом. Мы обязательно обо всем поговорим, но после...

- А... он знает?

Матушка кивнула.

- И...

- Как ни странно, но он даже не разозлился. Я ждала, что... я бы сама в ярость пришла...

Обе леди поглядели на Эдди, и он понял, что лишний в этом разговоре. И не только он.

- Думаю, - Чарли подхватил под руку Милисенту. – Нам стоит отыскать в этой толпе Орвудов.

- Мама... они знакомы с твоей? – тихо поинтересовалась Милли.

- Выходит, что да... может, поэтому так активно избегали встречи? Я ведь приглашал леди Элизабет, но у нее дела... чай,

модистка... и вот теперь... ничего не понимаю. Доброго дня, леди Орвуд. Вы сегодня сияете.

Темные алмазы как-то слишком уж ярко выделялись на светлом платье, подчеркивая и его бледность, и светлую кожу леди.

- И рад приветствовать...

У Эвы дрожали коленки. Прямо с утра. Вот как проснулась, так и дрожали... она не хотела ехать! Да будь её воля, она бы вовсе из кровати не выбралась бы. Но кто ж её спрашивал-то? Вот и пришлось, что выбирать, что собираться.

Платье это...

Нет, платье получилось красивым, именно таким, как задумывалось. Вот только на Тори, для которой сшили второе, оно сидело куда как лучше.

И Тори это знала, что так будет. Потому и шила точно такое же, как на Эве. Нарочно. Всегда она так.

Не только она.

- Ах, вы такие взрослые... - матушка приложила платочек к глазам. – Я так рада...

Она и вправду была рада. И... и о том, что с Эвой произошло, словно бы забыла. Словно вообще не было никогда ни побега, ни аукциона, ни... и если бы не серое колечко на пальце, Эва, возможно, сама бы поверила, что не было.

Что приснилось.

Но колечко осталось. Оно, получив каплю крови Эвы, тускло засветилось, но всего на мгновение. А потом стало будто прежним.

И Берт сказал, что ничего не чувствует. Но ведь этого не может быть, чтобы оно просто... может, и не может, но... сейчас руки постоянно тянулись к проклятому этому колечку. А матушка улыбалась. Кланялась. Кому-то что-то говорила, смеялась и...

И все это так глупо!

Женщины в роскошных платьях... то, что на Эве, оно ведь шьется только для представления. Нет, если семья бедная, то его потом могут переделать в свадебное, только и это редкость. А сколько ткани ушло на него?

Шитья.

И крохотные жемчужины, которыми был украшен лиф. Они наверняка дорогие. Очень дорогие. И если продать это платье, то...

сколько она выручит? Хватит ли этих денег, чтобы выкупить Агнесс? А если не её, то кого-нибудь другого. Другую, которой тоже помощь нужна?

- попроще лицо, сестрица, - Тори умела улыбаться робко и в то же время завлекательно. – Не удивительно, что от тебя все отворачиваются.

Все... это...

Это Лизелотта Чамингтон, с которой Эва как-то переписывалась. И даже однажды они вместе пили чай у кого-то в гостях. Сейчас она просто повернулась спиной.

Как и Диана Треминг.

И...

И остальные? Это... это то, о чем говорила мама?

Но ведь ей обещали...

- Если ты сейчас разреवेशься, будет смешно. Им, - Тори чуть приоткрыла веер и кивнула очередной девице, которая на этот кивок развернулась. – Тоже мне... ты бы знала, что у них во снах.

Вот теперь глаза её нехорошо сощурились. И улыбка сделалась такой, что Эва вздрогнула. Но желание плакать пропало напрочь.

А потом к ним подошли и...

И Эва выдохнула с облегчением. На душе тоже сразу стало спокойно.

И... и теперь все будет хорошо.

- Боже, - Тори, само собой, не упустила случая испортить. – Ты не могла найти никого приличней? Хотя... в этом определенно что-то есть.

И поглядела на её шамана так... так... дома Эва точно ей выскажет. И за взгляды, и...

- Сейчас вы выглядите как истинная леди, - Эдди поклонился. А сердце екнуло. И даже рука, кажется, дрожала. А еще колени. Но коленей дрожащих под платьем хотя бы не видно. Но он осторожно взял пальцы. И сказал: - Здешние леди меня пугают.

- Чем? – влезла Тори. – Я, между прочим, Виктория. Виктория Орвуд. Её сестра. Старшая.

Ну вот, сейчас она улыбнется.

Скажет что-то такое, душевное, легкое и веселое. И Эдди ответит. Они заговорят, разом позабыв про Эву... проклятье! Ну зачем Тори

нужно было возвращаться именно сейчас?!

- Рад познакомиться, - сказал Эдди, правда как-то почти равнодушно. – А здешние леди какие-то чересчур уж хрупкие. И стоять-то рядом страшно, повернешься не так, заденешь, она и рассыплется.

Почему-то представилось, как рассыпается грудой фарфоровых осколков леди Лизелотта, а с нею и Диана. А то стоят, шепчутся, прикрывшись веерами. И глаз с Эдди не сводят.

- А у вас леди другие? Не рассыпаются, если вдруг заденешь?

- Нет.

- А что они делают? – Тори слегка нахмурилась.

И вот как можно быть настолько навязчивой?

- Они... как сказать, они и пристрелить могут, ежели что не так, - Эдди усмехнулся и выпустил-таки руку. – Говорят, тут бал будет, ну потом, после. Танцы. Не скажу, что я особо приятный кавалер, но если в этой вашей книжце найдется строчка...

- Найдется, - улыбнулась Эва и, кажется, слишком уж радостно.

- А я? – Тори хлопнула ресницами. – Меня вы бросите? Или сочтете излишне хрупкой, чтобы танцевать?

- Хрупкой? – Тори окинули взглядом, и Эдди прищурился. А потом чуть склонился и тихо-тихо, так, чтобы услышала Тори и, быть может, Эва, сказал. – Отнюдь. Ведьма, которая несколько лет прожила за гранью, хрупкой быть не может.

А на танец так и не пригласил.

Хотя, конечно, может и не успел... и... дверь распахнулась. Заголосили трубы. И коленки задрожали вновь. Но Эва заставила себя выпрямиться.

Представление?

Какая ерунда в сущности это представление... она на Аукционе сама вышла, так что и тут справится.

Я глядела, как матушка о чем-то оживленно беседует со свекровищем, не в силах отделаться от мысли, что ничего-то хорошего от этой душевной беседы ждать не след.

И вообще...

Откуда она здесь?

И почему... я ведь письма писала. И получала ответы, в которых меня уверяли, будто бы все хорошо, но матушка так занята, что просто

минуточки у нее нет визит нанести. Или вот чтобы я к ней прибыла.

В доме ремонт.

И модистка.

И еще тысяча и одно сверхважное обстоятельство. И... и всякий раз я угрызения совести испытывала, и даже подошла к Чарли денег попросить, хотя давно уж ни у кого ничего не просила. Но... я же решила, что она просто стесняется.

И что денег нет.

И... а на ней вот драгоценности ничуть не хуже, чем на леди Диксон, а уж та ныне вовсе переливается бриллиантовым блеском. Тоже обычай. Старшая родственница просто-таки обязана быть при фамильных драгоценностях. А выходит, что и у матушки...

Откуда? Откуда у матушки фамильные драгоценности?

Додумать я не успела, потому как леди исчезли вдруг. А потом затрубили трубы, и я вспомнила, для чего вообще в этот дворец приперлась.

И испугалась запоздало.

Снова.

Встретилась взглядом с девчонкой Орвудов, которой Эдди что-то там такое нашептывал минуту назад... надо бы сказать, что леди – это все-таки леди. Чуть чего не так, жениться надо будет.

Хотя...

Она вроде тоже на Эдди поглядывает, пусть не с горячею любовью, но с интересом. И не шарахается.

- Милли, пора, - сказал Чарльз, а рядом появилась его матушка, несколько задумчивая и отчего-то донельзя довольная.

Вот чую, подвох.

Но думать некогда. Пошли мы... сперва шла бледная девица, про которую Чарльз шепнул, что она дочь одного из герцогов и Императору приходится какой-то там племянницей, то ли четвероюродной, то ли пятиюродной. Главное, важной. И оттого она на прочих поглядывала свысока.

Потом еще одна девица.

Орвуды, что подошли вместе. А я еще подумала, что сама-то Эва ничего такая, но за её сестрицей глаз да глаз нужен. Уж больно взгляд у нее характерный.

Ничего.

Присмотрим.

У меня рука зачесалась. Левая. И я бы поскребла, но чесаться через перчатку неудобно, а еще букет этот идиотский. И сама церемония... и...

Меня легонько подтолкнули в спину.

Идем.

С одной стороны леди Диксон. С другой Чарльз. Я считаю шаги. Сердце ухает в груди так, что прямо заглушает бурчание живота. Шлейф. Не забыть про этот гребаный шлейф.

Так и дошли.

Чего-то говорят... а я исподтишка разглядываю императора. Ничего так дядечка. Серьезного вида. Носатенький. А в целом чего-то иного я ожидала.

Солидности большей, что ли?

А он сидит и почти теряется в золоченом кресле. Сам худой, бледноватый. Черты лица острые, а главное чудится в нем что-то этакое, до боли знакомое. Я задумалась, где ж его видеть-то могла, кроме как на портретах. Хотя вот на портретах он на себя мало похож. Лицо вроде то же, но какое-то внушающее.

Одухотворенное.

А это... если встретишь на улице, то в жизни не подумаешь, что император.

На этом месте я осознала, что уже просто-напросто пялюсь на Императора. А он на меня. И глядит, глядит, а потом как... подмигнет.

Вдруг.

Я от удивления едва равновесие не потеряла. А постой-ка от так в раскорячку. Ноги уже подзатекли, а тебе тут всякие тут императоры моргают. И главное, не только ж я это видела.

И... и чего он хочет от меня?

Между прочим, я женщина честная...

- Рад, наконец, познакомиться, - а голос у него оказался низким и с хрипотцой. – Дорогая племянница...

Я икнула.

И как-то оно громко получилось, хотя... шепоток за спиной нарастал и множился. Племянница... мать вашу, какая я ему...

Император поднялся и подал знак, по которому леди Диксон распрямилась и меня за собой потянула. Ноги, кажется, закрипели, но

шепот... шептались все и порой, кажется, в голос. Я поглядела на свекровушку... нет, да быть того не может.

- Сегодня удивительный день, - Император поднял руку и шепот стих. Я покосилась влево... блин, далеко стою. И не видно ничего. И справа тоже не видно. Люди какие-то... мать моя... да могла бы и предупредить, право слово. – И Господь вновь снизошел в милости своей, вернув мне сестру, которую я мнил погибшей. Эта утрата болью отзывалась в сердце моем.

А говорит как по писанному.

Долго готовился.

Ничего, матушка... дай встретиться, я все выскажусь.

Я поглядела на мужа, который стоял с каменной физиономией. Внимал Императору, стало быть.

- И тем радостней было известие, что моя дорогая Элизабет жива...

Он сошел на ковровую дорожку, чтобы прошествовать мимо меня. И это позволило повернуться, пусть не спиной – помню, что к трону спиной никак нельзя – но бочком. Император же возвращался обратно, ведя за руку матушку.

А та улыбалась.

Радостно так...

- Так что представляю вам ныне леди Элизабет Корнелию Викторию Аннабель Годдард и её детей. Мою племянницу, леди Милисенту Георгину Августу Фредерику Иоланту Диксон, и моего племянника...

Улыбка императора стала такой широкой, что мне не по себе сделалось. А ведь он и вправду доволен, как... как человек, подложивший ближнему хорошую такую свинью.

Свинью размером с Эдди.

- Элайю Эдварда Эрика...

Издевается?

И вид у матушки преневинный...

- ...Годдарда, граф Семптона.

Охренеть.

Нет, ну охренеть же ж... что тут еще скажешь.

- Прошу любить и жаловать, - завершил представление Император. И зал отозвался овациями. Ох, чувствую, сейчас нас как

полюбят... со страшной силой.

Я поглядела на брата.

Он на меня.

И плечом еще дернул. Мол, прорвемся как-нибудь. А я... я видела этих вот, разряженных, сияющих и родовитых, видела и понимала, что свинью дорогой дядюшка, чтоб ему геморрой на троне сидеть мешал, подложил не только им.

Этак у меня яда на всех не хватит.

Конец первой части

Данный текст был приобретен на портале Литнет (№ 41885360 09.05.2023). Литнет – новая эра литературы